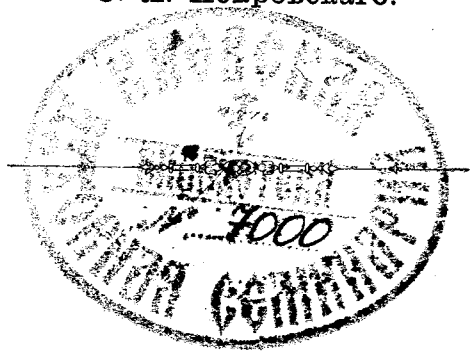

РАЗДѢЛЕНІЕ ЕВРЕЙСКАГО ЦАРСТВА

НА

ЦАРСТВА ІУДЕЙСКОЕ И ИЗРАИЛЬСКОЕ.

Ө. Я. Поеровскаго.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, соб. домъ.

1885.

Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ за 1885 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

Двойное значеніе раздѣленія еврейскаго царства при Ровоамѣ (Стр. 1—7). Интересъ изслѣдованія о причинахъ раздѣленія еврейскаго царства (7—9). Трудность изслѣдованія (10). Краткая исторія вопроса о раздѣленіи царства (11—12). Планъ и задача сочиненія (12—13).

I. Географическія свойства Палестины и вліяніе ихъ на политическую жизнь ея обитателей (14—73). Тѣсная связь между природою страны и ея населеніемъ (14). Дѣленіе Палестины по ея длинѣ на четыре полосы (15). Приморская низменность (15. 16). Иорданская низменность (16. 17). Заиорданская горная полоса и ея трехчастное дѣленіе (17. 18). Горная полоса къ западу отъ Иордана и ея трехчастное дѣленіе (19. 20). Географическая граница между среднимъ и южнымъ Ханааномъ (20—31) и значеніе ея въ исторіи завоеванія Ханаана Исусомъ Навиннымъ (31—33), въ исторіи Сауда (34—38), Давида (38—40) и Асы (41—46). Вліяніе общаго разнообразія поверхности Палестины на взаимныя отношенія рефаимовъ (47—49) и хананеевъ (49—55). Вліяніе раздѣленія Палестины Иорданомъ на взаимныя отношенія рефаимовъ (55—58) и хананеевъ по ту и другую его сторону (59—63). Вліяніе трехчастнаго дѣленія страны къ западу отъ Иордана на взаимныя отношенія ея жителей въ позднѣйшій періодъ іудейской исторіи (63—64) и въ періодъ до завоеванія Ханаана евреями при Исусѣ Навинѣ (65—72). Общій выводъ (72—73).

II. Характеръ израильскаго народа и взаимныя отношенія его колѣни до поселенія въ Ханаанѣ (73—123) Значеніе характера въ жизни народа (73—74). Трудность опредѣлить точно характеръ народный вообще и въ частности—семитовъ, къ которымъ принадлежатъ и евреи (74—78). Выдающіяся черты въ характерѣ семитовъ (79—81). Политическое устройство арабовъ (82—83). Царская власть у евреевъ (83—86).—*Племенной составъ колѣна Иудина*, по взгляду Дума, Вельгаузена и Эрнста Бузена, какъ одна изъ причинъ сначала разъединенія между израильтянами и іудеями, а потомъ и раздѣленія еврейскаго царства (86—91). Несостоятельность данныхъ генеалогическихъ и историческихъ, приводимыхъ въ подтвержденіе этого взгляда (91—110).—Общественное устрой-

ство Израиля въ Египтѣ (110—114). Отношеніе основанной при Моисей теократіи и самаго Моисея въ колѣнномъ устройствѣ Израиля (114—118). Образованіе колѣнныхъ группъ (118—120). Выдающееся положеніе родоначальниковъ колѣвъ Иудина и Ефремова (120) и самыхъ этихъ колѣвъ (121—122). Соответствіе между характеромъ Палестины и характеромъ израильскаго народа (122—123).

III. Взаимныя отношенія колѣвъ израильскаго народа отъ поселенія его въ Ханаанъ до царствованія Соломона (123—249). Двѣ причины, дѣйствующія на разъединеніе въ политической жизни Израиля въ Ханаанѣ (123). Два періода въ исторіи взаимныхъ отношеній израильскихъ колѣвъ до Соломона (124). *1. Взаимныя отношенія колѣвъ въ періодъ судей (125—179).* Совмѣстная дѣятельность колѣвъ во время завоеванія Ханаана и разъединеніе ихъ въ періодъ судей, — четыре группы колѣвъ (125—128). Группа колѣвъ заіорданскихъ: первоначальныя границы обѣтованной земли и позднее включеніе въ нихъ страны заіорданской (128—134); отношеніе заіорданскихъ колѣвъ къ другимъ колѣнамъ (134—138). Три группы колѣвъ къ западу отъ Іордана (138—139). Группа сѣверныхъ колѣвъ и отношеніе ея къ колѣнамъ другихъ группъ (139—143). Группа колѣвъ южныхъ: замѣчанія о географической границѣ между нею и среднею группою (144—146); первоначальная дѣятельность ея на общую пользу (146—147); дальнѣйшая ея замкнутость въ періодъ судей (148—154). Группа среднихъ колѣвъ: отношеніе ея къ другимъ группамъ (154); выдающееся положеніе Ефремова колѣва (155); стремленіе его удержать за собою первенствующее положеніе (156—159). Объединеніе колѣвъ по сю сторону Іордана съ присоединеніемъ въ нихъ и заіорданскихъ колѣвъ подъ двойнымъ давленіемъ филистимлянъ и аммонитянъ (160). Преимущественное участіе въ этомъ объединеніи сначала Ефремова колѣва, потомъ Веніамина (161—165). Причины возвышенія въ это время Веніамина колѣва (165—167). Потребность въ это время во внѣшней политической власти, одной для всего израильскаго народа (167—170) и именно царской (170—172). Соответствіе избранія царя именно изъ колѣва Веніамина требованіямъ того времени (172—179). — *2. Взаимныя отношенія колѣвъ въ періодъ царей до Соломона (179—249).* Объемъ Саулова царства (179—182). Разъединеніе въ царствѣ къ концу царствованія Саула (182—184). Характеръ этого разъединенія (184—187). Царства Іевосеел и Давида (187—190). Отношеніе Давида, какъ цара іудейскаго, къ филистимлянамъ (190—200). Препятствія къ соединенію царствъ Іевосеел и Давида (200—201); ихъ взаимныя отношенія (202—205). Задача царствованія Давида надъ всѣмъ Израилемъ съ точки зрѣнія взаимнаго отношенія колѣвъ (206—207). Завоеваніе Іерусалима и возведеніе его на степеніи столицы израильскаго царства (207—208). Перенесеніе ковчега завіта въ Іерусалимъ: краткая исторія саніи собранія и ковчега завіта до Давида (208—210); почему ковчегъ завіта не былъ соединенъ съ саніею собранія по возвращеніи изъ филистимскаго плѣна (210—214)? почему санія Моисеева не была перенесена Давидомъ изъ Гаваона въ Іерусалимъ

(214—222)? Начѣреніе Давида построить храмъ въ Іерусалимѣ и причины, воспрепятствовавшія осуществленію этого намѣренія (222—227). Гражданское и военное устройство Давидова царства и побѣдоносныя войны Давида съ точки зрѣнія объединенія израильскаго народа (227—233). Обстоятельства, способствовавшія пробужденію соперничества колѣвъ (234—235). Возмущеніе Авессалома и соперничество колѣвъ, какъ главная причина его значительнаго успѣха (236—244). Возмущеніе Сзвель, коренящееся въ томъ же соперничествѣ (245—246). Слѣды соперничества колѣвъ въ исторіи перелиси народа, предпринятой Давидомъ (246—248). Кажущееся прекращеніе соперничества къ концу царствованія Давида (248—249).

IV. Царствованіе Соломона (249—339). Дѣятельность Соломона, опирающаяся на предположеніе единства въ израильскомъ народѣ и съ цѣлью закрѣпленія этого единства (249—254). Общія условія разъединенія въ израильскомъ народѣ въ исторіи, предшествующей Соломону (254—262). Присутствіе этихъ условій въ царствованіи Соломона (263). По преимуществу мирный характеръ Соломонова царствованія (263—265). Потребности, вызываемыя стремленіемъ сохранить миръ государства, стоящаго во главѣ подчиненныхъ государствъ (266—272). Повинности, наложенныя Соломономъ на народъ для удовлетворенія этимъ потребностямъ (272—276). Насколько тяжелы эти повинности (276—279)? Главныя причины народнаго недовольства и возмущенія въ концѣ царствованія Соломона (279—283). Свѣтлая сторона царствованія Соломона въ религиозно-культурномъ отношеніи (284). Уклоненіе и степеніи уклоненія Соломона къ культу богамъ своихъ женъ (285). Причины противозаконной вѣротерпимости Соломона (286—293). Отношеніе израильскаго народа къ этой вѣротерпимости Соломона (294—299). Взглядъ на религиозную реформу Іеровоама I, какъ на оппозицію дѣятельности Соломона въ области культа вообще, даже въ области культа Іеговы, и какъ на возстановленіе древняго культа, господствовавшаго будто бы среди Израиля до Соломона (300—301). Несостоятельность доказательствъ этого взгляда (301—319). Дѣйствительный взглядъ на реформу Іеровоама лучшахъ людей въ іудейскомъ и израильскомъ царствахъ и въ позднее и въ начальное время ихъ существованія (319—328). Молчаніе о культѣ тельцовъ со стороны Иліи и Елисея — не доказательство въ его пользу (328—331). Соответствіе реформы Іеровоама визимъ вѣусамъ израильскаго большинства во время Соломона (332—336). Связь между религиозно-нравственнымъ упадкомъ израильскаго народа и возмущеніемъ Іеровоама въ концѣ царствованія Соломона и раздѣленіемъ царства послѣ его смерти (337—339). Общій выводъ изъ сказаннаго о царствованіи Соломона (339).

V. Раздѣленіе еврейскаго царства на царства іудейское и израильское (339—356). Раздѣленіе еврейскаго царства при Іеровоамѣ, какъ результатъ дѣленія въ израильскомъ народѣ въ предшествовавшее время (339—340). Возмущеніе Іеровоама въ концѣ царствованія Соломона и причины его неуспѣха

(340—342). Исторія раздѣленія царства при Ровоамѣ и преимущественное участие въ ней Ефремова колѣна (342—351). Отношеніе Иудина колѣна въ раздѣленію царства, какъ совершившемуся факту (351—352). Названія образованныхъ царствъ и историческое значеніе этихъ названій (352). Географическая граница между іудейскимъ и израильскимъ царствами (352—354). Дальнѣйшія взаимныя отношенія обоихъ царствъ (354—356).

Въ исторіи еврейскаго народа раздѣленіе еврейскаго царства при Ровоамѣ имѣетъ двойное и важное значеніе. Съ точки зрѣнія политической оно полагаетъ конецъ могуществу еврейскаго народа и почти сразу изъ роли политическаго повелителя надъ окрестными народами низводитъ его на степень народа слабаго, а царство іудейское даже на степень государства зависимаго. Аврааму дано было обѣтованіе о томъ, что его потомству дава будетъ земля „отъ рѣки египетской до великой рѣки, рѣки Евфрата“ (Быт. 15, 18). Это обѣтованіе, повторенное при Моисеѣ (Исх. 23, 31), легло, такъ сказать, въ основу дальнѣйшей политической жизни Израиля. Со времени своего исхода изъ Египта, онъ стремится пріобрѣсти для себя и укрѣпить за собою почву для своего существованія въ качествѣ народа среди другихъ народовъ. Послѣ тяжелой борьбы за обладаніе Ханааномъ въ періодъ судей онъ выступаетъ при Саулѣ на болѣе широкое политическое поприще (1 Цар. 14, 47. 48) и при Давидѣ быстро распространяетъ свою власть на окрестные народы и именно до тѣхъ предѣловъ, какіе были указаны въ обѣтованіяхъ Аврааму и Моисею,—отъ рѣки египетской до рѣки Евфрата, въ каковыхъ предѣлахъ остается она и во время Соломона (2 Цар. 8, 1. 3. 14; 3 Цар. 4, 21; 9, 26). При Давидѣ и Соломонѣ Израиль достигаетъ такимъ образомъ высшей степени своего полити-

ческаго могущества и становится до вѣкоторой степени всемірною монархією. Сильный и спокойный извнѣ опъ можетъ обратить теперь свое вниманіе и на свое внутреннее устройство и развитіе своего внутренняго благосостоянія; но вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденъ принять на себя и не легкое бремя различныхъ повинностей, связанныхъ частію необходимо, частію обычаемъ того времени именно съ достойнымъ поддержаніемъ этого могущества. Раздѣленіе царства почти сразу полагаетъ конецъ политическому могуществу Израиля; моавитяне, аммонитяне и быть можетъ другіе народы, покоренные Давидомъ еврейскому царству, не только скоро по раздѣленіи царства отпадаютъ отъ Израиля, но и завоевываютъ значительныя области израильскаго (десятикольного) царства по ту сторону Иордана¹⁾; а царство іудейское уже въ пятомъ году по раздѣленіи разбито, обезсилено и подчинено египтянами и изъ прежняго повелителя надъ другими народами само становится данникомъ другаго (3 Цар. 14, 25. 26; 2 Пар. 12, 2—9). По аналогіи съ тѣмъ, что было съ царствомъ израильскимъ, можно думать, что народы, подчиненные іудейскому царству, идумеяне и филистимляне, послѣдніе за исключеніемъ жителей Геа (2 Пар. 11, 8), освобождаютъ себя отъ господства іудеевъ, быть можетъ, при помощи египтянъ²⁾. На ряду съ этимъ внѣшнимъ политическимъ обезсилевіемъ и униженіемъ Израиля идетъ и внутреннее политическое нестроеніе, преимущественно въ израильскомъ царствѣ. Царство это составляется изъ коленъ, протестовавшихъ противъ порядковъ, введенныхъ

¹⁾ Д. Хвольсонъ. „Новооткрытый памятникъ моавитскаго царя Меша современника іудейскаго царя Иосафата“. Христіанск. Чтеніе 1870 г. Авг. Стр. 244—255.

²⁾ По Библии при Иосафатѣ идумеяне находятся въ зависимости отъ іудеевъ (3 Цар. 22, 47. 48). Но при Иорамѣ, его сынѣ, они отлагаются отъ Іуды (4 Цар. 8, 20. 22). Только ли теперь? Heinrich Ewald. Geschichte des Volkes Israel. Göttingen. 3 Ausg. 1866. В. III. S. 500, 510. Душенол. Чтеніе 1873. Ч. III. стр. 160.

монархією Соломона и слѣдовательно ревниво охранявшихъ свои права и свою свободу. Царь его не имѣетъ прочныхъ династическихъ корней, выдвинуть во главу народа случайно и долженъ самъ работать на пользу своего потомства. Исторія показываетъ, что, не смотря на усилія, принимаемыя имъ дѣйствительно съ этою цѣлію, ему не удается укоренить свой домъ на израильскомъ престолѣ, и этотъ послѣдній становится предметомъ домогательствъ различныхъ честолюбцевъ. Для нагляднаго доказательства того, какъ часто мѣняются здѣсь господствующія династїи, достаточно припомнить, что девятнадцать царей израильскаго царства принадлежатъ девяти различнымъ царствующимъ домамъ. При такой частой смѣнѣ династїи, понятно само собою, главное ихъ вниманіе обращено прежде всего на свое собственное упроченіе на престолѣ; и такъ какъ онѣ достигаютъ его не по волѣ и избранію народа, а при помощи войска, то и интересы ихъ не всегда могутъ совпадать съ интересами народа. То, чего искали десять коленъ, отпадая отъ Ровоама, — большаго признанія правъ народа со стороны правительства, едва ли можетъ быть достигнуто въ израильскомъ царствѣ въ желательной для народа степени.

Вредныя послѣдствія раздѣленія царства не ограничиваются только политическими отношеніями: оно сильно касается и нравственно-религіознаго состоянія Израиля. При Давидѣ и Соломонѣ религіозная жизнь народа получила свой внѣшній средоточный пунктъ въ іерусалимскомъ храмѣ священство и левитство были реорганизованы и общественное богослуженіе получило небывалыя доселѣ торжественность и великолѣпіе. Оставалось ожидать, что храмъ и служеніе въ немъ и дѣйствительно сдѣлаются въ сознаніи народа такимъ центромъ. Священные псалмы, расходившіяся, безъ сомнѣнія, изъ храма по всему государству, всего лучше могли поддерживать и укрѣплять въ народѣ такое сознаніе. Раздѣленіе царства лишаетъ большую часть народа

благотворнаго вліяннѣ на него храма и богослуженія въ немъ. Царство израильское, обособившись политически, съ первыхъ же поръ обособляется и въ религіозномъ, или точнѣе въ культовомъ, отношеніи, — и именно такъ, что государственное значеніе получаетъ здѣсь культъ тельцовъ, нисшій сравнительно съ іерусалимскимъ, такой, гдѣ духовное представленіе объ Іеговѣ низводится въ чувственное, или по крайней мѣрѣ смѣшивается съ нимъ. Такое смѣшеніе духовнаго съ чувственнымъ облегчаетъ переходъ къ языческому идолопоклонству и въ тоже время способствуетъ усиленію въ народѣ нравственной порчи. Въ царствѣ іудейскомъ господствующее значеніе удерживаетъ за собою культъ Іеговы, какъ онъ опредѣлился при Давидѣ и Соломонѣ. Но на ряду съ нимъ почти во все время существованія царства существуетъ не только культъ Іеговы же, совершаемый на высотахъ, но по временамъ и культы языческіе, которые иногда пытаются даже занять мѣсто и присвоить себѣ значеніе культа Іеговы. Трудно опредѣлять вліяннѣ раздѣленія царства на существованіе этихъ послѣднихъ въ іудейскомъ царствѣ. Быть можетъ, политическая слабость государства, побуждавшая иногда царей искать союзовъ съ язычниками, приводила ихъ къ мысли и о богахъ ихъ, или же послѣдніе входили въ страну вмѣстѣ съ господствомъ того или другаго народа надъ іудеями. Нѣкоторое основаніе для перваго предположенія даетъ исторія Ахаза, — для втораго — исторія Іоакима. Первый, терпя пораженія отъ сирійцевъ, приноситъ жертвы ихъ богамъ (богамъ дамасскимъ), думая, что они его поражаютъ, и надѣясь чрезъ то пріобрѣсть ихъ помощь (2 Пар. 28, 23 ср. 4 Цар. 16, 10—16. Амасія напротивъ, поразивши идумеявъ, беретъ къ себѣ боговъ „сыновъ Сеира“ и служитъ имъ, — надо полагать, — въ мысли, что они помогли ему. 2 Пар. 25, 14). При послѣднемъ (Іоакимѣ) съ египетскимъ господствомъ надъ Іудеею входятъ въ нее, кажется, и египетскіе боги (Іезек. 8, 9—12).

Но раздѣленіе царства еврейскаго имѣетъ не гибельныя только послѣдствія, а и благотѣльныя. Оно, какъ увидимъ, наказаніе Божіе за уклоненіе отъ праваго пути и, какъ наказаніе, оно имѣетъ значеніе не карающее только, но и исправляющее, — говоримъ съ точки зрѣнія общаго назначенія Израиля — быть орудіемъ сохраненія истиннаго богопознанія и приготовленія спасенія для человѣчества и относительно царства іудейскаго, въ которомъ сосредоточилось это назначеніе преимущественно послѣ раздѣленія еврейскаго царства. При Давидѣ и Соломонѣ Израиль достигаетъ не только прочнаго обладанія отдѣльною, „своею“ страной и самостоятельнаго существованія среди другихъ народовъ, но даже господственнаго надъ обрестными народами положенія. Первое — и то и другое, и обладаніе отдѣльною страной и самостоятельное среди другихъ народовъ положеніе, необходимо ему, какъ народу Божію, среди другихъ народовъ; послѣднее т. е. господство надъ другими народами можетъ быть также выгодно для распространенія среди послѣднихъ истиннаго богопознанія, но оно можетъ и отвлекать народъ отъ его главнаго назначенія. Если оно и не побуждаетъ народа къ распространенію своего господства на большіе и большіе круги народовъ, то требуетъ усиленія средствъ для удержанія уже существующаго; вниманіе народа главное обращается невольно къ сторонѣ внѣшней, матеріальной и вообще болѣе или менѣе чуждой отъ его главнаго назначенія. Кромѣ того обладаніе другими народами вводитъ въ государство разновѣріе и даже можетъ требовать нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу язычества, не всегда примиримыхъ съ религією Іеговы и теократією, существующею въ Израиль. При Соломонѣ, когда внѣшнее могущество Израиля достигаетъ высшей своей степени, царство еврейское дѣйствительно получаетъ болѣе мірской, обычно-восточный, характеръ монархіи и допускаетъ существованіе чужихъ культовъ даже въ самой столицѣ почти рядомъ съ храмомъ Іеговы. Раздѣленіе царства, ослабивъ

Израиля политически, полагаетъ конецъ его политическимъ грезамъ или возможности ихъ и возвращаетъ его къ главному его назначенію. Правда, и политическая слабость можетъ служить препятствіемъ главному назначенію Израиля, вынуждая его предпринимать мѣры относительно собственной независимости и самостоятельности, въ видахъ чего онъ вступаетъ иногда даже въ союзы съ языческими народами. Но Іудея довольно обезпечена отъ вторженія враговъ самою природою, и географическое ея положеніе такого свойства, что лучшее средство для обезпеченія свободы и спокойнаго существованія въ ней государства — спокойное, нейтральное положеніе послѣдняго среди борющихся окрестныхъ языческихъ народовъ. „Сила ихъ (іудеевъ) сидѣть спокойно“; „оставаясь на мѣстѣ и въ покоѣ, вы спаслись бы, въ тишинѣ и упованіи крѣпость ваша“, говоритъ Исаія іудеямъ, отъводя ихъ отъ союза съ египтянами (Ис. 30, 7, 15). А главное, политическая слабость и вслѣдствіе этого трудность защищаться, въ случаѣ наваденія врага, своими только средствами, могутъ чаще обращать мысли особенно простаго народа къ Богу и заставлять у Него искать своей защиты; — именно, какъ говоритъ Исаія, „въ упованіи“ крѣпость ихъ. Благотворное значеніе этого момента видно особенно изъ рѣчей Исаіи, который съ особенною наглядностью и настойчивостью выставляетъ силу іудейскаго народа въ упованіи на своего Бога. И большая часть пророческихъ рѣчей, содержащихъ возвышенныя представленія о будущемъ царствѣ Мессіи, произнесены такъ или иначе по мотивамъ, представленнымъ политическою слабостію государства. Поддержанію и усиленію въ іудейскомъ народѣ религіи Іеговы способствуютъ и другія обстоятельства, обязанныя своимъ происхожденіемъ раздѣленію царства. Территорія іудейскаго царства очень незначительна по своему объему; каждый, даже самый крайній, ея уголокъ относительно близокъ къ центру и слѣдовательно легко можетъ принимать болѣе живое и дѣятельное участіе

въ его жизни. Здѣсь же — въ центрѣ величественный храмъ Соломоновъ съ величайшею древнею святынею — ковчегомъ завѣта въ немъ; въ немъ совершается торжественное богослуженіе; въ Іерусалимѣ и около него сосредоточено все коленно Левинно, собравшееся сюда и изъ израильскаго царства (2 Пар. 11, 13—14). И многіе изъ царей іудейскихъ истинные читатели Іеговы и ревностные распространители культа Его среди своихъ подданныхъ (напр. Іосафатъ, Езекия, Іосія). Іерусалимъ, а также и все іудейское царство нѣкоторымъ образомъ очагъ религіи Іеговы, огнемъ котораго согрѣваться приходять нѣкоторые и изъ израильскаго царства (2 Пар. 11, 16; 15, 19; 30, 31). Неудивительно по этому, если не смотря на довольно частое существованіе язычества и иногда даже довольно значительное его распространеніе въ іудейскомъ царствѣ, религія Іеговы удерживается въ немъ, даже значительно раскрывается во время до плѣна, плѣна, утверждается окончательно въ іудейскомъ народѣ послѣ плѣна и спасаетъ самый этотъ народъ, который такимъ образомъ выполняетъ свое главное жизненное назначеніе.

Уже это важное значеніе раздѣленія еврейскаго царства для дальнѣйшей исторіи Израиля уполномочиваетъ насъ остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на самомъ фактѣ раздѣленія и его причинахъ: важное по своимъ послѣдствіямъ и прекратившееся, и то неокончательно¹⁾, лишь съ прекращеніемъ существованія обоихъ, благодаря ему возникшихъ, царствъ, оно должно имѣть не случайныя, а глубокія причины. Интересъ изслѣдованія о причинахъ раздѣленія царства усиливается еще болѣе отъ того, что оно падаетъ на время, непосредственно слѣдующее за временемъ блестящаго внѣшняго и внутренняго состоянія Израиля, когда по-

¹⁾ Раздѣленіе и вражда между самарянами и іудеями послѣ плѣна могутъ быть нѣкоторымъ образомъ продолженіемъ прежняго раздѣленія между израильскимъ и іудейскимъ царствами.

видимому всего меньше можно было его ожидать. По смерти Соломона Ровоамъ остается единственнымъ его наследникомъ и потому не имѣетъ нужды расчищать себѣ путь къ престолу мечомъ, какъ было нужно это даже царю мира,—отцу его Соломону. Соперникомъ ему является, правда, Иеровоамъ, но нѣкоторымъ образомъ уже послѣ совершившагося раздѣленія царства. Но хотя раздѣленіе царства происходитъ при Ровоамѣ и вызвано его неблагоприятнымъ отвѣтомъ, тѣмъ не менѣе это лишь окончательное раздѣленіе уже прежде предрасположенныхъ къ раздѣленію частей народа, и отвѣтъ Ровоама не собственная причина, а лишь вышній предлогъ къ раздѣленію: истинныя причины лежатъ глубже, какъ и Иеровоамъ возстаетъ еще противъ Соломона. Въ царствованіе Соломона все направлено было повидимому къ объединенію или къ поддержанію и усиленію уже при Давидѣ достигнутаго объединенія различныхъ частей народа: и сильная столица съ блестящимъ царскимъ дворомъ въ ней и величественнымъ храмомъ, единственнымъ для всего народа и царства еврейскаго, и торжественное богослуженіе въ храмѣ съ значительнымъ числомъ его различныхъ служителей, и общіе для всего государства высшіе сановники, и общее значительное войско, и одинаковые для всѣхъ (евреевъ) порядки и одинаково ревностная забота о возможно широкомъ развитіи благосостоянія народа. Если всѣ эти мѣры не достигаютъ цѣли и въ концѣ царствованія Соломона вмѣсто ожидаемаго скрѣпленія единства народа мы находимъ его недовольство и тотчасъ по смерти Соломона раздѣленіе, то, помимо возможнаго несовершенства этихъ мѣръ и другихъ ошибокъ Соломона, мы должны искать причинъ раздѣленія и во внутреннихъ настроеніяхъ и расположеніяхъ тѣхъ, на кого направлены эти мѣры,—именно израильскаго народа. Вышнія причины однѣ сами по себѣ вообще недостаточны для объясненія фактовъ человѣческой жизни: однѣ и тѣже причины могутъ производить одинаковыя слѣдствія, могутъ и не производить ихъ, смотря потому, одинаково или не-

одинаково воспримчивы къ нимъ люди, на коихъ онѣ дѣйствуютъ. Поэтому, чтобы судить о томъ, насколько царствованіе Соломона съ его „обременительными“ порядками способствовало разъединенію израильскихъ колѣнъ или произвело его, недостаточно остановиться только на немъ; необходимо подвергнуть изслѣдованію духъ израильскаго народа, его симпатіи и антипатіи,—и только такимъ путемъ двойкаго, сравнительнаго изслѣдованія царствованія Соломона и отношенія къ нему народа можно ближе подойти къ причинамъ раздѣленія еврейскаго царства. Последнее изслѣдованіе духа и характера израильскаго народа является тѣмъ болѣе нужнымъ, что раздѣленіе колѣнъ израилянъ на двѣ половины, хотя и неполно тѣ, но нѣсколько подобныя тѣмъ, какія образовались при Ровоамѣ, встрѣчается въ исторіи Израиля и ранѣе Ровоама и Соломона—во второй половинѣ царствованія Давида и вначалѣ его, тотчасъ по смерти Саула; слѣды его можно указать и въ періодъ судей и быть можетъ даже равнѣ; а общее разъединеніе колѣнъ составляетъ, какъ извѣстно, отличительную черту періода судей. Все это показываетъ, что разъединеніе основное, такъ сказать, направленіе въ (политической) жизни Израиля, что соединеніе колѣнъ вызывается особенными обстоятельствами; по минованіи ихъ прекращается или ослабляется и соединеніе. Но склонность Израиля къ разъединенію не объясняетъ еще раздѣленія народа и царства на двѣ половины и именно такія, а не иныя. Причины такого раздѣленія не могутъ заключаться во времени только Ровоама или даже Соломона, потому что попытки его, какъ мы только что сказали, встрѣчаются гораздо ранѣе. Онѣ такимъ образомъ и вообще не въ томъ или другомъ царствованіи; то или другое царствованіе даетъ имъ лишь болѣе или менѣе обильную пищу для проявленія своихъ дѣйствій; онѣ предшествуютъ учрежденію царскаго правленія и заключаются во взаимныхъ отношеніяхъ колѣнъ, обусловленныхъ исторіей и, быть можетъ,

географією Палестины. Такимъ образомъ изслѣдованіе причинъ раздѣленія еврейскаго царства ведетъ насъ отъ исторіи Ровоама и Соломона въ глубь исторіи Израиля, къ сокровеннымъ симпатіямъ и антипатіямъ народа, и къ почвѣ страны, на которой онъ долженъ былъ развивать свою дѣятельность.

Эта многосторонность изслѣдованія исторіи Израиля, необходимая для объясненія раздѣленія царства при Ровоамѣ, и составляетъ особенный интересъ,—интересъ, побудившій насъ взяться за настоящую работу: на изученіи одного событія въ исторіи Израиля мы видѣли возможность изучить въ существенныхъ чертахъ всю его исторію,—въ ея общемъ характерѣ и ходѣ. Но эта же многосторонность составляетъ и главную трудность нашей работы. Сочиненіе наше должно касаться важнѣйшихъ сторонъ исторіи Израиля. Каждая изъ нихъ сама по себѣ можетъ составить предметъ обширнаго сочиненія; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ весьма широкую литературу и рѣшаются въ послѣднее время въ смыслѣ, въ какомъ мы не можемъ ихъ понимать. Очевидно, для своей частной цѣли мы не можемъ касаться ихъ во всей ихъ полнотѣ и вступать, по поводу ихъ, въ обширную полемику съ разномысліемъ. Это значило бы растянуть трудъ въ безконечность и потерять изъ виду главную цѣль. Мы вынуждены вращаться въ болѣе или менѣе общихъ положеніяхъ и брать ихъ иногда, не подвергая широкой критикѣ. Невыгода такого образа дѣйствій очевидна: труду нашему не будетъ по мѣстамъ доставать специализаціи, такъ желательной въ каждой ученой работѣ, и очень возможно будетъ услышать упрекъ въ „общихъ мѣстахъ“. Принимаемъ напередъ этотъ упрекъ и соглашаемся отчасти съ тѣмъ, что было бы полезнѣе для дѣла остановиться на одной изъ сторонъ, входящихъ въ нашъ трудъ, и подвергнуть ее возможно тщательному спеціальному обследованію. Но сила внутреннихъ влеченій такова, что бороться съ нею трудно... Впрочемъ, если бы мы обследовали не одну только

сторону нашего предмета, но и всѣ одну за другою порознь, то и тогда чувствовалась бы потребность въ цѣлостномъ объясненіи раздѣленія еврейскаго царства, и мы, если бы взяли тогда за эту работу, едва ли бы менѣе рисковали подвергнуться упрекамъ въ общихъ мѣстахъ, чѣмъ и теперь.

Раздѣленіе еврейскаго царства не было, насколько мы знаемъ, предметомъ самостоятельнаго спеціального изслѣдованія; тѣмъ не менѣе литература, ему посвященная очень значительна. Оно составляетъ крупное событіе въ исторіи Израиля, стоитъ на рубежѣ двухъ ея половинъ, одна изъ коихъ, предшествующая ему, представляетъ восхожденіе израильскаго народа отъ силы въ силу, другая, за нимъ слѣдующая,—болѣе и болѣе глубокое его паденіе. Благодаря такому его значенію, каждый изслѣдователь исторіи Израиля необходимо касается и его и долженъ болѣе или менѣе, такъ или иначе его освѣтить. А нѣкоторые историки уже при изложеніи предшествующей ему исторіи указываютъ симптомы его, сначала слабые и потомъ по мѣрѣ приближенія къ нему болѣе и болѣе усиливающіеся. Въ самомъ характерѣ объясненій можно указать нѣсколько направлений. Древнее объясненіе обращаетъ вниманіе не столько на причины раздѣленія, сколько на его нравственно-теократическое значеніе. Оно наказаніе Соломона за его грѣхъ; но еще виновнѣе народъ, возставшій противъ потомства Давида, вопреки божественному обѣтованію о вѣчномъ его обладаніи престоломъ Израиля и безъ всякихъ достаточныхъ къ тому поводовъ¹⁾. Какимъ именно образомъ за грѣхомъ Соломона слѣдуетъ такое именно наказаніе, не говорится; не видно и того, что же собственно побуждаетъ къ возстанію народъ, который долженъ быть доведенъ царствованіемъ Соломона. Другіе, удерживая суж-

¹⁾ Francisci Buddei Historia ecclesiastica Veteris Testamenti. 1729. Edit. tertia. T. II. p. 276—278.

денія о грѣховности поступка израильтянъ, указываютъ и естественныя причины раздѣленія¹⁾. Третьи ищутъ этихъ причинъ, различаясь въ направленіи. Одни видятъ ихъ въ соперничествѣ колѣнъ Ефремова и Иудина, въ деспотизмъ и измѣнъ (въѣшней) своей вѣрѣ Соломона²⁾. Другіе къ этому прибавляютъ первоначальное двойство состава израильскаго народа, неравноправность его колѣнъ, географическія особенности сѣвернаго и южнаго Ханаана³⁾. Третьи идутъ еще далѣе,—указываютъ уклоненіе Соломона отъ религіи Іеговы къ культу природы не въ построеніи только капищъ богамъ своихъ женъ и въ участіи въ культѣ этихъ боговъ, но и въ построеніи самаго храма Іеговъ и пр.⁴⁾, и видятъ въ Давидъ и Соломонъ, какъ іудеяхъ, не природныхъ евреевъ, а иностранцевъ, такъ что господство ихъ надъ Израилемъ есть нѣкоторымъ образомъ господство иноземцевъ и отверженіе его—сверженіе ига иноземцевъ⁵⁾. При такомъ ходѣ объясненій раздѣленія еврейскаго царства затронуто все, что можетъ служить къ его объясненію. Задача настоящаго труда скромная: въ виду всего прежде сказаннаго по частямъ составить одно цѣльное представленіе о причинахъ раздѣленія еврейскаго царства на іудейское и израильское царства, отбросивъ одно изъ сказаннаго, какъ неподходящее, принявъ другое и далѣе развить то, что намѣчено только въ общихъ чертахъ.

Планъ нашего сочиненія такой. Такъ какъ общія причины раздѣленія еврейскаго царства по смерти Соломона

¹⁾ Keil. Biblischer Commentar über das Alte Testament. Leipzig. Th. II. B. III. S. 143—144.

²⁾ Я. А. Богородскій. Еврейскіе цари. Казань. 1884.

³⁾ Ewald. Geschichte des Volkes Israel. Bd. I. II. III.

⁴⁾ Duhm. Die Theologie der Propheten, als Grundlage für die innere Entwicklungsgeschichte der israelitischen Religion. Bonn 1875. S. 44—55.

⁵⁾ Duhm. Ibidem. Ernst von Bunsen. Die Einheit der Religionen. 1870. B. I. S. XIII. XIV. 227—230.

коренятся въ исторіи Израиля гораздо ранѣе и даже въ самомъ характерѣ народа, то мы начнемъ съ этихъ общихъ причинъ и потомъ перейдемъ къ частнымъ, къ тѣмъ именно, которыя ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ произвели его или особеннымъ образомъ благопріятствовали проявленію дѣйствія тѣхъ общихъ причинъ во время Соломона и Ровоама. Именно мы будемъ говорить сначала о географическихъ свойствахъ Палестины, насколько они способны были вліять на жизнь Израиля, его общность или разъединеніе въ жизни,—потомъ о характерѣ израильскаго народа,—о взаимныхъ отношеніяхъ его колѣнъ до Соломона. Задача изслѣдованія всего этого состоитъ въ томъ, чтобы показать, что и территория Палестины благопріятствуетъ раздѣленію народа и даже раздвоенію его, что по своему характеру израильскій народъ склоненъ къ разъединенію, что колѣнное устройство народа, отчасти результатъ этого характера, способствуетъ этому разъединенію, возбуждал между прочимъ соперничество колѣнъ, что это соперничество проявляется особенно между колѣнами Иудинымъ и Ефремовымъ—Веніаминовымъ, и что еще ранѣе раздѣленія царства при Ровоамѣ въ народѣ израильскомъ образуется раздвоеніе, которое даетъ себя знать особенно чувствительно по смерти Саула и во вторую половину царствованія Давида, во время возмущеній Авессалома и Савея. Изъ этого изслѣдованія объяснится и то, какія обстоятельства сдерживаютъ, ослабляютъ разъединеніе и даже способствуютъ объединенію колѣнъ, и какія наоборотъ способствуютъ усиленію ихъ разъединенія. Послѣ этого мы сдѣлаемъ возможно подробное разсмотрѣніе царствованія Соломона, чтобы видѣть, что и оно заключаетъ въ себѣ разъединяющіе элементы и такимъ образомъ приводитъ къ раздѣленію царства при Ровоамѣ, которое (раздѣленіе) во всякомъ случаѣ—результатъ царствованія Соломона.

I.

Географическія свойства Палестины и вліаніе ихъ на политическую жизнь ея обитателей.

Доказано и признано, что между страной и населяющимъ ее народомъ существуетъ тѣсная и глубокая связь, такая же „глубочайшая связь, какая существуетъ между тѣломъ и душою“ отдѣльнаго человѣка¹⁾. Природа страны питаетъ тѣло человѣка, даетъ пищу такую или иную его чувствамъ, уму, то или другое направленіе его дѣятельности, — словомъ, дѣлаетъ человѣка, а также и народъ, въ ней живущій, предметомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, своего вида и подобія и не только по тѣлу, но и по душѣ. Поэтому для пониманія и объясненія исторической жизни народовъ прибѣгаютъ къ изученію странъ, ими обитаемыхъ. Къ изученію Палестины прибѣгаютъ для разрѣшенія многихъ вопросовъ изслѣдователи и библейской исторіи. Изученіе ея, со стороны ея поверхности, тѣмъ болѣе необходимо въ нашемъ вопросѣ. Въ вопросѣ—о раздѣленіи народа на двѣ или нѣсколько отдѣльныхъ частей, становящихся потомъ самостоятельными, прежде всего возникаетъ вопросъ: не имѣетъ ли это дѣленіе основанія въ природѣ страны, имъ занимаемой? Франсуа Ленорманъ, говоря о раздробленности населенія Арменіи, такъ объясняетъ ея причины. „Болѣе или менѣе высокія горы, съ большими покатостями холмы чередуются всюду съ долинами, изъ которыхъ однѣ очень узки, а другія, какъ напр. долина Аракса, разстилаются огромной равниной. Тамъ, на высотахъ, природа сурова и неплодва, здѣсь, въ низменностяхъ, плодородіе доходитъ до крайнихъ границъ. На почвѣ, столь

¹⁾ Гиттеръ. Die Erdkunde. XV, 1. S. 6. у Кейля въ его „Руководствѣ къ Библейской Археологіи“. Переводъ съ нѣмецкаго. Кіевъ. 1871. Ч. I. Стр. 30.

разнообразной, гдѣ множество горъ отдѣляютъ, точно барьеромъ, одну народность отъ другой, единая и сильная власть не могла установиться, распространяясь на всю территорію страны. Въ самые отдаленные вѣка Арменія является въ исторіи раздробленной на множество малыхъ государствъ, почти независимыхъ въ управленіи и разъединенныхъ между собою¹⁾.

Палестина, при всей своей пространственной незначимости²⁾, представляетъ слишкомъ большое разнообразіе поверхности. Съ сѣвера на югъ, по всей своей длинѣ, она представляетъ четыре полосы, болѣе или менѣе отличныя и отдѣленныя одна отъ другой: двѣ изъ нихъ низменныя и двѣ гористыя. Самая западная изъ нихъ—равнина при Средиземномъ морѣ. Равнина эта иногда прерывается горами, какъ напр. Кармиломъ, иногда суживается или покрывается холмами. Въ большей своей части она плодородна: земледѣлецъ сѣялъ на ней свой хлѣбъ или разводилъ сады, скотоводъ пасъ свои стада, а сосѣдство моря давало просторъ широкимъ натурамъ пускаться въ дальнее мореплаваніе. Для внутренней жизни Израиля равнина эта почти не имѣла значенія. Она отдѣлена отъ внутренняго Ханаана стѣною горъ, препятствующею сообщенію, и въ большей своей части не принадлежала Израилю древняго времени, не смотря на то, что по первоначальному дѣленію при Иисусѣ Навинѣ и должна бы ему принадле-

¹⁾ Руководство къ древней исторіи Востока до Персидскихъ войнъ. Переводъ съ французскаго. Кіевъ. Т. II. Стр. 195.

²⁾ По Кейлю протяженіе ея съ сѣвера на югъ занимаетъ 32 географическихъ мили, и съ запада на востокъ едва 30 (?) миль; широта же собственно Ханаана отъ Средиземнаго моря до Иордана 15 миль. Вся площадь Ханаана обнимала отъ 450 до 460 кв. м., а площадь Галаада отъ 200—210. Кейль. Руководство къ Библейской Археологіи. Ч. I. Стр. 22—23. Karl von Raumer. Palästina. 1838. Aufl. 2. S. 25.

жать¹⁾. Въ нашемъ вопросѣ равнина эта во всякомъ случаѣ не имѣетъ значенія (важнаго) уже потому, что хотя и многія колѣна должны были владѣть ея отдѣльными частями, но ни одно изъ нихъ не имѣло своихъ владѣній только въ ней одной; главный центръ каждаго изъ этихъ колѣнъ лежалъ во внутренней части Хаанаана. А въ тѣ времена, когда она не была во власти Израиля, она, отдѣленная отъ средняго Хаанаана крѣпкою естественною стѣною, отдѣляла Израиля отъ Средиземнаго моря и занятій на немъ и такимъ образомъ отрицательно способствовала даже сплоченію Израиля во внутреннемъ Хаанаанѣ. Въ разсматриваемое нами время часть ея, опредѣлить которую трудно, принадлежала еврейскому царству (3 Ц. 4, 11; 2 Пар. 2, 16).

Другая низменная полоса раздѣляетъ Палестину, или землю, завятую прежде Израилемъ, на двѣ неравныя впро-

¹⁾ По раздѣленію страны, сдѣланному І. Навиномъ, береговъ моря должны были владѣть колѣна: Іудино (Нав. 15, 11), Ефремово и Манассиино (16, 3, 8; 17, 9), Завулоново (19, 11) Асирова (19, 29) и былъ можетъ Даново (19, 46). Колѣно Іудино завоевало было назначенный ему берегъ морской, но не могло изгнать жителей его (Суд. 1, 18, 19) и потомъ совсѣмъ его лишилось. Колѣно Манассиино не изгнало жителей изъ Дора (Суд. 1, 27), Асирь не изгналъ жителей Акко и Сидона (1, 31). Колѣно Даново также не могло овладѣть морскимъ берегомъ, потому что аморреи стѣснили его въ горахъ и не давали ему сходить на долину (Суд. 1, 34). Неизвѣстно, овладѣли ли берегомъ ефремяне. Въ равнинѣ изрельской сыны Іосифа не могли утвердиться, потому что не могли сражаться съ желѣзными колесницами хананеевъ; также причина могла воспрепятствовать имъ и на берегу Средиземнаго моря (ср. 1, 19, 34). Въ пѣсни Деворы, правда, Данъ представляется имѣющимъ корабли, а Асирь сидящимъ спокойно на берегу моря у пристаней (Суд. 6, 17); но дѣйствительно ли они владѣли берегомъ, — вопросъ. Въ дальнѣйшей исторіи упоминается о стадахъ крупнаго скота Давидага, пасущихся въ саронской равнинѣ (1 Пар. 27, 29), и объ Яфѣ, на каковой пристани Соломонъ получалъ лѣсные матеріалы, привозимые съ Ливана (2 Пар. 2, 16). При Соломонѣ округъ Нафае-Доръ былъ однимъ изъ 12-ти, на которые онъ раздѣлилъ свою страну въ экономическомъ отношеніи (3 Ц. 4, 11). По Фенію онъ обнималъ всю саронскую равнину (Кейль. Comm. üb. die Bücher der Könige. S. 37).

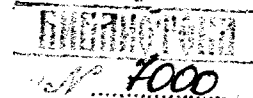
чемъ половины — западную и восточную, — это долина іорданская, нынѣшній Ель-Горъ. Начало ея при подошвѣ Ермона; конецъ ея совпадаетъ съ южнымъ концомъ Мертваго моря; подъ другимъ названіемъ она идетъ даже далѣе къ югу. Она проходитъ такимъ образомъ по всей длинѣ Палестины, ближе впрочемъ къ ея восточной границѣ. Ширина ея отъ 2 до 4 миль. Долина эта углубляется при Мертвомъ морѣ до 1292—1312 ф. ¹⁾ ниже уровня Средиземнаго моря. Почти по всей своей длинѣ она ограничена съ обѣихъ сторонъ высокими, круто спадающими въ нее, горами; съ запада она почти буквально ограничивается отвѣсною стѣною горъ (между Геннисаретскимъ озеромъ и Мертвымъ моремъ); восточная ея граница не представляетъ такого однообразія, но и здѣсь горы идутъ почти сплошь и спадаютъ въ нее иногда утесами въ 2000—3000 фута. ²⁾ По всей длинѣ долины протекаетъ Іорданъ, проходя въ своемъ теченіи озеро Меромъ и Геннисаретское и впадая въ Мертвое море. Ширина и глубина собственно Іордана различны въ различныхъ мѣстахъ и въ разные времена года; лѣтомъ при низкомъ стояніи воды можно перейти его даже въ бродъ. Рѣка Іорданъ, это углубленіе его долины, эти почти отвѣсныя съ обѣихъ сторонъ ея стѣны изъ горъ придаютъ долинѣ іорданской все ея значеніе, какъ линіи, раздѣляющей Палестину на двѣ половины, — значеніе, отмѣченное уже выраженіемъ: „по ту и по сю сторону Іордана“, ставшимъ обычнымъ для обозначенія страны къ востоку и западу отъ Іордана (Числ. 32, 19; Втор. 1, 1 и др.).

Къ востоку отъ Іордана поднимается изъ его долины крутыми и высокими утесами страна, извѣстная подъ именемъ страны заіорданской, Галаада и подъ другими названіями. Съ запада эта страна ограничена такимъ образомъ

¹⁾ А. А. Олесницкій. Святая Земля. Ч. II. стр. 57.

²⁾ Кейль. Руководство къ Библейской Археологіи. Ч. I. стр. 41.

Раздѣленіе еврейскаго царства.

иорданскою долиною и крутыми утесами; на восточной стороне она не имѣетъ такой крѣпкой границы, склоняется постепенно и теряется въ сосѣднихъ странахъ—аммонитской, сирийской и т. д., имѣя открытый путь черезъ пустыню даже къ Евфрату. По своей длинѣ отъ сѣвера къ югу она перерѣзывается во всю свою ширину тремя относительно большими рѣками, протекающими по глубокимъ, сжатымъ съ обѣихъ сторонъ высокими скалистыми утесами, долинамъ или Ущельямъ: Иеромакомъ (Scheriat el Menadhira) на сѣверѣ, нѣсколько южнѣе Геннисаретскаго озера, Тавокомъ (Serka) почти на срединѣ страны и Арнономъ (Madscheb). Последняя рѣка впадаетъ въ Мертвое море и составляла южную, очень крѣпкую, границу владѣній Израиля, отдѣлявшую ихъ отъ моавитскихъ ¹⁾. Страна эта представляетъ собою вообще возвышенную равнину. Къ сѣверу отъ Иеромакса это по преимуществу равнина. Между Иеромакомъ и Арнономъ поверхность ея гораздо разнообразнѣе: горы, холмы, равнины и долины разнообразныхъ видовъ и измѣреній чередуются здѣсь чаще. Вся страна очень плодородна, удобна для земледѣлія,—но преимущественно для скотоводства. Множество городовъ покрывало ее въ древнее время, но все таки главное занятіе жителей ея было, кажется, скотоводство. Колѣна Рувимово и Гадово выпросили ее себѣ у Моисея, потому что у нихъ было весьма много стадъ, и „они увидѣли, что земля Газеръ и земля Гаалаадъ есть мѣсто (годное) для стадъ“ (Числ. 32, 1). Всѣ новѣйшіе путешественники, напр. Зеценъ, Бургартъ и др., говорятъ, что страна къ сѣверу отъ Арнона лучшая выгонная земля во всей южной

¹⁾ Рѣка эта, говоритъ Хвольсонъ, протекаетъ черезъ очень глубокое ущелье, проходимое съ трудомъ даже пѣшеходами. Путешественники, посѣщавшіе это ущелье, употребляли 35 минутъ, чтобы спуститься съ горы до дна ущелья и больше 1½ часа, чтобы добраться до южнаго берега черезъ утесы и скалы. Христ. Чтеніе. 1870. Авг. 217.

Сирии ¹⁾. Итакъ, замѣтимъ еще разъ, страна заиорданская отдѣлена отъ страны къ западу отъ Иордана иорданскою долиною съ ея почти отвѣсными съ обѣихъ сторонъ горами и не имѣетъ такой естественной границы на востокѣ; сама въ себѣ раздѣлена тремя большими (относительно) рѣками и по преимуществу удобна для скотоводства и слѣдовательно для жизни номадической.

Большая полоса Палестины, несравненно важнѣйшая въ исторіи израильскаго народа, собственно классическая почва этой исторіи,—страна къ западу отъ Иордана, между иорданскою долиною на востокѣ и приморскою равниною на западѣ. Это возвышенный параллелограммъ горъ и долинъ, круто поднимающійся изъ приморской равнины и почти отвѣсно спадающей въ иорданскую долину. Внутренняя часть этого параллелограмма почти не соединяется ни съ тою, ни съ другою. Единственные пути для такого сообщенія долины протоковъ, прорѣзывающихъ горы въ своихъ выходахъ въ ту или другую, и не многочисленны, особенно на восточной сторонѣ, и не удобопроходимы, узки и каменисты, какъ и вообще овраги, вырытые быстрыми горными потоками. Нѣкоторое незначительное впрочемъ исключеніе составляетъ рѣка Кисонъ, выходящая къ Средиземному морю; въ связи съ изреельскою равниною долина Кисона служитъ соединеніемъ между приморскою низменностью и иорданскою долиною. Въ сравненіи съ заиорданскою страной страна къ западу отъ Иордана представляетъ болѣе быструю и въ высшей степени разнообразную смѣну поверхностей. Но на ряду съ этимъ, такъ сказать, на каждомъ шагу встрѣчающимся разнообразіемъ поверхности, можно указать и для этой части Палестины по ея длинѣ болѣе общее дѣленіе, и именно на три части. Гористая область Палестины, и къ востоку и къ западу отъ Иордана, составляетъ южное про-

¹⁾ Христ. Чтеніе. 1870. Авг. 219. Raumer. Palästina, S. 78—82.

долженіе горъ ливанскихъ на сѣверѣ Палестины. Въ западной части Палестины цѣпь этихъ горъ, идущихъ къ югу, прерывается во всю свою ширину равниною израельскою, въ связи съ другими долинами. Эта плодородная равнина, начинаясь при Гильбоа (горѣ) на востокъ, идетъ въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверо-западу и выходитъ долиною Кисона къ морю; на юго-востокъ она соединяется съ равниною Беесана, составляющею одинъ изъ ея рукавовъ, и такимъ образомъ достигаетъ до Иордана¹⁾. Равнина эта служитъ такимъ образомъ границею, отдѣляющею сѣверную Палестину отъ средней. Конечно, сама по себѣ она не можетъ служить препятствіемъ къ общенію между жителями по ту и другую ея сторону, какъ можно говорить это о долинѣ иорданской. Она неограничена, какъ эта, крутыми, утесистыми, почти сплошь идущими съ сѣвера и юга горами, напротивъ и къ сѣверу и югу она имѣетъ выходы. Сама она значительно населена и по ней идетъ одна изъ торговыхъ дорогъ, соединяющихъ морской берегъ съ внутренней Азіею. Повидимому она должна бы даже служить связью между жителями по ту и по другую ея сторону; тѣмъ не менѣе, при извѣстныхъ условіяхъ, она служила препятствіемъ къ общенію между ними. Позднѣе по ней проходила граница между Галилеею и Самаріею.

Въ нашемъ вопросѣ значеніе израельской равнины, какъ раздѣлительной линіи, не имѣетъ, впрочемъ, особенной важности: при раздѣленіи царства еврейскаго, о которомъ мы говоримъ, колѣна и по ту и по сю ея сторону составили одно царство—израильское. Для насъ гораздо важнѣе найти и указать географическую линію, которая отдѣляла бы среднюю Палестину отъ южной и служила бы такимъ образомъ естественною границею образовавшихся позднѣе

¹⁾ Edw. Robinson. Phisische Geographie des heiligen Landes. 1865 S. 127.

царствъ—израильскаго и іудейскаго. Можно ли указать такую линію? Дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ трудно. Необходимо предварительное и кропотливое изслѣдованіе,—и очень возможно, что результатъ его будетъ лишь болѣе или менѣе вѣроятный. Данныя для отвѣта представляются въ слѣдующемъ видѣ. На югѣ равнины израельской, которая прерывается, какъ мы только что говорили, цѣпь горъ, идущихъ съ сѣвера, во всю ихъ ширину отъ Иордана до Средиземнаго моря, почва страны снова поднимается, и горный хребетъ, начинающійся здѣсь, идетъ, не прерываясь уже по всей своей ширинѣ глубокою поперечною долиною, до южной границы Палестины. Тѣмъ не менѣе по своей длинѣ онъ имѣетъ два названія: сѣверная его часть называется горою Ефремовою, а южная—горою Іудиною (Нав. 20, 7; 21, 21; 3 Ц. 12, 25). Названія эти заимствованы, какъ видно изъ нихъ самихъ, отъ политическаго дѣленія страны, отъ болѣе важныхъ колѣнъ израильскихъ, по областямъ коихъ онъ проходитъ. Но указываютъ и физическое различіе между ними. Горы Ефремовы, говоритъ Кейль, „на своихъ вершинахъ и на своихъ склонахъ покрыты прекраснымъ лѣсомъ, долины почти всѣ богато орошены, отчего вся плоскость съ ея возвышеніями и спусками представляетъ плодородную почву для земледѣлія и садоводства; напротивъ того возвышенности Іудины съ ихъ широкими, овальными и голыми горами, прорѣзанными только не многими, то узкими, то широкими долинами, имѣютъ дикій, скалистый, неплодный видъ, содержатъ очень большія, но годныя только для скотоводства степи (пустыня Іудина съ пустынями Феоки, Енгадди, Маонъ и Зифъ), хотя впрочемъ въ долинахъ бываетъ и здѣсь изобиліе благородныхъ плодовъ и лучшаго винограда¹⁾).

¹⁾ Кейль. Руководство къ Библейской Археологіи Ч. I. Стр. 34—35. По Флавію гора Ефремова обильна источниками, богата плодами и пастбищами,—гсра Іудина богата хлѣбомъ, виномъ и плодами. Raumer. Palästina. S. 43. 47.

Нельзя ли указать и естественную границу, гдѣ оканчивалась гора Ефремова и начиналась гора Іудива, а чрезъ это и естественную границу между среднимъ и южнымъ Ханааномъ, ставшую потомъ границею между царствами израильскимъ и іудейскимъ? Общій отвѣтъ ученыхъ, такъ или иначе касавшихся этого вопроса, отрицательный, именно въ томъ смыслѣ, что нельзя указать долины, которая прерывала бы гористую область на всемъ ея протяженіи отъ іорданской долины до низменности при Средиземномъ морѣ. По Раумеру „между обѣими горами—(Ефремовою и Іудиною) нѣтъ никакой естественной границы, которую составляла бы какая либо, идущая отъ востока къ западу, низменность: отъ Іупіи чрезъ Іерусалимъ въ Іерихонъ и отъ Газы чрезъ Хевронъ къ западному берегу Мертваго моря нужно подниматься на гору¹⁾. „Точную географическую границу между горами Іудиною и Ефремовою трудно указать, говоритъ Гофманъ; такъ какъ гористая страна идетъ собственно не прерываясь“²⁾. Тѣмъ не менѣе нѣтъ недостатка въ попыткахъ указать такую границу. Только, за невозможностью указать одну долину въ качествѣ раздѣлительной между обѣими горами линіи, указываютъ особня долины для восточной и западной половины гористой области. Для восточной половины отъ линіи—Ер-Рамъ (Рама), Ель-Бире (Беероѣ) и Бейтинъ (Веилъ) отъ юга къ сѣверу на срединѣ страны и до Іордана указываютъ такую линію въ ваді Сувеинитъ (Suweinit). Начинаясь на линіи между Ель-Бире и Бейтинъ, ваді Сувеинитъ идетъ въ юго-восточномъ направленіи, становится въ своемъ дальнѣйшемъ пути ваді Туваромъ (Tuwar) и выходитъ въ іорданскую долину, какъ ваді Кельтъ. На всемъ своемъ протяженіи она проходитъ среди высокихъ, крутыхъ и обрывистыхъ

¹⁾ Raumer. Palastina. S. 3.

²⁾ C. Hoffmann. Blicke in die früheste Geschichte des gelobten Landes. 1870. S. 133. Кейль. Руководство къ Библ. Арх. Ч. I. Стр. 34.

скалъ, то расширяясь нѣсколько, то суживаясь почти въ ущелье. Стороны этой долины образуютъ, говоритъ Робинзонъ о начальной ея части при Ель-Бире и Бейтинъ, крутыя стѣны. Вправо, почти на четверть часа ниже того мѣста, гдѣ мы переходили ее (путемъ отъ Гевы къ Михмасу), она опять суживается и спускается между высокими отвѣсными стѣнами, которыя продолжаютъ, какъ говорилъ нашъ проводникъ, еще далѣе внизъ и становятся болѣе и болѣе внушительными¹⁾. О самомъ пути отъ Гевы въ долину онъ говоритъ, что онъ „такъ крутъ и ступени его такъ высоки, что мы должны были сходить, а животныя съ багажемъ шли лишь съ большимъ трудомъ“²⁾. О нижнемъ теченіи этой ваді Гофманъ говоритъ такъ: „недоступную для восхода естественную границу представляютъ круто и стремисто спадающія въ глубину ниже морской поверхности восточныя скалистыя долины въ своемъ нижнемъ теченіи. На сѣверной сторонѣ рѣки (Кельтъ) поднимается, какъ могучій скалистый колоссъ, обращенный своею широкою стороною къ Іордану, гора Карантанія, по южной сторонѣ которой поднимается эта долина“³⁾. При такихъ своихъ свойствахъ долина Сувеинитъ можетъ въ достаточной степени служить естественною границею между гористою стравою къ сѣверу и югу отъ нея, горсю Ефремовою и Іудиною (и среднимъ и южнымъ Ханааномъ) на пространствѣ между Рамою и Веилемъ съ одной стороны и Іорданомъ съ другой. Такъ смотритъ на нее и Робинзонъ, какъ можно заключать объ этомъ изъ слѣдующихъ его словъ: „пограничная линія, между горами Ефремовою и Іудиною была, кажется, между колѣнами Веніаминовымъ и Ефремовымъ и именно та, которая позднѣе стала границею царствъ іудейскаго и израиль-

¹⁾ Robinson. Palästina und die südlich angränzenden Länder. 1841. B. II. S. 327. 228.

²⁾ Robinson. Neuere biblische Forschungen in Palästina. 1857. S. 378.

³⁾ Hoffmann. Das gelobte Land in den Zeiten des getheilten Reiches bis zur Babilonischen Gefangenschaft. 1871. S. 17.

скаго. Она лежала между Веелемъ на сѣверѣ и Рамою и Беероомъ на югѣ¹⁾. Если не ставить Робинзона въ противорѣчіе себѣ самому, то нужно понимать эти его слова прежде всего о границѣ между горами Ефремовою и Іудиною къ востоку отъ Рама-Веелля до Іордана. Въ другомъ мѣстѣ онъ считаетъ границею между горами Ефремовою и Іудиною ваді Беит-Анину (Beith Napina), и именно такъ, что горы къ западу отъ нея удерживаютъ еще свое прежнее названіе—горы Ефремовы, тогда какъ горы къ востоку отъ нея, предполагается, получаютъ уже новое названіе—горы Іудины²⁾. Эта ваді Беит-Анина проходитъ по Вениаминову колѣну сначала въ южномъ, потомъ въ юго-западномъ направленіи, огибаетъ съ юга Неби-Самуилъ, переходитъ даже въ колѣно Іудино и слѣдовательно уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть границею между колѣнами Ефремовымъ и Вениаминовымъ. Долину Сувеинитъ онъ и прямо признаетъ границей между колѣнами Ефремовымъ и Вениаминовымъ въ болѣе позднія времена³⁾. Естественное раздѣлительное значеніе признаютъ за долиною Сувеинитъ и другіе ученые путешественники, Гофманъ⁴⁾ и Геренъ⁵⁾. И изъ Библии можно доказать до нѣкоторой степени, что гора Ефремова не шла далѣе ваді Сувеинитъ. По книгѣ Судей пророчица Девора живетъ подъ пальмою Девориною, между Рамою и Веелемъ, на горѣ Ефремовой (Суд. 4, 5).

¹⁾ Robinson. Phisische Geographie des heiligen Landes. 1865. S. 33. Граница между колѣнами Вениаминовымъ и Ефремовымъ не можетъ быть отождествляема вполне съ границею царствъ израильскаго и іудейскаго, потому что Веелль, принадлежавшій колѣну Вениаминову (Нав. 18, 22), перешелъ по раздѣленіи еврейскаго царства къ израильскому царству (3 Ц. 12, 19).

²⁾ Robinson. Palästina. V. II. S. 587.

³⁾ Ibidem S. 328. По первоначальному дѣленію земли ханаанской между колѣнами она не можетъ быть признана такою границею; колѣну Вениаминову достаются города и къ сѣверу отъ нея, какъ напр. Веелль, Офра (послѣдній по картѣ Киперта (Нав. 18, 22, 23).

⁴⁾ Hoffmann. Das gelobte Land. S. 17.

⁵⁾ Guérin. Description géographique, historique et archéologique de la Palestine. 1869. Judée T. III. p. 69.

Будемъ ли разумѣть подъ Рамою нынѣшній Рам-Алла (Ram-Allah) ближе къ Вееллю, какъ думаетъ Геренъ, или Ер-Рамъ южнѣе того, какъ думаетъ большинство¹⁾, во всякомъ случаѣ мы не выходимъ изъ указанной выше географической границы между горами Ефремовою и Іудиною, потому что Веелль—одинъ изъ указываемыхъ здѣсь крайнихъ пунктовъ лежитъ къ сѣверу отъ этой границы. Изъ той же книги Судей можно видѣть, что гора Ефремова не доходитъ до Гивы Вениаминовой, нынѣшняго Тель-ель-Фуль²⁾, лежащаго южнѣе Рама и указанной нами выше линіи. О старикѣ, принявшемъ къ себѣ на ночлегъ левита, говорится, что онъ былъ родомъ съ горы Ефремовой и жилъ (т. е. былъ временнымъ, а не природнымъ жителемъ—?) въ Гивѣ (Суд. 19, 16). Равнымъ образомъ и левитъ говоритъ о себѣ, что онъ идетъ къ горѣ Ефремовой (ст. 18). Слѣдовательно ни тотъ, ни другой, находясь въ Гивѣ Вениаминовой, не находятся еще на горѣ Ефремовой. Такимъ образомъ и на основаніи Библии можно видѣть въ ваді Сувеинитъ естественную границу между горами Ефремовою и Іудиною³⁾.

Все, доселѣ сказанное нами о границѣ между горами Ефремовою и Іудиною, имѣетъ отношеніе собственно къ восточной ея половинѣ между Веелемъ и Рамою съ одной стороны и Іорданомъ съ другой. Веелль, Беерооъ (Ель-Бире) и Рама, отъ положенія коихъ мы дѣлали выше заключенія о продолженіи горы Ефремовой къ югу, лежатъ на восточной сторонѣ водораздѣла, проходящаго по срединѣ

¹⁾ Guérin. Description... 1871—5 Samarie. t. I. p. 201; t. II. p. 41. Robinson. Palästina. V. II. S. 567.

²⁾ О мѣстоположеніи Гивы Вениаминовой см. ниже.

³⁾ По 2 Пар. 13, 4. 19 Авія, царь іудейскій, въ войнѣ съ Іеровоамомъ, царемъ израильскимъ, располагаетъ свое войско „на вершинѣ горы Цемаранской, одной изъ горъ Ефремовыхъ“. Послѣ истреженія израильтянъ, онъ преслѣдуетъ ихъ до Веелля, который и завоевываетъ съ нѣкоторыми другими городами. Городъ Цемаранъ упоминается на ряду съ Веелемъ въ числѣ городовъ Вениаминовыхъ (Нав. 18. 22). Но точное положеніе его, а также горы Цемаранъ неизвѣстно. Полагаютъ, что онъ лежалъ къ востоку отъ Веелля. Lange. Theologisch-homiletisches Bibelwerk. A. T. VIII, S. 227.

гористой области съ сѣвера къ югу, и слѣдовательно заключенія отъ нихъ могутъ имѣть значеніе только или по крайней мѣрѣ прежде всего для восточной половины страны. Что касается западной половины гористой области, то, какъ мы уже видѣли, естественною границею между горами Ефремовою и Іудиною Робинзонъ признаетъ ваді Беитъ-Анина. Эту ваді признаютъ такою границею и другіе¹⁾. Такимъ образомъ гора Ефремсва проходитъ по западной сторонѣ колѣна Веніаминаво вполнѣ до границы колѣна Іудина. Возражать противъ такого продолженія горы Ефремовой нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Колѣно Веніаминово, до раздѣленія еврейскаго царства при Ровоамѣ, примыкало болѣею частью къ колѣну Ефремову, и такъ какъ нѣтъ упоминанія о горахъ Веніаминавыхъ, то естественно предполагать, что горы Ефремовы, переходя въ колѣно Веніаминово, удерживаютъ и здѣсь свое прежнее названіе. Но съ другой стороны нѣтъ несомнѣнныхъ данныхъ, которыя заставляли бы необходимо считать ваді Беитъ-Анина такою границею. Говорится, правда, объ Аодѣ, веніаминанинѣ, что онъ, убивши царя моавитскаго, убѣгаетъ въ гору Ефремову (Суд. 3, 27), и Савей, веніаминанинѣ, происходитъ съ горы Ефремовой (2 Ц. 20, 1. 21); но то и другое возможно и при выше указанной восточной половинѣ границы между горами Ефремовою и Іудиною. Граница колѣна Іудина также переходитъ на сѣверную сторону ваді Беитъ-Анина (напр. Кириаѳаримъ, лежащій къ сѣверу отъ этой ваді, принадлежитъ колѣну Іудину. Нав. 15, 60). Къ опредѣленію продолженія горы Ефремовой до ваді Беитъ-Анина могло бы служить мѣстоположеніе Рамаѳаимъ-Цофима, родины Самуила (1 Цар. 1, 1.), при другихъ предположеніяхъ, что Рамаѳаимъ-Цофимъ тождественъ съ теперешними или Сова въ колѣнѣ Іудиномъ²⁾, или Неби-Самуилъ въ колѣнѣ Веніа-

¹⁾ Hoffmann. Blicke in die früheste Geschichte des gelobten Landes. S. 133.

²⁾ Robinson. Palästina. B. II. S. 581—587.

миновомъ¹⁾ и что онъ лежалъ на горѣ Ефремовой. Но предположенія о тождествѣ его съ Сова или Неби-Самуилъ пока остаются еще предположеніями, не перешедшими на степень доказанныхъ истинъ, какъ это видно уже изъ того, что другіе, послѣ того какъ высказаны были тѣ предположенія, отождествляютъ Рамаѳаимъ-Цофимъ съ нынѣшнимъ Ер-Рамъ, указывая на то, что онъ (Рамаѳаимъ-Цофимъ) въ другихъ мѣстахъ называется просто Рамою, и что подъ Рамою вездѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ контекстъ рѣчи не требуетъ прямо другаго, разумѣется Рама Веніаминаво²⁾. Мы съ своей стороны, по основаніямъ, которыя видны будутъ изъ дальнѣйшаго, склонны болѣе присоединиться къ послѣднему мнѣнію. Существуетъ даже мнѣніе, что Рамаѳаимъ-Цофимъ не имѣетъ никакаго отношенія къ горѣ Ефремовой. Объ отцѣ Самуила говорится: „былъ одинъ человекъ, изъ Рамаѳаимъ-Цофима, съ горы Ефремовой (בְּהַר אֶפְרַיִם)“; имя ему Елкана, сынъ Іерохама, сына Илія, сына Тоху, сына Цуфа, — Ефраѳянинъ“ (1 Цар. 1, 1). Приведенное здѣсь еврейское выраженіе позволяетъ заключать, что оно относится къ словамъ: былъ одинъ человекъ... съ горы Ефремовой, а не къ Рамаѳаимъ-Цофимъ, въ каковомъ случаѣ должно бы стоять „на горѣ Ефремовой“ (בְּהַר אֶפְרַיִם). Ефраѳяниномъ отецъ Самуила можетъ называться потому, что онъ первоначально жилъ на горѣ Ефремовой и потомъ только переселился въ Рамаѳаимъ³⁾, хотя по своему происхожденію онъ былъ левитъ (1 Цар. 6, 27. 33. 34. 38). Какъ бы то ни было, впрочемъ, мѣстоположеніе Рамаѳаимъ-Цофима, при настоящемъ положеніи вопроса о немъ, не можетъ служить прочною опорою для опредѣленія продолженія горы Ефре-

¹⁾ Guérin. De cription. Judée. t. I. p. 363—384. А. А. Олесаицкій. Святая земля. Т. II. Стр. 223—225.

²⁾ Köhler. Lehrbuch der Biblischen Geschichte Alten Testaments. 1881. II. Hälfte S. 94. 95. 135. Riehm. Handwörterbuch des Biblischen Alterthums für gebildete Bibelleser. S. 1264—65.

³⁾ Köhler. Lehrbuch. II. S. 95. 96.

мовой. Если, впрочемъ, мы и признаемъ, что вадъ Бейтъ-Анина служить естественною границею между горами Ефремовою и Іудиною въ западной половинѣ Ханаана, то для нашей цѣли граница эта не имѣетъ значенія; не она стала границею между царствами іудейскимъ и израильскимъ¹⁾, какого либо раздѣлительнаго ея значенія не видно ни прежде, ни послѣ раздѣленія царства.

Съ своими поисками за западной половиной естественной границы между среднимъ и южнымъ Ханааномъ, хотя бы съ нѣкоторымъ значеніемъ, мы должны обратиться къ сѣверу. Ближе къ сѣверу, почти на одной линіи съ Гаваономъ, идетъ, по направленію къ западу, вадъ Солейманъ, осушающая западную часть долины при Гаваонѣ, нынѣшнемъ Ель-Джибъ, недалеко къ югозападу отъ нынѣшняго Ер-Рамъ. Вдоль этой вадъ идетъ обыкновенная дорога на верблюдахъ въ Іерусалимъ изъ Рамле и Лидды²⁾. Робинзонъ находитъ эту дорогу болѣе удобною для путешествія въ Іерусалимъ съ морскаго берега сравнительно съ вееоронскою, болѣе сѣвальною, и прямымъ путемъ къ югу чрезъ Киріаѳъ-ель-Енабъ³⁾. Дорога вееоронская, которой впрочемъ лишь вѣтъвъ дорога чрезъ вадъ Солейманъ, выходящая на ту и къ западу и къ востоку, самая трудная. Дорога чрезъ Киріаѳъ-ель-Енабъ, самая удобная теперь, лежала уже южнѣе Аіалона⁴⁾. Въ

¹⁾ Городъ Аіалонъ, напр., лежавшій къ сѣверу отъ нея, принадлежалъ къ царству іудейскому (2 Пар. 11, 10).

²⁾ Robinson. Phisische Geographie. S. 109.

³⁾ Robinson. Palästina. B. III. Abth. I. S. 271. 276.

⁴⁾ А. А. Олесницкій говорить только о двухъ дорогахъ отъ Іерусалима до Яфы. „По одной чаще ходили ко гробу Господню древніе христіанскіе пилигримы изъ Европы, по другой чаще или даже исключительно ходятъ пилигримы нынѣшніе“. „Первая дорога представляетъ собою путь узкій и трудный среди раскиданныхъ известковыхъ горъ, чрезъ едва доступныя даже для пѣшеходовъ рывины и скалы... Вторая дорога, въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, представляетъ совершенно удобное, хотя не безъ крутыхъ подъемовъ, шоссе, легко могущее служить иолотномъ для желѣзной дороги“. Первая дорога—вееоронская, вторая—чрезъ Киріаѳъ-ель-Енабъ (Абу-Гощъ). Святая Земля. 1878. Т. II. Стр. 221—222.

вадъ Солейманъ въ связи съ вееоронскою дорогою и можно, кажется, видѣть естественную границу между среднимъ и южнымъ Ханааномъ въ западной половинѣ горной страны¹⁾. Сама по себѣ граница эта едва ли служила препятствіемъ къ прямому сообщенію чрезъ нее между областями къ сѣверу и югу отъ нея; большаго сообщенія между ними по горамъ нельзя и предполагать. Вся западная половина горной области можетъ быть рассматриваема какъ преграда къ сообщенію между внутренней страной къ востоку отъ нея и приморской равниной. По линіи же, указываемой нами, выходящей своимъ восточнымъ концомъ во внутреннюю часть южнаго Ханаана, происходитъ, наоборотъ, въ древнее время главное сообщеніе между тою и другою. Но линія эта и сама по себѣ крѣпка и легко можетъ быть защищена при помощи искусства. Съ закрытіемъ ея прекращалось или по крайней мѣрѣ значительно затруднялось прямое сообщеніе внутренней части южнаго Ханаана съ приморской равниной, а чрезъ то не прямое сообщеніе и вообще съ сѣвернымъ Ханааномъ. Такое ея значеніе довольно ясно выступаетъ въ исторіи Израиля. По ней болѣею частью происходятъ вторженія враговъ изъ приморской равнины во внутренній Ханаанъ и на ней израильтяне оказываются особенно сильны. Еще при завоеваніи Ханаана Израилемъ Іисусъ Навинъ преслѣдуетъ путемъ вееоронскимъ пять царей южнаго Ханаана послѣ предварительнаго пораженія ихъ

¹⁾ Сѣвернѣе вадъ Солейманъ и пути вееоронскаго какаго-то вадъ перерѣзываетъ всю западную часть горнаго Ханаана. Восточные ея выходы къ Ель-Бире находятся какъ разъ на одной линіи съ западнымъ выходомъ къ тому же мѣсту вадъ Сувенингъ. Вмѣстѣ взятая обѣ эти вадъ перерѣзываютъ весь Ханаанъ во всю его ширину отъ Средиземнаго моря до Іордана въ юговосточномъ направленіи и еще лучше, чѣмъ указанная въ текстѣ линія, могли бы быть естественною границею между среднимъ и южнымъ Ханааномъ. Съ особенною ясностію та вадъ обозначена на картѣ Древней и Новой Іудей, приложенной къ „Description géographique, historique et archéologique de la Palestine p. Guérin. Judée. t. III. Но имя ея здѣсь не обозначено, а потому и о какомъ либо ея раздѣлительномъ значеніи судить нельзя.

при Гаваонѣ (Нав. 10, 5, 10). Саулъ преслѣдуетъ этимъ путемъ филистимлянъ, пораженныхъ при Михмасѣ (1 Цар. 13. 16; 14, 23. 31). Путемъ вееронскимъ преслѣдуетъ филистимлянъ Давидъ (2 Цар. 5, 25; 1. Пар. 14, 16). Оба Веерона, верхній и нижній, укрѣпляетъ Соломонъ (2 Пар. 8, 5; 3 Цар. 9, 17). Позднѣе Иуда Маккавей поражаетъ при Вееронѣ, сирійскаго военачальника Сирона (1 Мак. 3, 16—24), а потомъ Никанора (7, 39—43). На пути вееронскомъ Симонъ, сынъ Гиоры, поражаетъ римлянъ и самъ римскій проконсулъ Цестій вынужденъ тайно бѣжать, лишившись части своего войска и своихъ стѣнобитныхъ и метательныхъ орудій¹⁾. Факты эти изъ разныхъ періодовъ израильской исторіи ясно показываютъ и соединительное и вмѣстѣ раздѣлительное значеніе вееронской линіи, даютъ намъ право и основаніе видѣть въ ней естественную границу между среднимъ и южнымъ Ханааномъ въ западной его половинѣ и во всякомъ случаѣ уполномочиваютъ насъ думать, что, когда заходила рѣчь о разграниченіи вліянія властей, утвердившихся на сѣверѣ и югѣ Ханаана, власть южная самой силой вещей вынуждалась стремиться къ обладанію вееронскимъ проходомъ, выходящимъ при Гаваонѣ въ южную часть Ханаана. Важное значеніе Гаваона въ связи съ восточной половиной указываемой нами границы видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

Вееронская линія находится приблизительно на той же линіи, въ которой мы признали границу для восточной половины горнаго Ханаана. Взятая вмѣстѣ обѣ половины составляютъ такимъ образомъ границу между среднимъ и южнымъ Ханааномъ во всю его ширину отъ Средиземнаго моря до Иордана. Правда, обѣ эти половины принимаемой нами пограничной линіи не соприкасаются между собою непосредственно; ихъ отдѣляетъ большая дорога, идущая чрезъ нее съ юга на сѣверъ, отъ Иерусалима чрезъ Ер-Рамъ, Ель

¹⁾ I. Flavius. De bello iudaico. Lib. II. c. 19, 2. 8. 9.

Бире и Бейтинъ—дорога, по которой происходитъ главное сообщеніе между областями къ югу и сѣверу отъ нея. Но и эта дорога принимается, на указываемой нами линіи, характеръ до нѣкоторой степени раздѣлительной линіи. „Дорога отъ Ель-Бире до Веиля идетъ среди скалъ, въ одномъ только мѣстѣ прерывающихся большою длиною“¹⁾. Во всякомъ случаѣ, указываемая нами линія такого сорта, что достаточно укрѣпить на ней одинъ пунктъ, чтобы порвать прямое сообщеніе юга съ сѣверомъ²⁾. Такимъ образомъ мы можемъ признать границу между среднимъ и южнымъ Ханааномъ линію Іерихонъ-Веиля (Беероѣ-Рама), по ваді Кельтъ, Туваръ и Сувеинитъ, и линію отъ Гаваона къ выходу изъ горъ къ морю по ваді Солейманъ въ связи съ вееронской дорогой.

Что линія эта не выдумана нами для извѣстной цѣли, что она, не смотря на проходящій чрезъ нее путь съ юга на сѣверъ, служила дѣйствительно до нѣкоторой степени раздѣленіемъ между страной къ югу и сѣверу отъ нея—это подтверждаетъ исторія израильскаго народа. Мы укажемъ изъ нея нѣкоторые выдающіеся факты, относящіеся къ нашей задачѣ.

Подъ предводительствомъ Исуса Навина сыны израилены вторгаются въ землю ханаанскую и прежде всего завоевываютъ Іерихонъ. Отсюда вдоль указанной линіи, быть можетъ, къ сѣверу отъ нея чрезъ ваді ен-Наваиме (en Nawâime) они идутъ къ Гаю и берутъ его (Нав. 7, 8)³⁾. Такъ

¹⁾ А. А. Олесницкій. Святая Земля. 1878. Т. II. стр. 304. Hoffmann. Blicke in die früheste Geschichte d. gel. L. S. 133. Das Gelobte Land. S. 18.

²⁾ Рѣчь объ этомъ будетъ ниже.

³⁾ На основаніи библейскихъ данныхъ можно опредѣлить мѣстоположеніе Галя такъ. Онъ находится вблизи Бео-Авена, съ восточной стороны Веиля. (Нав. 7, 2). Съ восточной же стороны Бео-Авена лежалъ Михмасъ (1 Цар. 13, 5). Поэтому Гай можетъ лежать къ востоку отъ Веиля и къ западу отъ Михмаса, или такъ или иначе между этими обоими мѣстами. Веиль долженъ быть вблизи Галя (Нав. 8, 17). Къ сѣверу отъ Галя была долина (ст. 12). Долина должна быть и къ западу отъ Галя,—въ которой могла бы скрыться засада (12).

израильтяне вторгаются въ средній Ханаанъ, къ сѣверу отъ указанной нами линіи. Понятнымъ становится и легкое и быстрое завоеваніе страны вплоть до Сихема (Нав. 8, 30—35) и относительное спокойствіе хананеевъ къ югу отъ указанной нами линіи; ихъ отдѣляла и защищала отъ израильтянъ именно эта линія. Но вотъ на сторону израильтянъ переходятъ жители городовъ: Гаваона, Кефиры, Беероа и Кириаѳ-іарима. Великій страхъ охватываетъ царя іерусалимскаго. Немедленно онъ составляетъ союзъ изъ сосѣднихъ царей и идетъ противъ Гаваона, чтобы наказать его за присоединеніе къ израильтянамъ и очевидно возвратитъ къ союзу хананеевъ противъ Израиля (I. Нав. 9—10, 1—5). Причина испуга царя іерусалимскаго при вѣсти о переходѣ Гаваона на сторону израильтянъ указывается въ томъ, что Гаваонъ былъ большой городъ, какъ одинъ изъ царскихъ городовъ, и что всѣ жители его люди храбрые (10, 2). Потеря его значительно ослабляла поэтому силы хананеевъ. Но если присмотрѣться поближе къ мѣстоположенію Гаваона и союзныхъ съ нимъ городовъ, то можно открыть небезосновательно и другія причины испуга. Беероѳъ, нынѣшній Ель-Бире, лежитъ на пути, ведущемъ съ юга на сѣверъ, и именно на указанной нами линіи. Обладаніе имъ открывало израильтянамъ доступъ въ страну къ югу отъ этой линіи. Гаваонъ и Кириаѳ-іаримъ лежатъ на двухъ главныхъ путяхъ, ведущихъ изъ страны къ югу отъ указываемой

Такому мѣстоположенію Гаа соответствуетъ положеніе развалинъ (El-Koudeirah) къ югу отъ Deir Diwan, указываемое Робинзономъ (Paläst. B. II. S. 562—564). Онѣ отстоятъ отъ Веола на часъ расстоянія, и именно между нимъ и Михмасомъ, къ востоку отъ пераго и западу, собственно сѣверозападу, отъ Михмаса. Вблизи нихъ къ сѣверу лежитъ глубокая вади el-Matjāh; къ югозападу отъ нихъ есть другія меньшія вади, въ которыхъ могла скрыться легко израильская засада, и скалы на этой сторонѣ круче (на пару футовъ). Самыя развалины состоятъ изъ большихъ тесаныхъ камней. Есть здѣсь и мелкіе камешки мозаической работы—такіе, какіе находятъ часто около Іерусалима. Это послѣднее обстоятельство указываетъ на существованіе здѣсь древняго поселенія съ вѣроятно значимостью. Ср. Guérin. Description... Judée. t. III. p. 57—62.

нами линіи къ приморской равнинѣ. Мѣстоположеніе Кефиры Геренъ указываетъ въ нынѣшнихъ развалинахъ Кефиры (Kerhirah), къ сѣверу отъ Кириаѳ-іарима и западу отъ Гаваона¹⁾. Обладаніе этими городами не только вводило израильтянъ въ южный Ханаанъ, но и отдавало въ ихъ руки главные пути, связывающіе югъ съ сѣверомъ—прямой при Беероѳъ и боковые при Гаваонѣ и Кириаѳ-іаримѣ, такимъ образомъ изолировало югъ отъ сѣвера и дѣлало затруднительнымъ, или же совсѣмъ невозможнымъ совокупное дѣйствованіе противъ израильтянъ всѣхъ хананейскихъ царей общими силами,—на что они, кажется, рѣшились было (9, 1. 2)²⁾. Нападая на Гаваонъ, какъ болѣе важный изъ союзныхъ съ нимъ городовъ, царь іерусалимскій имѣетъ, конечно, въ виду между прочимъ предупредить опасную возможность такого изолированія. Но попытка эта стоитъ жизни ему самому и его союзникамъ и отдаетъ въ руки израильтянъ южный Ханаанъ (10 г.). Изъ хода войны Іисуса Навина съ царемъ іерусалимскимъ видна вмѣстѣ связь восточной половины указываемой нами пограничной линіи съ западною. Извѣщенный гаваонитянами о нападеніи на нихъ союзныхъ царей южнаго Ханаана, Іисусъ Навинъ идетъ къ нимъ на помощь, всего вѣроятнѣе, тою же дорогою, которою прежде шелъ къ Гаю и отсюда къ Гаваону, между прочимъ, дорогою, ведущею съ юга на сѣверъ, на которой лежалъ Беероѳъ. Отъ Гаваона онъ преслѣдуетъ разбитыхъ имъ непріятелей по дорогѣ вееронской до равнины, такъ какъ Азека и Македъ находятся на равнинѣ (Нав. 10, 10; 15, 35. 41).

¹⁾ Guérin. Description.. Judée. t. I. p. 283—285.

²⁾ Такъ нужно понимать слова: „собрались вмѣстѣ, чтобы единодушно сразиться съ Іисусомъ и Израилемъ“ (Нав. 9, 2). Что цари всего Ханаана—сѣвернаго, средняго и южнаго собрались дѣйствительно вмѣстѣ, ни откуда не видно. Союзъ Гаваона съ израильтянами именно предупредилъ и разстроилъ этотъ союзъ царей хананейскихъ. Изъ дальнѣйшей исторіи завоеванія Ханаана видно, что противъ израильтянъ составлено было два союза—одинъ изъ царей южныхъ и другой изъ царей сѣверныхъ, но они не стояли ни въ какой связи между собою.

Раздѣленіе еврейскаго царства.

Другой фактъ, свидѣтельствующій о важномъ значеніи указанной нами пограничной линіи, преимущественно восточной ея половины. Одна изъ главныхъ задачъ царствованія Саула — освобожденіе Израиля отъ филистимскаго рабства. Очевидно, для болѣе прочнаго удержанія власти надъ израильтянами за собою филистимляне разставляютъ по странѣ охранные посты¹⁾; одинъ изъ нихъ находится въ Гивѣ Вениаминовой, родномъ городѣ, а потомъ и столицѣ Саула (1 Цар. 10, 5. 13. 14. 26). Послѣ утвержденія на царствѣ въ Галгалѣ (1 Цар. 11, 14. 15), Саулъ избираетъ себѣ изъ израильтянъ три тысячи, распуская остальной народъ по своимъ домамъ. Изъ нихъ двѣ тысячи онъ оставляетъ для себя и располагаетъ ихъ въ Михмасѣ и на возвышенности веилъской, а одну тысячу поручаетъ своему сыну Ионафану, который располагается съ нею въ Гивѣ Вениаминовой, столицѣ Саула (1 Цар. 13, 1. 2.)²⁾. Филистимскій

¹⁾ О различныхъ значеніяхъ еврейскаго слова גִּבְעָה, переведеннаго нами — отрядъ, см. „Еврейскіе Цари“ Я. А. Богородскаго. 1884. стр. 40. Здѣсь же рѣшается затрудненіе, происходящее отъ несовмѣстности въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ (Гивѣ) войска Ионафанова и отряда филистимскаго, затрудненіе, давшее поводъ къ различнымъ объясненіямъ слова גִּבְעָה въ смыслѣ столба, какъ знака филистимскаго господства, то въ значеніи филистимскаго чиновника, сборщика податей съ евреевъ. Затрудненіе это выходитъ изъ предположенія, что גִּבְעָה בְּנֵימִן 13, 2 и גִּבְעָה ст. 3 означаютъ одинъ и тотъ же городъ. отождествленіе это признаетъ и указанный выше авторъ и „во избѣжаніе противорѣчія между 2 и 3 ст. гл. 13“, предполагаетъ, что наблюдательный филистимскій отрядъ находился вблизи Гивы, а не въ ней самой, гдѣ находился отрядъ Ионафановъ. Затрудненіе это рѣшается легко способомъ, указаннымъ въ текстѣ, при предположеніи здѣсь двухъ городовъ различныхъ, хотя и близкихъ другъ къ другу — Гева и Гивы. Существованіе двухъ такихъ городовъ и именно неподалеку одинъ отъ другаго видно всего яснѣе изъ того мѣста книги Исавіи, гдѣ пророкъ указываетъ путь, по которому врагъ съ сѣвера придетъ на Иерусалимъ. „Въ Михмасѣ складываетъ (врагъ) свои запасы. Проходитъ тѣсныи; въ Гевѣ ночлегъ ихъ; Рама трясется; Гива Саулова разбѣжалась“ (10, 28. 29). Гева и Гива Саулова (тоже Вениаминова) стоятъ здѣсь, отдѣляясь одна отъ другой лишь станціею, и именно такъ, что Гева стоитъ сѣвернѣе Гивы.

²⁾ Мы отождествляемъ Гиву Вениаминову съ нынѣшнимъ Тель-ель-Фуль въ разстояніи одного часа къ сѣверу отъ Иерусалима. Иосифъ Флавій ставитъ

отрядъ, находящійся въ Гивѣ, очищаетъ ее и переходитъ въ Геву, быть можетъ на 1¼ часа къ сѣверо-востоку отъ Гивы (1 Цар. 13, 3)¹⁾. Расположеніе войска Саулова довольно замѣчательно при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Часть его и именно большая находится къ сѣверу отъ указанной нами пограничной линіи и въ пространствѣ двухъ главныхъ путей изъ южнаго Ханаана въ средній — при Веилѣ и при Михмасѣ, укрѣпленномъ пунктѣ на трудномъ проходѣ чрезъ михмасское ущелье въ ваді Сувеивитѣ. Другая его часть — меньшая занимаетъ Гиву къ югу отъ указанной линіи на пути къ Веилю. Нельзя думать, что, занимая Гиву и Михмасъ своими войсками, Саулъ имѣетъ въ виду занять эти важнѣйшіе высоты и проходы именно противъ филистимлянъ и освободить свой народъ отъ ихъ ига: для этого трехъ тысячъ очень недостаточно, и Саулъ не

חֵרֶץ גִּבְעָה סָבִיבָה въ тридцати стадіяхъ къ сѣверу отъ Иерусалима на пути отъ Самаріи къ нему, что соотвѣтствуетъ разстоянію Тель-ель-Фуль отъ Иерусалима. De bello iudaico. V, 2, 1. Guérin. Samarie t. II. p. 190. Робинзонъ думалъ было первоначально видѣть Гиву Вениаминову въ Гевѣ, теперешней Джеба (Djeba. Palästina. В. II. S. 326); но позднѣе отказался отъ этого отождествленія и призналъ Тель-ель-Фуль за мѣстоположеніе Гивы Вениаминовой (Neuere biblische Forschungen in Palästina. S. 378). „Мѣсто это открыто и даетъ очень широкій видъ на окрестности по всемъ направленіямъ, особенно къ востоку; въ этомъ отношеніи его превосходитъ только Неби-Самуиль“. (Ibidem). Камни, изъ коихъ построена была башня на вершинѣ холма Тель-ель-Фуль, грубой отдѣлки и, по признанію А. А. Олесницкаго, могутъ принадлежать хананейскому періоду палестинской исторіи. Тождества Тель-ель-Фуль съ Гивою Вениаминовою г. Олесницкій не признаетъ, за отсутствіемъ преданія о немъ, какъ именно Гивѣ Сауловой. Но חֵרֶץ גִּבְעָה סָבִיבָה Иосифа Флавія не есть-ли свидѣтельство преданія въ пользу Тель-ель-Фуль, какъ Гивы Сауловой?

¹⁾ Чѣмъ руководились филистимляне при этомъ передвиженіи, трудно рѣшить. Келлеръ дѣлаетъ предположеніе, что филистимляне, обезоруживъ страну еврейскую (1 Цар. 13, 19—22), не опасались Саула и даже надѣялись извлечь изъ его царскаго достоинства пользу, дѣлая его отвѣтственнымъ за подчиненность и вѣрность своего народа; во вниманіи къ тому, что Гива была резиденціею Саула, они вывели даже изъ нея своего сборщика податей (такъ Келлеръ понимаетъ еврейское pezib) и поселили его въ Гевѣ (Köhler. Lehrbuch. II. S. 154).

распустилъ бы, конечно, остальной народъ, а удержалъ бы его при себѣ, еслибы имѣлъ въ виду теперь же начать войну. Но совсѣмъ отрицать этого намѣренія, хотя и въ далекомъ будущемъ, нельзя. Пока его намѣреніе клонится, быть можетъ, къ тому, чтобы его отряды, — при Михмасѣ и Веелѣ одинъ и при Гивѣ другой — были средоточными пунктами, около которыхъ могли бы собраться, въ случаѣ войны, военныя силы сѣверныхъ и южныхъ колѣнъ. Для насъ такое расположеніе войска Саулова важно тѣмъ, что показываетъ, что и по мнѣнію Саула указываемая нами пограничная линія существуетъ и имѣетъ важное значеніе; такъ что части страны или царства Саула по ту и другую ея стороны имѣютъ въ его глазахъ какъ бы нѣкоторое отдѣльное существованіе. Замѣчательно и новое положеніе филистимскаго отряда въ Гевѣ. Гева лежитъ къ югу отъ Михмаса на одномъ и томъ же пути отъ Иерусалима къ сѣверу; но оба эти пункта раздѣляетъ глубокая и труднопроходимая вади Сувеинитъ. Между переходами отъ одного пункта къ другому, говорится при описаніи войны израильтянъ съ филистимлянами, возникшей позднѣе, есть острая скала съ одной стороны и острая скала съ другой. Одна скала выдается съ сѣвера къ Михмасу, другая — съ юга къ Гивѣ (Гевѣ). Чтобы взойти на первую Ионаанъ долженъ цѣпляться и руками и ногами (1 Цар. 14, 4. 5. 13)¹). Такимъ образомъ отрядъ филистимскій занимаетъ крѣпкій пунктъ къ югу отъ вади Сувеинитъ насупротивъ Михмаса, крѣпкаго пункта къ сѣверу отъ той же вади, занятаго израильтянами. Ионаанъ разбиваетъ этотъ отрядъ; начинается война съ филистимлянами и расположеніе силъ враждебныхъ происходитъ такъ, что видно опять значеніе указываемой нами линіи. Силы Саула стягиваются къ Галгалу при Иорданѣ (1 Цар. 13, 4). Филистимляне утверждаютъ съ самаго

¹) Сравни Robinson. Palästina. II. B. S. 327. Neuere bibl. Forsch. S. 378—379.

начала войны въ Михмасѣ (5), слѣдовательно къ сѣверу отъ этой линіи. Положеніе ихъ здѣсь кажется имъ вполне безопаснымъ отъ нападенія со стороны Саула и дѣлаетъ ихъ нѣкоторымъ образомъ господами окрестной страны. Отсюда они рассылаютъ отряды для опустошенія страны по тремъ направленіямъ: одинъ къ сѣверу, къ Офрѣ¹), въ округъ Суаль, другой къ западу, по дорогѣ вееронской, и третій „по дорогѣ къ границѣ долины Цевоимъ, къ пустынь“ (13, 17. 18). Послѣдній отрядъ шелъ, кажется, по юговосточному направленію къ іорданской долинь²). Направленіе двухъ послѣднихъ отрядовъ — по дорогѣ вееронской и къ долинь іорданской показываетъ еще разъ, что вдоль пограничной линіи между среднимъ и южнымъ Ханааномъ шла соединительная линія между приморской равниной и іорданской долиной. Между тѣмъ и Саулъ переводитъ свое войско изъ Галгала и располагаетъ его въ Гевѣ (13, 16), слѣдовательно насупротивъ филистимскаго войска, отрядъ коего, оставшійся въ Михмасѣ, передвигается къ переправѣ михмасской (13, 23). Теперь оба войска стоятъ близко одно отъ другаго, ихъ отдѣляетъ одна лишь долина, но долина, какъ мы уже говорили, въ высшей степени трудно проходимая; нападеніе прямое не возможно ни съ той, ни съ другой стороны, ни для цѣхоты, ни тѣмъ болѣе для конницы, которою были сильны филистимляне.

¹) Guérin вслѣдъ за Робинзономъ отождествляетъ Офру съ нинѣшнимъ Thauveh. Judée. t. III. p. 45—51.

²) По Робинзону граница, о которой здѣсь говорится, граница между Вениаминомъ и Иудею, а долина Цевоимъ, быть можетъ, открытая долина въ южномъ направленіи отъ Михмаса, одна изъ главныхъ вѣтвей вади Кельтъ. Physische Geographie des heil. Landes. S. 93. Но при такомъ направленіи отряда Саулъ едва ли могъ поставить свой отрядъ въ Гевѣ. Робинзонъ разумѣетъ здѣсь Гиву Вениаминову; но и въ этомъ случаѣ путь къ Михмасу былъ бы во власти филистимлянъ. Естественнѣе предполагать, что филистимляне приняли юговосточное направленіе къ іорданской долинь по сѣверной сторонѣ вади Сувеинитъ, быть можетъ, къ Галгалу. При этомъ предположеніи опасеніе Саула подвергнуться нападенію со стороны филистимлянъ въ Галгалѣ имѣло бы реальное основаніе (13, 12).

Впрочемъ Саулъ отводитъ свой отрядъ въ Гиву Веніамину (14, 2). При незначительности отряда, располагая его въ Гевѣ противъ филистимскаго войска, ослабленнаго высылкою отрядовъ, Саулъ, быть можетъ, рассчитывалъ напасть на него какъ либо невзначай. Когда же филистимляне, быть можетъ, подозрѣвая это намѣреніе Саула, придвинули свой передовой постъ къ крутому проходу, отдѣлявшему Михмасъ отъ Гевы (13, 23), и такимъ образомъ сдѣлали невозможной надежду на внезапное на нихъ нападеніе, Саулъ считаетъ бесполезнымъ и быть можетъ даже опаснымъ дальнѣйшее пребываніе здѣсь. Переводя отрядъ въ Гиву, онъ рассчитываетъ быть можетъ на большую, чѣмъ изъ Гевы, возможность укрыться въ случаѣ натиска со стороны филистимлянъ и на возможность обозрѣвать территорію на болѣе широкомъ пространствѣ—и такимъ образомъ слѣдить за всѣми движеніями враговъ¹⁾. Что Саулъ находитъ невозможнымъ сдѣлать съ цѣлымъ отрядомъ, то дѣлаетъ Іонафанъ съ своимъ оруженосцемъ. Филистимляне такъ сильно увѣрены въ своей безопасности, что первоначально, завидѣвъ двухъ евреевъ, смѣются надъ ними, а когда эти появились на самой горѣ и стали поражать ихъ, они приходятъ въ неописанный ужасъ, — „былъ ужасъ великій отъ Господа“ — и они обратились въ бѣгство (14, 6—15).

По смерти Саула царство его распадается на двѣ неравныя половины: надъ одною, меньшею, именно надъ колѣномъ Іудинымъ (съ колѣномъ Симеоновымъ)²⁾, воцаряется Давидъ; надъ другою, большею, именно надъ остальными колѣнами, Авениръ, полководецъ Саула, воцаряетъ сына его Іевосея (1 Цар. 2, 8—10). Колѣно Веніаминово занимаетъ

¹⁾ Köhler, Lehrbuch. II. S. 159, 160. Ср. Robinson. Neuere bibl. Forsch. въ примѣч. выше. Стр. 37.

²⁾ Прибавляемъ: съ к. Симеоновымъ, потому что оно получило свой удѣлъ среди удѣла сыновъ Іудиныхъ (Нав. 19, 1) и потому раздѣляло въ общемъ его судьбу.

въ послѣднемъ царствѣ выдающееся положеніе (2 Цар. 2, 15. 25; 3, 19). Между тѣмъ область этого колѣна, а быть можетъ и нѣкоторая часть колѣна Данова къ югу отъ указываемой нами границы между среднимъ и южнымъ Ханааномъ, какъ будто находятся фактически подъ влияніемъ Давида¹⁾. Авениръ предпринимаетъ походъ съ восточной стороны Іордана на западную его сторону. Видѣть ли въ этомъ его движеніи „военную прогулку“, предпринятую быть можетъ съ цѣлю вытѣснить охраняемые филистимскіе отряды, какъ думаетъ Богородскій²⁾, или же объяснять его изъ прямого желанія Авенира присоединить къ царству Іевосея и колѣно Іудино, какъ думаютъ Гитцигъ и другіе³⁾, во всякомъ случаѣ оно должно быть подозрительно для Іоава, охраняющаго интересы Давида, и онъ зорко слѣдитъ за нимъ. „И вышелъ Авениръ, сынъ Нировъ, и слуги Іевосея, сына Саулова, изъ Маханаима въ Гаваонъ. Вышелъ и Іоавъ, сынъ Саруи, съ слугами Давида, и встрѣтились у гаваонскаго пруда“ (2 Цар. 2, 12. 13). Замѣчательно здѣсь то, что цѣлю похода Авенирова полагается Гаваонъ и что Іоавъ встрѣчаетъ его именно при Гаваонѣ. То и другое становится понятнымъ, если припомнимъ прежде сказанное о Гаваонѣ и стоящей въ связи съ нимъ раздѣлительной линіи. Авениръ хочетъ очевидно утвердиться на этой линіи—противъ ли филистимлянъ или іудеевъ—это различно для насъ,—чтобы фактически владѣть и надъ странюю къ югу отъ нея или по крайней мѣрѣ закрыть входъ въ царство Іевосея съ юга. Іоавъ встрѣчаетъ его здѣсь, чтобы не допустить его утвердиться здѣсь. Въ глазахъ того и другаго полководца указываемая нами линія имѣетъ во всякомъ случаѣ важное значеніе именно въ смы-

¹⁾ Graetz, Geschichte der Juden. B. I. S. 230.

²⁾ Богородскій, „Еврейскіе цари“. Стр. 140.

³⁾ Hitzig, Geschichte des Volkes Israel. Th. I. S. 138. 139. Душенпол. Чт. 1872. Ч. 3. Стр. 75.

слѣ географической границы между царствами Иевосеея и Давида. Такъ уже въ то время, когда царство Давида ограничивается предѣлами одного колѣна Иудина и столица его находится въ Хевронѣ, въ центрѣ этого колѣна, естественною границею его является нѣкоторымъ образомъ указываемая нами линія въ области колѣна Веніаминова.

Такое же значеніе этой линіи видно и изъ позднѣйшей исторіи Давида, когда столицею его былъ уже Иерусалимъ. О возмущеніи Савея говорится: „и отдѣлились всѣ израильтяне отъ Давида и (пошли) за Савеемъ, сыномъ Бихри; іудеи же остались на сторонѣ царя своего, отъ Іордана до Иерусалима (2 Цар. 20, 2)“. Для прекращенія мятежа Давидъ даетъ порученіе Амессаю въ такихъ словахъ: „созови ко мнѣ іудеевъ въ теченіе трехъ дней и самъ явись сюда“. Амессай не выполняетъ порученія въ назначенный ему срокъ и Давидъ поручаетъ преслѣдованіе Савея Авессѣ. Къ этому послѣднему присоединяется Іоавъ, встрѣчаетъ Амессая у Гаваона и умерщвляетъ его (4—10). Важно для насъ здѣсь то, что Іоавъ встрѣчаетъ Амессая у Гаваона. Амессаю дано порученіе созвать іудеевъ и явиться съ ними въ Иерусалимъ. Амессай конечно трудится надъ исполненіемъ его и по этомъ исполненіи, хотя и не въ указанное ему время, идетъ въ Иерусалимъ чрезъ Гаваонъ. Но какимъ образомъ чрезъ Гаваонъ, когда область колѣна Иудина лежала значительно къ югу отъ него? Объясненіе намъ кажется одно, именно: становясь царемъ въ Иерусалимѣ, Давидъ становится вмѣстѣ съ тѣмъ царемъ и надъ странною къ югу отъ указываемой нами пограничной линіи, и Амессай созываетъ не іудеевъ только, а жителей этой страны вообще. Такимъ образомъ уже ранѣе раздѣленія еврейскаго царства при Ровоамѣ обозначается естественная граница образовавшихся позднѣе царствъ, и этой границею является указываемая нами граница между среднимъ и южнымъ Ханааномъ. Не удивительно поэтому, что именно она при-

знается вообще сѣвѣрною границею царства іудейскаго, какъ видно это изъ выраженія: „отъ Гевы до Вирсави“ (4 Цар. 23, 8), хотя на дѣлѣ граница эта между ними отодвигалась по временамъ и въ ту и въ другую сторону.

Насколько крѣпка указываемая нами пограничная линія, показываетъ слѣдующій фактъ. Въ третьей книгѣ Царствъ говорится: „И вышелъ Вааса, царь израильскій, противъ Іудеи и началъ строить Раму, чтобы никто не выходилъ и не уходилъ (и не приходилъ) къ Асѣ, царю іудейскому“ (15, 17). Эта мѣра Ваасы оказывается настолько чувствительною для Асы, что онъ беретъ все серебро и золото, остававшееся въ сокровищницахъ дома Господня и въ сокровищницахъ дома царскаго, и покупаетъ на нихъ союзъ съ Венададомъ, царемъ сирійскимъ. Когда затѣмъ, вслѣдствіе нападенія послѣдняго царя на царство израильское, Вааса вынужденъ былъ прекратить работы въ Рамѣ, „Аса созвалъ всѣхъ іудеевъ, никого не исключая, и вынесли они изъ Рамы камни и дерева, которыя Вааса употреблялъ для строенія. И выстроилъ изъ нихъ царь Аса Гиву Веніаминову (собственно Геву Веніаминову) и Мицпу“ (22). Положеніе Рамы и Гевы намъ уже извѣстно¹⁾. Рама лежитъ на большомъ и главномъ соединительномъ пути между югомъ и сѣверомъ, теперь между царствами израильскимъ и іудейскимъ, нѣсколько южнѣе указываемой нами пограничной линіи. Гева лежитъ также на пути съ юга на сѣверъ на южной сторонѣ той же линіи. Врагъ ассирійскій вторгается въ Іудею при Езекии, по представленію Исаи, этимъ путемъ — чрезъ Михмасъ, ущелья (вади Сувеинитъ) и Геву (Ис. 10, 29). Но этотъ послѣдній путь и тогда былъ

¹⁾ См. выше. Стр. 25. 31. Положеніе Мицпы, въ колѣнѣ Веніаминовомъ (Нав. 18, 26), опредѣляется различно. Геренъ отождествляетъ ее съ вѣнѣннимъ Châfath къ сѣверу отъ Иерусалима, между нимъ и Тель-ель Фуль, другіе съ Неби-Самуэль (Description. Judée. I. p. 395—401.

война между Асою и Ваасою, царемъ израильскимъ, во все дни ихъ. И затѣмъ въ ст. 17: „и вышелъ Вааса, царь израильскій, противъ Іудеи и началъ строить Раму, чтобы никто не выходилъ и не уходилъ къ Асѣ, царю іудейскому. Далѣе, ст. 18: „и взялъ Аса все серебро и золото... чтобы купить союзъ съ Венададомъ, царемъ сирійскимъ“. По этому контексту укрѣпленіе Рамы предпринято было Ваасою во время войны, слѣдовательно по соображеніямъ военнымъ и слѣдовательно имѣло въ виду не просто удержаніе своихъ подданныхъ отъ хожденія или выселенія въ Іудею, а такъ или иначе стѣснить самаго Асу. Такое предположеніе о войнѣ, предшествовавшей укрѣпленію Рамы Ваасою, слѣдуетъ и изъ мѣстоположенія Рамы. Рама лежала южнѣе Вееиля и принадлежала къ царству іудейскому. Между тѣмъ объ Авии, отцѣ Асы, рассказывается, что въ войнѣ съ Іеровоамомъ онъ взялъ между прочимъ Вееиль, лежавшій къ сѣверу на одномъ пути съ Рамою. Далѣе рассказывается объ Іеровоамѣ, что онъ уже не входилъ въ силу во дни Авии (2 Пар. 13, 19. 20). Не видно, чтобы и Наватъ, сынъ Іеровоама, возвратилъ завоеванія Авии. Поэтому, чтобы укрѣпить Раму, Вааса долженъ былъ сначала взять ее, а прежде этого снова завоевать Вееиль и другіе города, лежавшіе къ сѣверу отъ Рамы, и принадлежавшіе къ царству іудейскому. Словомъ, укрѣпленію Рамы должна была предшествовать война между Асою и Ваасою. Чтобы заручиться успѣхомъ въ этой войнѣ, Вааса заключаетъ союзъ съ царемъ сирійскимъ (3 Цар. 15, 19; 2 Пар. 16, 3). Цѣлю Ваасы при укрѣпленіи Рамы можетъ быть—намѣреніе защитить проходъ, ведущій изъ Іудеи въ царство израильское, и именно со стороны самой Іудеи,—безпокоить Асу набѣгами на его царство, какъ объясняетъ цѣль укрѣпленія Рамы Іосифъ Флавій¹⁾, и постояннымъ

¹⁾ Antiquit. VIII, 11. 3. М. Богословскій. Священная Исторія Вѣхаго Заѣта. С.П. Изданте 2. стр. 315.

надзоромъ отсюда за нимъ связать его въ своихъ движеніяхъ по отношенію ко внѣ и прежде всего въ его движеніяхъ враждебныхъ—противъ израильскаго царства. Возможно при этомъ и намѣреніе порвать вообще всякое прямое общеніе между израильскимъ и іудейскимъ царствами, что должно быть особенно тяжело для іудейскаго царства, заключеннаго въ своихъ крѣпкихъ границахъ¹⁾, и частіе воспрепятствовать переселенію израильтянъ въ царство іудейское²⁾. Можно думать, что намѣреніе Ваасы укрѣпить Раму особенно усилилось и стало приходить къ осуществленію именно послѣ побѣды Асы надъ еѳіоплянами (2 Пар. 15, 10. 19; 16, 1)³⁾. Въ это время и переселенія израильтянъ могли усилиться и воинственный энтузіазмъ іудеевъ воспламененъ былъ только что одержанной побѣдою. Этому энтузіазму какъ бы указывается новый выходъ въ рѣчи пророка Азаріи, произнесенной при встрѣчѣ Асы, возвращавшагося послѣ побѣды. Въ рѣчи своей пророкъ противопоставляетъ іудеевъ и израильтянъ: съ іудеями Богъ и они теперь укрѣпились, напротивъ у израильтянъ „нѣтъ ни Бога истиннаго, ни священника-учителя, ни закона... И надъ ними тяготѣетъ теперь ужасъ, и междоусобная война ослабляетъ ихъ (2 Пар. 15, 1—7)⁴⁾. Въ этомъ противопоставленіи Вааса, до слуха котораго дошла конечно эта рѣчь, легко могъ предположить возбужденіе іудеевъ противъ израильтянъ и потому постарался поспѣшить предпринять

¹⁾ Ewald. Geschichte V. III. S. 483.

²⁾ Кейль видитъ въ построеніи Рамы намѣреніе Ваасы не только удержать своихъ подданныхъ отъ перехода въ царство іудейское, но и отрѣзать царству Іудину свободное сношеніе съ сѣверомъ. Bibl. Comm. Die Bücher der Könige. S. 164.

³⁾ Въ 16, 1 годъ 36 годовъ царствованія Асы разумѣютъ обыкновенно 36 годъ отъ раздѣленія еврейскаго царства, соответствующій 15 году царствованія Асы. Hengstenberg. Geschichte des Reiches Gottes. P. II. 2. Hälfte. S. 169.

⁴⁾ По переводу Максимовича.

разнообразіе ея поверхности: горы и доли, холмы и равнины чередуются въ ней удивительно быстро. Образуется множество территорій, болѣе или менѣе замкнутыхъ и изолированныхъ отъ другихъ, располагающихъ жителей ихъ къ жизни болѣе или менѣе отдѣльной отъ другихъ и независимой. Соответственно съ этимъ строемъ страны и жители ея съ древнихъ временъ ведутъ жизнь болѣе или менѣе разрозненную, разъединенную, и даже въ то время, когда, повидимому, они составляютъ цѣльный и сильный единый политическій организмъ, внутри его скрываются признаки и задатки разъединенія.

Первобытными жителями Палестины большинство изслѣдователей¹⁾ признаютъ племена, извѣстныя подъ общимъ именемъ рефаимовъ, быть можетъ, семитическаго происхожденія²⁾. Библейскій разсказъ тамъ, гдѣ онъ начинаетъ говорить подробнѣе о Ханаанѣ, не застаётъ уже ихъ на западной сторонѣ Иордана, или, быть можетъ, точнѣе не упоминаетъ о нихъ въ этой части страны, такъ какъ изъ болѣе позднихъ извѣстій видно, что они, и именно энаимы, жили здѣсь еще во время Моисея и Исуса Навина (Числ. 13, 23. 29. 34; Второз. 9, 2. Нав. 15, 14)³⁾. Но на восточной сторонѣ Иордана они живутъ еще и въ то время, именно во время Авраама, и именно: рефаимы въ тѣсномъ смыслѣ

¹⁾ Bertr. Zur Geschichte der Israeliten. S. 138. Ewald. Geschichte. I S. 323. 336; I. G. Müller. Real-Encyklop. VII, 239; XII, 733.

²⁾ Такъ думаютъ Эвальдъ, Geschichte 1. 333; Lengerke, Kanaan. 180; Курциъ, Geschichte des Alten Bundes. Ausg. 2. B. 1. S. 123. 124; Köhler, Lehrbuch. 1. 74. 75. Гейнценбергъ напротивъ считаетъ ихъ хамитами Geschichte 1, 116; Гитцигъ—индогерманцами, Geschichte des Volkes Israel. 1. 28—30; Мюллеръ—аборигенами или автохтонами неизвѣстнаго происхожденія, I. G. Müller, Semiten in ihrem Verhältniss zu Chamiten und Iaphetiten. 1872. S. 124.

³⁾ Въ в. Числ. 13, 29 (30) при перечисленіи жителей Хаанаана сыны энаковы не упоминаются, изъ чего можно заключать, что они не составляли особаго значительнаго народа, а жили болѣе или менѣе разсѣянно среди хананеевъ.

въ области Васана при Аштерое Карнаимъ (Быт. 14, 5), зузимы или замзумимы при Гамъ въ поздней области аммонитянъ (Быт. 14, 5; Втор. 2, 20. 21)¹⁾, наконецъ еще южнѣе въ поздней области моавитянъ, при Шаве-Кириаѳаимъ, эмимы (Быт. 14, 5; Втор. 2, 10. 11). Всѣ эти племена рефаимскія, хотя и родственныя по своему происхожденію, живутъ отдѣльно одно отъ другаго и внѣ связи между собою: не видно между ними союза даже въ виду грозившей опасности, союза, подобнаго тому, какой заключили между собою, въ виду этой опасности, цари сиддонской долины: гоморрскій и др. (Быт. 14, 2. 4. 8). Къ этому разъединенію политическому интересно съ нашей точки зрѣнія замѣтить, что племена эти, по крайней мѣрѣ первыя два, жили на территоріяхъ, отдѣленныхъ одна отъ другой рѣкою Иеромакомъ, одвой изъ двухъ, раздѣлявшихъ заиорданскую страну, въ разсматриваемыхъ нами границахъ, на три части. Быть можетъ, и эмимы, жившіе въ землѣ моавитской, жили въ большей своей части къ югу отъ Арнона. Болѣе, чѣмъ объ этомъ простомъ соответствіи въ жизни рефаимовъ съ дѣленіемъ заиорданской страны, не можемъ сказать. Вопросъ о какой либо связи между ихъ и ея дѣленіемъ—оставляемъ открытымъ.

Рефаимы вытѣсняются изъ Хаанаана, собственно съ западной стороны Иордана, хананеями. Уже во время Авраама „въ землѣ сей (жили) хананеи“ (Быт. 12, 6). Позднѣе они вытѣснены и съ восточной стороны Иордана, именно эмимы и замзумимы—аммонитянами и моавитянами (Втор. 2, 9—11. 19—22), а рефаимы, жившіе въ Васанѣ, аморреями. Во время Моисея здѣсь господствуютъ хананеи, собственно аморреи (Числ. 21, 21—26). И лишь Огъ, рефаимъ, царь васанскій, господствуетъ надъ чуждымъ ему населеніемъ (Втор. 3, 11.

¹⁾ Тождество зузимовъ и замзумимовъ слѣдуетъ изъ ихъ мѣстожителства. Köhler. Lehrbuch 1. 72. Ewald. Geschichte I. 329.

Ср. ст. 8). Эти новые поселенцы въ странѣ ханаанской раздѣляются въ свою очередь, подобно своимъ предшественникамъ, на нѣсколько отдѣльныхъ и независимыхъ одно отъ другаго племенъ. Точное опредѣленіе числа этихъ племенъ трудно. Родословная потомковъ Ноя показываетъ одиннадцать сыновъ Ханаана, т. е. народовъ, происшедшихъ отъ Ханаана (Быт. 10, 15—18); шесть изъ нихъ: сидоняне, аркеяне, синейне, арвадеи, демареи и хамаеи живутъ въ Финикіи и Сиріи, отъ Сидона до лежащей при Оронѣ Эпифаніи сирійской¹⁾; остальные пять, именно: хеттеи, іевусеи, аморреи, гергесеи, евеи, объединяясь подъ общимъ именемъ хананеевъ, живутъ въ странѣ ханаанской. Въ другихъ мѣстахъ, вмѣсто пяти народовъ ханаанскихъ, поселившихся въ Ханаанъ, считается семь (Втор. 7, 1; Нав. 3, 10; 24, 11), чаще шесть (Исх. 3, 8. 17; 23, 23 и др.; по LXX и въ этихъ мѣстахъ семь), пять (по LXX семь. Исх. 13, 5), три (евеи, хананеи и хеттеи, Исх. 23, 28) и два (аморреи и хананеи, Нав. 5, 1). Эвальдъ думаетъ, что одиннадцать именъ сыновъ Ханаана, показанныя въ родословной, означаютъ только историческія главныя группы, которыя могутъ еще быть наблюдаемы въ безконечно разрозненномъ цѣломъ²⁾. И общее названіе всего населенія страны въ его совокупности не одинаково: то употребляется для этого имя хананеевъ (Быт. 10, 19; 12, 6; 12, 6; 24, 3 и др.), то имя аморреевъ (Быт. 15, 16; 48, 22; Нав. 24, 15; Суд. 6, 10 и др.), то, впрочемъ рѣже, имя хеттеевъ (Нав. 1, 4; ср. 3 Ц. 10, 29; 4 Цар. 7, 6). Равнымъ образомъ трудно опредѣлить точно и территорію, занимаемую каждымъ изъ указанныхъ выше племенъ или народовъ. Въ книгѣ Числъ общее ихъ распредѣленіе по землѣ описывается такъ: амаликъ живетъ на южной сторонѣ земли, хеттеи, (LXX: евеи), іевусеи и аморреи живутъ на горѣ, хананеи-же живутъ при морѣ и на берегу Іордана (13, 30).

¹⁾ Köhler. Lehrbuch. 1. 76.

²⁾ Ewald. Geschichte. B. 1. S. 346.

Такъ точно распредѣляются они (за исключеніемъ амалика, который совсѣмъ не упоминается) и въ книгѣ Іисуса Навина: —хананеи къ востоку (въ іорданской долинѣ) и къ морю, аморреи, хеттеи, ферезеи и іевусеи—на горѣ и евеи подлѣ Ермова въ землѣ Массифѣ (11, 3). Но то и другое распредѣленіе жителей Ханаана, по занимаемымъ ими территоріямъ, слишкомъ обще. Оно означаетъ только, что хананеи жили (преимущественно) въ приморской равнинѣ и въ іорданской долинѣ; аморреи, хеттеи, ферезеи и іевусеи во внутренней горной странѣ Ханаана, евеи же на сѣверѣ Ханаана. Остается вопросъ о болѣе точномъ, частномъ, опредѣленіи территорій каждаго изъ племенъ, жившихъ въ горной части страны. И на этотъ вопросъ отвѣтить съ желательною точностью и ясностью—трудно. Трудность заключается въ томъ, что одинъ и тотъ же народъ представляется живущимъ на разныхъ мѣстахъ страны, проводя такимъ образомъ раздѣленіе между народами одного и того же корня еще далѣе въ среду самаго народа отдѣльнаго,—и что часто въ одномъ и томъ же мѣстѣ представляются живущими различныя народы или ихъ части. Представимъ то и другое нагляднѣе на примѣрѣ аморреевъ, одного изъ наиболѣе значительныхъ хананейскихъ народовъ. Аморреи, какъ мы видѣли уже изъ приведенныхъ выше мѣстъ, жители горъ или горной части страны. По нимъ гора Ханаана называется горою аморрейскою (Втор. 1, 7. 19. 20. 44). Живущіе на горѣ Іудиной цари называются для краткости аморрейскими (Нав. 10, 5. 6), хотя сюда включены царь іевусейскаго Іерусалима и царь хеттейскаго Хеврона. Союзники Авраама, жители Хеврона, называются аморреями (Быт. 14, 13), а между тѣмъ этотъ городъ населенъ хеттеями (23, 3 и д.). Жители Гаваона называются аморреями (2 Цар. 21, 2), тогда какъ они были собственно евеи (Нав. 11, 19). Аморреи упоминаются какъ на горахъ южной половины Ханаана, даже до самой крайней южной его границы (Быт. 14, 7; Суд. 1, 36), такъ и на горахъ

сѣверной половины (Нав. 11, 3). Они проникаютъ даже въ заіорданскую страну (Числ. 32, 39; Нав. 9, 10; 24, 8), завоевываютъ ее отъ Ермона и Васана даже до Арнона (Втор. 4, 46—48; Числ. 21, 13. 24) и еще во время Моисея дѣлаютъ новыя завоеванія въ землѣ моавитской (Числ. 21, 27—29). Такое широкое распространеніе аморреевъ свидѣлствуетъ объ ихъ значительномъ могуществѣ среди другихъ родственннхъ имъ народовъ,—могуществѣ, въ силу котораго ихъ имя становится техническимъ выраженіемъ для обозначенія населенія Ханаана вообще, хотя бы въ извѣстныхъ мѣстахъ жили и не аморреи. Подобно аморреямъ и другіе ханаанскіе народы живутъ, разбившись на отдѣльныя части, въ разныхъ мѣстахъ страны¹⁾. Поверхность Палестины, какъ бы разорванная на множество мелкихъ частей самаго разнообразнаго вида и строенія, препятствуетъ народамъ селиться въ одномъ мѣстѣ; напротивъ холмы и долины, горы и равнины, быстро чередующіеся между собою и незначительные по своему пространству и величинѣ, манятъ къ себѣ отдѣльныя части народовъ, гдѣ онѣ и живутъ вѣвъ связи съ своимъ цѣлымъ и независимо отъ своихъ чуждыхъ или,

¹⁾ Ханаанъ въ тѣсномъ смыслѣ жили на низменностяхъ, на равнинахъ, въ долинахъ и вообще въ ровныхъ областяхъ страны (Числ. 14, 25),—въ особенности же на морскомъ берегу, въ іорданской долинѣ и въ равнинѣ изреельской (Числ. 13, 30; Нав. 5, 1; 11, 3; 17, 16); хеттеи—въ Хевронѣ (Быт. 23); ферезеи преимущественно въ позднихъ областяхъ коленъ Ефремова и Манассина (Нав. 17, 15), при Веелѣ (Быт. 13, 3. 7) и Сихемѣ (Быт. 34, 30), а также, кажется, въ нѣкоторыхъ частяхъ поздняго колѣна Иудина (Суд. 1, 4 (?)), іевусеи въ Иерусалимѣ и около него (Нав. 15, 63; Суд. 1, 21; 2 Цар. 5, 6); разъ упоминаются они и въ сѣверной половинѣ страны къ западу отъ Іордана (Нав. 11, 3); евеи жили и въ среднемъ Ханаанѣ: такъ князь сихемскій называется во время Іакова евеемъ (Быт. 34, 2); жители Гаваона во время Іисуса Навина евеи (Нав. 11, 19); евеи находятся и въ сѣверныхъ частяхъ западноіорданской страны—на Ливанѣ и даже до Емаа (Нав. 11, 3; Суд. 3, 3; 2 Цар. 24, 7); относительно гергесеевъ можно доказать только, что они жили на западной сторонѣ Іордана, но не въ какой мѣстности этой страны (Нав. 24, 11).

быть можетъ точнѣе, менѣе родственннхъ сосѣдей, какой образъ жизни возможенъ несомнѣнно на первыхъ порахъ исторіи народа, когда еще не установились твердыя границы отдѣльныхъ владѣній. И политическое устройство различныхъ ханаанейскихъ народовъ различно. Уже во время Авраама, какъ и позднѣе во время І. Навина, страна распадается на множество городовъ съ ихъ городскими округами, изъ коихъ каждый имѣетъ независимаго царя. Такъ изъ времени Авраама извѣстны пять царей городовъ въ области теперешняго Мертваго моря (Быт. 14.), царь салимскій (14, 18), царь сихемскій (Быт. 34); есть конечно и другіе, хотя и неизвѣстны въ исторіи. Во время І. Навина ихъ несравненно болѣе. Въ непродолжительное время завоеванія Ханаана, къ западу отъ Іордана, онъ поражаетъ тридцать одного царя (Нав. 12, 7—24). Въ книгѣ Судей говорится даже о 70-ти царяхъ (Суд. 1, 7). Власть царей въ это время, а можетъ быть и позднѣе, была ограниченная: намѣреваясь заключить союзъ съ сынами Іакова, царь сихемскій ведетъ предварительно переговоры объ этомъ съ своими подданными (Быт. 34). Въ отдѣльныхъ городахъ существуетъ и аристократическое или демократическое устройство. Такъ у хеттеевъ въ Хевронѣ верховная власть принадлежитъ, кажется, народному собранію (Быт. 23). Позднѣе, во время І. Навина, подобное устройство существуетъ въ Гаваонѣ. Старѣйшины его и граждане рѣшаютъ все (Нав. 9). И въ перечнѣ царей ханаанскихъ, побѣжденныхъ Іисусомъ Навиномъ, царя гаваонскаго нѣтъ (Нав. 12, 7—24). Изъ всего этого видно до нѣкоторой степени соотношеніе между страной и ея населеніемъ. Подобно странѣ съ самою разнообразною поверхностью и населеніе ея слишкомъ разнообразно и разъединено не только въ отдѣльныхъ народахъ, но и въ отдѣльныхъ частяхъ одного и того же народа. Но простое ли соответствіе здѣсь между тою и другимъ или же дѣйствительная связь, дѣйствительная зависимость послѣдняго отъ первой? Какъ ни желателенъ для насъ утвер-

длительный отвѣтъ на эти вопросы, мы должны сознаться, что дать его съ осязательною ясностью едвали можно; всегда возможно будетъ услышать, что здѣсь простое случайное совпаденіе, а не дѣйствительная связь. Причины этого различны: невозможность имѣть ясное представленіе о поверхности страны въ ея подробностяхъ, не видѣвъ ея своими глазами; трудность, уже указанная нами, точно опредѣлить мѣстожителство различныхъ народовъ и различныхъ частей этихъ народовъ, гдѣ это нужно, и наконецъ возможная зависимость разьединенія въ народѣ не столько отъ вліяній страны поселенія, сколько отъ характера самаго народа, склоннаго къ разьединенію, въ какой бы странѣ онъ ни жилъ. Нѣкоторое уясненіе отношенія между раздробленностью страны ханаанской и разрозненностью населяющихъ ее хананеевъ можно бы получить путемъ сравненія жизни ихъ при другихъ условіяхъ. Для такого сравненія могли бы служить три страны, населенныя также хананеями,—заіорданская страна, Финикія и кареагенская область. Но за недостаткомъ нужныхъ для этого данныхъ относительно Финикіи и кареагенской области остановимся на одной восточной сторонѣ Іордана. Сравненіе съ нею можетъ, кажется, говорить въ пользу хотя нѣкоторой зависимости ханаанскаго населенія отъ характера страны. Страна заіорданская представляетъ менѣе разнообразія сравнительно съ страной къ западу отъ Іордана. На сѣверѣ ея большая горная равнина, переходящая даже за Іеромаксъ, къ югу гора Галаадъ опять болѣе однообразная и отъ Равватъ Аммоиа до Арнона опять болѣею частью горная равнина¹⁾. Большему однообразію страны соотвѣтствуютъ и большее единство и большая сплоченность хананейскаго (собственно аморрейскаго) населенія, заступившаго собою мѣсто прежнихъ жителей страны—рефаимовъ. Во время Моисея мы находимъ только два царства аморрейскихъ во всей заіорданской

¹⁾ Raumer. Palästina. 69. 70. 81. 82.

странѣ отъ Ермона на сѣверѣ и до Арнона на югѣ. Оба эти царства не стоятъ между собою въ тѣсныхъ сношеніяхъ и не заключаютъ между собою союза даже въ виду общаго врага и тѣмъ напоминаютъ разрозненность хананеевъ на западной сторонѣ Іордана. Но сами въ себѣ оба они и обширны и сильны. Тогда какъ у хананеевъ западныхъ владѣнія почти каждаго царя ограничиваются однимъ городомъ и его ближайшимъ округомъ, владѣнія царя Сигона простираются отъ Арнона на югѣ до низняго Іавока на сѣверѣ и Іордана на западѣ, и по долину его даже до Геннисаретскаго озера; владѣнія Ога, царя васанскаго, простираются отъ Іавока на югѣ до Ермона на сѣверѣ и къ востоку до Салхи и обнимаютъ весь Васанъ и половину Галаада (Нав. 12, 1—5)¹⁾. Границею ихъ между собою служитъ рѣка Іавокъ, одна изъ тѣхъ рѣкъ, на которыя мы указывали выше, какъ на естественные дѣлители страны заіорданской по ея ширинѣ. Такое значительное различіе въ политической жизни одного и того же народа въ разныхъ странахъ свидѣтельствуетъ ясно, намъ кажется, о нѣкоторой зависимости его въ этомъ отношеніи отъ различнаго характера занимаемыхъ имъ странъ—по сю и по ту сторону Іордана.

Кромѣ дѣленія Палестины, такъ сказать, повсюднаго, зависящаго отъ слишкомъ разнообразной и измѣнчивой ея поверхности, и обусловливаемой этимъ значительной раздробленности въ ея населеніи, есть, какъ мы говорили, болѣе крупныя и потому рѣзче обозначенныя дѣленія Палестины. Важнѣйшее изъ нихъ—дѣленіе ея Іорданомъ и его глубокою долиною Ель-Горъ на двѣ половины—восточную и западную. И это болѣе рѣзкое географическое дѣленіе страны имѣло болѣе рѣшительное, въ смыслѣ разьединенія, вліяніе на жизнь ея обитателей. Обратимся за доказательствами къ древнѣйшей исторіи страны. Начнемъ

¹⁾ Ibid. 224.

опять съ первобытныхъ жителей—рефаимовъ. Всѣ тѣ, которые видятъ въ рефаимахъ первобытныхъ жителей Палестины, согласны между собою и въ томъ, что они жили первоначально во всей странѣ и къ востоку, и къ западу отъ Иордана¹⁾ и лишь позднѣе оттѣснены были хананеями на восточную сторону Иордана и отчасти (по позднимъ извѣстіямъ) на югъ западной страны (энакимы). Библейскій рассказъ застаётъ ихъ, какъ мы уже говорили, на этихъ только мѣстахъ. Рѣка Иорданъ служила такимъ образомъ границею, отдѣлявшею рефаимовъ отъ позднѣйшихъ поселенцевъ—хананеевъ. И политическая жизнь рефаимовъ идетъ независимо отъ жизни ихъ западныхъ сосѣдей. Во время Авраама рефаимы подвергаются нападенію и пораженію со стороны Кедорлаомера, царя еламскаго, и союзныхъ съ нимъ, или подчиненныхъ ему, другихъ царей заевфратскихъ. Конечная цѣль похода Кедорлаомерова не они сами, а цари содомскій, гоморрескій и другіе трое, бывшіе въ союзѣ съ тѣми. Цари эти еще прежде подчинены были Кедорлаомеромъ, платили ему подати въ теченіи двѣнадцати лѣтъ и теперь отложились отъ него. Очевъ возможно, что и рефаимы приняли такое или иное участіе въ возмущеніи царей и тѣмъ навлекли на себя подозрѣніе и потомъ наказаніе со стороны Кедорлаомера. Быть совершенно независимыми отъ него прежде этого и послѣ того первоначальнаго завоевательнаго похода противъ содомлянъ—рефаимы едва ли могли по самому положенію территоріи, ими занимаемой и лежащей на пути Кедорлаомера, хотя библейскій рассказъ ничего не говоритъ о первоначальномъ подчиненіи ихъ. Какъ бы то ни было, для насъ важно то, что походъ Кедорлаомера проносится, подобно бурному урагану, по восточной сторонѣ Иордана, огибаетъ съ юга (нынѣшнее) Мертвое море, проникаетъ далеко въ аравійскую пустыню на югъ Палестины, возвращается потомъ къ главной своей

¹⁾ Напр. Эвальдъ, Geschichte des Volkes Israel. 1. 333.

цѣли Содому, Гоморрѣ и др., но не касается страны къ западу отъ Иордана (Быт. 14, 1—12). На основаніи библейскаго рассказа трудно даже судить о томъ, была ли эта послѣдняя въ зависимости отъ Кедорлаомера. Походъ Авраама противъ побѣдителей для освобожденія Лота могъ бы говорить до нѣкоторой степени о независимости по крайней мѣрѣ южнаго Хаанаана къ западу отъ Иордана, отъ заевфратскихъ царей. Но общія соображенія заставляютъ полагать, что и страна къ западу отъ Иордана или по крайней мѣрѣ ея приморская (прежде всего финикійская) часть, была отъ него въ зависимости. Страна заиорданская сама по себѣ, включая въ нее даже тотъ уголокъ земли между скалами западной и восточной странъ, который въ то время подобенъ былъ „саду Господню“ и „землѣ египетской“, а теперь пустыня, наводящая ужасъ своимъ безплодіемъ, не настолько привлекательна, чтобы быть главною цѣлью завоевательной политики столь отдаленнаго монарха. Она можетъ быть завоевана по пути, мимоходомъ, для обезопасенія пути къ главной цѣли. Такою цѣлью для позднѣйшихъ монарховъ Ассиріи, Вавилоніи и Персіи было обладаніе морскимъ, преимущественно финикійскимъ берегомъ Палестины, а также и берегами Аравійскаго залива. Причина понятна: монархи, имѣвшіе въ своихъ рукахъ торговлю въ Персидскомъ заливѣ, хотѣли захватить въ свои же руки обширную торговлю въ Средиземномъ морѣ и Аравійскомъ заливѣ и такимъ образомъ стать господами и распорядителями всесвѣтной тогдашней торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми обладателями выгодъ отъ нея. Что было цѣлью и что служило мотивомъ къ ея достиженію для позднѣйшихъ азіатскихъ монарховъ, то самое было и цѣлью и мотивомъ и для Кедорлаомера еламскаго. И въ частности нужно думать, что походъ противъ царей сидимской долины, а также и вообще сосѣднихъ съ нею народовъ, предпринятъ былъ имъ для обезпеченія обладанія

торговую гаванью на Эланитскомъ заливѣ¹⁾). Такое широкое распространение господства царя еламскаго даже до Средиземнаго моря, въ прежнее время возбуждавшее сомнѣніе въ достовѣрности библейскаго разсказа, въ настоящее время подтверждается блестящимъ образомъ, благодаря позднѣйшимъ открытіямъ въ области ассиріологии, документами, въ которомъ смыслъ современными самому походу Кедорлаомера²⁾). Но для нашего частнаго вопроса данныя ассиріологии ничего не даютъ.

¹⁾ Köhler. Lehrbuch. 1. 24.

²⁾ Въ прежнее время библейскій разсказъ о походѣ Кедорлаомера, царя еламскаго, въ Палестину считался неподлиннымъ: находили невозможнымъ и недоказаннымъ исторически, что Елимаида и Сузіана распространяли когда либо свое господство до Средиземнаго моря (Кнобель), почему самый разсказъ считали вымысломъ, составленнымъ по подражанію походу Сеннахиримову, бывшему также „въ четырнадцатомъ году“ (Гитцигъ). Гротеведъ, первый открывшій ключъ къ клинообразному письму, видѣлъ даже въ Кедорлаомерѣ и его трехъ союзникахъ олицетвореніе четырехъ временъ года. Свои объясненія онъ основывалъ на этимологии. Въ пяти же царяхъ сиддимской долины онъ видѣлъ тѣ пять дней, которые остаются въ году послѣ 360 дней и которые ознаменовываемы были, по Берозу, празднествомъ рабовъ, когда они, „какъ и цари пентаполиса“, разыгрывали роль господъ и ставили надъ собою одного изъ своихъ среди, которій одѣвался въ цоганъ или царскую мантию. Теперь, благодаря открытіямъ ассиріологии, библейскій разсказъ (Быт. 14) получаетъ полную историческую достовѣрность. Признано, что имена царей азіатскихъ, упомянутыхъ въ разсказѣ 14 гл. книги Бытія, носятъ на себѣ отпечатокъ халдейскій и имѣютъ параллели на халдейскихъ памятникахъ самыхъ древнихъ. Особенно яркій свѣтъ проливаютъ данныя ассиріологии на Кедорлаомера, царя еламскаго. Ассурбанипаль, царь ассирійскій, разсказываетъ въ одной своей надписи, что, взявши Сузы, столицу Елама, онъ нашелъ тамъ статую богини Нана, которая была вынесена изъ Вавилоніи тысяча шестьсотъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ еламскимъ царемъ Кудурнанкунди. Киричи съ именемъ Кудур-Мабука, другаго царя той же династіи, найденные въ Муггейрѣ—Урѣ халдейскомъ, сообщаютъ намъ, что онъ построилъ въ этомъ городѣ храмъ въ честь бога Сина (луны). Тотъ же царь величаетъ себя господиномъ земли западной, т. е. страны ханаанской (?). Изъ этихъ туземныхъ извѣстій видно, что въ Еламѣ была династія, въ составныхъ именахъ царей которой было слово Кудуръ, напоми-

О взаимныхъ отношеніяхъ хананцевъ по сю и по ту сторону Иордана, заступившихъ мѣсто рефаимовъ, мало извѣстно. Основываясь на свѣденіяхъ, сообщаемыхъ Библиею относительно царей Сигона и Ога, можно сказать, что западные хананеи не приняли никакого участія въ войнѣ этихъ царей съ израильтянами. Даже болѣе. Въ виду завоеваній Израилемъ восточной стороны Иордана, они не приняли мѣръ съ своей стороны для отраженія возможнаго вторженія въ ихъ страну, быть можетъ предполагая, что Иорданъ защититъ ихъ отъ врага, что и эта новая буря разразится лишь надъ этою одною страной, подобно тому, какъ нѣкогда буря похода Кедорлаомерова. Правда, Раавъ, скрывавшая у себя израильтянскихъ соглядатаевъ, даетъ нѣкоторое основаніе иначе объяснять кажущуюся безпечность хананцевъ, тѣмъ, что они потеряли голову отъ вѣстей объ успѣхахъ еврейскихъ; но это объясненіе можетъ выражать прежде всего настроеніе ея согражданъ и, быть можетъ, нечуждо нѣкоторой лести соглядатаямъ, отъ которыхъ она ждетъ себѣ спасенія въ случаѣ бѣды (Нав. 2).

нающее Кедоръ въ библейскомъ имени Кедорлаомеръ (но LXX Ходоръ-Логоморъ),—другая составная часть имени—Кедорлаомера—лаомеръ (LXX—логоморъ) соответствуетъ имени еламскаго божества—Лагамаръ,—что господство этой династіи простиралось на Халдею и землю западную, т. е. ханаанскую, и слѣдовательно до Средиземнаго моря,—и что оно падаетъ приблизительно на время Авраама. Последнее вытекаетъ изъ слѣдующаго. Какъ видно изъ приведенной выше надписи Ассурбанипала, онъ возвратилъ изъ Сузъ статую богини Нана, которая была взята изъ Вавилоніи за 1635 л. до этого. Взятіе Сузъ Ассурбанипаломъ произошло въ 645 году до Р. X., слѣдовательно Кудурнанкунди, царь еламскій, взявшій статую изъ Вавилоніи, былъ государемъ въ Халдеѣ около 2280 (1635 + 645 = 2280 г.) до Р. X. По хронологическимъ вычисленіямъ Bosanquet еламское господство надъ Месопотаміею продолжалось 224 года, начиная съ 2287 г. до Р. X. На этотъ періодъ весь или на часть его падаетъ слѣдовательно господство еламитянъ и надъ Ханааномъ. Переселеніе Авраама въ Ханаанъ падаетъ приблизительно на время около 2000 лѣтъ. F Vigouroux. La Bible et les découvertes modernes en Egypte et en Assyrie. Paris. 1877. t. I. p. 360—374. Eb. Schrader. Die Keilinschriften und das Alte Testament. Aug. 1883. S. 135—137.

Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что хананеи заиорданскіе должны были отбиваться однаими своими силами и хананеи западные взялись за умъ—общими силами противодействовать врагу лишь тогда, когда онъ былъ въ ихъ предѣлахъ и сдѣлалъ первыя и ужасныя по сопровождавшимъ ихъ обстоятельствамъ завоеванія (Нав. 10, 1—5; 11, 1—5).

Въ настоящемъ мѣстѣ можно бы призвать на помощь Библию египтологію. Данныя послѣдней проливаютъ довольно яркій свѣтъ на внутреннее состояніе Ханаана прежде и, быть можетъ, непосредственно послѣ завоеванія его израильтянами¹⁾. Но и они не даютъ прямого отвѣта на занимающій насъ вопросъ; кое что можно извлечь изъ нихъ лишь путемъ заключеній. Послѣ изгнанія гиксовъ изъ Египта, фараоны, начиная съ Тотмеса I, открываютъ походы противъ передней Азіи съ тѣмъ, чтобы „омыть свое сердце“, отмстить врагамъ на самой ихъ родинѣ за позоръ пораженія и бѣдствія, причиненныя ими Египту. Эта война мщенія продолжается около пяти вѣковъ. Наибольшаго своего развитія она достигаетъ въ царствованіе Тотмеса III: этотъ государь въ теченіе около 20 лѣтъ (отъ 23 до 40 года своего царствованія) совершаетъ четырнадцать походовъ противъ передней Азіи²⁾. И его записямъ походовъ мы обязаны по преимуществу болѣе полными свѣденіями относительно внутренняго состоянія Ханаана, до завоеванія его израильтянами³⁾; важны въ этомъ отношеніи и надписи о походахъ противъ Азіи Сети I и Рамзеса II⁴⁾. По этимъ надписямъ Ханаанъ (Рутень, верхній

¹⁾ Говоримъ предположительно, потому что еще не рѣшено, при какомъ царѣ египетскомъ и даже при какой династіи совершился исходъ евреевъ изъ Египта.

²⁾ Бругшъ. Исторія фараоновъ, переводъ Властова. Спб. 1880. Стр. 340—341. 302.

³⁾ Помимо чисто политическаго интереса надписи Тотмеса важны и въ томъ отношеніи, что его описаніе добычи, взятой въ землѣ Рутень, и податей ея знакомитъ насъ съ естественно-физической и промышленной культурой страны. См. стр. 308—325.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 438—444. 486—488.

Рутень¹⁾) раздѣленъ на множество маленькихъ царствъ, называющихся по имени какаго нибудь укрѣвленнаго мѣста, служащаго главнымъ городомъ царства. Цари этихъ царствъ обыкновенно заключаютъ въ виду опасности союзъ между собою и съ сосѣдними сирийскими народами. „Великій народъ Хита (хеттея Библии)²⁾“ занимаетъ между ними важнѣйшее мѣсто. Царства Кир-Камоша (Кархемиса), Кадеша, Мегиддо считаются главными пунктами защиты и сборными пунктами для нападенія. Здѣсь собираются союзные цари съ своими войсками³⁾. Надписи эти подтверждаютъ такимъ образомъ библейскія свѣденія о множествѣ царствъ, на кои дѣлилось населеніе Ханаана. Но свѣденія, сообщаемыя этими надписями, касаются лишь Палестины къ западу отъ Иордана. Цари египетскіе проходятъ въ Нагарайну (Месопотамію) или Кадешъ западною стороною—морскимъ берегомъ или внутреннею страню⁴⁾, воюютъ на этой же сторонѣ. Страна заиорданская какъ бы не существуетъ. Изъ времени Тотмеса III сохранилась до насъ „опись“ жителей страны верхняго Рутень, которыхъ взялъ въ плѣнъ его святѣйшество (т. е. Тотмесь III) въ непріятельскомъ городѣ Мегиддо. „Опись“ эта содержитъ 119 именъ городовъ, жители которыхъ взяты въ плѣнъ. Наибольшее число ихъ принадлежитъ западной Палестинѣ и только два могутъ быть отнесены къ заиорданской странѣ,—это Астаруть (Аштароуѣ—Втор. 1, 4; Нав. 12, 4) и Хашбу (Хесбонъ,

¹⁾ Названіе Рутень-Хиръ или Лутень-Хиръ, т. е. верхній Рутень, принимается у Бруга въ различныхъ значеніяхъ: въ болѣе широкомъ, подъ которымъ разумѣются Палестина, Целе-Сирія и Сирія (стр. 284), и въ болѣе тѣсномъ, для означенія одного Ханаана, въ отличіе отъ котораго Сирія обозначается—нижній Рутень (444).

²⁾ Отожествленія народа—Хита (Хета) египетскихъ памятниковъ съ хеттеями Библии, дѣлаемаго Бругшемъ, Руже и др., не признаютъ Шаба и Эберсъ. Eberg. Aegypten und die Bücher Mose's. Leipzig. 1868. В. I. S. 285. 286.

³⁾ Тамъ же. 285.

⁴⁾ Тамъ же. 283. 284.

Есеевъ. Числ. 21, 26; ср. Нав. 13, 17)¹⁾; но въ виду такой незначительности числа ихъ, быть можетъ, и подъ этими именами не лучше ли разумѣть какіе либо другіе города внѣ заіорданской страны.

Мы устанавливаемъ здѣсь голый фактъ: фактъ тотъ, что походы фараоновъ, насколько о нихъ извѣстно изъ надписей, не касаются непосредственно заіорданской страны, и что жители этой страны, насколько опять это извѣстно изъ надписей, не принимаютъ живаго участія въ борьбѣ своихъ западныхъ сосѣдей съ фараонами,—въ противномъ случаѣ нужно бы ожидать походовъ египтянъ въ ихъ страну и упоминанія объ ихъ городахъ въ перечнѣ жителей побѣжденныхъ городовъ; но, какъ мы сказали уже выше, нѣтъ

¹⁾ Тамъ же. 329—332. См. подъ № № 28. 55. Изъ времени Рамзеса II сохранилось до насъ описаніе путешествія одного знатнаго египтянина въ Сирію, Финикію и Палестину. Египтянинъ этотъ, имя котораго неизвѣстно, но котораго, чтобы не оставить совсѣмъ безъ клички, называютъ по его титулу Могаромъ (могарь—начальникъ летучаго отряда воиновъ и искусный писецъ, или вообще ловкій человѣкъ,—къ нашему могару примѣняютъ первое значеніе), побуждаемый и любознательностью и быть можетъ военными соображеніями, посѣщаетъ болѣе значительные города и мѣста этихъ странъ. Въ Палестинѣ былъ онъ и въ Галилеѣ, отчасти въ Самаріи и въ Іудеѣ. Въ послѣдней посѣтилъ между прочимъ городъ Сина (Сіонъ гора съ Іерусалимомъ?), гдѣ былъ „идоль“. Но и этого египтянина ни любознательность, ни военныя соображенія не заставили заглянуть въ страну по ту сторону Іордана. Два раза онъ былъ у Іордана.—во время посѣщенія Галилеи (письмо 17) и потомъ Іудеи (письмо 18). Въ первомъ мѣстѣ высказывается какъ бы желаніе заглянуть въ страну заіорданскую. „Научи, какъ обозрѣть Іо... Какимъ путемъ ходятъ въ Матаминъ (быть можетъ Маханаимъ?). Не откажи въ своемъ руководствѣ“. Но это желаніе и просьба остаются безъ отвѣта. Въ послѣднемъ мѣстѣ говорится о переправѣ чрезъ Іорданъ, но сейчасъ же за этимъ рѣчь о дорогѣ въ Магеддо. Слѣдовательно далѣе Іордана не шель египтянинъ. Что препятствовало ему идти далѣе? Труды Киевск. дух. Акад. 1876. Мартъ. „Путешествіе одного египтянина въ Палестину, Сирію и Финикію въ 14 в. предъ Р. X. Статя А. А. Оленицкаго. Такое путешествіе египтянина признаютъ дѣйствительнымъ Goodwin и Shabas. Отвергаютъ дѣйствительность его, а съ тѣмъ вмѣстѣ и подлинность его описанія Врушъ и Руже. Но возраженія послѣднихъ не рѣшительны, и Ляутъ присоединяется снова къ мнѣнію первыхъ. Lauth. Moses der Hebräer. München. 1868. S. 25.

ни того, ни другаго. Политическая жизнь обитателей той и другой стороны Іордана не течетъ такимъ образомъ однимъ общимъ русломъ,—интересы однихъ не составляютъ интересовъ другихъ, изъ общаго преслѣдованія которыхъ составилось бы одно живое и цѣльное. Была ли заіорданская страна въ подчиненіи у египтянъ,—это вопросъ, насъ особенно не интересующій. При широкомъ распространеніи могущества фараоновъ на сѣверовостокъ и востокъ едва ли можно дать отвѣтъ отрицательный. Но когда и какъ пошла она въ это подчиненіе?.. Итакъ и по даннымъ Библии и по даннымъ египтологіи политическая жизнь заіорданской страны до завоеванія ея Израилемъ идетъ и развивается болѣе или менѣе отдѣльно отъ жизни страны къ западу отъ Іордана.

И восточно—и западно-іорданская страна дѣлится географически, наконецъ, какъ мы говорили, въ свою очередь на меньшія части, каждая именно на три. Дѣленіе это не такъ рѣзко и рѣшительно, какъ дѣленіе всей страны Іорданомъ, а потому и вліяніе его самаго по себѣ на политическую жизнь населенія страны не такъ замѣтно. Тѣмъ не менѣе слѣды его можно указать и въ исторіи населенія страны до завоеванія ея израильянами. О распредѣленіи жителей заіорданской страны, рефаймовъ и хананеевъ, по тремъ указаннымъ областямъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ мы уже говорили выше, хотя и мимоходомъ. Сказаннаго тамъ считаемъ достаточнымъ¹⁾. Болѣе важное значеніе имѣетъ для насъ политическое дѣленіе страны къ западу отъ Іордана и соотвѣтствіе его съ географическимъ ея дѣленіемъ. Страна эта дѣлится географически, какъ мы видѣли, на три части. Въ позднѣйшее время еврейской, собственно іудейской, исторіи она дѣлится на три части и въ политическомъ отношеніи—именно на Галилею, Самарію и Іудею. Граница между Галилеею и Самаріею шла по равнинѣ изреельской („великому полю“ у Флавія), слѣдовательно по

¹⁾ См. выше, стр. 49. 55.

той естественной границѣ, которую и мы указывали между сѣвѣрною и среднею частями западной Палестины:—и именно, къ югозападу Галилея доходила до Кармила, а прежде включала въ себя и Кармилъ, къ юговостоку до Скиеополиса, а къ югу до мѣстечка Гинеи (нынѣ Дженнѣ), на южномъ краю равнины изреельской¹⁾. Граница между Самарією и Іудеею, какъ показываетъ ее Флавій, не совпадаетъ съ тою, которую мы указываемъ между среднимъ и южнымъ Ханааномъ. По нему къ Іудеѣ принадлежали топархіи Гофна и Акраватта; а та и другая лежали сѣвѣрнѣе нашей границы²⁾. Но и по самому Флавию Самарія имѣла нѣкогда болѣе широкія границы. Три ея области—Адерема, Лидда и Рамаоэмъ принадлежали къ Іудеѣ при Іонаанѣ³⁾. Можно думать, что первоначально, когда естественное разграниченіе имѣло болѣе мѣста, и южная граница Самаріи совпадала болѣе или менѣе съ указанной нами. Въ перечнѣ іудеевъ, возвратившихся изъ плѣна вавилонскаго съ Зоровавелемъ и Іисусомъ и поселившихся въ своихъ городахъ—въ Іерусалимѣ и Іудеѣ, только три города выходятъ за предѣлы указываемой нами линіи—Веонль,

¹⁾ Flavius. De bello iudaico. III. 3, 1. 4. По талмудамъ границу Галилеи на югѣ составляетъ Kefar Outheni, который Нейбауеръ отождествляетъ съ нынѣшнимъ Kefr Koud къ западу отъ Дженнѣ. Adolph Neubauer. La géographie du Talmud. 1868. 1 pars. 178. О тождествѣ Гинеи, библейскаго Ен-Ганимъ, въ колѣнѣ Иссахаровомъ (Нав. 19, 21), съ нынѣшнимъ Дженнѣ см. Guéren. Descriptio. Samarie. I. 327—332.

²⁾ De bello iudaico. III. 3, 4. 5. Сѣвѣрною границею Іудеи полагается село Ануаѣ, называемое иначе Воркеемъ. Ануаѣ, библейскій Іаноахъ, на границѣ колѣна Ефремова (Нав. 16, 6. 7), по Евсевію 'Ιανώ, лежалъ въ 12 миляхъ отъ Неаполиса къ востоку. Геренъ отождествляетъ его съ нынѣшними развалинами Јапоунъ въ 10 миляхъ къ юго-востоку отъ Неаполиса. Descriptio. Samarie. t. II. 6. 7. У Раумера, Palästina, S. 170, Ануа—по Опом. 'Ανοα въ 10 миляхъ отъ Неаполиса. Гофна лежитъ по Евсевію въ 15 миляхъ отъ Іерусалима къ Неаполису (Раумеръ, Palästina. 197), нынѣ Джифна (Guérin. Judée. t. III. 28—32). Акраватта, Акраѣацъ по Евсевію, лежала въ 9 миляхъ отъ Неаполиса къ Іордану при Іерихонѣ, нынѣ А'krabeh. Guérin. Descriptio... Samarie. t. II. 3—5.

³⁾ Antiqu. XIII, 4. 9; 1 Макк. II, 34.

Гай и Михмасъ (1 Езд. 2, 27 28), но и они лежатъ въ непосредственной съ нею близости. Такое трехчастное дѣленіе страны въ политическомъ отношеніи, въ позднѣйшее время, опирающееся и на географическое дѣленіе, даетъ намъ нѣкоторое основаніе искать подобнаго дѣленія и нѣкоторую надежду найти его слѣды и въ древнѣйшей исторіи страны. Слѣды его, хотя лишь разрозненные и слабые, дѣйствительно можно находить.—Исторія патриарховъ еврейскихъ не представляетъ ничего такого, что позволяло бы заключать о политическомъ дѣленіи страны къ западу отъ Іордана на три части. Но она содержитъ факты, которые, не давая права къ такимъ заключеніямъ относительно того времени, обуславливали до нѣкоторой степени позднѣйшее раздѣленіе страны или придавали ему нѣкоторый видъ освященія его древностью. Разумѣемъ слѣдующее. Авраамъ, проходя чрезъ всю Палестину по сѣю сторону Іордана, живетъ преимущественно въ южной ея части, особенно въ Хевронѣ (Быт. 13, 18; 14, 13; 18) и Вирсавіи (21, 33—34). Въ Хевронѣ онъ покупаетъ и пещеру, которая служитъ усыпальницею сначала Саррѣ, его женѣ, а потомъ ему самому и другимъ (23; 24, 9; 35, 27—29; 50, 13). Исаакъ странствуетъ также преимущественно въ южныхъ частяхъ страны (26, 6; 24, 62 и др.). Напротивъ Іаковъ живетъ по преимуществу въ среднемъ Ханаанѣ, вблизи Сихема и Веонла (33, 18—20; 34; 35, 1—15). Здѣсь, около Сихема, онъ покупаетъ себѣ и поле (33, 19; 37, 13). То, что Авраамъ и Исаакъ живутъ преимущественно на югѣ, а Іаковъ въ срединѣ Ханаана, не даетъ права, говоримъ, заключать о современномъ имъ политическомъ дѣленіи страны на двѣ части или болѣе; но у ихъ потомковъ, стремившихся къ раздѣленію и искавшихъ нѣкоторыхъ опоръ для него въ древности, и эта жизнь патриарховъ въ обѣихъ частяхъ Ханаана могла оправдывать и нѣкоторымъ образомъ обосновывать и освящать попытки къ раздѣленію и самое раздѣленіе.—Въ дальнѣйшей исторіи страны, около времени
Раздѣленіе еврейскаго царства.

завоеваніи ея израильтянами при Исусѣ Навинѣ, можно усмотрѣть и въ некоторые слѣды ея политическаго раздѣленія на три или двѣ части. Въ книгѣ Исуса Навина встрѣчается уже упоминаніе о Галилеѣ въ значеніи сѣверной части страны по сю сторону Иордана (Нав. 20, 7). Изъ этого можно заключать, что Галилея, какъ цѣлое, отличалась отъ другихъ частей той же страны еще прежде поселенія здѣсь израильтянъ. Въ томъ же мѣстѣ съ горою Нефеалимовою въ Галилеѣ сопоставляются гора Ефремова и гора Іудина. Это трехчастное дѣленіе всей страны прежде всего географическое и названія для него — гора Нефеалимова, Ефремова, Іудина — заимствованы уже изъ еврейской терминологіи; но въ соотвѣтствіе съ Галилеею можно думать, что и съ Ефремовою и Іудиною горою соединялось, прежде поселенія здѣсь израильтянъ, и политическое значеніе, хотя и не упомянуто въ книгѣ Навина общія названія этихъ двухъ областей, или, быть можетъ, ихъ еще и вовсе не существовало. Что между жителями каждой изъ этихъ трехъ областей чувствовалось болѣе общности въ интересахъ, чѣмъ между жителями трехъ областей въ ихъ взаимномъ отношеніи, объ этомъ можно заключать изъ хода завоеванія страны израильтянами. Первою подвергается нападенію со стороны израильтянъ средняя часть страны. Здѣсь, кажется, мало было крѣпкихъ городов¹⁾; почему израильтяне и завоевывають ее легко. Единственный союзъ, который составляетъ здѣсь, гаваонитскій былъ въ пользу израильтянъ (Нав. 9). Но когда подчиненіе Гаваона открыло Израилю входъ въ южный Ханаанъ, то здѣсь образуется союзъ пяти царей для отраженія врага. Во главѣ союза стоитъ іерусалимскій царь (Нав. 10). Подобный, во

¹⁾ Въ спискѣ царей, побѣжденных І. Навиномъ (Нав. 12), кромѣ Гал и Веелы, нѣтъ упоминанія о другихъ городахъ средняго Ханаана. „Быть можетъ города этой страны въ меньшей только своей части были устроены монархически, почему и не было настоящаго сосредоточенія боевыхъ силъ“ (Köhler. Lehrbuch. 1. S. 481).

болѣе сильный союзъ образуется потомъ и на сѣверѣ (Нав. 11). Во главѣ этого союза стоитъ царь асорскій, который, впрочемъ, не первый лишь начинатель въ дѣлѣ, но и верховная глава всѣхъ тѣхъ народовъ и царствъ, къ которымъ обращается онъ съ приглашеніемъ или скорѣе приказаніемъ: ибо „Асоръ, по замѣчанію книги Исуса Навина, прежде (т. е. разрушенія его Навиномъ) былъ главою всѣхъ царствъ сихъ“ (Нав. 11, 10). Этимъ его верховнымъ значеніемъ въ ряду другихъ городовъ объясняется, быть можетъ, и то, что только онъ одинъ изъ городовъ, расположенныхъ на возвышенности, былъ преданъ огню (ст. 13). Подробный перечень царей и народовъ, подчиненныхъ Іавину асорскому, показываетъ, что ему подчинена была вся та область, которая позднѣе и, какъ мы видѣли, теперь называлась Галилеею. Такъ, слѣдовательно, имя Галилеи, какъ имя цѣлой области, именно сѣверной, ограничиваемой съ юга долиною изреельскою, подтверждается и для времени хананейскаго господства надъ странюю.

Къ этимъ даннымъ библейскимъ можно, кажется, присоединить нѣчто и изъ египтологіи. Данныя этой послѣдней проливаютъ, быть можетъ, нѣкоторый свѣтъ на политическую обособленность двухъ частей западно-иорданской страны — Галилеи и Іудеи. Галилея разумѣется, по отождествленію Бругша, въ египетскихъ надписяхъ изъ времени Рамзесовъ II и III подъ именемъ Кати или „круга народовъ“¹⁾. Послѣднее ея опредѣленіе само собою напоминаетъ библейское — Галилея языческая (גליל הנוכרי), собственно кругъ, округъ народовъ Ис. 8. 23; Мф. 4. 15). Страна Кати представляется въ союзѣ съ Хета или въ подчиненіи у него и на ряду съ нимъ²⁾. Положеніе ея точнѣе не опредѣляется. Думаютъ еще нѣкоторые, что Галилея разумѣется подъ именемъ Пахананы въ папирусѣ Анастази I, содержащемъ выше-

¹⁾ Бругшъ. Исторія фараоновъ. 516. 496. 566.

²⁾ Тамъ же. 475. 476.

упомянутое описание путешествия египтянина, между прочимъ, въ Палестину¹⁾). Имя это состоитъ изъ опредѣленнаго члена на и Канаана. Последнее вполне совпадаетъ съ еврейскимъ קנען — Канаанъ = Ханаанъ, именемъ, означающимъ всю страну внутреннюю къ западу отъ Иордана. Но такъ какъ въ папирусы послѣ этого имени перечисляются города только галилейскіе, то является мысль, что составитель описанія разумѣлъ подъ Канаана только Галилею и отчасти Самарію²⁾). Рамзесъ II предпринимаетъ въ Галилею

¹⁾ У Бругша вмѣсто этого стоитъ Кайкана (523). Ляутъ читаетъ Кайкана (Fr. Jos. Lauth. Moses der Ebräer. München. 1868. S. 91). Вообще собственные имена читаются у обоихъ ихъ большею частію иначе, чѣмъ въ статьѣ А. А. Олесницкаго.

²⁾ Такое отождествленіе находимъ въ вышеуказанной статьѣ въ Трудѣхъ Кіевской духовной Академіи 1876 г. Мартъ. Стр. 487. 489. Г. Олесницкій ссылается, кромѣ въ текстѣ представленнаго основанія для подтвержденія своего предположенія, еще на надпись Сети I и другой, въ сожалѣнію, необозначенный памятникъ. Въ надписи Канаана означаетъ конечный (сѣверный) предѣлъ похода Сети противъ Шазу, предпринятаго имъ въ 1-й годъ своего царствованія. Авторъ предполагаетъ, что для достиженія Канаана Сети прошелъ пустыню, землю Хета и ханаанскую. Другой (неизвѣстный) памятникъ полагаетъ Канаану въ сосѣдствѣ съ страной Хубротъ, которую отождествляетъ авторъ съ страной хевронскою, — отсюда потомъ и заключаетъ, что южная часть Палестины не называлась Ханааномъ (488 стр.). Бругшъ видитъ въ Канаана надписи Сети I „крѣпость Канаанъ“ (440), „горный городъ Канаана, лежащій въ ваді Араба, на югъ отъ Мертваго моря“ (230). Въ другомъ мѣстѣ объ этомъ своемъ опредѣленіи мѣстоположенія Канаана онъ говоритъ, что въ немъ „есть еще много темнаго“, но признаетъ, что направленіе похода Сети обозначено имъ ясно: „царь завладѣлъ всей землей Шазу до восточныхъ границъ ея. Крѣпость Канаанъ была взята приступомъ Сети и его войсками, и фараонъ сдѣлался господиномъ всего негеба (юга) едомской (или идумейской) земли“ (440). Это опредѣленіе мѣстоположенія Канаана Бругшемъ намъ кажется менѣе соответствующимъ надписи Сети. Самъ Бругшъ ведетъ Сети I сначала похода и до Риноколура вблизи Средиземнаго моря „путемъ филистимскимъ“. Послѣ взятія Канаана, слѣдовательно въ концѣ похода, пораженные Шазу собираются, по нему же, на сѣверѣ въ землѣ Халу (Финикии). Естественнѣе предположеніе, что Канаана лежала въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Финикиею, чѣмъ то, что Шазу изъ долины Арава на югъ отъ Мертваго моря собрались въ Финикию. Ляутъ согласно съ Шаба видитъ въ Канаана крѣпость къ сѣверу или сѣверовостоку отъ Палестины, допуская возможность того, что имя крѣпости распространилось мало по малу и на всю страну къ югу отъ нея. Ляутъ. Указ. сочин. стр. 53.

отдѣльный походъ. „По видимому, говоритъ Бругшъ, жители этой страны и сосѣднихъ съ нею мѣстностей такъ упорно возмущались противъ фараона¹⁾, что онъ предпринялъ противъ нихъ походъ, кончившійся взятіемъ ихъ укрѣпленныхъ мѣстъ и отправленіемъ въ Египетъ военнопленными ихъ князей, старшинъ и всѣхъ способныхъ носить оружіе мужчинъ. Раздраженіе египтянъ противъ этихъ возмущившихся народовъ высказалось въ изображеніяхъ, въ которыхъ побѣдители ругаются надъ побѣжденными, бьютъ ихъ и, для обозначенія презрѣнія къ нимъ, дергаютъ ихъ за длинныя ханаанскія бороды“. Имени цѣлой страны не сохранилось, какъ не сохранилось и цѣлаго описанія похода фараонова. Но въ остаткахъ надписей надъ изображеніями взятыхъ въ то время городовъ встрѣчаются такіе имена, отождествляемыя Бругшемъ съ библейскими: Шалама (т. е. городъ мира) = Салемъ или Салимъ къ югу отъ Скиеополиса, Марома т. е. Меромъ, Аинъ — Анамимъ или Енганимъ, Дапуръ въ землѣ аморреевъ — извѣстная крѣпость на горѣ Фаворѣ, городъ Калопу въ горахъ Бейта-Анта, т. е. Бе-Анава въ землѣ Кабуль. Всѣ эти города, за исключеніемъ Салема, находились въ сѣверной части страны по сю сторону Иордана и именно въ Галилеѣ и такимъ образомъ показываютъ, что театромъ войны Рамзеса II была на этотъ разъ Галилея²⁾. — Южная часть Ханаана, извѣстная позднѣе подъ именемъ Іудеи, разумѣется, быть можетъ, въ египетскихъ текстахъ подъ именемъ — Тахисъ или Такисъ.

По сообщенію папируса Гарриса, Рамзесъ III построилъ въ городѣ Канаана Рамессеумъ въ честь Амона. Канаана представляется здѣсь находящимся въ землѣ Цахи (поздней филистимской, соприкасающейся на сѣверѣ съ Финикиею) Бругшъ. Указ. соч. Стр. 576.

¹⁾ Иосифъ Флавій такъ отзывается о галилеянахъ: „галилеяне съ младенчества приучались къ битвамъ, всегда были многочисленны и никогда не имѣли ни бояливости, ни недостатка“; почему не смотря на то, что „были окружены многочисленными иноплеменными народами, стояли всегда и противъ всякаго военнаго покушенія“ (De bello iudaico III, 3. 2).

²⁾ Бругшъ. Исторія фараоновъ. 486.

Имя Тахисъ встрѣчается въ надписяхъ изъ времени Тотмеса III, Аменофиса II и въ папирусѣ Анастази I изъ времени Рамзеса II¹⁾. Имя это означаетъ землю или страну. По надписи изъ времени Тотмеса III Тахисъ лежала на берегу озера Несру, положеніе котораго не опредѣлено²⁾. Яснѣе опредѣляется положеніе земли Тахисъ въ папирусѣ Анастази I. Сказавъ, что Могаръ ходилъ въ страну Тахисъ, онъ перечисляетъ города этой земли, которые, съ самыми незначительными измѣненіями въ именахъ, легко отождествляются съ городами іудейскими. Таковы напримѣръ: Коферъ-Марлонъ, т. е. деревня Марлонъ или древній городъ Мигронъ, составлявшій одно съ Веилемъ, или Гева-Малонъ, городъ колѣна Веніамина (Ис. 10, 29): при томъ и другомъ отождествленіи Коферъ-Марлонъ находился на сѣверной границѣ поздняго царства іудейскаго и указываетъ, что Могаръ вошелъ въ южную страну съ сѣвера; Тамна=Оимна (Нав. 15, 10, 57)³⁾, Кодешъ, быть можетъ Кадешъ-Варнеа (Нав. 15, 23), Давуръ=Давиръ въ горахъ іудейскихъ (15, 15), Неммата=Наама (41), Кириаѳ-Анабъ=Кириаѳ-Энабъ, Бейт-Туфаръ=тофетъ на южной сторонѣ Іерусалима, Одулламъ (35), Цифатъ=Цефатъ, переименованный потомъ въ Хорма (30).—Рохобъ=Іерихонъ или Риха, Бейтъ-шаръ—городъ, лежавшій вѣроятно въ долинѣ саронской между Яфою и

¹⁾ Изъ времени Тотмеса III въ гробничной надписи военачальника Аменхита. Тамъ же. (336 339); изъ времени Аменофиса II въ надписи въ храмѣ Амада (381—2, 380); изъ времени Рамзеса II въ папирусѣ Анастази (524; Lauth. Moses der Ebräer. S. 92 и въ Трудахъ Кіевской дух. Акад. 1876. Мартъ. 491. 492). Во всѣхъ этихъ текстахъ Тахисъ представляется землею. Такъ переводитъ ихъ и Бругшъ. Но тамъ, гдѣ онъ говоритъ отъ себя, онъ разумѣетъ (почему то) городъ Тахисъ. Ср. 339. 380. Положенія его онъ не опредѣляетъ точно, считая его одной изъ важнѣйшихъ мѣстностей верхняго Рутенъ (339).

²⁾ Тамъ же 336; Насру(на), Насруна (339). Власть отождествляетъ его съ озеромъ Гевнисаретскимъ, но, кажется, въ противорѣчій съ текстами.

³⁾ Г. Олесницкій отождествляетъ Тамну съ библейскимъ городомъ Тимна (Тамнао-Сараи) въ горахъ Ефремовыхъ, мѣстомъ смерти Іисуса Навина. (Нав. 19, 50; 24, 30).

Кесаріею, іорданская переправа = Виавара, Сина=Сіонъ и др.¹⁾. Этотъ перечень городовъ земли Тахисъ даетъ возможность опредѣлить въ общихъ чертахъ и ея границы. На югѣ она простиралась до Кадешъ-Варнеа, слѣдовательно до южной границы земли на западъ отъ Іордана, занятой позднѣе израильтянами (Числ. 34, 4); на западѣ, быть можетъ, до моря (Бейт-Шаръ), или же оканчивалась горами и такимъ образомъ лежала въ сторонѣ отъ пути египтянъ въ Сирію; восточную ея границу составляли Іорданъ (переправа черезъ Іорданъ) и быть можетъ Мертвое море (озеро Несру)²⁾. Для насъ всего важнѣе въ настоящемъ случаѣ сѣверная ея граница; эта совпадала, кажется, съ тою, которую и мы указываемъ для южной части Палестины, и которая была позднѣе границею между царствами израильскимъ и іудейскимъ. И здѣсь и тамъ Гева (?) была сѣвернымъ пограничнымъ городомъ. Въ политическомъ отношеніи страна Тахисъ была союзомъ нѣсколькихъ царствъ на столько сильнымъ, что отваживалась воевать съ Египтомъ, хотя не всегда удачно. Надпись въ храмѣ амадскомъ рассказываетъ объ Аменофисѣ II, что „онъ собственноручно повергъ на землю булавою своей семь царей, находившихся на землѣ Тахисъ“³⁾. По отношенію къ другимъ областямъ Палестины, Тахисъ пользовалась, кажется, политической

¹⁾ Замѣчательно, что уже въ періодъ ханаанскій Сіонъ, если основательно отождествленіе его съ Сина, былъ, кажется, религіознымъ центромъ округа: въ папирусѣ именно упоминается объ „идолѣ Сина“,—упоминаніе естественное только при этомъ предположеніи; обыкновенные идолы были въ каждомъ городѣ.

²⁾ Бругшъ предлагаетъ для нѣкоторыхъ городовъ иныя отождествленія съ библейскими городами, вывода ихъ изъ предѣловъ Іудей, какъ напр. Давуръ (см. Давиръ)=Фаворъ, Циди-пуа (см. Цифатъ)=Іотаната, Бита-шеалъ (см. Бейтъ-Шаръ)=Веесанъ. Исторія фараоновъ, стр. 524. Но видно, что сходство между именами не вынуждающее. Исключеніе составляетъ Каурецъ въ странѣ Ауль. Страна Ауль лежала внѣ Палестины; но Бругшу, она составляла сѣверную границу народа Хату или финикійцевъ (Бругшъ. Исторія фараоновъ. 339). Г. Олесницкій разумѣетъ подъ нею Ливанъ съ его округомъ (Труды Кіев. дух. Акад., стр. 494. 477).

³⁾ Бругшъ. Исторія фараоновъ. Стр. 381.

независимостью¹⁾.—Итакъ, и по даннымъ Библии, и по даннымъ египтологіи страна по сию сторону Іордана дѣлилась, быть можетъ, уже въ періодъ хананейскій на двѣ части, имѣвшія особыя названія (сѣверную—Галилею по Библии и Кати по египтологіи и южную—Тахисъ по египтологіи) и независимыя одна отъ другой въ политическомъ отношеніи. Составляла ли и средняя между ними часть страны самостоятельную область или же границы ихъ такъ или иначе соприкасались между собою,—сказать трудно. Можно только сказать съ нѣкоторою увѣренностью, что сѣверная граница Тахисъ шла по указанной нами сѣверной границѣ поздняго іудейскаго царства; но гдѣ была южная граница земли Кати, опредѣлить трудно.

Сводя все, доселѣ сказанное нами о странѣ и ея жителяхъ до занятія ея израильтянами, получаемъ слѣдующее. Политическая жизнь древнѣйшаго населенія Палестины стояла въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ свойствами ея поверхности. Эта послѣдняя въ своей совокупности слишкомъ разнообразна и раздроблена,—и жизнь ея населенія вообще очень разъединена и раздроблена. При общемъ разнообразіи Палестина дѣлится прежде всего по своей длинѣ Іорданомъ на двѣ половины—восточную и западную. И жизнь населенія той и другой половины идетъ болѣе или менѣе независимо одна отъ другой. Каждая изъ половинокъ при всемъ разнообразіи мелкомъ представляетъ болѣе крупныя географическія пункты: восточная три или собственно два, раздѣляемые Іавокомъ, и западная три, раздѣляемые израельскою равниною и ваді Сувейвиль съ вееронской дорогой въ связи съ ваді Солейманъ. И политическая жизнь населенія дѣлится, болѣе или менѣе соотвѣтственно этому географическому дѣленію,—на два царства аморрейскія на востокѣ

¹⁾ Это можно заключать изъ начальныхъ словъ 18-го письма, въ которомъ говорится о Тахисъ. Письмо начинается такъ: „Я буду говорить тебѣ о другихъ городахъ, не имѣвшихъ отношенія къ предшествующимъ“, т. е. къ городамъ сѣверной Палестины (о которыхъ говорилось въ семнадцатомъ письмѣ).

и на три области на западѣ, изъ коихъ съ большею ясностью выступаютъ въ сохранившихся свѣдѣніяхъ изъ древнѣйшаго времени двѣ. Такое соотвѣтствіе между страной и ея прежними жителями, если и нельзя назвать его полнымъ, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія и можетъ наводить на мысль о причинномъ отношеніи между тою и другими, о причинной зависимости жизни послѣднихъ отъ первой. Этимъ же самымъ дается основаніе и право ожидать подобнаго соотвѣтствія между страной и ея позднѣйшими жителями, заступившими мѣсто прежнихъ, и, если это соотвѣтствіе будетъ замѣчено и здѣсь, а оно, судя уже по сказанному выше, дѣйствительно замѣчается, видѣть въ немъ не просто соотвѣтствіе, но и причинную зависимость и слѣдовательно ставить вліяніе страны въ ряду причинъ раздѣленія ея поздняго населенія.

II.

Характеръ израильскаго народа и взаимныя отношенія его колѣнъ до поселенія въ Ханаанъ.

Вліяніе страны на политическую жизнь ея населенія, какъ оно ни сильно можетъ быть, всетаки внѣшнее, не можетъ считаться неотразимымъ и получаетъ свое полное значеніе лишь тогда, когда находитъ удобную почву для себя во внутреннихъ свойствахъ и качествахъ самаго населенія. И въ жизни частныхъ людей встрѣчаются такія явленія. Для одного препятствія, стоящаго на пути его къ достиженію извѣстной цѣли, не только не ослабляютъ его стремленія къ ней, а даже усиливаютъ его, и онъ, преодолевая ихъ, достигаетъ цѣли, или же, не будучи въ состояніи совѣсть ихъ преодолѣть, борется съ ними. Другой, наоборотъ, какъ бы самъ отыскиваетъ вездѣ препятствія, придирается ко всякому не вполне ему благопріятному случаю, останавливается предъ нимъ въ безсиліи и тѣмъ какъ бы оправдываетъ свою недѣятельность. Тоже самое бываетъ и въ жизни цѣлыхъ народовъ. Народъ съ сильно развитымъ стремленіемъ къ централизаціи, не смотря на громадность пространства своихъ владѣній, на физическія

преграды, отдѣляющія одну его область отъ другой, твердо устанавливаетъ свой политическій центръ, откуда, по мановенію верховной правительственной власти, и приводятся въ движеніе его различныя части; различія его, зависящія отъ различія областей, имъ занимаемыхъ, служатъ лишь къ восполненію гармоніи цѣлаго. Напротивъ народъ съ развитымъ стремленіемъ къ децентрализаціи дѣлится между собою и на ровномъ мѣстѣ и даже въ лагерѣ и городѣ устрояетъ искусственныя преграды, отдѣляющія одну его часть отъ другой. И если въ первомъ случаѣ разъединяющее вліяніе страны не можетъ имѣть большаго значенія въ жизни народа, то оно получаетъ все свое значеніе во второмъ, представляя самодѣляющемуся народу естественныя преграды, естественныя формы, въ которыя можетъ вылиться оторвавшаяся отъ цѣлаго часть. Поэтому, чтобы не цѣнить вліянія страны на раздѣленіе ея жителей выше его дѣйствительнаго значенія, нужно знать характеръ народа, ея населяющаго, — склоненъ ли онъ самъ по себѣ къ дѣленію или нѣтъ, и, если склоненъ, опредѣлить по возможности, — что вноситъ въ его дѣленіе, существующее въ исторіи, именно эта его природная склонность и что можетъ быть приписано въ немъ вліянію страны. Тѣмъ болѣе мы должны узнать характеръ населенія Палестины для рѣшенія насъ занимающаго вопроса о раздѣленіи царства; ибо естественныя преграды, представляемая природою ея, далеко не непреодолимы и могутъ имѣть свое полное значеніе только тогда, когда найдутъ удобную почву для дѣленія въ самомъ населеніи. Итакъ, какой характеръ населенія Палестины, и именно характеръ евреевъ? Способны ли они противиться разъединяющему вліянію страны, или же, наоборотъ, вліяніе это найдетъ въ нихъ удобную для себя почву?

Какъ ни важенъ для насъ опредѣленный отвѣтъ на поставленные вопросы, но можно его дать лишь съ нѣкоторыми оговорками. Причина этого въ новости предмета. Давно уже знали, что различіе въ жизни и дѣятельности того или другаго лица зависитъ, говоря вообще, отъ его

характера, что лица, болѣе или менѣе родственныя, имѣютъ болѣе или менѣе сходные характеры. Естественно повидимому заключеніе, что и народъ, составляясь изъ совокупности отдѣльныхъ болѣе или менѣе родственныхъ лицъ, долженъ имѣть болѣе или менѣе одинаковый опредѣленный характеръ и что одинъ народъ долженъ болѣе или менѣе отличаться по своему характеру отъ другаго. Но тогда какъ психологія, занимающаяся изученіемъ души отдѣльнаго человѣка, существуетъ уже давно, психологія, избравшая своимъ предметомъ душу цѣлыхъ народовъ, — психологія народовъ, *Völkerpsychologie*, какъ выражаются нѣмцы, явилась на свѣтъ въ самое недавнее время¹⁾. Этою ея новостью и нужно пока объяснять ея несовершенство. Такъ, понятіе о томъ или другомъ характерѣ возможно лишь на основѣ наблюденія надъ возможно широкимъ кругомъ лицъ, проявляющихся въ своей жизни и дѣятельности болѣе или менѣе одинаково. Эта одинаковость въ явленіяхъ позволяетъ заключать къ одинаковости причины, лежащей въ ихъ основѣ. Хорошо сознавая и ясно представляемая причина позволяетъ заключать въ свою очередь къ одинаковости ея проявленій. Чтобы опредѣлить характеръ того или другаго народа, и психологія народовъ должна подвергнуть своему наблюденію не одинъ этотъ народъ, а всю группу родственныхъ ему народовъ; только такимъ путемъ сравнительнаго наблюденія можно указать дѣйствительно характерныя, а не случайныя черты того или другаго народа. Но именно этихъ строго разграниченныхъ народныхъ круговъ и не имѣетъ пока прежде всего психологія народовъ. Для нашей цѣли доста-

¹⁾ По Грау начало новой, не существовавшей дотогѣ, науки — психологіи народовъ (*Völkerpsychologie*) положилъ первый томъ журнала *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*, издаваемого Лацарусомъ и Штейнгелемъ, вышедшій не многими годами ранѣе его (Грау) сочиненія: *Semiten und Indogermanen in ihrer Beziehung zu Religion und Wissenschaft*. Stuttgart. 2. Aufl. 1867. S. 1. Первое изданіе сочиненія Грау вышло въ 1864 году.

къ религіи. Тѣ же стороны, которыя касаются политической жизни тѣхъ и другихъ и которыя особенно важны для насъ въ настоящемъ случаѣ, затрогиваются ими почти мимоходомъ. Такъ напр. въ довольно большомъ (261 стр.) сочиненіи Грау политической жизни семитовъ и ихъ отношенію къ торговлѣ и промышленности посвящено лишь шесть страницъ (56—61). Въ виду всего вышесказаннаго понятіе о характерѣ семитовъ можетъ быть составлено, не встрѣчая сильныхъ возраженій, путемъ наблюденія лишь надъ евреями и арабами, принадлежность коихъ къ семитическому корню не оспаривается и которые признаются самыми чистыми представителями семитовъ. И дѣйствительно, при составленіи характеристики семитовъ имѣются въ виду преимущественно эти два народа. Такъ какъ говорить о характерѣ собственно евреевъ въ отличіи ихъ даже отъ другихъ семитовъ пока еще преждевременно, то въ своемъ отвѣтѣ на поставленный выше вопросъ о характерѣ евреевъ будемъ говорить о характерѣ вообще семитовъ.

Хвольсонъ указываетъ три выдающіяся, по его мнѣнію, черты въ характерѣ семитовъ. Это: 1) трезвость души и умѣренная дѣятельность воображенія, 2) рѣзкая обособленность отдѣльной личности и 3) теплота и искренность души, впечатлительность ея и, вслѣдствіе того, восприимчивость въ отношеніи къ гуманнымъ идеямъ, склонность къ благотворительности, мгновенное воодушевленіе идеей, затѣмъ признаніе превосходства духа и идеи надъ физической силой, болѣе осмысленное пониманіе вѣшняго міра и склонность къ идеализму¹⁾. Изъ этихъ чертъ въ характерѣ семитовъ онъ и объясняетъ различныя явленія въ ихъ научной, религіозной и политико-соціальной жизни. Мы не считаемъ нужнымъ для своей цѣли излагать полную и подробную характеристику семитовъ. Для насъ болѣе важны вторая и отчасти третья изъ указанныхъ чертъ. На нихъ

¹⁾ Указанная статья. Стр. 447.

и ихъ проявленіи въ политико-соціальной жизни семитовъ мы и остановимъ, слѣдуя въ общемъ Хвольсону, свое вниманіе.

Рѣзкая обособленность отдѣльной личности у семитовъ проявляется вообще въ томъ, что она (личность) противится всякому поглощенію другою личностью и не терпитъ надъ собою чужой воли, напротивъ отличается постоянно сильною стойкостью. Частіе эта черта въ характерѣ семитовъ проявляется въ различныхъ фактахъ ихъ политико-соціальной жизни. Таковы: замѣтное уваженіе отдѣльной личности со стороны другихъ, всего общества или самого государства; большая свобода особи и равенство всѣхъ предъ закономъ; отсутствіе потомственной аристократіи, пользовавшейся какими либо преимуществами, привилегіями предъ другими слоями общества, но вмѣсто этой существованіе духовной аристократіи, основанной на личномъ достоинствѣ; отсутствіе дѣленія на касты и духовенства, замѣнутаго въ касту: водвореніе послѣдняго, гдѣ оно удавалось, совершалось не безъ сильнаго противодействія со стороны народа и только послѣ продолжительной борьбы съ нимъ (напр. у евреевъ); преимущественно демократическія государственныя учрежденія, при чемъ община пользуется самоуправленіемъ и каждая отдѣльная личность не поглощается государствомъ, а требуетъ отъ него для себя защиты; слабое развитіе постоянныхъ войскъ, опирающихся на строгую дисциплину, требующей отъ отдѣльнаго воина полной покорности волѣ начальствующаго, но столь противной натурѣ семита; замѣтный недостатокъ въ единствѣ и единодушіи и отсутствіе въ государственномъ ихъ строѣ и общественномъ ихъ бытѣ строгаго порядка. „Тамъ, гдѣ никто не хотѣтъ подчиняться волѣ другаго, гдѣ каждый дѣйствуетъ, слушая только самого себя, тамъ, говоритъ Хвольсонъ, не можетъ быть плотнаго народнаго единства. У семитовъ единство возможно не далѣе какъ въ родѣ — племени (совокупности нѣсколькихъ родовъ)

и то лишь, пока оно немногочленно: коль скоро оно дѣлается многочленнымъ, оно распадается на два и больше колѣня, которыя начинаютъ жить независимо другъ отъ друга“. „По той же причинѣ семиты, продолжаетъ Хвольсонъ, рѣдко основывали большія государства, а если это имъ удавалось, то лишь на непродолжительное время, потому что отдѣльныя части государства не находились въ тѣсной связи между собою, не поглощались имъ, а жили каждая своею особенною жизнью. И это явленіе объясняется характеромъ семита. Гдѣ нѣтъ единой воли, тамъ большія предпріятія не осуществимы, а безъ нихъ созданіе большаго государства немислимо. Правда, что ассирійцы и вавилоняне, а позже и халифы основали большія государства, но они не подрывали самостоятельной жизни отдѣльныхъ областей, и въ послѣднихъ за національными царьками оставались наследованные ими престолы. О централизаци, о подавленіи мѣстной народности въ областяхъ никто не думалъ¹⁾“. Такъ семиты по самой природѣ своей, въ силу своего характера, склонены къ жизни, не урегулированной и разъединенной. — Какъ бы восполненіемъ этого недостатка въ характерѣ его служить, впрочемъ, его сравнительно глубокая религіозность. Рѣзкая обособленность личности, замѣтная въ семитическомъ мірѣ, переносится и въ міръ боговъ. Боги семитовъ, сравнительно съ богами арійцевъ, болѣе удерживаютъ личный характеръ. Индивидуальность боговъ и людей рѣзко обособлена и не можетъ сливаться одна съ другою. Этимъ полагается возможность болѣе живаго и нравственнаго отношенія къ божеству, одушевленія религіозной идеею. Эта религіозность, проникающая народъ и проявляющаяся съ большою силою въ извѣстныя времена, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и служить до нѣкоторой степени восполненіемъ въ политической жизни семитовъ тѣхъ недостатковъ, которые въ ней проистекаютъ отъ преобладанія индивидуальности. Религія семитовъ болѣе или

¹⁾ Хвольсонъ. Указ. статья. Стр. 452—459.

менѣе объединяетъ ихъ. Въ нѣкоторыя времена она одушевляетъ всѣ отдѣльныя части того или другаго народа и образуетъ изъ нихъ цѣлое. Религіозные дѣятели верѣдко становятся во главѣ народа, заправляютъ его судьбами и становятся даже основателями владѣтельныхъ домовъ. „Притязанія на халифство со стороны Алидовъ, Омеядовъ и Аббасидовъ основывались на ихъ ближайшемъ или дальнѣйшемъ родствѣ съ пророкомъ и на заслугахъ ихъ предковъ въ распространеніи и поддержкѣ ислама. Алиды, въ 10-мъ столѣтіи, основываютъ въ Египтѣ могущественное государство и только потому, что были потомками Мухаммеда. Основателемъ династии Альморавидовъ, властвовавшихъ въ сѣверной Африкѣ и затѣмъ въ Испаніи, былъ миссіонеръ, распространившій исламъ среди берберовъ. Династія Аль-Мохадовъ въ Испаніи основана святошей, проповѣдывавшимъ новое ученіе о единствѣ Божіемъ, отчего она и получила свое имя. Могущественные князья-Карматы выступили обвинителями ислама и достигли тѣмъ власти. То же самое случилось въ наши дни съ Вахабитами. И основатель этого сильнаго царства въ средней Аравіи взялся за мечъ, какъ приверженецъ реформатора ислама, ученія котораго онъ хотѣлъ распространить, и, поэтому, захватилъ власть въ свои руки. Наслѣдники его еще въ настоящее время выдаютъ себя за представителей возобновленнаго ислама. При распаденіи халифата, когда образовалось множество мелкихъ государствъ, основателями новыхъ династій въ восточныхъ областяхъ, гдѣ обитали арійцы, были или способные полководцы или бывшіе ловкіе намѣстники халифовъ, а въ западныхъ, населенныхъ арабами, провинціяхъ по преимуществу благочестивые мужи, подвижники и представители какаго-нибудь новаго ученія. Соединеніе духовнаго главы и свѣтскаго правителя въ одномъ лицѣ есть учрежденіе по преимуществу семитическое“¹⁾.

¹⁾ Хвольсонъ. Указ. статья. Стр. 469. 470.
Раздѣленіе еврейскаго царства.

Съ этой общей характеристикой семитовъ соглашается и то, что въ частности Кремеръ говоритъ о политическомъ устройствѣ арабовъ, — народа, одного изъ наиболее чистыхъ представителей семитизма. Мы останавливаемъ вниманіе на словахъ Кремера потому, что изъ нихъ еще яснѣ видна сильная склонность семитовъ (арабовъ) къ разъединенію и то, что эта склонность умѣряется нѣсколько религіею. Арабы отличались, по его словамъ, постоянно своимъ отвращеніемъ ко всякому централизирующему правительственному учрежденію. Въ своихъ становищахъ, гдѣ арабскія войска останавливались и образовывали поселенія, изъ коихъ позднѣ вышли города (Бассора, Куфа и др.), они жили отдѣльно по племенамъ. Каждое племя имѣло свой особенный городской кварталъ, свое жилище (Quartier), свое собственное моше, свой базаръ, даже свое собственное кладбище: даже по смерти они хотѣли оставаться въ общеніи съ своими единоплеменниками и не смѣшиваться съ чужими. Каждый такой городской кварталъ составлялъ самъ по себѣ небольшой городъ и былъ замкнутъ относительно другихъ тѣмъ, что въ концѣ главной улицы находились ворота: въ случаѣ нужды онѣ запирались и становилось невозможнымъ сообщеніе съ остальнымъ городомъ. Это древнее устройство находятъ еще въ Дамаскѣ, Каирѣ, Алеппо и во всѣхъ другихъ арабскихъ городахъ¹⁾. „Ничто такъ не чуждо азіатскому духу, какъ строго централизованное государственное управленіе. Каждая деревня, каждый городъ управлялись собственно сами собою, и правительство вмѣшивалось только тогда, когда возникали беспорядки, или когда не были вносимы подати. Только по вопросамъ, стоявшимъ въ связи съ земледѣіемъ, правительство дѣлало исключеніе изъ своей системы невмѣшательства, именно въ охраненіи водоорошенія и постройки плотинъ, отъ поддержанія

¹⁾ Кремеръ *Анфр. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen*. Wien. 1875. Band. I. S. 127—128.

коихъ зависѣли доходъ жатвы и доходъ государства“¹⁾. И „только благодаря очарованію религіознымъ освященіемъ, какъ верховныя главы ислама и представители пророка, господствовали они (халифы) надъ неизмѣримымъ царствомъ и сердцами безпокойнаго и прежде всего отвращающагося отъ всякаго авторитета народа, каковымъ были издавна арабы. Они никогда не могли пріучиться слушаться другихъ начальниковъ, кромѣ своихъ племенныхъ, коихъ они по произволу избирали и опять отставляли, такъ что считалось рѣдкостью, если званіе предводителя арабскихъ племенъ оставалось въ одной и той-же фамиліи въ продолженіи болѣе четырехъ поколѣній. Арабамъ было чуждо представленіе о наследственности царскаго званія или о божественномъ посвященіи и священническомъ утвержденіи князей, которое (представленіе) возникло у евреевъ подъ вліяніемъ теократической идеи. У нихъ князь являлся по общему выбору; этотъ (выборъ) считался единственнымъ источникомъ верховной власти“²⁾.

Что касается въ частности евреевъ, то выше представленная характеристика почти вполне приложима и къ нимъ уже потому, что она снята и съ нихъ и даже преимущественно съ нихъ. Здѣсь считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о царской власти у евреевъ. Попытки ихъ ввести ее у себя встрѣчаются еще въ періодъ судей (Суд. 8, 22. 23; гл. 9). При Самуилѣ она вводится окончательно и продолжаетъ существовать до паденія царствъ израильскаго и іудейскаго. Возникаетъ и послѣ въ фамиліи Маккавеевъ, соединяясь въ одномъ лицѣ съ первосвященствомъ. Эта царская власть у евреевъ имѣетъ свой особенный, такъ сказать, семитическій характеръ; отъ нея больше требуется обязанностей, чѣмъ дается ей правъ, и она даже

¹⁾ Ibid. 200—201.

²⁾ Ibid. 383—384. См. также характеристику арабовъ у Ф. Ленормана въ его *Руководствѣ къ древней исторіи Востока до Персидскихъ войнъ*. Перев. Камарина. Т. II. 52. 90.

въ свои самые цвѣтушіе періоды не уничтожаетъ совсѣмъ колѣннаго устройства и не подавляетъ присущаго народу стремленія къ разьединенію. Моисей, предвидя возможность введенія евреями у себя царской власти, дѣлаетъ извѣстныя ограниченія ея въ пользу свободы народа. Царь долженъ быть избираемъ изъ среды самихъ евреевъ и именно тотъ, кого изберетъ Іегова. Онъ не долженъ увеличивать слишкомъ вѣшняго могущества и блеска (коней, женъ и серебра), напротивъ долженъ имѣть у себя списокъ закона, читать его во всѣ дни жизни своей и исполнять всѣ слова его и постановленія, „чтобы, какъ говорится, не надмевалось сердце его предъ братьями его, и чтобы неуклонялся онъ отъ закона ни направо, ни налево“. И только подъ этими условіями общаются „долгіе дни на царствѣ своемъ“—ему и его сыновьямъ посреди Израиля (Втор. 17, 14—20). Гедеевъ находитъ невозможнымъ предложенную ему народомъ царскую власть совмѣстить съ господствомъ Іеговы надъ Израилемъ (Суд. 8, 22. 23). У Самуила израильтяне просятъ себѣ царя, дабы онъ судилъ ихъ, ходилъ предъ ними и велъ ихъ войны. Чтобы поколебать рѣшеніе ихъ ввести у себя царскую власть, Самуиль выставляетъ имъ на видъ обычныя въ то время права царей у другихъ народовъ, собирая въ этихъ „правахъ царя“ все то, что должно было свободному человѣку показаться унижительнымъ (1 Цар. 8, 11—18). Введенная Самуиломъ, царская власть у евреевъ можетъ проводить свои намѣренія, вообще опираясь на согласіе народныхъ представителей (напр. 2 Цар. 6, 1; 1 Цар. 13, 1—5). Даже тамъ, гдѣ царь желаетъ прямо противозаконнаго, онъ, какъ напр. Ахавъ, можетъ достигнуть этого при формальномъ, по крайней мѣрѣ, соблюденіи правъ народа (3 Цар. 21, 1—14). Въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ видѣлъ, справедливо или несправедливо, злоупотребленіе со стороны власти правами, онъ часто возстаетъ противъ нея и отказываетъ ей въ своемъ повиновеніи (3 Цар. 12).

Въ израильскомъ (десятиколѣнномъ) царствѣ смѣняется на

престолъ нѣсколько династій. Въ іудейскомъ царствѣ также поднимаются возмущенія противъ нѣкоторыхъ отдѣльных царей, напр. противъ Гооли (4 Цар. 11, 4—16), Іоаса (12, 20), Амасіи (14, 18. 19); но во все время его существованія престолъ занимаетъ одна и таже династія Давидова. И это послѣднее обусловливается великими заслугами и политическими и религіозными ея родоначальника Давида, а также и личными заслугами нѣкоторыхъ другихъ его потомковъ, и тѣмъ, что іудейское царство состояло по преимуществу изъ Іудина колѣна. А тѣсная связь внутри самаго колѣна принадлежитъ къ одной изъ характерныхъ чертъ семитовъ. Лучшими царями, воспоминавша о которыхъ сохранялись долѣе, были у евреевъ, какъ и вообще у семитовъ, цари благочестивые, такъ или иначе посвящавшіе свои заботы и труды сохраненію и распространенію въ народѣ религіи Іеговы, благоустройству культа и т. п., хотя и нельзя доказать, чтобы цари Израиля совершали священнодѣйствія, напр. жертвоприношенія, принадлежавшія, по закону Моисееву, къ исключительнымъ правамъ и обязанностямъ священства изъ потомства Ааронова¹⁾. Таковы благочестивые цари—Давидъ, Соломонъ въ первую

¹⁾ Нѣкоторые утверждаютъ, что цари, по крайней мѣрѣ Саулъ, Давидъ и Соломонъ, дѣйствовали въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ священники, принося жертвоприношенія и преподавая народу священническое благословеніе. Такъ Ewald, Geschichte. B. III. S. 45, 173, 336. Alterthümer. S. 353. Гитцигъ говоритъ, что при перенесеніи ковчега завѣта Давидъ дѣйствовалъ „какъ первосвященникъ“. Geschichte B. I. S. 140. Поздняя попытка Озіи, царя іудейскаго (2 Цар. 26, 16), воскурить енисамъ на altarѣ кадильномъ есть будто бы попытка его восстановить право царей священнодѣйствовать во храмѣ, утраченное ими быть можетъ послѣ Іосафата. Но всѣ тѣ мѣста (1 Цар. 13, 8—14; 2 Цар. 6, 17. 18; 3 Цар. 8, 3. 4; 2 Цар. 1, 6; 3 Цар. 8, 62; 9, 25), въ которыхъ видятъ подтвержденіе выше приведеннаго мнѣнія о собственноручномъ принесеніи жертвъ царями, не исключаютъ священнической помощи при этомъ; нигдѣ не говорится, что Давидъ и Соломонъ собственноручно совершали при жертвахъ тѣ дѣйствія, которыя указаны закономъ священникамъ. Gust. Fr. Oehler, Theologie des Alten Testaments. 1874. B. II. S. 35. Köhler. Lerbuch. II. S. 17. 18.

половину своего царствованія, Иосафатъ, Езекиа и Иосія. И вообще болѣе глубокое сознание народнаго единства и болѣе дѣятельное проявленіе его въ жизни у евреевъ совпадаютъ съ періодами болѣе высокаго состоянія у нихъ религіи, когда во главѣ ихъ становится пророкъ, вдохновенный Богомъ судья или благочестивый царь, когда они сознаютъ себя и яснѣе и живѣе народомъ Іеговы, своего Бога. Такъ при Моисеѣ и Исусѣ Навинѣ, такъ при Самуилѣ, Давидѣ и Соломонѣ. Слабѣетъ это религіозное сознание, слабѣетъ сознание и политическаго единства, пробуждается и усиливается стремленіе къ разъединенію.)

Такъ и характеръ семитовъ вообще, и арабовъ, а также и самихъ евреевъ, какъ наиболѣе чистыхъ представителей семитизма, въ частности, достаточно показываетъ, чего мы можемъ ожидать отъ политической жизни евреевъ, — строгой ли централизаціи и единства въ ней или же децентрализаціи и раздробленности.

Съ этимъ мы должны бы перейти къ исторіи Израиля, чтобы видѣть, какъ проявляется въ ней разъединеніе, склонность къ которому лежитъ въ характерѣ его и которому благоприятствуетъ и почва Палестины. Но прежде считаемъ уместнымъ остановиться на одномъ мѣстѣ, которое предлагается для объясненія сначала разъединенія между колѣномъ Іудинымъ съ одной стороны и другими израильскими колѣнами съ другой и потомъ раздѣленія еврейскаго царства, — и котораго мѣстна мы не можемъ принять. Такъ, по мнѣнію Дума (Duhm), одною изъ главныхъ причинъ раздѣленія еврейскаго царства именно на два царства іудейское и израильское была „нѣкоторая національная противоположность между народами іудейскимъ и израильскимъ“. Эта противоположность налагала въ глазахъ израильтянъ на управленіе іудея „клеймо нѣкоторымъ образомъ чуждаго господства“, была причиною того, что „даже Давидъ съ трудомъ удерживалъ въ подчиненіи себѣ израильтянъ“, а

Ровоамъ окончательно утратилъ его, будучи въ состояніи для поддержанія своего господства ссылаться лишь на свое происхожденіе отъ Давида. Въ подробныя доказательства „первоначальнаго различія по крайней мѣрѣ самой большей части іудейскаго народа отъ израильскаго“ онъ отказывается входить и указываетъ лишь на нѣкоторые факты изъ исторіи израильскаго народа, понятныя-де только при предположеніи этой противоположности. Факты эти слѣдующіе: въ періодъ судей іудеи не играютъ почти никакой роли, не упоминаются въ пѣсни Деворы, въ древнѣйшихъ частяхъ книгъ Самуила (1 и 2 кн. Царствъ) они очень рѣзко отличаются отъ израильтянъ, а также различаются составныя части между ними самими; въ книгѣ Бытія упоминается хеттеянка Іегудиа т. е. хеттейскій народъ Іегуди прежде рожденія у Іакова сына-Іуды (Быт. 26, 34), и большая часть іудейскихъ родовъ встрѣчаются какъ у древнихъ знаменитыхъ колѣнъ Симеона и Рувима, такъ и у идумеянъ и амаликитянъ; не было бы слишкомъ трудно найти даже психологическія различія между обоими народами; наконецъ только при всемъ этомъ можно понять и тѣ слова, которыми израильтяне сопровождали свое отпаденіе отъ дома Давидова (3 Цар. 12, 16; 1 Пар. 10, 16; 2 Цар. 20, 1)¹⁾. Высказывая эти голые факты, какъ подтверждающіе его предположеніе, Думъ стоитъ на почвѣ, разработанной Юліемъ Вельгаузенемъ, къ которому и отсылаетъ за подробностями. Вельгаузенъ въ своей диссертациі²⁾ говоритъ именно о составныхъ частяхъ колѣна Іудина. По нему колѣно Іудино состоитъ изъ двухъ неравныхъ половинъ—іудеевъ въ собственномъ смыслѣ (*gentini, qui proprie sunt*) и какъ бы ихъ союзниковъ (*qui quamquam socii fuerint Judaeorum*), но отличныхъ отъ нихъ по своему роду (*quoad genus*)³⁾. Какіе собственно

¹⁾ Duhm. Die Theologie der Propheten. S. 45. Указаніе психологическихъ различій, по сознанию самого Дума, зависитъ много отъ личнаго вкуса.

²⁾ Iulius Wellhausen. De gentibus et familiis iudaeis, quae I Chr. 2. 4 enumerantur. Gottingae. 1870.

³⁾ Ibidem. p. 40.

онъ (Вельгаузенъ) отличаетъ отъ настоящихъ, подлинныхъ іудеевъ. Прямо говорить о нееврейскомъ происхожденіи Давида Эрвстъ Бунзенъ. По нему Давидъ потомокъ Измаила. Исава и Халева. Это положеніе онъ подтверждаетъ наглядно родословною таблицей, начиная ее съ Измаила. Измаиль и его дочь Васемафа, жена Исава; Исавъ рождаетъ Елифаза; Елифазъ—Кеназа (Быт. 36, 3. 10. 11); отъ Кеназа—Іефоннія-кенезитянинъ; отъ Іефонніи—Халевъ (Нав. 14, 6. 14); отъ Халева—Салма, отецъ Виелеема... кинеевъ (1 Пар. 2, 51. 55) и Вооза (ст. 11), Воозъ родилъ Овида, Овидъ—Іессей, Іессей—Давида (1 Пар. 2, 11—15 ср. Руо. 4, 18—22). На основаніи этой родословной Бунзенъ говоритъ, что „весь домъ Давидовъ не еврейскаго происхожденія“, и что чрезъ Давида достигли господства надъ Израилемъ „пришельцы“ (кенеи)¹⁾. Раздѣленіе царства еврейскаго вызвано, по нему, этническимъ и политико-религіознымъ дуализмомъ, проникшимъ израильскій народъ²⁾. Такъ по взгляду выше-

¹⁾ Ernst von Bunsen. Die Einheit der Religionen. 1870. B. I. S. 227—230; XIII.

²⁾ По Бунзену дуализмъ имеетъ болѣе глубокіе корни и схватываетъ далеко не одинъ еврейскій народъ. Начало его восходитъ къ самымъ первымъ временамъ человечества. Въ началѣ всей исторіи, говоритъ Бунзенъ, рѣчная область Оксуса населена была двумя расами, блѣлокожею и чернокожею. Блѣлый ариецъ или іафетитъ жилъ на возвышенности Памгрь; темнокожій туранецъ или хамитъ населялъ соседнюю долину. Тѣ и другіе были рѣзко отдѣлены одинъ отъ другихъ. Съ теченіемъ времени между ними произошло смѣшеніе и изъ него образовалась третья раса-адамиты, при чемъ блѣлая раса осталась не смѣшанною въ верхнихъ слояхъ, а черная въ нижнихъ. Еще съ теченіемъ времени блѣные іафетиты, господствовавшіе надъ темными хамитами, оставили прежнее жилище въ двухъ направленьяхъ,—одна часть съ преобладающею численностью хамитовъ, но всетаки съ іафетитами въ верхнихъ слояхъ, направилась къ Инду, другая съ преобладающимъ элементомъ іафетитовъ обратилась въ Иранъ. Обѣ части опять соединились между собою въ Месопотаміи; изъ нихъ соединенія образовались семиты, высшія вѣтви коихъ состояли изъ іафетитовъ, а низшія изъ хамитовъ и изъ смѣшенія этихъ обѣихъ и другихъ расъ. Отсюда движеніе населенія пошло далѣе къ западу и опять двумя рядами съ прежними характерными особенностями. Жители Хаанапа до Авраама принадлежали къ иранской вѣтви; еврей съ Авраамомъ сначала, а потомъ и съ Моисеемъ по главѣ къ

указанныхъ ученыхъ одною изъ главныхъ причинъ раздѣленія между Іудею и остальнымъ Израилемъ и потому раздѣленія еврейскаго царства было національное различіе между іудеями и другими израильтянами. Но дѣйствительно ли іудеи, или по крайней мѣрѣ большая часть колѣна Іудина, были другой національности, отличной отъ израильской? Ужели въ самомъ дѣлѣ Давидъ, краса и гордость израильской націи, не былъ ея роднымъ сыномъ, а лишь усыновленъ ею? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, нужно, очевидно, провѣрить тѣ данныя, на которыхъ опирается разсматриваемое нами мнѣніе. Данныя эти во первыхъ родословныя и во вторыхъ нѣкоторыя историческія указанія. На нихъ и остановимся.

У израильскаго народа, жившаго большею частью колѣнною жизнью, которой онъ, собственно говоря, не оставлялъ почти и подъ управленіемъ царей, родословныя, ука-

занныхъ. По выходѣ изъ Египта они соединились съ кенеями, принадлежавшими къ иранской вѣтви; эти кенеи и суть тѣ пришельцы, о которыхъ часто говорится въ законѣ Моисеевъ, которые тѣснѣе соединились съ колѣномъ Іудинимъ, поселившись, хотя и не исключительно, въ области этого колѣна; кенеи потомъ въ лицѣ Давида и съ нимъ достигли господства надъ евреями. Около этого дуализма вращается, по Бунзену, и вся исторія евреевъ—и политическая и религіозная. На первый взглядъ такое примѣненіе дуализма къ исторіи еврейскаго народа, чрезъ которую дѣйствительно проходитъ нѣкоторое двойство, можетъ казаться весьма пригоднымъ; но дѣйствительное проведеніе его, какъ оно сдѣлано, по крайней мѣрѣ, Бунзеномъ,—а иначе и быть не можетъ, связано съ ираице произвольнымъ отношеніемъ и къ тексту Библіи и къ даннымъ ея исторіи. Такъ напр. проявленіе этого дуализма Бунзенъ видитъ въ двухъ сынахъ Аарона, Елеазарѣ и Иеазарѣ, бывшихъ родоначальниками еврейскихъ первосвященниковъ; для проведенія того же дуализма онъ дѣлаетъ изъ трехъ лнйи потомства Левія двѣ, сливая потомство Мерари съ потомствомъ Гирсона. По нему и І. Навинъ не еврей. Тамъ же. Стр. 288—312. Уже изъ сказаннаго можно видѣть и то, что съ именемъ—еврей Бунзенъ соединяетъ вѣскольکو иной смыслъ, отличный отъ того, какой мы соединяемъ съ нимъ. По нему Давидъ не еврей, а кенеи, пришлецъ, т. е. собственно членъ высшей касты, высшаго сословія въ израильскомъ народѣ. Въ колѣнѣ Іудиномъ, изъ котораго происходилъ Давидъ, эта высшая каста составляетъ болѣе численный и болѣе чистый элементъ; но этотъ же элементъ, хотя и менѣе численный, находится и въ другихъ колѣнахъ напр. въ Левиномъ и Ефремовомъ и составляетъ и тамъ высшія касты.

зываются принадлежность того или другого лица тому или другому роду и колѣну, пользовались особеннымъ значеніемъ; знаніе своей генеалогической связи требовалось и владѣніемъ землею, которая строго прикрѣплена была къ семействамъ, родамъ и колѣнамъ; въ колѣнѣ Левіиномъ съ происхожденіемъ чрезъ того или другаго сына Левія соединялись извѣстныя различныя права священства и левитства: потомки священниковъ, не могшіе найти своихъ родословныхъ, по возвращеніи изъ плѣна, были лишены священства (1 Езд. 2, 61—63). Отсюда происходитъ то, что въ священныхъ книгахъ находится множество родословныхъ указаній по разнымъ его мѣстамъ, и даже цѣлый отдѣлъ первой книги Паралипоменонъ посвященъ имъ исключительно (гл. 1—9). Для каждаго дорога своя родословная. Но какъ скоро то или другое лицо занимаетъ болѣе высокое общественное положеніе, родословная его получаетъ и общественное значеніе. Этимъ особеннымъ положеніемъ можно объяснить особенную подробность и вмѣстѣ точность родословной колѣна Левіиана. Родословная потомковъ Аарона чрезъ Елеазара идетъ отъ Левія до Іоседека, пошедшаго въ вавилонскій плѣнъ при Навуходоносорѣ (1 Пар. 6, 1—15). Вниманіе къ левитамъ даетъ возможность указать родословную и выдающихся пѣвцовъ Давидовыхъ изъ левитовъ. И родословная Самуила возводится до Кааеа (6, 22—47). Такъ точно и Саулъ и Давидъ, ставоваясь царями еврейскими, возбуждаютъ интересъ и къ своей родословной. При первомъ упоминаніи о Саулѣ указывается и его родословная, состоящая изъ семи степеней (1 Пар. 9, 1); въ позднее время его родословная проводится и чрезъ его потомковъ (1 Пар. 8, 33—38; ср. 9, 39—44). Родословная Давида не приводится при первомъ о немъ упоминаніи въ исторіи (1 Пар. 16); но въ другихъ книгахъ она есть и возводится даже до Іуды (Руе. 4 и 1 Пар. 2, 9—17); а потомки его низводятся до потомковъ Зоровавеля, жившаго послѣ плѣна (1 Пар. гл. 3), и даже до Христа (Мѣ. 1, 1—16; Лук. 3, 23—38).

Поятна полнота родословной потомковъ Давида, получившихъ извѣстность отъ своего родоначальника и многихъ самихъ по себѣ славныхъ. Вполнѣ естественно и то, что въ семействѣ Іессея сохранялась въ воспоминаніи полная родословная и предковъ,—во память народная сохранила лишь болѣе выдающіяся имена въ ней. Эта неполнота родословной Давида какъ бы слѣдуетъ изъ сравненія ея съ родословными другихъ современниковъ Давида, именно левитовъ, отъ родословной которыхъ естественно ожидать большей полноты. Такъ родословная Садока, первосвященника во время Давида (2 Пар. 8, 17; 20, 25) заключаетъ въ себѣ 14 членовъ, начиная отъ Левія; родословная Еёана, пѣвца Давидова,—14-ть же; родословная Асафа—15, и—Эмана даже 22 (1 Пар. 6, 1—8. 31—53), тогда какъ родословная Давида изъ того же самаго времени содержитъ только 11 членовъ (1 Пар. 2, 2—15). На предположеніе неполноты какъ бы наводятъ и самыя имена родословной: имена эти принадлежать предкамъ, чѣмъ либо особенно извѣстнымъ. Такъ, Воозъ извѣстенъ былъ своимъ бракомъ съ Руею (Руе. 3, 4; Мѣ. 1, 5), Салмонъ (евр. Салма)—своимъ бракомъ съ Раавью (Мѣ. 1, 5), Наассонъ, сынъ Аминадава, былъ княземъ колѣна Іудина во время странствованія Израиля по пустынѣ (Числ. 1, 7). Указанія браковъ, объясняя сохраненіе въ памяти именъ предковъ, даютъ возможность въ то же время видѣть, что между нѣкоторыми именами родословной должны стоять другія посредствующія: такъ между Салмономъ, мужемъ Раави, жившей при Іисусѣ Навинѣ (Нав. 2 и 6, 21—24), и Воозомъ, мужемъ Руеи, быть можетъ, изъ времени Гедеона и Овидомъ и Іессеемъ¹⁾. Изъ того, что имя Арамъ (по евр. Рамъ) стоитъ рядомъ съ именами—Іерахмеилъ и Хелувай (1 Пар. 2, 9), слѣдуетъ, кажется, естественно, что Арамъ долженъ стоять въ отношеніи соподчиненія съ Іерахмеиломъ и Хелуваемъ (Халевомъ)

¹⁾ Keil. Bibl. Comm. Das Buch Ruth. S. 361. 382.

къ Есрому, а не въ отношеніи подчиненія тому или другому изъ рядомъ съ нимъ стоящихъ,—т. е. Арамъ долженъ быть потомкомъ Есрома наравнѣ съ Іерахмеиломъ и Хелуваемъ, а не потомкомъ того или другаго изъ этихъ двоихъ. Но это предположеніе повидимому сильно ослабляется дальнѣйшимъ развитіемъ родословной каждаго изъ братьевъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то, что вопреки обычаю родъ Арама, втораго брата, перечисляется прежде рода старшаго брата; потомъ самая родословная его начинается иначе: вмѣсто обычнаго выраженія вначалѣ: „сыновья“... (1 Пар. 2, 3. 5. 25. 42) родословная Арама начинается такъ: „Арамъ родилъ Аминадава“ (10); и наконецъ, тогда какъ родословныя Іерахмеила и Халева представляютъ собою широковетвистое дерево, содержа въ себѣ имена нѣсколькихъ сыновей родоначальника и сыновей сыновей его,—родословная Арама представляетъ лишь одинъ стволъ дерева, хотя и увѣчанный широкою вершиною,—именно перечисляетъ лишь по одному члену въ каждомъ звенѣ родословной цѣпи; завершаясь семью сыновьями и двумя дочерьми Іессея, отца Давидова, и сыновьями его дочерей (1 Пар. 2, 10—17). Вслѣдствіе этого потомство Арама представляется въ сравненіи съ потомствомъ Іерахмеила и Халева изумительно малочисленнымъ. Это несоотношеніе особенно поразительно при представленіи дѣла Вельгаузенемъ, который видитъ въ именахъ потомковъ Іерахмеила преимущественно названія племенъ, а въ именахъ потомковъ Халева преимущественно имена городовъ. Въ этомъ случаѣ по именамъ потомковъ Іерахмеила и Халева можно очертить приблизительно довольно широкую территорію, занимаемую потомствомъ того и другаго, тогда какъ родословная Арама—несомнѣнно родословная лицъ, предковъ Давида, и исключаетъ вопросъ о территоріи распространенія потомства Арама. Въ противоположность широкой территоріи потомства другихъ братьевъ, потомство Арама ограничивается въ Палестинѣ какъ бы однимъ Вилеемомъ. Все это, говоримъ,

ослабляетъ увѣренность въ томъ, что Арамъ такой же равноправный членъ потомства Есрома, какъ и рядомъ съ нимъ стоящіе Іерахмеиль и Хелувай. Сомнѣніе это находитъ поддержку для себя и въ самомъ текстѣ 9 стиха 2 гл. I кн. Пар. Именно, въ переводѣ LXX замѣчается разность въ чтеніи его съ еврейскимъ,—разность, наводящая на предположеніе, что бывший у LXX подъ руками еврейскій текстъ читался въ этомъ мѣстѣ иначе, чѣмъ теперь, или, что во всякомъ случаѣ стихъ этотъ по еврейскому тексту возбуждалъ сомнѣнія въ переводчикахъ¹⁾. Таковы сомнѣнія относительно происхожденія Давида отъ Есрома чрезъ Арама, какъ равноправнаго съ Іерахмеиломъ и Хелуваемъ члена родословной Есрома.

Но сомнѣнія эти не такого свойства, чтобы подрывали въ корнѣ самостоятельное значеніе Арамовой линіи потомства Есрома. Силу ихъ можно значительно ослабить. Такъ можно сказать, что потомство Арама занимаетъ первое мѣсто въ родословной, не смотря на то, что Арамъ былъ вторымъ послѣ Іерахмеила, изъ уваженія къ великому его потомку, Давиду²⁾. Именно, быть можетъ, потому что родословная Арама передаетъ только имена предковъ Давида, и форма ея отличается отъ формы другихъ родословныхъ съ болѣе широкимъ содержаніемъ. Очень возможно, что она заимствована именно въ этой своей формѣ изъ книги Руевъ, гдѣ она стоитъ почти съ буквальною точностью (4, 18—22), если признать, что книга Руевъ написана ранѣе книги Паралипоменонъ³⁾. Возможно далѣе, что собиратель

¹⁾ У LXX онъ читается такъ: καὶ οἱ τοῦ Ἐσρομῶ οἱ ἀδελφοὶ αὐτοῦ· ὁ Ἰραμὴλ, καὶ ὁ Ὀράμ, καὶ ὁ Χαλεβ, καὶ ὁ Ἀράμ. Та Вѣста. Ев. Москва 1821. Различныя чтенія этого мѣста въ греческомъ переводѣ можно видѣть въ „Vetus Testamentum graecum cum variis lectionibus. Edit. Robert. Holmes et Jacob. Parsons. Tom. secund. Oxonii. 1818.

²⁾ Lange. Theologisch-homiletisches Bibelwerk. A. T. Th. VIII. S. 40. Keil. Bibl. Comm. Th. V. S. 42.

³⁾ Keil. Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in die kanonischen und apokryphischen Schriften des Alten Testaments. 2 Aufl. 1859. S. 414—416.

родословныхъ въ книгѣ Паралипоменонъ удовольствовался для линіи Арама родословною только Давида, именно по ея важности: высокая личность Давида затемняла собою всё другія и одна могла составить славу Арама. Другія линіи Есрома не имѣли такихъ выдающихся членовъ и потому собиратель не дѣлалъ предпочтенія однимъ предъ другими, собирая все, что могло сохраниться до него. Что касается сходства въ именахъ самого Арама (Рама, 1 Пар. 2, 9) и потомка его Салмона (Салма, ст. 11) съ именами Рама, первенца Іерахмелова (ст. 25), и Салмы, потомка Халевова (ст. 50, 51),—сходства, какъ-бы указывающаго на отношеніе не соподчиненія Арама вмѣстѣ съ Іерахмеломъ и Халевомъ Есрому, а на отношеніе подчиненія его Іерахмелу или въ лицѣ Салмы Халеву, то можно ослабить значеніе и этого доказательства. Нѣтъ нужды говорить особо о томъ, что тождественныя личныя имена могутъ встрѣчаться въ различныхъ родословныхъ, не возбуждая мысли о тождествѣ лицъ, ихъ носящихъ. Свое значеніе и то безусловное разсматриваемое нами доказательство получаетъ при предположеніи, что родословныя содержатъ не имена отдѣльныхъ лицъ, а имена народовъ и городовъ. Но что вынуждаетъ къ такому предположенію? Необходимость такого предположенія вытекаетъ для ученыхъ извѣстнаго направленія изъ слѣдующаго. Во первыхъ,—говорятъ, что при признаніи именъ родословныхъ личными именами, они становятся будто-бы пустыми словами, ничего не говорящими ни самому писателю или собирателю ихъ, ни тѣмъ, для которыхъ онъ писалъ, и на собираніе ихъ онъ едва ли бы сталъ тратить трудъ и время. Совсѣмъ иное дѣло, когда подъ этими именами означаются народцы или города. Въ этомъ случаѣ они означаютъ населеніе цѣлой извѣстной мѣстности въ его разнообразныхъ отношеніяхъ между собою; различіе родословныхъ указываетъ на различіе населенія въ разныя времена¹⁾. Намъ кажется, что все это разсужденіе ведется въ

¹⁾ Wellhausen. Указан. соч. стр. 3.

нашемъ духѣ, но не въ духѣ древнихъ евреевъ. И если послѣдніе дорожили своими родословными, что несомнѣнно, то и нельзя говорить, что имена личныя для нихъ пустыя, ничего не говорящія слова; нельзя говорить тѣмъ болѣе, что съ именемъ лица связывалось, такъ сказать, и указаніе земельного участка, носящаго то имя, такъ какъ участки были неотчуждаемы; а чрезъ это исчисленіемъ именъ опредѣлялась до нѣкоторой степени и территорія, и такимъ образомъ безъ превращенія личныхъ именъ въ имена племенъ и городовъ достигается то, что составляетъ интересъ и по Вельгаузену¹⁾. Во вторыхъ, указываютъ на самыя имена въ родословныхъ, какъ на имена именно народовъ или племенъ и городовъ; такъ въ родословной Іерахмела (1 Пар. 2, 25—33) стоятъ имена будто бы преимущественно народныя (nomina gentilia), а въ родословной Халева (ст. 42—55) преимущественно имена городовъ. Но доказать, что имена родословной Іерахмела преимущественно народныя, а не личныя,—нельзя, и въ Шемановой вѣтви потомства Іерахмела самъ Вельгаузенъ видитъ имена преимущественно личныя²⁾. Осязательнѣе, повидимому, выступаютъ имена городовъ въ родословныхъ Халева: имена Зифа, Мареша, Хеврона, Таппуаха, Рекема и др. невольно напоминаютъ города—Зифъ (Нав. 15, 24), Марешу (Нав. 15, 44), Таппуахъ (12, 17; 15, 34; 16, 8), Рекемъ (18, 27), Хевронъ и т. д. Но и эти имена не вынуждаютъ разумѣть подъ ними непременно города. Всегда остается возможность того предположенія, что имена городовъ были первоначально

¹⁾ Неотчуждаемость наследственныхъ участковъ можетъ объяснять до нѣкоторой степени и упоминаніе въ родословныхъ личныхъ именъ наряду съ именами городовъ, если это послѣднее должно быть признано относительно нѣкоторыхъ мѣстъ. Говорится, напримѣръ: „Шовалъ, отецъ Киріае-Іарима“ (1 Пар. 2, 50). Если разумѣть подъ послѣднимъ Киріае-Іаримъ, городъ, извѣстный изъ исторіи завоеванія Хаваана израильтянами, то приведенное выше выраженіе будетъ означать: Шовалъ, отецъ (родоначальникъ) жителей Киріае-Іарима, т. е. тѣхъ, которымъ этотъ городъ достался при раздѣленіи Хаваана.

²⁾ Ibidem. p. 18.

Раздѣленіе еврейскаго царства.

именами лицъ, что города получили ихъ отъ лицъ, стоявшихъ къ нимъ въ такомъ или иномъ отношеніи, и что въ родословной стоятъ именно имена этихъ лицъ. Нѣкоторые изъ указанныхъ выше именъ, напоминающихъ имена городовъ, встрѣчаются дѣйствительно, какъ имена личныхъ, въ другихъ мѣстахъ, напр. Хевронъ (1 Пар. 6, 2; Исх. 6, 18), Рекемъ (Числ. 31, 8; 1 Пар. 7, 16). А нѣкоторые изъ нихъ въ той связи, въ какой они стоятъ въ рассматриваемой нами родословной (1 Пар. 2 гл.), могутъ быть понимаемы только какъ имена лицъ и ни въ какомъ случаѣ, какъ имена городовъ¹⁾. Другія имена той же родословной, какъ напр.: Меша, Корей, встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ только какъ имена лицъ²⁾. Во всякомъ случаѣ, если даже и допустимъ, что въ рассматриваемой нами родословной потомковъ Іуды есть имена племенъ или городовъ, необходимо признать, что въ ней же есть и имена лицъ. А вслѣдствіе этого значительно ослабляется кажущаяся необходимость въ тождественныхъ именахъ различныхъ родословныхъ видѣть непременно и тожество или родство означаемыхъ ими предметовъ. Къ этому не вынуждаетъ непременно даже и то, если предположимъ, что известное имя, встрѣчающееся въ разныхъ родословныхъ, означаетъ не лицо, а городъ или родъ. Одноименныхъ городовъ было достаточно въ Палестинѣ. Такъ напр. было нѣсколько Афековъ,—въ Галилеѣ (1 Цар. 29, 1), въ Іудеѣ (Нав. 15, 53), на восточной сторонѣ Іордана³⁾. Слѣдуетъ ли отсюда не-

¹⁾ Замѣчаютъ это особенно объ именахъ Марши и Хеврона. Марша представляется здѣсь отцомъ Хеврона (2, 42). При предположеніи, что Марша и Хевронъ означаютъ города, Хевронъ, известный своею древностью (Числ. 13, 23), долженъ стать въ такую или иную зависимость отъ Марши, города, указываемаго теперь въ развалинахъ Мариса въ 20 миляхъ къ югу отъ Бейт-Жабриа (Елевсероволис). Но противъ такой зависимости говоритъ далекое разстояніе одного города отъ другаго; о ней ничего неизвѣстно и изъ исторіи. Lange. Bibelwerk. A. T. VIII. S. 45. Keil. Bibl. Comm. Th. V. S. 47.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Raumer. Palästina. S. 234.

премѣнно, что жители этихъ городовъ происходили отъ одного корня? Конечно нѣтъ. Роды получали свое названіе, между прочимъ, и отъ именъ родоначальниковъ. Слѣдуетъ ли, что одинаковыя имена родовъ указываютъ непременно на происхожденіе ихъ отъ одного родоначальника или на ихъ ближайшее родство? Едва ли... Правда, линіи Арама и Халева связываетъ между собою не одно общее имъ имя Салма. Салма, потомокъ Халева, называется и прямо отцомъ Виелеема (1 Пар. 2, 51), а виелеемляне—его сыновьями (ст. 54). Предки Давида и вмѣстѣ потомки Салмона отъ Арама—Воозъ, Овидъ и Иессей были дѣйствительно виелеемляне (Руе. 1, 1; 2, 1; 4, 17; 1 Цар. 16, 1). Такимъ образомъ Салма, потомокъ Халева и вмѣстѣ отецъ Виелеема, какъ бы вытѣсняетъ собою Салму, потомка Арама, а съ тѣмъ вмѣстѣ какъ бы уничтожаетъ и самостоятельное значеніе Арамовой вѣтви потомства Есромова. Противъ такого вывода, дѣлаемаго Вельгаузенемъ, мы находимъ возможнымъ опереться на самого же Вельгаузена. По нему, какъ мы уже говорили, потомки Халева, или халевиты, не жили въ Виелеемѣ до плѣва вавилонскаго, слѣдовательно предки Давида—виелеемляне не могли быть халевитами, или потомками Салмы халевитянина. Тѣмъ менѣе они могли быть потомками Іерахмеила, какъ можно бы заключать изъ имени Арама, тождественнаго (по евр. тексту) съ именемъ Рама, первенца Іерахмеила: іерахмеилиты жили еще южнѣе халевитовъ. Чьи же потомки предки Давида—виелеемляне? Въ книгѣ Паралипоменонъ они представляются потомками Есрома. Потомство Есрома распадается на три вѣтви. Итакъ какъ предки Давида не могутъ быть потомками ни Іерахмеила, ни Халева, — а между тѣмъ они всетаки потомки Есрома, то и должны быть признаны потомками третьяго сына Есромова, Арама. Иного выхода нѣтъ¹⁾. Слѣдова-

¹⁾ Упомянуты еще потомки Есрома въ 1 Пар. 2, 21—24. Въ послѣднемъ стихѣ упоминается даже имя Халевъ-Ефрава. Но значеніе этихъ послѣднихъ родословныхъ слишкомъ неопредѣленно. Lange. Bibelwerk. S. 43.

тельно Арамъ, какъ сынъ Есрома, имѣть полное право стоять наравнѣ съ другими его сыновьями—Іерахмеломъ и Хелуваемъ.—Если все вышесказанное имѣетъ значеніе, то прежде всего въ колѣнѣ Іудиномъ удерживается значительная часть населенія еврейской крови, именно потомство Арама, второй вѣтви потомства Есромова, говоримъ въ настоящемъ случаѣ съ точки зрѣнія тѣхъ, которые въ другихъ вѣтвяхъ этого потомства видятъ неподлинныхъ іудеевъ или не евреевъ. Затѣмъ Давидъ, какъ потомокъ Арама, остается евреемъ, не по усыновленію только, а и по происхожденію; потому что исключеніе его изъ израильской національности и причисленіе его къ кенеймъ или идумейнамъ, дѣлаемыя Бунзеномъ, основываются единственно на отождествленіи Салмона, предка Давидова (ст. 11), съ Салмою, потомкомъ Халева (ст. 51)¹⁾.

Что касается принадлежности линіи Іерахмеила и Халева къ еврейской крови или чистоты послѣдней въ первыхъ, то ихъ оспариваютъ, опираясь на родословныя, какъ мы уже отчасти видѣли, на основаніи именъ въ этихъ ро-

¹⁾ Направляя рѣчь свою противъ Вельгаузена, мы считаемъ достаточнымъ сказанное въ текстѣ объ интересующемъ насъ предметѣ. Но отрѣшаясь отъ взгляда Вельгаузена, сознаемся, что у насъ возникалъ, возникнетъ, думаемъ, и у нашихъ читателей вопросъ о томъ, въ какомъ же отношеніи на самомъ дѣлѣ Салма, потомокъ Халева, какъ отецъ внолеемлянъ, стоитъ въ Салмону (Салмѣ), потому что Арама и предку Іессея и Давида—тоже внолеемлянъ, если оба они лица, одно отъ другаго отличныя. Отвѣтить на этотъ вопросъ мы не въ состояніи. Удовлетворительнаго отвѣта на него мы не находимъ и у другихъ. Кейль ограничивается простымъ замѣчаніемъ, что Салма „отецъ внолеема, мѣста рожденія Давида и Христа“ не одно и то же лицо съ Салмою, потомкомъ Арама. Keil. Bibl. Comm. Th. V. S. 51. Zöckler замѣчаетъ, что „тожество имени (Салмы, потомка Халева) съ Салмою, упомянутымъ въ ст. 17 (1 Пар. 2 гл.) внолеемскимъ предкомъ Давида, конечно (wohl) только случайное“. Lange. Bibelwerk. Th. VIII. S. 47. Простымъ указаніемъ на различіе между тѣмъ и другимъ Салмою ограничивается и пр. Солярскій въ своемъ „Опытѣ библейскаго словаря собственныхъ именъ“. Т. 3. Подъ словомъ Салма. Сознывая свою несостоятельность въ этомъ отношеніи, мы все-таки не колеблемся въ общемъ убѣжденіи относительно еврейскаго происхожденія Давида; потому что не видимъ достаточныхъ данныхъ отрицать еврейское происхожденіе и Халева и его потомства.

дословныхъ сходныхъ съ именами въ родословныхъ другихъ народовъ. Такъ Вельгаузенъ находитъ въ нихъ два имени сходныя съ мадіамскими и тринадцать именъ сходныхъ съ идумейскими¹⁾. Но мы уже замѣчали, при какихъ условіяхъ имена общія различнымъ родословнымъ могутъ имѣть значеніе доказательствъ тожества или ближайшаго родства означаемыхъ ими предметовъ²⁾. Къ сказанному тамъ прибавимъ одно замѣчаніе. На томъ же самомъ основаніи, на которомъ оспаривается чистота еврейской крови относительно колѣна Іудина, можно оспаривать ее и относительно нѣкоторыхъ другихъ колѣнъ: Ефремова, Левина, Рувимова и др.³⁾. А если такъ, если и другія колѣна и особенно Ефремово не могутъ похвалиться чистотою еврейской крови, говоримъ съ точки зрѣнія разсматриваемыхъ нами ученыхъ, — то едва ли можно утверждать, будто не совсѣмъ чистая кровь колѣна Іудина была причиною и изолированности его въ періодъ судей и отпаденія отъ дома Давидова десяти колѣнъ по смерти Соломона.

Въ родословныхъ Іерахмеила и Халева находятъ, какъ мы видѣли, связь того и другаго съ другими народами и на этомъ основаніи оспариваютъ ихъ принадлежность къ еврейскому народу. Въ другихъ мѣстахъ Писанія видятъ отличіе ихъ отъ другихъ составныхъ частей самаго колѣна

¹⁾ Сравненіе родословныхъ дѣлается въ предѣлахъ первыхъ четырехъ главъ первой книги Паралип. Вельгаузенъ. Указ. соч. Стр. 38. 39.

²⁾ Тоже слѣдуетъ сказать и объ имени Іегудиноа. Что имя хеттеянина Іегудиноа, которую взялъ себѣ въ жену Исавъ (Быт. 26, 34), означаетъ дѣйствительно народецъ хеттейскій, и что этотъ народецъ вошелъ въ составъ колѣна Іудина и далъ ему свое имя (Эвальдъ, Geschichte. B. I. S. 548; Duhm. Die Theologie der Propheten. S. 45), это нужно доказать. Простое указаніе и голословное примѣненіе имени не доказательство.

³⁾ Такъ Эвальдъ, отождествляя имя Efrat для внолеема съ именемъ колѣна Ефремова, видитъ въ послѣднемъ часть древнеханаанейскаго народа, которая вмѣстѣ съ болѣе подлинно ерейскимъ Махиромъ или что то же съ Манассією составила колѣно Іосифово. Колѣно Левино имѣетъ имя Корей (1 Пар. 6, 37) общее ему съ Исавомъ (Быт. 36, 5. 14. 16), Рувимъ съ Мадіамомъ имѣютъ общее имя—Ханохъ (Быт. 25, 4; 46, 9; Числ. 26, 5).

Иудина или, какъ выражаются, отъ природныхъ іудеевъ. — Такъ ясное указаніе на отлічіе халевитовъ отъ іудеевъ, qui proprie sunt, Вельгаузенъ видитъ въ 14 и 15 гл. книги Исуса Навина и 1 гл. книги Судей¹⁾. Правда, „въ перечнѣ городовъ іудейскихъ вмѣстѣ съ другими перечисляются и Халевовы, но въ Нав. 15, 13. читаются достопримѣчательныя слова: — „и Халеву, сыну Іефонніну, далъ (Исусъ) часть среди сыновъ Іудиныхъ“. Вельгаузенъ обращаетъ здѣсь вниманіе на то, что не сказано: „среди братьевъ своихъ“, и что потомъ „подробно и тщательно (15, 14 и д. и 14, 6 и д.) объясняются причины, почему Халеву, которому, какъ кенезею, собственно не принадлежала часть среди сыновъ Іуды, уступлены были Исусомъ Навинномъ тѣ обширныя области, которыми онъ послѣ владѣлъ“²⁾. Вся сила доказательства изъ этого мѣста заключается, такимъ образомъ, въ томъ выраженіи, что Исусъ Навинъ далъ участокъ Халеву не „среди своихъ братьевъ“, а „среди сыновъ Іудиныхъ“. Но дѣйствительно ли выраженіе „среди сыновъ Іудиныхъ“ заключаетъ въ себѣ усвоемое ему значеніе? Дѣйствительно ли „халевиты ясно отличаются здѣсь отъ іудеевъ въ собственномъ смыслѣ?“ Намъ думается, что подобнаго различія нельзя здѣсь находить. Халевъ проситъ себѣ удѣла не „среди сыновъ Іудиныхъ“, а той земли, по которой ходила нога его, и которую Господь обѣщала ему и его потомству, горы, на которой находился Хевронъ (Нав. 14, 6—12). Просьба эта дѣлается еще прежде, чѣмъ колѣно Іудино получило свой удѣлъ. А между тѣмъ при ней присутствуютъ и сыны Іудины и Халевъ представляется выразителемъ ихъ желаній (ст. 6). Если и не разумѣть здѣсь подъ „сынами Іудиными“ всего колѣна Іудина³⁾, такъ,

¹⁾ Какимъ образомъ слѣдуетъ это различіе между природными іудеями и халевитами изъ 1 гл. книги Судей, Вельгаузенъ не показываетъ. Вѣроятно онъ имѣетъ въ виду упоминаніе здѣсь о Халевѣ и Гоовилѣ, сынѣ Кеназа.

²⁾ Wellhausen. Ibidem. p. 40.

³⁾ Buddeus. Historia ecclesiastica Veteris Testamenti. Edit. V. t. I. p. 622; Fentstemberg. Geschichte. P. II. H. I. S. 252.

чтобы Халевъ былъ „главою іудеевъ“¹⁾, то во всякомъ случаѣ Халевъ представляется здѣсь главою іудеевъ одного изъ подраздѣленій колѣна Іудина, происходящаго отъ Кеназа²⁾. Исусъ Навинъ, говорится „благословилъ его (Халева); и далъ въ удѣлъ Халеву, сыну Іефонніну, Хевронъ. Такимъ образомъ Хевронъ остался удѣломъ Халева, сына Іефонніна, кенезеянина, до сего дня, за то, что онъ въ точности послѣдовалъ (повелѣнію) Господа, Бога Израилева“ (ст. 13. 14). Вся эта исторія перехода Хеврона въ удѣлъ Халева разсказывается не съ тѣмъ, чтобы показать, почему Халеву достался такой большой участокъ „среди сыновъ Іудиныхъ“, на который онъ, какъ кенезеянинъ, не имѣлъ будто права. Объ участкѣ среди іудеевъ въ это время не

¹⁾ Кнобель у Кейля: V. Comm. Buch Iosua. S. 108.

²⁾ Keil. Ibidem. Различно рѣшаютъ вопросъ о томъ, какъ понимать часто прилагаемое къ Халеву слово „кенезеянинъ“. Одни видятъ въ немъ указаніе на неизраильскій народецъ кенезеевъ (Быт. 15, 19). Отношеніе, въ какомъ стоитъ Халевъ къ кенезеямъ, опредѣляется также различно. По однимъ онъ не израильянинъ по рожденію, а изъ указанного народа кенезеевъ принятъ былъ въ колѣно Іудино (Rehm. Handwörterbuch des biblischen Alterthums für gebildete Bibelleser. S. 214). По другимъ онъ іудей по происхожденію, но стоялъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ кенезеямъ, — которыя (отношенія) опредѣляются опять различно, — отчего и получилъ свое прозваніе — кенезеянинъ (Ewald. Geschichte. V. I. S. 361. Zöckler, Knobel у Lange, Bibelwerk. A. T. Th. VIII. S. 59). Третьи производятъ прозваніе его кенезеянинномъ отъ предка его Кеназа, неизвѣстнаго потомка Есрома, сына Фареса, внука Іуды (1 Пар. 2, 5. Keil. Bibl. Comm. Das Buch Iosua. S. 108). Изъ текста можно видѣть наше мнѣніе объ этомъ предметѣ. Трудно вѣрить, чтобы Халевъ, играющій такую видную роль въ колѣнѣ Іудиномъ, былъ пришельцемъ. Ничто не вынуждаетъ также объяснять прозваніе его кенезеянинномъ именно изъ связи его съ кенезеями и не видѣть въ Кеназѣ именно іудей-родоначальника. Различно опредѣляется и то отношеніе, въ которомъ стоитъ онъ къ Халеву, упоминаемому въ родословныхъ 1 Пар. гл. 2 и 4. Берто видитъ въ Халевѣ въ упомянутыхъ родословныхъ одно лицо и отождествляетъ его съ Халевомъ книги Исуса Навина. По Эвальду этотъ Халевъ тождественъ съ Халевомъ 1 Пар. 2, 42—49, а Халевъ ст. 9. 18—20 и 50—55 совершенно отличенъ отъ него и имя его подлинное Хелувай. Цёклеръ видитъ Халева вн. Исуса Навина въ Халевѣ 1 Пар. 2, 46—49 и 4, 15 (Lange. Bibelwerk. Th. VIII. S. 46). Разобраться въ этомъ различіи мнѣній трудно. Для насъ не имѣетъ большаго значенія тождественъ онъ или не тождественъ съ Халевомъ родословныхъ, и потому мы ограничиваемся простымъ приведеніемъ взглядовъ на этотъ предметъ.

могло быть рѣчи, потому что они и сами еще не получили области. Вся эта исторія рассказываетъ для того, чтобы показать, почему Халевь получилъ въ свой удѣль именно Хевронъ. Позднѣе, при раздѣленіи Ханаана между колѣнами, Хевронъ, удѣль Халева, оказался дѣйствительно въ области колѣна Іудина. И объ этомъ собственно, т. е. о томъ, что Хевронъ, полученный Халевомъ въ свой удѣль, по особенному повелѣнію Божію, оказался въ области колѣна Іудина, говорится въ „достопримѣчательныхъ“ словахъ Нав. 15, 13. Это слѣдуетъ изъ полного чтенія этого мѣста, въ которомъ говорится не о томъ только, что Іисусъ Навинъ далъ Халеву, сыну Іефонніну часть среди сыновъ Іудиныхъ, какъ сокращаетъ его Вельгаузенъ, — но и о томъ, что этою частью былъ именно Хевронъ. „И Халеву, сыну Іефонніну, далъ часть среди сыновъ Іудиныхъ, какъ повелѣлъ Господь Іисусу, — Киріаеъ - Арбы, отца Енакова, иначе Хевронъ“. По связи этого мѣста съ 14, 6—15 значеніе сообщаемого имъ свѣдѣнія опредѣляется съ одной стороны тѣмъ, что удѣль Халева, полученный имъ по особому обѣтованію Божію, могъ оказаться и не въ колѣнѣ Іудиномъ, — а съ другой стороны тѣмъ, что этотъ участокъ въ колѣнѣ Іудиномъ достается ему не по жребію, которымъ опредѣлялись участки другихъ родовъ колѣна Іудина, а по особому повелѣнію Божію. О томъ, что Халевь былъ кенезеянинъ, а не іудей, въ рассматриваемомъ нами мѣстѣ ничего не говорится, — что показываетъ, что сила этого мѣста заключается не въ указаніи перехода Хеврона къ Халеву, какъ кенезеянину. Но спрашивается: почему же священный писатель не употребилъ здѣсь выраженія: „среди своихъ братьевъ“? Отвѣтить опредѣленно на этотъ вопросъ трудно. Во всякомъ случаѣ въ выраженіи „среди сыновъ Іудиныхъ“ нѣтъ основаній видѣть противопоставленія Халева іудеямъ, какъ кенезеянина и, слѣдовательно, не іудея. Выраженіе это просто выдѣляетъ Халева изъ среды другихъ іудеевъ и дѣлаетъ это потому, что онъ получилъ свой участокъ,

оказавшійся позднѣе въ колѣнѣ Іудиномъ, инымъ, отличнымъ отъ другихъ, способомъ. А что Халевь признавалъ свое братство со всѣми израильтянами, а чрезъ то конечно и съ іудеями, это слѣдуетъ изъ того, что соглядатаевъ, ходившихъ съ нимъ вмѣстѣ въ Ханаанъ, онъ называетъ братьями: „братья мои, которые ходили со мною, привели въ робость сердце народа“, говорилъ онъ І. Навину (Нав. 14, 8). Конечно, слово — братъ употреблено здѣсь въ несобственномъ смыслѣ, но въ такомъ же только смыслѣ оно могло быть употреблено и по отношенію къ іудеямъ; разница лишь въ большей или меньшей степени широты этого смысла. Такимъ образомъ и самое ясное мѣсто въ пользу отличія халевитовъ отъ іудеевъ, а чрезъ то и отъ израильтянъ, не указываетъ этого отличія.

Подтверженіе той нашей мысли, что Халевь въ приведенныхъ выше мѣстахъ лишь выдѣляется изъ цѣлаго безъ примаго противоположенія ему, какъ къ нему не принадлежащей по своему происхожденію, могутъ дать и нѣкоторыя другія подобныя мѣста той же книги Іисуса Навина. Въ мѣстахъ этихъ какъ бы ставятся на одну линію цѣлое и часть его и чрезъ это какъ бы различается послѣдняя отъ перваго, какъ не подчиняющаяся ему; но отсюда ни коимъ образомъ не слѣдуетъ, что она и дѣйствительно не принадлежитъ ему. Такъ Іисусъ Навинъ, отправляя соглядатаевъ въ Іерихонъ, говоритъ имъ: „пойдите, осмотрите землю и Іерихонъ“ (Нав. 2, 1). Слѣдуетъ ли отсюда, что Іерихонъ не принадлежалъ къ той землѣ, осмотрѣть которую они должны были? Въ 3, 1 Іисусъ Навинъ сопоставляется со всѣми израильтянами: „онъ и всѣ сыны израилены“. „Сыны израилены дали среди себя удѣль Іисусу, сыну Навину“ (19, 49). Какъ будто Іисусъ Навинъ не былъ израильтяниномъ? Сыны Рувима, Гада и полуколѣна Манассіина противопоставляются сынамъ израиленнымъ. „И сыны Рувима, и сыны Гада и половина колѣна Манассіина перешли, говорится въ одномъ мѣстѣ, вооруженные впереди сыновъ израиленъ“

выхъ (4, 12)⁴. „И возвратились и поплы сыны Рувимовы и сыны Гадовы и половина колѣна Манассиива отъ сыновъ израилевыхъ изъ Силома“ (22, 9; ср. 11—13. 14. 21. 23). Подобнымъ образомъ и левиты противоплагаются сынамъ израилевымъ. „Начальники поколѣній левитскихъ пришли, говорится..., къ начальникамъ поколѣній сыновъ израилевыхъ“ (21, 1). „И дали сыны израилены левитамъ изъ удѣловъ своихъ города“ (Ст. 3. 8). Въ этихъ мѣстахъ никоимъ образомъ не намечается на какое либо родство между рувимлянами, гадянами и манасситянами и левитами съ одной стороны и остальными израильтянами съ другой; но слѣдуетъ ли отсюда, что первые не были родственны послѣднимъ и не составляли вмѣстѣ съ ними одного израильскаго народа? Очевидно нѣтъ, и въ другомъ мѣстѣ рувимляне, гадыне и манасситяне называются прямо братьями остальныхъ израильтянъ (1, 14. 15). Но слѣдуетъ также съ очевидностью, что именно писатель книги Исуса Навина, говоря о какой либо части цѣлаго, въ ея отношеніи къ этому послѣднему, мыслить о ней или по крайней мѣрѣ говорить о ней, какъ бы о равноправной, самостоятельной и независимой величинѣ наряду съ своимъ цѣлымъ. Такое противопоставленіе части цѣлому замѣтно особенно въ книгѣ Судей въ рассказѣ о войнѣ сыновъ Израиля съ веніаминянами (20, 3. 12. 14. 20. 24. 30 и др.). Но было бы ошибочно заключать изъ этого, будто веніаминяне не израильтяне. И израильтяне называютъ Веніамина прямо своимъ братомъ (20, 23; 21, 6).

Другія мѣста, приводимыя въ подтвержденіе того, будто халевиты и іерахмелиты были отличны отъ природныхъ іудеевъ, находятся въ 1 книгѣ Царствъ. Такихъ мѣстъ два. Въ первомъ Давидъ на вопросъ Анхуса: „на кого нападали нынѣ?“ отвѣчаетъ: „на полуденную страну Іудеи и на полуденную страну Іерахмеила и на полуденную страну Кенеи (1 Цар. 27, 10)⁴. Во второмъ египтянинъ, брошенный амаликитянами, сдѣлавшими вападеніе между прочимъ на Севелагъ, на вопросъ Давида: „чей ты и откуда ты? отвѣ-

чаетъ между прочимъ: „мы вторгались въ полуденную часть Керети и въ область Іудину¹) и въ полуденную часть Халева (30, 14)⁴. Какъ видно, Іудея въ первомъ мѣстѣ отличается отъ Іерахмеила и Кенеи, во второмъ отъ Керети и Халева и становится съ ними какъ бы на одну линію. Естественно, говорятъ, заключеніе, что какъ Керети и Кенея не составляютъ собственно Іудеи, такъ и Іерахмелъ и Халевъ, а слѣдовательно и іерахмелиты и халевиты должны отличаться, по этимъ мѣстамъ, отъ іудеевъ. Но намъ кажется, что въ приведенныхъ выше мѣстахъ нельзя искать основаній ни для этого послѣдняго заключенія, ни для лежащаго въ его основѣ отличія Іерахмеила и Халева, или что тоже областей Іерахмеила и Халева, отъ Іудеи, какъ частей страны, совершенно равноправныхъ съ послѣднею. Прежде всего нельзя видѣть въ тѣхъ мѣстахъ точнаго разграниченія областей. Въ первомъ мѣстѣ такое разграниченіе не входило въ расчетъ Давида; напротивъ главная его забота о томъ, чтобы оставить Анхуса въ неизвѣстности относительно истиннаго направленія его походовъ,—забота, заставлявшая его прибѣгать къ жестокой мѣрѣ умерщвленія плѣнныхъ (1 Цар. 27, 11). Намѣреніе скрыть истину открывается и изъ того, что въ своемъ отвѣтѣ Давидъ указываетъ именно на южныя части каждой изъ странъ, на которыя онъ нападалъ: на югъ Іудеи, на югъ Іерахмеила и на югъ Кенеи. Указаніе Давидомъ именно южныхъ частей этихъ областей объясняется тѣмъ, что онѣ лежали въ сосѣдствѣ съ областями тѣхъ народовъ, гессурянъ, гирзеянъ и амаликитянъ, на которыя онъ въ дѣйствительности нападалъ (ст. 8). Это же указаніе для того, чтобы быть понятнымъ, заставляетъ допустить, что въ отвѣтѣ Давида, приведенномъ выше, собравы отвѣты, какіе онъ давалъ Анхусу въ разное время. Такое именно значеніе этого мѣста передано въ русскомъ

¹) על-אשר ליהודה — буквально: „въ то, что къ Іудѣ“ (принадлежитъ).
I.XX: καὶ ἐπὶ τὰ τῆς Ἰουδαίας μερῶν.

переводъ Максимовича. „Ахишъ спрашивалъ каждый разъ: гдѣ воевали? а Давидъ отвѣчалъ: то на югѣ Іудей, то на югѣ Іерахмеела, то на югѣ Кенеи“. При такомъ пониманіи этого отвѣта, сопоставленіе Іудей, Іерахмеела и Кенеи можетъ совсѣмъ и не приводить къ мысли о томъ, будто Іерахмеелъ и Кенея такія же равноправныя области, какъ и Іудея, и будто Іерахмеелъ стоитъ непременно въ такомъ же отношеніи къ Іудеѣ, какъ и Кенея. Въ разное время Давидъ могъ давать разные отвѣты: то онъ могъ сказать, что онъ воевалъ на югѣ Іудей, не обозначая точно, гдѣ именно, — то онъ могъ сказать на югѣ Іерахмеела, уже точнѣе обозначая мѣста своихъ нападеній, — то на югѣ Кенеи. Все, что мы вправѣ заключать относительно Іерахмеела изъ упоминанія о немъ наряду съ Іудеею, состоитъ лишь въ томъ, что область, населенная іерахмеелитами, кромѣ общаго ей съ другими названія Іудеею, имѣла и свое особенное названіе отъ имени ближайшаго родоначальника своего населенія. Тоже самое можно заключать и относительно Кенеи, если разумѣть подъ нею область тѣхъ кенеевъ, которые поселились среди іудеевъ, и область которыхъ, называясь ихъ именемъ, носила безъ сомнѣнія и общее имя Іудей. Въ какомъ отношеніи стоятъ іерахмеелиты къ іудеямъ, одного ли они съ ними происхожденія, или же они стоятъ къ нимъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ стоятъ къ тѣмъ кенеи, изъ этого мѣста нельзя заключать, — точно также, какъ и отношеніе кенеевъ къ іудеямъ нельзя выводить изъ этого мѣста ¹⁾. — Въ другомъ, приведенномъ выше, мѣстѣ (1 Цар. 30, 14) можно бы ожидать болѣе точныхъ географическихъ свѣденій на томъ основаніи, что египтянинъ желалъ сообщить Давиду точныя свѣденія о походѣ амаликитянъ и свѣденія эти относятся къ одному

¹⁾ Указаніе на не природныхъ іудеевъ, а на *instar Iudaeorum* Вельгаузенъ видитъ въ названіи городовъ іерахмеельскихъ въ 1 Ц. 30, 29. Но почему непременно „старѣйшины Іудины“ (ст. 1) въ городахъ іерахмеельскихъ не могутъ быть природными іудеями? Въ самомъ мѣстѣ основанія для этого нѣтъ.

походу, предпринятому въ разныя области южнаго Хаваана. Но видѣть въ сообщеніяхъ египтянина дѣйствительно точныя свѣденія относительно тогдашняго состоянія колѣна Іудина едвали можно, именно потому, что они исходятъ отъ египтянина, раба одного амаликитянина. Сообщенія его могутъ имѣть лишь такое значеніе, какое сообщенія простаго русскаго солдата о своемъ походѣ напр. въ Турцію. Онъ могъ знать о томъ, что походъ предпринятъ былъ амаликитянами въ Іудею; на мѣстѣ онъ могъ узнать, что они были и въ южной части Халева и пр. Въ какомъ отношеніи стояла область Халева къ Іудеѣ, онъ могъ и не знать и потому въ своемъ разказѣ могъ поставить Іудею наряду съ Халевомъ. Все, что можно выводить изъ словъ египтянина: „мы вторгались въ полуденную часть Керети и въ область Іудину (собственно: въ то, что принадлежитъ Іудеѣ) и въ полуденную часть Халева“, можетъ быть и здѣсь лишь то, что и въ первомъ мѣстѣ, — именно, что различныя области Іудей, кромѣ своего общаго названія, имѣли и частныя названія отъ ближайшаго родоначальника своего населенія или просто отъ своего населенія. Но выводить отсюда, что область Халева не часть Іудей, — нельзя ¹⁾. Какъ бы то ни было впрочемъ, мы не можемъ признать египетскаго раба одного амаликитянина настолько компетентнымъ, чтобы на основаніи его географическихъ познаній судить о тогдашнемъ состояніи колѣна Іудина (въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи). — Если разсмотрѣнныя нами мѣста изъ книги Царствъ не даютъ основанія видѣть въ областяхъ Іерахмеела и Халева больше, чѣмъ просто части, отдѣльныя области Іудей, то вмѣстѣ съ этимъ падаетъ само

¹⁾ Можно, пожалуй, до нѣкоторой степени доказывать, что и египтянинъ не хотѣлъ ставить Іудею на одну ступень съ областью Халева. Онъ не говоритъ, мы вторгались въ Іудею, а въ область Іудей, въ какую то часть ея, названіе которой ему не удалось узнать, и эту собственно часть Іудей, а не самую Іудею (всю) онъ ставитъ рядомъ съ Халевомъ. Максимовичъ переводитъ: „и въ Іудею на югъ области Халевой“.

собою и опирающееся на нихъ положеніе Вельгаузена, будто еще „во время Давида есромяне (потомки Есрома) все до одного, и іерахмелиты и халевиты, ясно отличались отъ природныхъ іудеевъ“¹⁾.

Обособленность колѣна Іудина въ періодъ судей отъ другихъ колѣнъ мы должны признать, хотя и не можемъ искать ея объясненія въ указываемой другими и рассмотрѣнной уже нами непринадлежности будто-бы большей части колѣна Іудина къ природнымъ іудеямъ и слѣдовательно къ израильской крови. Этою обособленностію колѣна Іудина отъ другихъ колѣнъ въ связи съ другими, ниже указываемыми, обстоятельствами объясняются достаточно и тѣ слова, которыми израильтяне сопровождаютъ свое отпаденіе отъ дома Давидова,—рѣчь о чемъ будетъ ниже.—Такъ мы не находимъ достаточныхъ основаній къ разъединяющему влиянію Палестины и къ склонному въ разъединенію характеру израильскаго народа присоединять, для объясненія исторіи Израиля съ разсматриваемой нами точки зрѣнія, и „нѣкоторую національную противоположность между народами іудейскимъ и израильскимъ“.

Мы уже говорили о томъ, чего можно ожидать, благодаря характеру семитовъ, а слѣдовательно и евреевъ, въ политической жизни послѣднихъ,—строгой ли централизаціи и единства или же децентрализаціи и раздробленности. Въ настоящемъ мѣстѣ скажемъ о политической жизни израильтянъ внѣ Палестины и слѣдовательно внѣ зависимости отъ нея; чрезъ это откроется яснѣе съ одной стороны влияние на нее народнаго характера, а съ другой—позднѣе и страны.

Основной формой общественнаго устройства Израиля съ самаго начала появленія его въ качествѣ народа является колѣнное устройство, основанное на генеалогическомъ происхожденіи израильскаго народа отъ двѣнадцати сыновей Іакова-Израиля. Библейскій рассказъ опредѣляетъ точно,

¹⁾ Wellhausen. Указ. соч. Стр. 39.

отъ какой матери какой сынъ происходитъ,—именно различаетъ шесть сыновей отъ Лии, двоихъ отъ Рахили, болѣе любимой жены Іакова, и четверыхъ—по двое отъ двухъ служанокъ Лииной и Рахилиной (Быт. 29—30). Это различеніе дѣтей Іакова по матерямъ наводитъ нѣкоторыхъ изслѣдователей на мысль—видѣть въ немъ указаніе на различное въ отношеніи другъ къ другу положеніе происшедшихъ отъ нихъ колѣнъ. Такъ Эвальдъ напр. видитъ въ сыновьяхъ служанокъ Іакова представителей позднихъ колѣнъ (Afterstämnen), такъ называемыхъ у римлянъ gentes minores, которые хотя и приняты въ государственный союзъ, но имѣютъ только болѣе или менѣе ограниченныя права въ обществѣ,—касается ли то просто дѣль чести, или же болѣе важныхъ обстоятельствъ¹⁾. Подтверженіе своего предположенія онъ видитъ и въ исторіи завоеванія и раздѣленія Ханаана при Іисусѣ Навинѣ. Но изъ того, что Дану, Асиру и Нефѣалиму достаются окраины страны, нельзя заключать о неполной будто бы равноправности этихъ колѣнъ съ другими: участки, имъ доставшіеся, далеко не изъ худшихъ (ср. Быт. 49 и Втор. 33). Гадъ же получаетъ свой удѣль между Рувимомъ и Манассією и при томъ же по своему собственному желанію (Числ. 32). Остается такимъ образомъ только одно основаніе для признанія неполной ихъ равноправности—именно то, что они дѣти наложницъ. Судя по аналогіи съ тѣмъ, какъ Авраамъ поступаетъ съ дѣтьми второй своей жены Хеттуры (Быт. 25, 1—6), можно бы думать, что и Іаковъ не даетъ дѣтямъ

¹⁾ Ewald. Geschichte. V. I. S. 537. Нужно замѣтить при этомъ, что Эвальдъ видитъ въ патриархальной исторіи не исторію семьи патриархальной, а исторію племени или народовъ еврейскихъ. Двѣнадцать сыновей Іакова, по нему, двѣнадцать народцевъ еврейскихъ. Сыновья Лии, старшей жены Іакова, народцы, жившіе въ Палестинѣ уже прежде переселенія сюда Іакова; сыновья Рахили, любимой жены Іакова, народцы, съ нимъ пришедшіе; сыновья наложницъ, не вполнѣ равноправные съ первыми, народы или роды новые, принятые въ государственный союзъ вслѣдствіе ли подчиненія съ нѣкоторыми правами или же вслѣдствіе добровольнаго исканія ими защиты и приѣма,—или же народы и роды ослабѣвшіе.

наложницъ полныхъ правъ наравнѣ съ дѣтьми Лии и Рахили. Однако благословеніе имъ своихъ дѣтей не даетъ ни малѣйшаго основанія къ такому предположенію (Быт. 49). Но фактически равноправныя колѣна отъ этихъ сыновей, быть можетъ, всетаки отдѣлаемы были во взглядахъ на нихъ со стороны другихъ колѣвъ, и это выдѣленіе, такъ сказать, внутреннее, нравственное, было, быть можетъ, въ-какую-нибудь причину и нѣкоторыхъ внѣшнихъ отношеній къ этимъ колѣнамъ со стороны другихъ колѣвъ. Каждое колѣно составляетъ самостоятельное цѣлое, управляемое само собою и въ отношеніи къ другимъ замкнутое. Слѣды самостоятельности ихъ находятся уже въ патриархальной исторіи до переселенія въ Египетъ. Такъ Иуда живетъ отдѣльно отъ своихъ братьевъ, отдѣльно отъ нихъ вступаетъ въ дружбу и родство съ хананеями (Быт. 38, 1. 2. 20), имѣетъ свой скотъ (12), имѣетъ верховное право суда въ своемъ семействѣ, право жизни и смерти (24). И только личность патриарха Иакова объединяетъ внѣшние члены патриархальной семьи. Со смертію Иакова въ Египтѣ должно рушиться и это, почти номинальное, объединеніе. Между тѣмъ потомство дѣтей Иакова размножается, точнѣе разграничиваются между собою колѣна; вся связь ихъ внѣшняя между собою ограничивается ихъ территориальнымъ сосѣдствомъ и потомъ, во время рабства, быть можетъ, поставленными надъ ними надзирателями. Изъ времени первой половины пребыванія израильтянъ въ Египтѣ мы видимъ, что нѣкоторыя колѣна или части ихъ предпринимаютъ самостоятельно походы противъ филистимской земли, хананской и моавитской, овладѣваютъ нѣкоторыми частями двухъ послѣднихъ, хотя терпятъ поражение въ первой. Такъ еще при жизни Ефрема двое изъ его сыновей, Езеръ и Елеадъ, предпринимаютъ походъ противъ жителей Геа, на которомъ (походъ) и находятъ свою смерть (1 Пар. 7, 21. 22). Спусти нѣкоторое время послѣ этого внука Ефрема Шеера основываетъ къ сѣверо-западу отъ Іерусалима три города: верхній и нижній

Вееоронъ и Уззень-Шееру (ст. 24) ¹⁾. Въ это же, кажется, время часть колѣна Иудина овладѣваетъ Моавомъ или его частью (1 Пар. 4, 22) ²⁾. Въ виду такого значительнаго проявленія силы отдѣльныхъ колѣвъ, самая возможность порабощенія израильтянъ со стороны египетскаго правительства приводитъ невольно къ мысли о полномъ разъединеніи между колѣнами ³⁾. Во время добрыхъ отношеній къ египтянамъ израильтяне отдаются, такъ сказать, вполне счастью жить въ союзѣ и близкомъ сосѣдствѣ съ могущественнымъ и образованнымъ государствомъ и каждое колѣно стремится къ извлеченію большихъ для себя выгодъ изъ этого союза и сосѣдства, не заботясь о своемъ единеніи съ другими и общихъ интересахъ, которыхъ въ то мирное время могло и не быть. Въ это-то время разъединенія и застаютъ ихъ рабство, налагавшееся, конечно, постепенно и съ строгою

¹⁾ Эвальдъ относитъ эти событія ко времени до переселенія израильтянъ въ Египетъ (Gesch. d. V. Isg. I. 544); но противъ него говоритъ то, что Ефремъ родился въ Египтѣ. Берто, опровергая Эвальда, относитъ эти событія ко времени послѣ завоеванія Ханаана; въ этомъ случаѣ подъ Ефремомъ разумѣется колѣно. Но о колѣнѣ нельзя сказать: онъ вошелъ къ женѣ своей и она зачала и родила сына (ст. 23). Пониманію подъ Ефремомъ (ст. 22. 23) какого либо ефремлянина съ этимъ именемъ изъ времени послѣ завоеванія Ханаана противорѣчитъ весь строй ст. 21—23. Köhler. Lehrbuch. I. S. 166. Куртцъ, основываясь на глаголѣ ׀׀ = спускаться, предполагаетъ, что Езеръ и Елеадъ предпринимали свой походъ изъ городовъ Вееоронъ, и слѣдовательно построение ихъ ставить прежде того похода. Несчастный конецъ этого похода положилъ конецъ, быть можетъ, и существованію колоніи Ефремовой въ Палестинѣ. Gesch. d. A. V. II. 42. Елеонскій Θ. относитъ событія, указываемыя въ 1 Пар. 7, 21. 22, также ко времени жизни израильтянъ въ Египтѣ, но оставляетъ не рѣшеннымъ вопросъ относительно времени господства части колѣна Иудина надъ Моавомъ. Исторія израильскаго народа въ Египтѣ отъ поселенія въ землѣ Гесемъ до начала казней. Спб. 1884. Стр. 152—155.

²⁾ Köhler. Lehrbuch. I. S. 166. Отнесеніе этого событія ко времени пребыванія израильтянъ въ Египтѣ до Моисея основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Писатель книги Паралипоменонъ самъ говоритъ, что „это событія древнія“. Періодъ судей едва ли могъ дать настолько мужества, чтобы предпринять такую экспедицію. Остается такимъ образомъ или время между входомъ въ Ханаанъ и періодомъ судей, или же время пребыванія въ Египтѣ, какъ такое время, куда можно относить этотъ походъ.

³⁾ Fürst. Geschichte der biblischen Literatur und des judisch-hellenischen Schriftthums. Leipzig. 1867. B. I. S. 320.

осмотрительностью, чтобы не нарушить этого разъединения и не пробудить чувства единства. Позднѣе, подъ гнетомъ уже общихъ бѣдствій пробуждается, конечно, и чувство единства, но было уже поздно: рабскія цѣпи крѣпко сковываютъ ихъ руки, а потомъ, конечно, и ихъ нравственную силу; нужны особенныя чудеса и знаменія Божія, чтобы пробудить или поддерживать въ нихъ эту силу и рѣшимость слѣдовать за своимъ освободителемъ.

Моисей не измѣняетъ колѣннаго устройства Израиля. Назначеніе народу, по совѣту Юфора, тысяченачальниковъ, стона начальниковъ, пятидесятиначальниковъ и десятиначальниковъ имѣеть въ виду дать ему судей для разбора его тяжбъ мелкихъ и крупныхъ и къ тому же, надо полагать, происходитъ внутри каждаго колѣна (Исх. 18, 13—26). Основанная имъ теократія должна существовать при прежнемъ колѣнномъ устройствѣ, хотя не исключаетъ собою совершенно и царскаго правленія (Втор. 17, 14—20). Ея невидимый царь, Іегова, управляетъ своимъ народомъ посредствомъ дарованнаго ему чрезъ Моисея закона. Блюстители за исполненіемъ этого закона народомъ его естественныя природныя начальники, старѣйшины. Моисей, основатель теократіи и видимый представитель невидимаго Царя Іеговы, не имѣеть какихъ либо высшихъ юридическихъ правъ на управленіе израильскимъ народомъ; его вліаніе на народъ нравственное; его значеніе духовное, именно какъ посланника Божія и пророка; его слово дѣйственно въ народѣ, пока онъ—народъ видитъ въ немъ именно посланника Божія; колеблется эта вѣра въ него, колеблется и довѣріе къ его образу дѣятельности, его намѣреніямъ, поднимается возстаніе, готовое иногда поставить на его мѣсто другаго начальника (Числ. 14, 4; ср. 16, 3. 12—14). Сломить это возстаніе, заставить народъ снова повиноваться себѣ—единственное средство для этого со стороны Моисея слово увѣщанія и убѣжденія народа, подкрѣпляемое иногда особенными знаменіями Божиими, благотѣльными и ги-

бельными для народа. Въ этомъ-то способѣ управленія народомъ посредствомъ его собственныхъ природныхъ начальниковъ, на которыхъ можно дѣйствовать только убѣжденіемъ, въ этомъ-то неимѣніи своихъ подручныхъ исполнителей своихъ распоряженій, обязанныхъ своею властью ему одному, и заключается для Моисея особенная трудность управленія израильскимъ народомъ; отсюда становятся понятными и горькія жалобы Моисея на слишкомъ тяжелое для него бремя управленія народомъ. „Для чего Ты мучишь раба Твоего, говорилъ онъ, обращаясь къ Іеговѣ, послѣ одного сильнаго возмущенія со стороны народа? И почему я не нашелъ милости предъ очами Твоими, что Ты возложилъ на меня бремя всего народа сего? Развѣ я носилъ во чревѣ весь народъ, и развѣ я родилъ его, что Ты говоришь мнѣ: неси его на рукахъ твоихъ, какъ нянька носить ребенка, въ землю, которую Ты съ клятвою обѣщаль отцамъ его?... Я одинъ не могу нести всего народа сего; потому что онъ тяжелъ для меня. Когда Ты такъ поступаешь со мною; то умертви меня, если я нашелъ милость предъ очами Твоими, чтобы мнѣ не видѣть бѣдствія моего“ (Числ. 11, 11—15). Правда, въ жизни Моисея встрѣчается случай, показывающій повидимому, что и онъ имѣеть подъ рукою лицъ, всегда готовыхъ приводить въ исполненіе его распоряженія, если даже для этого требуется приведеніе въ дѣйствіе меча. Это было при Синаѣ. Народъ только что вступилъ въ завѣтъ съ Іеговою и тотчасъ же нарушилъ его самымъ позорнымъ образомъ—произведеніемъ золотаго тельца и служеніемъ ему. Во гнѣвѣ на народъ Моисей приказалъ левитамъ пройти по стану съ оружіемъ въ рукахъ и умертвить каждаго, встрѣтившагося имъ на пути, не разбирая при этомъ ни родства, ни дружбы,—что они и сдѣлали и умертвили около трехъ тысячъ человекъ (Исх. 32). Но и въ этомъ случаѣ, какъ показываетъ рассказъ о немъ, Моисей дѣйствуетъ не по праву политическому надъ левитами и вообще надъ израильскимъ народомъ. Святая ревность по славѣ Іеговы одушев-

ляетъ его такъ сильно, что передается левитамъ, побуждая ихъ къ исполненію призыванія Моисея, и самому народу, пробуждая въ немъ сознаніе своей вины и не позволяя оказывать сопротивленіе левитамъ. Послушные въ настоящемъ случаѣ левиты выдѣляютъ изъ себя позднѣе Корея и съ нимъ другихъ для противодѣйствія незаконному и самопроизвольному, по ихъ мнѣнію, превозношенію себя Моисеемъ и Аарономъ надъ всѣмъ народомъ, который весь святъ и среди котораго Господь (Числ. 16). Зависть къ дѣйствительно высокому положенію Моисея, хотя и не урегулированному какимъ либо гражданскимъ закономъ, не минуется даже и самыхъ близкихъ къ нему лицъ—брата-Аарона и сестры-Маріамы (Числ. 12).—Не уничтожаетъ гражданской самостоятельности колѣнь и избраніе Моисеемъ въ помощь себѣ 70-ти старѣйшинъ послѣ указанной выше его жалобы (Числ. II, 16—29). Избраніе 70 дѣлается изъ старѣйшинъ Израиля, конечно, съ соблюденіемъ колѣнныхъ особенностей¹⁾. Главное ихъ назначеніе, кажется, не такое или иное гражданское управленіе народомъ,—а проведеніе въ народъ путемъ наученія, убѣжденія и обличенія новыхъ, сообщаемыхъ чрезъ Моисея, откровеній, вообще духовное воспитаніе и руководство народа въ его новомъ положеніи народа Божія и при его тогдашнихъ трудныхъ материальныхъ обстоятельствахъ, въ духѣ Моисея и наряду съ нимъ. Для исполненія этого своего назначенія они надѣлены Духомъ, взятымъ отъ Духа, почивающаго на Моисеѣ. Ихъ временное, конечно, пророчествованіе убѣждаетъ и ихъ самихъ въ своемъ новомъ назначеніи и народъ въ томъ,

¹⁾ Ихъ число 70 даетъ Эвальду основаніе предполагать, что они избраны по равному числу (по шести) отъ каждаго изъ 12 колѣнь, собственно 72; два лишніе, быть можетъ, Моисей и Ааронъ, которые не считались,—такъ что безъ нихъ дѣйствительно было 70 человекъ. Ewald. Alterthümer. S. 328. Допушнѣе думать, что число семидесяти старѣйшинъ составилось изъ 58 главъ поколѣній (Числ. 26) и 12 главъ колѣнь. Хр. Чтеніе. 1879 г. Ч. I. Стр. 650. Кейль находитъ невозможнымъ такое составленіе числа 70 и объясняетъ его изъ символическаго его значенія. Кейль. Руководство къ Виблейской Археологіи. Ч. II. Стр. 276—278.

что они говорятъ отъ Духа Божія¹⁾. Ту же цѣль—наставленіе народа въ законѣ имѣютъ въ виду и священники и левиты, насколько они, помимо совершенія жертвоприношеній и исполненія другихъ обрядовъ, учителя народа (Лев. 10, 11; Втор. 33, 9. 10; Іез. 44, 23; Мал. 2, 6. 7). Ихъ позднее, со времени завоеванія Израилемъ Ханаана, разсѣяніе по всѣмъ колѣнамъ израильскимъ должно способствовать религіозно-нравственному объединенію народа. Такое же значеніе внутренняго объединенія народа имѣютъ и единство святилища, при которомъ одномъ только весь Израиль можетъ приносить свои жертвы, и постановленіе три раза въ годъ собираться при немъ для празднованія великихъ праздниковъ (Исх. 34, 23). И все глубокое значеніе этихъ мѣръ становится вполнѣ понятнымъ лишь при мысли о томъ, что эти колѣна не связаны между собою въ цѣльное единое внѣшнею объединительною властью.

Въ разсматриваемое нами время колѣна живутъ, одно по отношенію къ другому, самостоятельно и независимо. Объединяясь добровольно въ лицѣ Моисея и чувствуя живо внут-

¹⁾ Генгстенбергъ видитъ въ этомъ избраніи и исполненіи Духомъ 70-ти старѣйшинъ учрежденіе временное, для удовлетворенія лишь той мгновенной потребности, вызванной ропотомъ народа, и вслѣдствіе этого жалобы Моисея; съ усмиреніемъ возстанія народнаго прекратила свое дѣйствованіе и существованіе и коллегія 70 старѣйшинъ. Главнымъ основаніемъ для него служатъ слова ст. 25: „и когда почилъ на нихъ Духъ, они стали пророчествовать, но потомъ перестали“, слѣд. прекратилась и дѣятельность, для которой они были избраны (Генгстенбергъ. Geschichte des Reiches Gottes unter dem Alten Bunde. II. I. S. 165. 166). Но въ этомъ мгновенномъ пророчествованіи справедливейше видѣть, такъ сказать, посвященіе избранныхъ старѣйшинъ. Если они послѣ этого и не пророчествовали, то еще не значить, что и вообще не продолжали своей дѣятельности, для которой призваны. Жалоба Моисея, хотя и высказана имъ при настоящемъ случаѣ, относится вообще къ тяжелому бремени руководства народомъ, а потому и облегченіе требовалось не для этого только случая, а и для дальнѣйшаго времени. Köhler. Lehrbuch. I. S. 298. По мнѣнію Зальшютца 70 старѣйшинъ составляли сенатъ около Моисея съ нравственнымъ значеніемъ. Saalschütz. Archäologie der Hebräer. Th. II. S. 431. Допушнѣе усвоить ему политическое значеніе, ставя его въ срединѣ между собраніемъ 12 главъ колѣнь и общенароднымъ собраніемъ. Хр. Чт. 1879. Ч. I. Стр. 650 и д.

ренною связь, они дѣйствуютъ въ общихъ дѣлахъ совмѣстно, ни одно не уступая ни въ чемъ преимущества другому. Такъ каждое колѣно въ лицѣ своего начальника приноситъ совершенно одинаковые дары скинии, по случаю ея поставленія (Числ. 7); каждое изъ нихъ имѣетъ свое численіе и занимаетъ особое мѣсто въ станѣ (Числ. 1. 2); каждое имѣетъ своего представителя въ числѣ соглядатаевъ (Числ. 13); по тысячѣ отъ колѣна принимаютъ участіе въ войнѣ отмщенія мадіанитянамъ (Числ. 31, 4), и вообще каждое зорко слѣдитъ за тѣмъ, какъ бы не лишиться чего въ пользу другаго колѣна (Числ. 36; ср. 27, 1—7).

Но какъ ни ревниво старается каждое колѣно стоять въ совершенный уровень съ другими колѣнами, различія между ними должны образоваться неизбежно. Совершенно равныя величины возможны только въ математикѣ. Въ мірѣ существъ живыхъ, наоборотъ, говорятъ, нѣтъ ни одного существа, которое было бы вполне похоже на другое. Въ мірѣ чело-вѣческомъ различія тѣмъ болѣе естественны—по происхожденію, большей или меньшей степени родства, тѣмъ или другимъ силамъ тѣлеснымъ и способностямъ душевнымъ. Между колѣнами израильскими различія положены уже ихъ происхожденіемъ. Нужно думать, что дѣти законныхъ женъ Іакова ставили себя по крайней мѣрѣ въ своемъ сознаніи выше дѣтей отъ женъ рабынь; несомнѣнно и то, что дѣти одной матери ближе стоятъ другъ къ другу, чѣмъ къ дѣтямъ другой. Эти разныя отношенія между дѣтьми, впоследствии родоначальниками колѣнъ, должны перейти и на отношенія между самими колѣнами. Большая численность и сила одного колѣна ставятъ его выше другихъ и заставляютъ неволью послѣднія колѣна или примыкать къ нему или такъ или иначе подчиняться его вліянію. Между колѣнами должны образоваться, благодаря всему этому, большія или меньшія группы; члены ихъ должны стоять въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ между собою, чѣмъ къ членамъ другихъ,—и между ними самими могутъ быть колѣна съ

большимъ вліяніемъ сравнительно съ другими. И дѣйствительно, еще до завоеванія Ханаана, во время пребыванія въ Египтѣ, колѣна израилевы, отдѣляясь все отъ египтянъ и другихъ народовъ, съ ними вмѣстѣ жившихъ въ Египтѣ, имѣютъ, кажется, нѣсколько центровъ изъ своей среды и соединяются около нихъ въ большія или меньшія, хотя, быть можетъ, и весьма слабо сплоченныя между собою, группы. Заклучать объ этомъ можемъ, кажется, на основаніи порядка слѣдованія колѣнъ во время пути чрезъ пустыню. Съ этою цѣлью колѣна раздѣляются на четыре группы или стана. Каждый станъ состоитъ изъ трехъ колѣнъ, носить имя и имѣетъ знамя своего передоваго колѣна (Числ. 10, 14—28; ср. 2 гл.). Изъ этого порядка слѣдуетъ прежде всего, что передовыя въ каждомъ станѣ колѣна имѣютъ большее значеніе сравнительно съ другими колѣнами, слѣдующими за ними и подъ ихъ знаменемъ: колѣна Іудино, Ефремово и Даново—передовыя въ своихъ станахъ дѣйствительно болѣе численны по составу своему слѣдующихъ за ними; колѣно Рувимово слабѣе по числу слѣдующихъ подъ его знаменемъ, но имѣетъ сравнительно съ ними преимущество первородства и, быть можетъ, силы внутренней (Быт. 49, 3). Самая группировка колѣнъ, кажется, не случайна и не сдѣлана для этой только цѣли, но имѣетъ реальныя основанія. Нагляднѣе всего открывается это изъ стана Ефремова и Данова: первый состоитъ изъ колѣнъ, объединенныхъ между собою происхожденіемъ отъ одной матери—Рахили, второй изъ колѣнъ, происшедшихъ отъ наложницъ Іакова (Числ. 2, 18—31; 10, 22—28). Можно думать, что соединенныя въ однихъ станахъ колѣна и прежде этого жили ближе другъ къ другу. Заклучать объ этомъ можно прежде всего относительно колѣнъ Рувимова и Гадова, соединенныхъ подъ однимъ знаменемъ (Числ. 2, 10—16): одинаковость занятій этихъ колѣнъ—скотоводствомъ (Числ. 32, 1) предполагаетъ, что они жили на одинаковой территоріи и слѣдовательно рядомъ другъ съ другомъ. По

аналогіи отъ этихъ становъ можно заключать и о другихъ группахъ. Случайнымъ, только для этой опредѣленной цѣли введеннымъ, можно считать лишь дѣленіе именно на четыре группы, такъ какъ оно въ томъ видѣ, какъ оно служитъ указанной цѣли, является намѣреннымъ и искусственнымъ.

Въ этотъ же періодъ можно указать и начатки или лучше предуказанія позднѣйшаго дѣленія потомства Іакова на двѣ половины, сгруппировавшіяся около колѣнъ Іудина и Ефремова. Начатки эти или предуказанія заключаются въ отношеніяхъ прежде всего дѣтей Іакова, а потомъ происшедшихъ отъ нихъ колѣнъ. Между дѣтьми Іакова, еще при жизни его, выдаются замѣтно сравнительно съ другими два его сына—Іуда и Іосифъ и оба они стоятъ въ особыхъ отношеніяхъ между собою. Такъ, по совѣту Іуды, братья продаютъ Іосифа купцамъ измаильскимъ (Быт. 37, 26—28). Іудѣ преимущественно предъ другими сыновьями и даже старшимъ Рувимомъ Іаковъ вручаетъ судьбу Веніамина въ его путешествіи въ Египетъ (Быт. 43), и Іуда ведетъ рѣчь отъ лица своихъ братьевъ съ Іосифомъ, когда этотъ обличалъ ихъ въ мнимомъ похищеніи его чаши и требовалъ въ рабство себѣ Веніамина, мнимаго виновника этого похищенія (Быт. 44). Іуда предтекаетъ Іакову въ его переселенія въ Египетъ (Быт. 46, 28). Съ другой стороны, Іосифъ—любимый сынъ Іакова и въ то же время ненавидимый всѣми своими братьями. Онъ видитъ сны, предуказывавшіе его будущее высокое положеніе среди братьевъ и, не смотря на попытку послѣднихъ воспрепятствовать ихъ осуществленію (Быт. 37, 19, 20), съ теченіемъ времени и отчасти благодаря той попыткѣ, дѣйствительно его занимаетъ; онъ благодѣтельствуетъ дому своего отца во время голода и способствуетъ его переселенію въ Египетъ и поселенію здѣсь въ лучшей части страны (Быт. гл. 37—47). Это выдающееся положеніе Іуды и Іосифа среди своихъ братьевъ еще при жизни Іакова и, несомнѣнно, духовное прозрѣніе послѣд-

няго, при озареніи свыше, въ будущую судьбу ихъ потомства, причина того, что Іаковъ въ своемъ предсмертномъ благословеніи дѣтей останавливается преимущественно на судьбѣ потомства этихъ двоихъ сыновей: изъ нихъ Іудѣ онъ предсказываетъ господственное положеніе среди братьевъ и плодородіе его страны (Быт. 49, 8—12), Іосифу—помощь Божію противъ враговъ, на основѣ уже прежде выдержанной борьбы, преимущественное плодородіе страны и благословеніе „сосцевъ и утробы“ (22—26).

Благословеніе отче утверждаетъ дома чадъ. И при всей скудости свѣденій относительно отдѣльныхъ колѣнъ во время пребыванія ихъ въ Египтѣ и потомъ во время странствованія по пустынѣ, относительно колѣнъ Іудина и Іосифова (собственно Ефремова) мы встрѣчаемъ какъ бы исключеніе, стоящее въ соотвѣтствіи съ ихъ отеческимъ благословеніемъ. Такъ изъ времени пребыванія Израиля въ Египтѣ рассказывается, какъ мы уже видѣли, о походахъ потомковъ Ефрема въ филистимскую землю и поселеніи ихъ въ Палестинѣ, и о господствѣ потомковъ Іуды надъ Моавомъ. Къ концу этого періода и потомъ во время странствованія по пустынѣ выступаетъ на первый планъ колѣно Левіино въ лицѣ Моисея и Аарона. И оба колѣна—Іудино и Ефремово стоятъ въ болѣе близкомъ къ нему отношеніи, сравнительно съ другими колѣнами, въ лицѣ Ора іудея (Исх. 31, 2; 24, 14; 17, 10) и Исуса Навина—ефремлянина. Соплываема изъ этихъ колѣнъ—Халевъ и Исусъ Навинъ—одни, вопреки своимъ товарищамъ, возбуждаютъ, хотя и напрасно, упавшее мужество израильтянъ надеждою на помощь Божію при предстоявшемъ имъ завоеваніи Ханаана (Числ. 14, 6—9). И численный составъ этихъ колѣнъ значительнѣе другихъ: такъ Іуда считаетъ у себя 74,600 мужей, способныхъ носить оружіе, болѣе, чѣмъ каждое другое,—колѣно Іосифово—Ефремово и Манассино вмѣстѣ—72,700 мужей (Числ. 1, 27, 33, 35). И какъ прежде благословеніе Іакова имѣло для себя реальную основу въ выдававшемся уже тогда положеніи Іуды

и Иосифа, такъ точно и теперь благословеніе Моисея опирается, конечно, въ общемъ и на тогдашнее уже значеніе колѣнъ. Въ этомъ благословеніи, соотвѣтственно тогдашнимъ обстоятельствамъ, преимущественное вниманіе Моисея останавливается на колѣнѣ Левиномъ, воззванномъ тогда къ новой жизни въ качествѣ ближайшихъ слугителей Иеговы (Втор. 33, 8—17), и на колѣнѣ Иосифовомъ, занявшемъ въ лицѣ Иисуса Навина первенствующее положеніе среди другихъ колѣнъ (ст. 13—11); благословеніе Иуды указываетъ въ немъ перваго борца за Израиля (7). Но самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ преимущественнаго могущества и значенія колѣнъ Иудина и Иосифова въ разсматриваемое нами время служить исторія завоеванія и раздѣленія Ханаана при Иисусѣ Навинѣ. Оба колѣна первые получаютъ свои участки и притомъ наибольшіе сравнительно съ другими колѣнами; ближайшее объясненіе этого явленія то, что эти колѣна были въ то время сильнѣе и знатнѣе другихъ.—Такъ уже во время до завоеванія Ханаана между колѣнами израильскими, не смотря на стремленіе каждаго не уступать ни въ чемъ другому, образуется нѣсколько группъ, болѣе или менѣе сплоченныхъ, и уже въ то время выдающаяся дѣятельность, а чрезъ то и болѣе значительное положеніе двухъ колѣнъ—Иудина и Иосифова (Ефремова) преуказываютъ нѣкоторымъ образомъ еще большее значеніе ихъ въ будущемъ, — значеніе, приведшее съ теченіемъ времени къ раздѣленію всего израильскаго народа на двѣ части.

Сопоставляя характеръ страны Палестины съ характеромъ Израиля, мы видимъ, что оба они соотвѣтствуютъ другъ другу: разорванной поверхности страны соотвѣтствуетъ склонный къ разъединенію характеръ народа, — и даже двухчастному, болѣе общему, дѣленію страны соотвѣтствуетъ уже до поселенія въ Ханаанѣ обнаружившееся въ Израилѣ болѣе выдающееся среди другихъ положеніе двухъ колѣнъ — Ефремова и Иудина. Естественно ожидать, что и до поселенія въ Ханаанѣ разъ-

единенная гражданская жизнь Израиля будетъ имѣть тотъ же характеръ разъединенія и послѣ и тѣмъ болѣе послѣ поселенія на почвѣ, способствующей къ разъединенію, — и что выдающееся положеніе двухъ колѣнъ можетъ подъ влияніемъ страны образовать изъ нихъ два средоточныхъ пункта, по которымъ со временемъ распадутся всѣ колѣна израилены, образовавъ изъ себя двѣ половины одного и того же народа болѣе или менѣе самостоятельныя въ политическомъ отношеніи. Такъ дѣйствительно и есть: вообще разъединенныя колѣна мало по малу группируются около двухъ центровъ, — колѣнъ Ефремова и Иудина, и съ теченіемъ времени образуютъ изъ себя два царства—иудейское и израильское, самостоятельныя и даже въ болѣе поздній періодъ своего существованія одно другому враждебныя. Какъ постепенно происходитъ это группированіе и потомъ раздѣленіе, — показать это задача слѣдующихъ отдѣловъ.

III.

Взаимныя отношенія колѣнъ израильскаго народа отъ поселенія его въ Ханаанѣ до царствованія Соломона.

Со времени поселенія Израиля въ ханаанской землѣ на разъединеніе его политической жизни дѣйствуютъ уже двѣ причины: характеръ самаго народа, склонный къ разъединенію, и благопріятствующая разъединенной жизни поверхность Ханаана. Естественнымъ слѣдствіемъ этого можетъ быть и дѣйствительно является болѣе рѣзкое, чѣмъ прежде, разъединеніе въ жизни народа. Но это совмѣстное дѣйствованіе двухъ причинъ на произведеніе одного и того же слѣдствія, усиливая послѣднее, затрудняетъ ясное и отчетливое представленіе о степени влияния каждой изъ нихъ въ отдѣльности, о томъ, что именно въ дальнѣйшей исторіи разъединенія можно объяснить изъ одной, и что изъ другой причины. Не разграничивая точно, а лишь замѣчая иногда влияние страны и характера самаго народа на разъединеніе, прослѣдимъ съ точки зрѣнія разъединенія взаимныя отношенія колѣнъ израильскаго народа на почвѣ Палестины до царствованія Соломона, подготовившаго окончательное раздѣленіе еврейскаго царства.

Въ исторіи этихъ отношеній можно различать два періода: періодъ судей и періодъ царей. Въ первомъ преобладаетъ общее разьединеніе колѣнъ. Раздѣленіе ихъ на двѣ половины проглядываетъ и здѣсь, но оно не выступаетъ такъ рѣзко, какъ въ періодъ царей. Въ этотъ послѣдній періодъ ослабѣваетъ общее разьединеніе, но усиливается раздѣленіе на двѣ половины; обѣ половины становятся иногда даже въ рѣшительную противоположность одна другой, хотя и теперь половины эти неполнѣ тѣ, какія образовались при раздѣленіи царства по смерти Соломона. Такое различіе въ отношеніяхъ колѣнъ между собою въ тотъ и другой періодъ мы объясняемъ такъ. Въ періодъ судей колѣна живутъ такъ, какъ имъ самимъ живется, опредѣляются въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ родственными отношеніями и естественными условіями страны. Отсутствие стремленія со стороны какого либо отдѣльнаго колѣна или лица къ подчиненію себѣ другихъ не вызываетъ и сопротивленія этому стремленію и противоположности между колѣнами. Правда, колѣно Ефремово заявляетъ стремленіе къ первенству и даже преобладанію уже въ періодъ судей и вызываетъ уже въ это время сопротивленіе себѣ, приводящее иногда къ междоусобной войнѣ; но это его стремленіе простирается отчасти на колѣна близко съ нимъ родственныя, заявляется имъ во времена народныхъ бѣдствій и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выставляемо, для времени судей, какъ причина раздѣленія колѣнъ на двѣ половины по противоположности. Оно можетъ быть и даже должно быть приводимо въ качествѣ причины раздѣленія, но лишь настолько, насколько оно объединяло, связывало интересы другихъ колѣнъ съ интересами колѣна Ефремова, и чрезъ то устраняло или заставляло забывать другое сильное колѣно, которое могло имѣть, по своей силѣ, вліяніе на другія колѣна, но которое и само уклонялось отъ общей жизни колѣнъ. Въ періодъ царей отношенія колѣнъ обуславливаются уже не ихъ только взаимными симпатіями; царская власть требуетъ подчиненія себѣ отъ всѣхъ колѣнъ

одинаково, при непримиренной еще розни колѣнъ можетъ натолкнуться на противорѣчія и чрезъ то прежде естественное разьединеніе довести до крайней противоположности; при чемъ на образованіе тѣхъ или другихъ группъ колѣнъ должны сильно вліять предшествовавшія взаимныя отношенія колѣнъ, а при полномъ разьединеніи этихъ группъ въ самостоятельныя единицы должны получить свое значеніе и естественныя границы страны.

1.

Общая потребность—имѣть почву для своего поселенія и общая цѣль—завоевать таковую и великія личности Моисея и Иисуса Навина объединяютъ израильскія колѣна въ одно цѣлое въ первые годы завоеванія Палестины. При Иисусѣ Навинѣ всю свою массу ходитъ Израиль вдоль и поперекъ по Ханаану, все подчиняетъ себѣ и разрушаетъ, не встрѣчая нигдѣ сильнаго сопротивленія, и снова возвращается къ своему главному лагерю при Галгалѣ (Нав. 8, 1, 3; 10, 7, 43; 11, 7). Но удовлетворена первая настоятельная потребность, пріобрѣтена, хотя и неполнѣ, почва для поселенія, и единодушіе народа ослабѣваетъ. При раздѣленіи страны обнаруживаются стремленіе къ захвату со стороны однихъ (Числ. 32; Нав. 17, 14—18) и безучастіе и равнодушіе со стороны другихъ (Нав. 18, 3). Съ теченіемъ времени, въ періодъ судей, разьединеніе колѣнъ еще болѣе усиливается. Въ это время не стоятъ во главѣ народа такія авторитетныя лица, какъ Моисей и Иисусъ Навинъ. И одна общая цѣль не объединяетъ колѣнъ. Каждое колѣно должно само очистить отъ прежнихъ жителей свой участокъ, и въ этомъ оно находитъ для себя достаточно дѣла, чтобы не интересоваться другими. Колѣна живутъ отдѣльно и независимо одно отъ другаго. Попытка вмѣшаться въ чужое дѣло безъ приглашенія приводитъ къ междоусобіямъ (Суд. 12), и одно колѣно (Веніаминово), очевидно, изъ сознанія своей самостоятель-

ности и независимости отъ кого бы то ни было, вступаетъ въ борьбу даже со всѣмъ Израилемъ на защиту завѣдомо неправаго дѣла, учиненнаго въ одномъ изъ его городовъ (Суд. 19—21). Разъединеніе идетъ, быть можетъ, еще далѣе и грозитъ опасностью самому колѣнному устройству Израиля, выдвигая на его мѣсто свободные союзы городовъ¹⁾. Правда, часто повторяющіяся въ періодъ судей порабощенія Израиля со стороны окрестныхъ народовъ объединяють интересы его и выдвигаютъ во главу его отдѣльныя личности. Но такое объединеніе не полное и авторитетъ такихъ лицъ ограниченъ²⁾. При господствующемъ разъединеніи колѣнъ при-

¹⁾ Примѣръ такого союза городовъ Эвальдъ указываетъ въ Сихемѣ и бывшихъ съ нимъ въ союзѣ городахъ (Суд. 9). Что Сихемъ былъ вольный городъ, Эвальдъ выводитъ изъ слѣдующаго. Его „господа“ или граждане дѣйствуютъ въ важнѣйшихъ событіяхъ самостоятельно, ставятъ себѣ царя своей крови, а потомъ скоро, во время его отсутствія, возмущаются противъ своего созданія и совершаютъ жестокое отищеніе надъ нимъ и надъ снабженными отъ него пропускными видами купцами,—какъ могъ это дѣлать только городъ, привыкшій къ самоуправленію; терпя гарнизонъ своего государя, они вводятъ въ тоже время въ свои стѣны враждебнаго ему полководца съ его людьми. Что Сихемъ, поступая такъ, дѣйствуетъ не какъ главный городъ средняго Ханаана, колѣна Ефремова и чрезъ это всѣхъ колѣнъ, это Эвальдъ видитъ въ отсутствіи всѣхъ намековъ на Ефрема или другія какія либо колѣнныя отношенія и въ почитаніи въ немъ Вааль-Бероа—союзнаго бога, главный храмъ котораго стоялъ въ немъ. Сихемъ былъ главнымъ городомъ въ союзѣ городовъ,—и если изъ послѣднихъ упоминается только Тевецъ,—то потому что въ немъ погибъ Авимелехъ, а другіе умолчаны по причинѣ браткости разсказа. Ewald. Geschichte des Volkes Israel. B. II. S. 483—485.

²⁾ Правильное представленіе о размѣрахъ вліянія и власти судей открывается изъ правильнаго пониманія ихъ существа. По общепринятому мнѣнію судьи получили свое названіе שופטים, потому что они или прежде или по крайней мѣрѣ послѣ посвящали себя правосудію между своими единоплеменниками и заботились о поддержаніи въ народѣ значенія закона Иеговы (такъ Эвальдъ, Gesch. II. S. 505—510; Гитцигъ, Geschichte des Volkes Israel. 108; Душенполезное Чтеніе. 1872. Ч. II. Стр. 15); но только относительно нѣкоторыхъ немногихъ (Деворы и Самуила) можно доказать, что они дѣйствительно занимались судебною дѣятельностью,—да и у нихъ эта дѣятельность была, кажется, болѣе слѣдствіемъ ихъ пророческаго положенія. Генгстенбергъ утверждаетъ, что судьи носили свое имя schorphetim, какъ правители или какъ такіе, которые имѣли

тѣсненіе или порабощеніе одного колѣна или нѣсколькихъ колѣнъ касается собственно того или этихъ; другія колѣна мало интересуются ихъ тяжелою судьбою. Поэтому и освободитель отъ рабства является большею частью изъ колѣнъ порабощенныхъ и изъ нихъ же набираетъ и армію своихъ сподвижниковъ¹⁾. Другія колѣна или отдѣльныя лица изъ нихъ являются къ нему на помощь не по предписанію какой либо общей власти, а по просьбѣ и по возбужденію отъ него или пламенною рѣчью или другимъ какимъ либо образомъ (Суд. 4, 6; 6, 34). Это въ собственномъ смыслѣ слова добровольцы, принимавшіе къ сердцу страданія другихъ. Появно само собою, и высокое уваженіе послѣ побѣды такой освободитель получаетъ прежде всего среди колѣнъ, имъ освобожденныхъ, и на нихъ прежде всего простирается его, иногда несомнѣнно большое, вліяніе. Такъ порабощеніе нѣсколькихъ колѣнъ однимъ и тѣмъ же врагомъ соединяетъ ихъ и для его отраженія. Болѣе частое порабощеніе однихъ и тѣхъ же колѣнъ общимъ врагомъ должно соединять тѣснѣе между собою эти колѣна. При этомъ возможно, что то или другое колѣно, какъ болѣе сильное и дѣятельное, занимаетъ въ отношеніи къ другимъ болѣе видное мѣсто и нѣкоторымъ образомъ господствующее положеніе; напротивъ, другія колѣна, болѣе свобод-

нѣкоторый авторитетъ или верховенство (Geschichte des Reiches Gottes unter dem Alten Bunde II. 2. S. 74); но объ этомъ не можетъ быть рѣчи по крайней мѣрѣ по отношенію къ Самгару и Самсону. Слово שופטים отъ глагола שפט „наблюдать чье либо право“, „помогать кому въ его правѣ“ (ср. Ис. 1, 17; Пс. 9, 39; 42, 1, 1 Цар. 24, 16) означаетъ собственно защитниковъ, спасителей, освободителей; почему они называются и прямо спасителями (Суд. 3. 9. 15). שופטים, „спасать“, какъ специальная задача судей, указывается въ Суд. 2, 16. 18; 10, 1. 2; 13, 5. Graetz. Geschichte. S. 408; Winer. Real-Wörterbuch. II. S. 325. Köhler. Lehrbuch. II. S. 24.

¹⁾ Такъ Варахъ - нефеалимлянинъ созываетъ прежде всего нефеалимлянъ и завулонянъ, всего болѣе страдавшихъ отъ Іавина (Суд. 4, 6. 10); Гелеонъ манасситянинъ созываетъ прежде всего манасситянъ и потомъ асирянъ, завулонянъ и нефеалимлянъ (6, 35), всего болѣе подверженныхъ нападеніямъ со стороны мадианитянъ, которые прежде всего располагались въ долиніи израельской (33); такъ поступаетъ Іефеай (гл. 11).

ныя отъ порабощенія со стороны враговъ и потому менѣе нуждающіяся въ помощи и содѣйствіи со стороны другихъ колѣнъ, могутъ вести жизнь болѣе самостоятельную и болѣе обособленную отъ другихъ колѣнъ. Такъ дѣйствительно и происходитъ въ періодъ судей. При всеобщемъ разъединеніи колѣнъ и стремленіи ихъ къ возможному огражденію своей самостоятельности всетаки, благодаря отчасти и вышеприведенной причинѣ, образуются болѣе или менѣе сплоченныя между собою группы, состоящія изъ нѣсколькихъ колѣнъ. Насчитываютъ такихъ группъ для всего израильскаго народа четыре. Это: 1) заиорданскія колѣна; 2) Иуда съ Симеономъ; 3) Ефремъ съ посястороннимъ Манассіею, Веніаминомъ (Суд. 5, 14)¹⁾ и вѣроятно Даномъ (Суд. 1, 34, 35) и 4) сѣверныя колѣна—Иссахаръ, Завулонъ, Нефеалимъ и Асирь²⁾. Первая изъ этихъ группъ находится на восточной сторонѣ Иордана; остальные три лежатъ на западной его сторонѣ и соответствуютъ, хотя неполнѣе, тремъ частямъ, на которыя обыкновенно дѣлится эта страна. Не входя въ опредѣленіе взаимнаго отношенія колѣнъ, составляющихъ ту или другую группу, мы должны для своей цѣли ссвязать о взаимныхъ отношеніяхъ самыхъ группъ.

Самое рѣзкое раздѣленіе страны, занятой Израилемъ, представляетъ, какъ мы говорили, Иорданъ съ своею, имѣющею видъ провалившейся бездны, долиною: онъ дѣлитъ ее на двѣ половины,—восточную и западную. Обѣ эти половины составляютъ сами по себѣ самостоятельныя области, обозначаемыя у Израиля своими особыми именами. Въ многочисленныхъ мѣстахъ Писанія, гдѣ имя Ханаанъ прила-

¹⁾ Связь колѣна Веніаминова съ Ефремовымъ видна изъ выраженій въ указанномъ стихѣ: „за тобою Веніаминъ, среди народа твоего“. Верто понимаетъ ихъ такъ: Веніаминъ „пришелъ, или подчиняясь болѣе могущественнымъ ефремянамъ или быстро врывааясь вмѣстѣ съ ними на поле сраженія“. Keil. Bibl. Comm. Das Buch der Richter. S. 239.

²⁾ Köhler. Lehrbuch. II. S. 21. Ewald. Geschichte. II. S. 390—428. 447—460.

гается къ странѣ, оно означаетъ страну къ западу отъ Иордана и даже исключаетъ страну къ востоку отъ него. Авраамъ получаетъ отъ Бога повелѣніе идти въ землю, которая ему будетъ указана (Быт. 12, 1), идетъ, во исполненіе этого повелѣнія, въ землю ханаанскую (11, 31), и приходитъ въ нее, т. е. въ страну между Средиземнымъ моремъ и Иорданомъ (12, 5. 6), гдѣ и живетъ Сыны израилены, разказывается въ книгѣ Исходъ, ѣли манну сорокъ лѣтъ, пока не пришли въ землю обитаемую, ... къ предѣламъ земли ханаанской (Исх. 16, 35); а по книгѣ Исуса Навина мавна перестала падать уже послѣ перехода Израиля чрезъ Иорданъ и послѣ совершенной имъ на западномъ его берегу пасхи (Нав. 5, 11. 12): Иорданъ составляетъ такимъ образомъ восточную границу земли ханаанской. Границы земли ханаанской опредѣляются точно въ книгѣ Числъ такимъ образомъ, что восточная граница ее именно Иорданъ (Числъ 33, 51—54; 34, 2. 11. 12; 35, 10). Странѣ ханаанской на западъ отъ Иордана противопоставляется страна—Галаадъ къ востоку отъ него (Числ. 32, 29, 30. 32; Нав. 22, 9—11. 25. 32). Эта страна ханаанская, т. е. страна къ западу отъ Иордана, между нимъ и Средиземнымъ моремъ, и есть собственно, по первоначальному намѣренію, страна, обѣтованная въ наследство Израилю. Правда, по древнѣйшимъ обѣтованіямъ, границы земли, которую должны были занять со временемъ израильтяне, весьма широки. Такъ Аврааму дается такое обѣтованіе: „потомству твоему даю Я землю сію, отъ рѣки египетской (Нила)¹⁾ до великой рѣки,—рѣки Евфрата“ (Быт. 15, 18). Это самое первое обѣтованіе съ болѣе опредѣленнымъ указаніемъ, нужно замѣтить, самыхъ широкихъ границъ земли потомству Авраама. Нѣсколько точнѣе, но въ такой же широтѣ указы-

¹⁾ Подъ рѣкою египетскою (נַהַר מִצְרַיִם), въ сопоставленіи ее съ рѣкою Евфратъ, нужно разумѣть здѣсь такую же большую рѣку, какъ и Евфратъ, именно Нилъ. Такъ Кейль—Руководство въ Виблейской Археологіи. I, стр. 22; Розенмюллеръ, Handbuch der biblischen Alterthumskunde. B. II. Th. I. S. 78. 86. Визеръ, Biblisches Realwörterbuch B. II. S. 153.

ваются границы обѣтованной земли въ книгѣ Исходъ. „Проведу предѣлы твои, говорится здѣсь, отъ моря Чермнаго до моря Филистимскаго и отъ пустыни до рѣки (LXX: τὸ μεγάλο Ἐβραάτου. 23, 31), т. е. отъ Краснаго моря, именно Эланитскаго его залива, черезъ пустыню до Средиземнаго (Филистимскаго) моря, тамъ, гдѣ оно омываетъ берега самой южной части Палестины, и отъ пустыни, т. е. сивайской, по которой проходили израильтяне по выходѣ изъ Египта, до рѣки Евфрата на востокъ¹⁾). Это самыя широкія границы, указываемыя для страны поселенія израильтянъ, и не столько реальныя, сколько идеальныя. Правда, потомство Авраама не черезъ Исаака и Иакова только, но и черезъ Измаила и сыновей Хеттуры и Исава заняло страну именно въ этихъ границахъ; но израильтяне никогда не занимали всей этой области для своего поселенія. Въ самый цвѣтущій періодъ своей исторіи, во дни Давида и Соломона, они распространили на нее и то конечно не въ полномъ ея объемѣ лишь свое политическое господство, или, быть можетъ, точнѣе свое вліяніе (2 Цар. 8; 3 Цар. 4, 21 ср. 2 Пар. 9, 26)²⁾). И это господство и это вліяніе, а не самое

¹⁾ Rosenmüller. Handbuch der bibl. Alterth. V. II. Th. I. S. 79. 80. Употребленіе одного нарицательнаго имени „рѣка“ вмѣсто собственнаго Евфратъ обычно въ Библии (Быт. 31, 21; Чис. 22, 5; Нав. 24, 2; Пс. 71, 8 и др.); равнымъ образомъ во многихъ также мѣстахъ Евфратомъ означаетъ восточная граница земли израильской (Быт. 15, 18. Исх. 23, 31 и др.).

²⁾ Буквальный переводъ теперешняго еврейскаго текста 3 Цар. 4, 21 (по евр. 5, 1): „Соломонъ владѣлъ всѣми царствами отъ рѣки земли филистимской и до предѣловъ Египта“, — не даетъ яснаго представленія о границахъ владѣній Соломона. Земля филистимская и предѣлы египетскіе смежны между собою и могутъ вмѣстѣ означать лишь западную и юго-западную границу. Изъ рѣки филистимскихъ болѣе или менѣе значительныхъ имѣетъ нѣкоторую извѣстность только потокъ Бесоръ, иначе Ривокоруръ, — но онъ протекаетъ на границѣ земли филистимской и части Аравіи, принадлежавшей Египту. Поэтому большая часть толкователей, основываясь на параллельномъ мѣстѣ 2 Пар. 9, 26, предполагаютъ, что въ нынѣшнемъ еврейскомъ текстѣ предъ словомъ ארץ = земля опущенъ предлогъ וְ = до. Въ древнемъ халдейскомъ переводѣ этотъ стихъ читается такъ: „Соломонъ владѣлъ всѣми царствами отъ рѣки Ператъ до земли филистимской и до границъ Египта“. Keil. Die Bücher der Könige. 1865. S. 39. Историческія книги Ветхаго Завета. Перев. съ евр. Максимовича. Примѣч. къ 3 Цар. 5, 1.

поселеніе въ этихъ границахъ имѣютъ въ виду тѣ два обѣтованія. Эти обѣтованія въ этомъ ихъ видѣ особенно замѣчательны. Они указываютъ возможно широкія границы могущества израильтянъ и именно самыя крайнія и самыя естественныя, къ которымъ по необходимости должно стремиться могущественное государство, возникшее внутри ихъ. Значеніе этихъ естественныхъ границъ для политическаго вліянія внутри ихъ хорошо выяснено Хвольсономъ. Пелузій, при нильскомъ рукавѣ того же имени, былъ, по его словамъ, естественными воротами въ Египетъ, защищенный природою со всѣхъ другихъ сторонъ, почему и вазывалось мѣсто около него „ключемъ Египта“. Когда Египетъ былъ слабъ, онъ старался укрѣпиться въ этомъ пунктѣ, дабы не пустить врага въ свою страну. Но во времена своего могущества онъ выступалъ за эти свои ворота и, не встрѣчая значительныхъ препятствій, стремился къ Евфрату. Здѣсь при Тиссахъ (по Библии, Тапсахъ древнихъ) и Каркемишѣ (по Библии, Цирцезій древнихъ, Кирбилій арабовъ), при впаденіи Хабуръ въ Евфратъ, было два главныхъ переходныхъ пункта черезъ Евфратъ, которые составляли своего рода ворота въ ассирійское и потомъ вавилонское царства. Египетъ старался запереть такимъ образомъ эти заевфратскія царства въ ихъ собственной странѣ. Въ свою очередь заевфратскія царства, усиливаясь, переходили Евфратъ въ указанныхъ мѣстахъ и стремились къ обладанію Пелузіемъ, чтобы запереть Египетъ въ его собственныхъ границахъ¹⁾. Исторія взаимныхъ войнъ египетскихъ фараоновъ съ одной стороны и царей ассирійскихъ и вавилонскихъ съ другой подтверждаетъ это разительнымъ образомъ. Понятно, что и сильное государство, образовавшееся между этими двумя границами, самую силою вещей вынуждено будетъ распространить свою власть и господство именно до этихъ есте-

¹⁾ Хвольсонъ. Христ. Чтеніе. 1870 г. Авг. Стр. 166—169.

ственныхъ для него границъ. „Если между Средиземнымъ моремъ и Евфратомъ возникаетъ могущественное государство, то оно и вопреки своему первоначальному намѣренію вынуждается, говорить Эвальдъ, подчинить эти страны (между Средиземнымъ моремъ и Евфратомъ) своему единству¹⁾. Такимъ образомъ и самыя широкія границы обѣтованной земли въ тоже время и самыя естественныя для господства и вліянія возникающаго внутри ихъ могущественнаго государства. Но эти широкія границы указываются именно только для господства и вліянія, но не для поселенія Израиля на всей землѣ между ними. Собственно для поселенія Израиля указываются болѣе тѣсныя границы, и первоначально только страна между Иорданомъ и Средиземнымъ моремъ. Объ этомъ можно заключать изъ слѣдующаго. Уже въ упомянутомъ нами обѣтованіи Аврааму, гдѣ потомству его обѣщается земля отъ рѣки египеткой до рѣки Евфрата (Быт. 15, 18), перечисленіе народовъ, населяющихъ эту страну, указываетъ прежде всего на страну между Иорданомъ и Средиземнымъ моремъ: ибо хеттеи, ферезеи, аморреи, хананеи, гергесеи и іевусеи жили на западной сторонѣ Иордана (Быт. 10, 19). Здѣсь же, именно въ юго-восточномъ углу западно-иорданской страны жили, вѣроятно, и кенеи, кенезеи и кедмоней²⁾. Исключеніе, хотя и неполное, представляютъ рефаимы, жившіе, во время Авраама, преимущественно на восточной сторонѣ Иордана. Землю хананеевъ, хеттевъ, аморреевъ, ферезеевъ, евеевъ и іевусеевъ земля обѣтованная называется и во время Моисея (Исх. 3, 8. 17; 23, 28). Это послѣднее описаніе ея по народамъ, ея населявшимъ, изъ времени Моисея, не указываетъ ея непременно въ странѣ между Иорданомъ и Средиземнымъ моремъ; потому что аморреи составляли тогда два сильныя царства на восточной сторонѣ Иордана (Числ. 21, 21—35;

¹⁾ Geschichte B. III. S. 188.

²⁾ Kurtz. Geschichte des Alten Bundes. Ausg. 2. B. 1. S. 122.

Втор. 4, 46—49), а землю хеттеевъ называется вся страна между Средиземнымъ моремъ и Евфратомъ (Нав. 1, 4). Но прямое названіе земли обѣтованной въ это время землю хананскую (Исх. 6, 4), чѣмъ обозначается, какъ мы уже говорили, страна къ западу отъ Иордана, даетъ основаніе полагать, что подъ землею обѣтованія Моисей и израильтяне его времени разумѣютъ именно эту страну между Средиземнымъ моремъ и Иорданомъ и выходятъ изъ Египта съ намѣреніемъ поселиться здѣсь. Въ связи съ этимъ намѣреніемъ стоитъ, конечно, первоначальное намѣреніе Моисея вторгнуться въ Ханаанъ съ южной его стороны. Соглядатаи посылаются разсмѣрять землю ханаанскую (Чис. 13, 18), проходятъ по странѣ между Иорданомъ и Средиземнымъ моремъ (ст. 22, 23) и даютъ отчетъ объ этой странѣ (ст. 30). Но намѣреніе вторгнуться въ Ханаанъ съ юга не осуществилось. Израиль вынужденъ перейти обходнымъ путемъ на восточную сторону Иордана. Но и здѣсь его намѣреніе прежнее,—перейти чрезъ Иорданъ въ страну къ западу отъ него. „Позволь мнѣ пройти землею твоею, говорили израильскіе послы отъ имени Израиля Сигону, царю аморрейскому, владѣвшему странюю къ востоку отъ нижняго теченія Иордана; мы не будемъ заходить въ поля и виноградники, не будемъ пить воды изъ колодезей (твоихъ), а пойдемъ путемъ царскимъ, доколѣ не перейдемъ предѣловъ твоихъ“ (Числ. 21, 21, 22). И только отказъ со стороны Сигона удовлетворить просьбѣ Израиля заставилъ его завоевать его царство,—и потомъ сосѣднее съ нимъ Ога, царя васанскаго (23—25. 33—35). Но и послѣ этого намѣреніе Моисея было вести всего Израиля за Иорданъ. Сыны Рувимовы и Гадовы, находя землю на восточной сторонѣ Иордана годною для своихъ стадъ, просятъ Моисея не переводить ихъ чрезъ Иорданъ (Чис. 32, 5). Эта просьба вызываетъ недовольство со стороны Моисея, вызываетъ именно тѣмъ, что они чрезъ это отвращаютъ „сердце сыновъ израилевыхъ отъ перехода въ землю, которую даетъ имъ Го-

сподь" (7. 9). И если бы израильтяне остались по ту сторону Иордана, то это было бы равносильно пребыванию ихъ въ пустынь (15). Земля ханаанская, какъ земля обѣтованная Израилю, и Галаадъ, какъ ей противоположная, особенно ярко выступаютъ въ разсказѣ о переговорахъ между Моисеемъ и сынами Рувимовыми и Гадовыми. Кажется, и сами израильтяне смотрятъ только на Ханаанъ, т. е. на страну между Иорданомъ и Средиземнымъ моремъ, какъ на страну въ собственномъ смыслѣ обѣтованную. Изъ этого, кажется, возрѣнія выходятъ слова Финееса къ заиорданскимъ колѣнамъ. Доискиваясь причинъ построения ими отдѣльнаго жертвенника, онъ между прочимъ говоритъ имъ: „если земля вашего владѣнія кажется вамъ нечистою; то перейдите въ землю владѣнія Господня, въ которой находится скинія Господня, возьмите удѣлъ среди насъ“ (Нав. 22, 19). И, кажется, колѣна заиорданскія опасаются, что ихъ потомки могутъ быть исключены потомками поюстороннихъ колѣнъ отъ участія въ почитаніи Господа, Бога Израилева, и въ соединенныхъ съ нимъ благахъ, не столько потому, что Иорданъ былъ для нихъ естественною границею между частями, хотя и равными, одной и той же земли обѣтованія, но главнымъ образомъ потому, что онъ, въ ихъ глазахъ, отдѣлялъ собственно землю, обѣтованную ихъ праотцамъ, отъ ихъ земли, только позднѣе, — хотя и по особенному повелѣнію Божию Моисею, — къ той присоединенной (ст. 9). Такимъ образомъ есть основанія думать, что земля обѣтованія, въ собственномъ смыслѣ, какъ земля для поселенія въ ней Израиля, лежитъ, по первоначальному намѣренію, между Иорданомъ и Средиземнымъ моремъ и только позднѣе, благодаря извѣстнымъ обстоятельствамъ, границы ея раздвигаются и на страну къ востоку отъ Иордана.

И нужно сказать, это уклоненіе отъ первоначальнаго намѣренія влечетъ за собою гибельныя послѣдствія для Израиля. Оно вызвано отчужденіемъ отъ общаго интереса и своекорыстіемъ нѣкоторыхъ колѣнъ и имѣетъ своимъ

слѣдствіемъ дальнѣйшее ихъ обособленіе. Уже первые поселенцы въ заиорданской землѣ, тѣ, которые жили и дѣйствовали доселѣ вмѣстѣ съ своими братьями, когда они должны были возвратиться въ свою землю, болѣзненно сознаютъ, что Иорданъ отдѣляетъ ихъ отъ ихъ братьевъ. Еще большее опасеніе возникаетъ у нихъ при мысли о своихъ потомкахъ, которые и выростутъ и должны жить внѣ такой тѣсной связи съ своими братьями по сю сторону Иордана: двѣ родственныя половины одного израильскаго народа представляются имъ въ будущемъ совершенно разъединенными и даже отрицающими свое родство и свое общее участіе въ Богѣ Израилевомъ. Чтобы предупредить эту опасность, болѣе грозную для ихъ потомковъ, отдѣленныхъ отъ скиніи Господней Иорданомъ, они и строятъ жертвенникъ или памятникъ Іеговѣ на западной сторонѣ Иордана: онъ долженъ свидѣтельствовать грядущимъ поколѣніямъ, что ихъ предки составляли нѣкогда одно цѣлое съ колѣнами, живущими на западной сторонѣ Иордана, что они вмѣстѣ съ ними завоевали страну и потому, хотя сами и взяли для себя во владѣніе страну къ востоку отъ Иордана, однако имѣютъ полныя права на одинаковое вмѣстѣ съ другими почитаніе Іеговы, Бога Израилева, и на участіе въ соединенныхъ съ этимъ благахъ. Но чего опасаются предки, то сбывается въ большей своей части съ ихъ потомками. Ихъ не исключаютъ отъ участія въ почитаніи Іеговы, — но, какъ и ихъ предки, они сами исключаютъ себя отъ участія въ общей жизни Израиля и ведутъ жизнь болѣе или менѣе отдѣльную. Иорданъ, естественная граница между областями, ими занятыми, становится границею и въ ихъ политическо-общественной жизни. Въ періодъ судей разъединеніе проходитъ по всѣмъ колѣнамъ; но постигавшія ихъ бѣдствія иногда объединяютъ болѣе или менѣе почти всѣ колѣна. Колѣна заиорданскія и въ этихъ случаяхъ стоятъ внѣ связи съ другими колѣнами. Такъ Рувимъ сидитъ между овчарнями, слушая блеваніе стадъ, и Галаадъ (Гадъ) живетъ (спокойно) за Иорданомъ въ то время, когда большая часть западныхъ колѣнъ ведетъ войну

съ Іавиномъ, царемъ асорскимъ (Суд. 5. 16. 17). Жители Сокхоеа и Пенуела отказываютъ Гедеону въ требованіи имъ плъци для своихъ воиновъ, когда онъ преслѣдовалъ разбитыхъ имъ мадіанитянъ (8, 1—17). Правда, подпадая сами рабству, они ищутъ себѣ помощи у западныхъ колѣнъ; но и эти не всегда имъ ее подаютъ, какъ случилось то и другое во дни Іефеая (Суд. 12, 1. 2). Къ концу періода судей общее бѣдствіе, порабоженіе филистимлянами западныхъ колѣнъ (1 Цар. 10, 5; 13, 3—5) и угроза порабоженіемъ, а быть можетъ уже и дѣйствительное порабоженіе аммонитянами восточныхъ (1 Цар. 12, 12; ср. гл. 11), соединяетъ всѣ колѣна израилевы въ одномъ желаніи—имѣть у себя царя. Подъ властію царей колѣна заіорданскія составляютъ вообще одно цѣлое съ другими колѣнами. Но и въ это время внутренняя жизнь этихъ колѣнъ течетъ русломъ отличнымъ отъ жизни другихъ колѣнъ. Волны народныхъ движеній въ Ханаанѣ поглощаются бездною іорданской долины, или же разбиваются о скалы горъ галаадскихъ; заіорданскія колѣна стоятъ внѣ ихъ и даютъ убѣжище и пріютъ тѣмъ, снести кого онѣ угрожаютъ. Здѣсь, на восточной сторонѣ Іордана, именно въ Маханаимѣ, основываетъ свою резиденцію разбитый филистимлянами царскій домъ Саула, въ лицѣ сына его Іевосея (2 Цар. 2, 8), и отсюда онъ восстанавливаетъ свою власть и надъ остальнымъ Израилемъ, за исключеніемъ колѣна Іудина (9. 10). Здѣсь и именно въ Маханаимѣ находятъ для себя твердый пунктъ опоры Давидъ, свесенный народнымъ волненіемъ, возбужденнымъ Авессаломомъ, его сыномъ, съ лица Ханаана (2 Цар. 17, 27—29). Здѣсь его военачальники разбиваютъ войско Авессалома (гл. 18), и отсюда онъ возвращается опять въ Іерусалимъ на свое царство надъ всѣмъ Израилемъ (19, 15—43). Послѣ Соломона заіорданскія колѣна входятъ въ составъ израильскаго царства, подвергаются особенно часто нападеніямъ со стороны враговъ и ранѣе посястороннихъ отводятся въ плѣнъ ассирійскій (3 Цар. 22, 3; 4 Цар. 8, 28;

10, 32. 33; 15, 29). Такимъ образомъ жизнь этихъ колѣнъ, отдѣленныхъ отъ другихъ Іорданомъ, течетъ довольно отлично отъ жизни другихъ колѣнъ, и судьба ихъ внѣшняя тоже отлична,—болѣе подвержена нападеніямъ со стороны враговъ.

Но при всемъ этомъ различіи въ жизни и при отдѣленіи такою рѣзкою естественною границею, колѣна эти не составляютъ изъ себя цѣлаго самостоятельнаго и не порываютъ совсѣмъ своихъ связей и сношеній съ посясторонними колѣнами. Чѣмъ объяснить это явленіе, довольно странное особенно въ виду того, что колѣна по сую сторону Іордана распадаются на два самостоятельныя царства и при менѣе рѣзкой естественной границѣ между ними? Не вдаваясь въ излишніи для нашей задачи подробности, ограничимся общимъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ. Природа страны, занятой этими колѣнами, не представляетъ такого пункта, около котораго, какъ своего центра, могли бы группироваться жившія здѣсь колѣна¹⁾. Колѣна эти занимаются преимущественно скотоводствомъ и въ силу этого своего занятія должны вести жизнь болѣе или менѣе подвижную, соединявшую въ себѣ осѣдность съ перекочевками,—что не благоприятствуетъ жизни, сосредоточенной около центра (Числ. 32). А главное, колѣна эти чаще, чѣмъ другія, подвергаются нападеніямъ со стороны враговъ, менѣе другихъ въ силу своей разрозненности сильны для ихъ отраженія и потому по необходимости должны поддерживать связь съ болѣе сильными ихъ посясторонними колѣнами, чтобы въ случаѣ нужды получать отъ нихъ помощь (Суд. 12, 2. 1 Цар. 11). Какъ бы то ни было, впрочемъ, не отъ этихъ колѣнъ выходитъ раздѣленіе еврейскаго царства на два самостоятельныя царства, и не они одни сами по себѣ составляютъ одно изъ этихъ царствъ; они лишь присоединяются къ одному изъ вновь образовавшихся, къ которому ближе стоятъ по своему географическому положенію и съ которыми

¹⁾ Ewald. Geschichte. II. S. 457—458.

стояли въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ въ прежнее время,— именно къ царству израильскому. Дѣленіе царства одного на два выходитъ отъ колѣвъ поюстороннихъ и по причинамъ, имѣющимъ значеніе прежде всего для этихъ колѣвъ. Такъ мы переходимъ къ рѣчи о взаимныхъ отношеніяхъ колѣвъ по сию сторону Іордана.

Ханаанъ, или страна по сию сторону Іордана, дѣлится, какъ мы уже говорили, на три части,—сѣверный, средній и южный Ханаанъ, или, говоря языкомъ позднѣйшаго времени, на Галилею, Самарію и Іудею. Это дѣленіе страны проглядываетъ нѣкоторымъ образомъ и въ исторіи завоеванія Ханаана Израилемъ при Іисусѣ Навинѣ, какъ мы тоже говорили. Израиль проникаетъ сначала въ средній Ханаанъ и утверждается здѣсь (Нав. 5—8); отсюда онъ вторгается въ южный (г. 9—10) и наконецъ завоевываетъ сѣверный (г. 11). Это же дѣленіе открывается и въ раздѣленіи страны между колѣвами. Уже до завоеванія Ханаана наиболѣе выдавшіяся изъ ряда другихъ колѣвъ и въ завоеваніи его, конечно, особенно дѣятельно участвовавшія, колѣва Іудино и Іосифово (Ефремово-Манассино) получаютъ свои участки въ различныхъ частяхъ страны,—первое въ южной, второе въ средней. Другія, менѣе значительныя, колѣва (не всѣ) получаютъ свои участки въ сѣверномъ Ханаанѣ. Впрочемъ, сильнаго вліянія трехчастнаго дѣленія страны нельзя указать въ рѣзкомъ дѣленіи колѣвъ израилевыхъ, соотвѣтственно тому, на три группы. Несомнѣнно, какъ увидимъ послѣ, Іуда, поселившійся въ южномъ Ханаанѣ, живетъ въ періодъ судей отдѣльно отъ колѣва Ефремова, поселившагося въ среднемъ Ханаанѣ, а тѣмъ болѣе отъ другихъ, далѣе отъ него живущихъ. Но указанная нами граница между среднимъ и южнымъ Ханааномъ не можетъ быть признана въ настоящемъ случаѣ причиною, тѣмъ болѣе единственною, этого обособленія. Колѣно Вениаминово въ большей своей части живетъ къ югу отъ этой линіи и однако оно въ періодъ судей и позднѣе

въ союзѣ съ Ефремомъ (Суд. 5, 14; 2 Цар. 19, 16—20)¹⁾. Поэтому иные указываютъ другую географическую границу для объясненія обособленія Іуды отъ остальнаго Израиля²⁾. Можно, впрочемъ, выставить на видъ здѣсь то, что указываемая нами граница и именно восточная ея половина принята была, быть можетъ, во вниманіе при раздѣленіи страны между колѣвами: именно она не дѣлается границею между колѣвами Ефремовымъ и Вениаминовымъ, но входитъ въ область послѣдняго колѣва, очень возможно, для того, чтобы сгладить нѣсколько ея раздѣлительное значеніе. Равнымъ образомъ и равнина изреельская не служитъ рѣзкимъ разграниченіемъ между колѣвами по ту и другую ея сторону уже потому, между прочимъ, что влѣднія различныхъ колѣвъ къ югу и сѣверу отъ нея скрещиваются въ ней между собою (Нав. 17, 11). Вліяніе географическаго дѣленія страны на три части не опредѣляетъ такимъ образомъ прямо соотвѣтствующаго дѣленія Израиля на три группы. Жизнь колѣвъ течетъ путемъ естественнымъ, опредѣляется въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ не столько вліяніемъ страны, сколько собственными ихъ симпатіями. Пока нѣтъ стремленія къ насильственному преобладанію, нѣтъ нужды и въ отыскиваніи естественныхъ крѣпкихъ границъ, разграничивающихъ противныя вліянія. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать совсѣмъ общаго вліянія страны на разъединеніе колѣвъ Израиля и по сию сторону Іордана. И существующее въ исторіи политическое дѣленіе колѣвъ сначала на три, а потомъ на двѣ группы подтверждаетъ это вліяніе.

Слабѣе всѣхъ замкнута въ себѣ и географически и исторически сѣверная группа. Географическая ея граница, равнина изреельская, сама по себѣ не можетъ служить грани-

¹⁾ Въ послѣднемъ мѣстѣ Семей изъ колѣва Вениаминова причисляетъ себя къ дому Іосифа вообще.

²⁾ Hitzig. Geschichte des Volkes Israel. I Th. S. 139.

цею въ смыслѣ естественной преграды къ сообщенію между колѣнами къ сѣверу и югу отъ нея; она и не служить рѣзкою границею между ними. На ней соприкасаются между собою колѣна Манассино (западная его половина), Иссахарово и Асирово и при томъ такъ, что Манассии принадлежали нѣкоторые города въ колѣнахъ Иссахара и Асира, — города, находившіеся въ равнинѣ: Веесанъ, Ивлеамъ, Доръ, Ендоръ, Фанахъ, Мегиддо (Нав. 17, 11; Суд. 1, 27). Но, особенно на первыхъ порахъ поселенія Израиля въ Ханаанѣ, и она является нѣкоторою преградой сообщенію между колѣнами по ту и другую ея сторону, благодаря слѣдующимъ обстоятельствамъ. При завоеваніи Ханаана израильтяне имѣли наибольшій успѣхъ противъ хананеевъ на мѣстахъ возвышенныхъ и гористыхъ и оказывались слабыми передъ ними на равнинахъ. Причина этого въ томъ, что на равнинѣ хананеи могли употребить въ дѣло свое военное искусство и особенно свои „желѣзныя колесницы“, столь страшныя для Израиля (Суд. 1, 19. 34). Равнина изреельская одна изъ всѣхъ равнинъ ханаанскихъ, наиболѣе удобная для военныхъ дѣйствій при помощи колесницъ, и во все время израильской исторіи (и послѣ) была часто театромъ сраженій (Суд. 4; 6, 33; 1 Цар. 28, 4; 4 Цар. 23, 29). Во время завоеванія Ханаана при Исусѣ Навинѣ сыны Иосифа сознаютъ свое безсиліе овладѣть ею (Нав. 17, 16). И она дѣйствительно всего менѣе занята израильтянами: расположенныя на ней города Веесанъ, Ивлеамъ, Фанахъ, Мегиддо съ зависящими отъ нихъ городами остаются во власти хананеевъ (Суд. 1, 27), составляютъ почти непрерывную цѣпь хананейскую, отъ Иордана до Средиземнаго моря, и отдѣляютъ такимъ образомъ Израиля по одну ея сторону отъ Израиля по другую. Колѣна къ сѣверу отъ нея менѣе другихъ колѣнъ очищаютъ свои участки отъ прежнихъ жителей. Тогда какъ о другихъ колѣнахъ говорится, что они не изгнали хананеевъ изъ такихъ то и такихъ то городовъ, и „хананеи жили среди ихъ“ (Суд. 1, 27. 29. 30),

о двухъ изъ сѣверныхъ колѣнъ — Асировомъ и Нефеалимомъ замѣчается, что они не изгнали хананеевъ изъ нѣкоторыхъ городовъ и жили „среди хананеевъ“ (Суд. 1, 31—33). Прежде всего послѣднее выраженіе показываетъ, что израильтяне составляютъ меньшинство въ областяхъ, ими занятыхъ. Но въ другихъ мѣстахъ выраженіе: „хананеи жили среди ихъ“ (т. е. израильтянъ) добавляется обыкновенно другимъ: „и платили имъ дань“ (Суд. 1, 30. 27. 28). Связь этихъ положеній между собою такъ тѣсна, что LXX и тамъ, гдѣ стоитъ одно первое, добавляютъ отъ себя другое (ст. 29). Эта связь обоихъ положеній показываетъ, что хананейское меньшинство жило въ этихъ областяхъ въ зависимомъ, данническомъ отношеніи къ израильскому большинству. По аналогіи можно заключать, что и израильское меньшинство въ областяхъ колѣнъ Асирова и Нефеалимова жило въ такомъ или иномъ зависимомъ отношеніи къ большинству хананейскому. О Нефеалимѣ говорится, правда, что онъ сдѣлалъ данниками не изгнанныхъ жителей Веесамиса и Беанаа (ст. 33), — что можетъ быть вѣрнымъ по отношенію къ этимъ городамъ и что также можетъ не исключать общаго, прежде высказаннаго, положенія. Объ Асирѣ же нѣтъ такого добавленія; лишь LXX добавляютъ это и то лишь относительно одного города Акко; и такимъ образомъ какъ бы подтверждается то общее положеніе о зависимости его отъ хананеевъ. Къ этому заключенію на основаніи аналогіи Моверсъ присоединяетъ такое же заключеніе относительно Асира на основаніи благословенія Іакова (Быт. 49, 20), а относительно Нефеалима на основаніи благословенія Моисея (Второз. 33, 23). На основаніи обоихъ указанныхъ благословеній онъ заключаетъ о зависимомъ отъ хананеевъ (финикійцѣ) положеніи и другихъ сѣверныхъ колѣнъ — Завулонова (Быт. 49, 13; Втор. 33, 19), Иссахарова (Быт. 49, 14—15; Втор. 33, 19). Въ зависимости отъ финикійца была по нему и часть Данова колѣна, поселившаяся въ Ласъ (Нав.

19, 47. Суд. 18) ¹⁾. Но всѣ мѣста, на коихъ онъ основываетъ свое мнѣніе о зависимомъ отъ финикійскѣхъ положеніи сѣверныхъ колѣнъ, говорятъ собственно о зависимости послѣднихъ отъ первыхъ въ культурномъ отношеніи, объ участіи ихъ въ ихъ занятіяхъ и интересахъ. Исключеніе можно бы сдѣлать только для одного Иссахара, по отношенію къ коему прямо говорится о дани,—но кому ²⁾? И приведенное выше выраженіе относительно колѣнъ Асирова и Нефѣалимова: „и жилъ среди хананеевъ“ указываетъ собственно на численный перевѣсъ хананеевъ, но не необходимо и на политическую зависимость первыхъ отъ послѣднихъ. О такой зависимости изъ другихъ мѣстъ ничего неизвѣстно. Такое положеніе сѣверныхъ колѣнъ, съ значительнымъ численнымъ составомъ хананеевъ и отдѣленныхъ отъ другихъ колѣнъ цѣлѣю хананейскихъ городовъ, имѣетъ и свои невыгоды и свои выгоды для общей ихъ жизни съ колѣнами другихъ частей Хаанаана. Съ одной стороны сѣверныя колѣна мало помалу втягиваются въ занятія и интересы хананеевъ и чрезъ то, быть можетъ, незамѣтно для себя отчуждаются болѣе или менѣе отъ остальнаго Израиля. И мы видимъ дѣйствительно, что нѣкоторыя изъ сѣверныхъ колѣнъ — Асирова и Данова не принимаютъ участія въ войнѣ Израиля съ хананеями,—въ войнѣ, когда сравнительно дружнѣе проявился духъ единенія Израиля, и въ войнѣ къ тому же съ врагомъ, господство котораго ощутительнѣе должно было быть именно для сѣверныхъ колѣнъ. Не смотря на все это, Данъ остается при своихъ корабляхъ и Асиръ спокойно сидитъ на берегу моря у

¹⁾ F. C. Movers. Das Phönizische Alterthum. Berlin. 1849. I Th. S. 306—310.

²⁾ Въ переводѣ LXX благословеніе Иссахара читается такъ: Ἰσάχαρ τὸ καλὸν ἐπεθύησεν, ἀναπαύμενος ἐν μέσῳ τῶν κληρῶν καὶ ἰδὼν τὴν ἀνάπαυσιν ὅτι καλὴ, καὶ τὴν γῆν ὅτι πλουσίαν, ἐπέθηκε τὸν ὄμρον αὐτοῦ εἰς τὸ ποιεῖν, καὶ ἐγενήθη ἀνὴρ γεωργός. Быт. 49, 14. 15. О дани здѣсь вѣтъ рѣчи.

своихъ пристаней (Суд. 5, 17) ¹⁾. Но съ другой стороны именно это положеніе не позволяетъ сѣвернымъ колѣнамъ замкнуться въ самихъ себѣ и совершенно отдѣлиться отъ другихъ колѣнъ. Они слишкомъ смѣшаны съ прежними жителями, разъединены между собою и какъ прежде, быть можетъ, не въ силахъ были занять вполне доставшуюся имъ область, такъ и теперь не въ состояніи одни противодѣйствовать враждебнымъ намѣреніямъ своихъ сосѣдей—хананеевъ. Они могутъ принимать на себя инициативу освобожденія отъ врага (Суд. 4), могутъ подчинять себѣ хананеевъ въ нѣкоторыхъ городахъ (Суд. 1, 33); но всетаки большая или меньшая степень ихъ политическаго благосостоянія и самостоятельности зависитъ значительно отъ большей или меньшей силы и благосостоянія всего Израиля. При существованіи единства въ Израилѣ положеніе этихъ колѣнъ можетъ быть спокойно и они могутъ усиливаться на счетъ хананеевъ. При ослабленіи же этого единства оно должно ухудшаться. И мы встрѣчаемъ дѣйствительно, въ срединѣ періода судей, въ числѣ притѣсвителей Израиля сидонянъ, притѣснявшихъ безъ сомнѣнія прежде всего израильтянъ, жившихъ въ ихъ областяхъ или вблизи нихъ (Суд. 10, 12). Этимъ объясняется безъ сомнѣнія и то, что сѣверныя колѣна поддерживаютъ связь съ другими колѣнами и, въ своихъ выгодахъ, заботятся о благосостояніи и всего Израиля. Такъ, напримѣръ, они приглашаютъ другія колѣна къ войнѣ съ Іавиномъ, царемъ асорскимъ, рабство котораго должно тяготѣть всего болѣе на нихъ (Суд. 4); принимаютъ приглашеніе со стороны Гедеона принять участіе въ войнѣ съ мадианитянами (Суд. 6, 35) и вмѣстѣ съ другими участву-

¹⁾ Видѣть здѣсь сѣверную часть колѣна Данова, поселившуюся въ Лансъ, заставляетъ связь, въ которой она стоитъ здѣсь съ сѣверными колѣнами—Асиромъ, Завулономъ и Нефѣалимомъ. Такъ Моверсъ. Указ. соч. стр. 309. Кейль видитъ напротивъ здѣсь основную область колѣна Данова, къ которой принадлежала Іонія на берегу Средиземнаго моря (Нав. 19, 46). Keil. Das Buch der Richter. S. 241.

ють въ выборѣ и поставленіи Давида въ цари (1 Пар. 12, 23. 32—36). При раздѣленіи царства еврейскаго при Ровоамѣ они примыкають къ царству израильскому.

Гораздо замкнутѣе живетъ во весь періодъ судей южная группа, состоящая изъ колѣнъ Иудина и Симеонова¹⁾. Указанная нами выше граница между среднимъ и южнымъ Ханааномъ не можетъ, какъ мы говорили уже, объяснять этой замкнутости. И указываемая Гитцигомъ слишкомъ обща и потому недостаточна²⁾. По Гретцу іевусеи, господствовавшіе съ горы Сіона надъ страной, составляли раздѣлительную стѣну между колѣномъ Иудинымъ и живущими къ сѣверу отъ него колѣнами³⁾. По нему іудеи, или часть ихъ, въ досадѣ на то, что лучшая часть земли досталась потомкамъ Іосифа, отдѣлились отъ остальныхъ колѣнъ, обошли область позднѣйшаго Іерусалима, не начиная войны съ іевусеями и, быть можетъ, даже въ мирномъ соглашеніи съ ними, и завоевали съ помощію колѣна Симеонова города на югъ отъ Іерусалима⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ объясняетъ иначе фактъ обособленности колѣна Иудина— всегда вмѣстѣ съ Симеоновымъ—отъ остальныхъ колѣнъ. Колѣно Иудино, или часть его, и Симеоново вторгнулись будто-бы въ южную часть Ханаана изъ пустыни Аравійской въ сороковомъ году странствованія Израиля по этой пустынѣ и поселились здѣсь въ то время, какъ другія колѣна предпочли обходный путь отъ южной границы Ханаана къ

¹⁾ Колѣно Симеоново выступаетъ дѣлательно лишь въ началѣ періода судей (Суд. 1, 3. 17), въ остальное же время этого періода оно не упоминается. Вероятно оно раздѣляло общую судьбу съ колѣномъ Иудинымъ, изъ области коего видѣна была ему область. Впрочемъ, оно еще сохраняетъ свое самостоятельное существованіе во время Давида (1 Пар. 4, 31. 12, 25) и даже послѣ (1 Пар. 4, 38—43).

²⁾ По нему, „тамъ, гдѣ путь къ сѣверу раздѣляется, выдававшаяся въ долину скала (Іевуса) караулила, какъ левъ, и перерѣзывала связь Іуды съ остальнымъ Израилемъ“. Geschichte. B. I. S. 139.

³⁾ Graetz. Geschichte der Juden von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Leipzig. 1874. B. I. S. 414.

⁴⁾ Ibidem. S. 66. 67.

восточному берегу Іордана. Отдѣльно отъ другихъ занявъ свою область, они и жили отдѣльно отъ нихъ, преимущественно въ южныхъ частяхъ поздней Іудеи¹⁾. Но говорить о томъ, что іевусеи отдѣлили колѣно Іудино отъ другихъ колѣнъ, можно только, не принимая во вниманіе, что въ исключительной власти іевусеевъ оставалась лишь крѣпость на горѣ, а въ городѣ около нея наряду съ іевусеями жили и вениаминяне и іудеи (Нав. 15, 63; Суд. 1, 21). Предположеніе о вторженіи колѣнъ Иудина и Симеонова въ южный Ханаанъ отдѣльно отъ другихъ колѣнъ въ сороковой годъ странствованія не можетъ быть оправдано библейскими данными. Мы видимъ колѣна Іудино и Симеоново вмѣстѣ съ другими колѣнами на восточной сторонѣ Іордана и на западной въ первое время завоеванія послѣдней Іисусомъ Навиномъ. Такъ, напримѣръ, оба колѣна подвергаются истребленію (Числ. 26); упоминается начальникъ поколѣнія Симеонова при идолослуженіи Израиля Вааль-Фегору (Числ. 25); колѣно Іудино въ составѣ его племенъ участвуетъ въ первыхъ войнахъ завоеванія Ханаана къ западу отъ Іордана (Нав. 7, 1. 16. 17)²⁾. О томъ, что въ этихъ и подобныхъ

¹⁾ Ibidem. S. 435—437.

²⁾ Чтобы установить свое предположеніе, Гретцъ сливаетъ въ одно два разсказа: Числ. 21, 1—3 и Суд. 1, 16. 17. Основанія относить оба эти разсказа къ одному и тому же времени и-событію онъ заимствуетъ изъ втораго. Здѣсь говорится: „И сыны (Іоѳора) кенейянина, тестя Моисеева, пошли изъ города Пальмъ съ сынами Іудиными въ пустыню Іудину, которая на югъ отъ Арада, и пришли и поселились среди народа“ (ст. 16). Откуда пошли, спрашиваетъ Гретцъ? И отвѣчаетъ: „изъ города Пальмъ; это нивомъ образомъ не можетъ означать Іерихона, потому что кенеи никогда тамъ не жили“ (Geschichte. S. 435). Подъ городомъ Пальмъ онъ разумѣетъ Цоаръ на оазисѣ къ юго-западу отъ Мертваго моря въ es-Saïgh. Если же кенеи вмѣстѣ съ іудеями шли изъ Цоара, то само собою слѣдуетъ, что они вошли въ область Арада съ юго-западнаго берега Мертваго моря, а не съ сѣвера, и слѣдовательно прежде завоеванія Ханаана остальными колѣнами, въ сороковомъ годъ странствованія, о чемъ и говорится въ Числ. 21, 1—3. Главное основаніе всей этой гипотезы, какъ видно, въ томъ, что кенеи никогда не жили въ Іерихонѣ и слѣдовательно не могли выйти оттуда съ іудеями для поселенія къ югу отъ Арада. Но откуда извѣстно, что они не были въ Іерихонѣ? Моисей приглашаетъ Ханаана, своего родственника, сопровождать Израиля въ пути по пустынѣ и обѣщаетъ сдѣлать

мѣстахъ говорится лишь о части колѣвъ Іудина и Симеонова, нельзя изъ нихъ заключать. Эвальдъ видитъ причину замкнутости колѣва Іудина въ свойствахъ самаго колѣва и его области. Эта послѣдняя менѣе другихъ частей страны роскошная, но и не совсѣмъ скудная, съ своими суровыми кряжами горъ, многими пещерами, ущельями и широкими долинами способна сдѣлать своихъ жителей народомъ самымъ крѣпкимъ, храбрымъ и стойкимъ. Этому свойству страны соответствуетъ счастливѣйшимъ образомъ и свойство колѣва Іудина: во время своего поселенія оно самое неиспорченное и воинственное изъ большихъ колѣвъ, и все-таки, не смотря на свою верховную военную власть (?), вмѣсто честолюбивыхъ плановъ, предпочитаетъ сдерживать свои силы въ полной достоянствѣ замкнутости¹⁾. Какъ бы то ни было, самый фактъ замкнутости и обособленности колѣва Іудина отъ другихъ колѣвъ не подлежитъ сомнѣнію.

При завоеваніи Ханаана Іисусомъ Навинымъ, колѣвно Іудино, нужно полагать, было передовымъ. Это можно заключать изъ его передоваго положенія среди другихъ колѣвъ во время странствованія по пустынѣ (Числ. 2; 10 14—28), изъ перваго жребія, доставшагося ему при раздѣленіи Ханаана (Нав. 15, 1; ср. 16, 1), и изъ исторіи Израиля непосредственно по смерти Іисуса Навина. Вначалѣ періода судей оно первое изъ колѣвъ и не само по себѣ, а по указанію Господа (Суд. 1, 1. 2), приступаетъ къ болѣе прочному завоеванію своей области. Изъ того, что оно въ союзѣ съ Симеономъ поражаетъ при Везекѣ хананеевъ и фере-

ему добро, которое Господь сдѣлаетъ ему (Израилю). Нужно думать, что Хававъ согласился на это приглашеніе, не смотря на первоначальный отказъ (Числ. 10, 29—32). Позднѣе мы видимъ кенеевъ въ сѣверной части Ханаана (Суд. 4, 11). Почему же, спрашивается, кенее не могли жить въ Іерихонѣ или около него? отождествленіе города Пальмъ съ Цоаромъ дѣлается на основаніи этой предполагаемой невозможности. Въ другихъ мѣстахъ Писанія городомъ Пальмъ называется именно Іерихонъ (Суд. 3, 13; 2 Пар. 28, 15), а во Второзаконіи Іерихонъ, городъ Пальмъ, прямо отличается отъ Цоара (34, 3).

¹⁾ Ewald, Geschichte, B. II. S. 448.

еевъ съ царемъ Адонивезекомъ, можно даже заключать, что оно сражается нѣкоторымъ образомъ и за другія колѣва¹⁾. Оно стоитъ во главѣ колѣвъ израилевыхъ во время войны ихъ съ колѣвномъ Веніаминнымъ, не хотѣвшимъ выдать гнусныхъ преступниковъ изъ Гавы (Суд. 20, 18). Изъ него выходитъ первый освободитель Израиля отъ перваго рабства чужому народу: именно освободитель отъ рабства Хусарсаему, царю месопотамскому, Гоэонилъ, младшій братъ Халева (Суд. 3, 8—10). Положеніе Іудина колѣва на самомъ югѣ Ханаана въ его отношеніи къ государству Хусарсаема месопотамскаго на сѣверо-востокѣ отъ Ханаана заставляетъ предполагать, что рабство месопотамское простиралось на весь израильтянский народъ, и что освобожденіе отъ него членомъ колѣва Іудина еще болѣе должно было утвердить значеніе этого колѣва среди другихъ колѣвъ²⁾.

¹⁾ Везекъ по 1 Пар. 11, 4, 8. 9 лежалъ между Гивой Саудовою и Гависомъ Галаадскимъ. Во время блаженнаго Іеронима были duae villae nomine Bezek vicinae sibi въ 17 рим. мил. на пути отъ Неаполіса къ Скинопольсу, т. е. около 7 часовъ къ сѣверу отъ Сихема къ Босану. Migne. Patrologiae cursus completus. Lat. T. XXIII. p. 883. Кейль. Das Buch der Richter S. 188.

²⁾ Гретцъ пытается ослабить значеніе подвига Гоэонила. По нему Хусарсаемъ былъ будто бы царемъ идумейскимъ, а не месопотамскимъ, а сдѣловательно и иго его тяготѣло не надъ всѣмъ Израилемъ, а только надъ колѣвномъ Іудинимъ и быть можетъ соединеннымъ съ нимъ Симеоновымъ; другія колѣва, быть можетъ, даже и не слышали о побѣдѣ Гоэонила. Чтобы провести этотъ свой взглядъ Гретцъ дѣлаетъ въ текстѣ поправки. Именно вмѣсто אֲרָם онъ читаетъ אֲדָמָא , вмѣсто בְּיָמָיו предполагаетъ בְּיָמֵינוּ , т. е. вмѣсто царя месопотамскій (agam naharaim) читаетъ царь едомскій и хорейскій (edom et chorim). Graetz. Geschichte 1. S. 107. 108. 412—414. Предполагаемая въ текстѣ такимъ образомъ ошибка „agam“ вмѣсто „edom“ сама по себѣ возможна. Но указываемое Гретцомъ соединеніе хореевъ съ Едомомъ не встрѣчается нигдѣ въ Ветхомъ Заветѣ и по историческому отношенію Едома къ хореевъ даже не можетъ встрѣчаться (Втор. 2, 12. 22; Числ. 20, 14—20; 21, 4). Да и къ чему нужны такія поправки? Гретцъ находитъ невозможнымъ, чтобы царь месопотамскій могъ распространить свою власть на такую отдаленную отъ его государства страну, какъ Ханаанъ, для чего нужно было такъ или иначе подчинить себѣ и Сирію, лежащую между Месопотаміею и Ханааномъ. Это предполагало бы сильное царство въ Месопотаміи, оставило бы такіе или иныя

Но послѣ такой счастливой и благотворной дѣятельности на общую пользу вначалѣ періода судей колѣно Іудино почти совсѣмъ исчезаетъ съ театра исторіи во все остальное время судей. Почти во все это время мы не встрѣчаемъ даже имени Іуды, не говоря уже о его той или другой дѣятельности; ничего почти не знаемъ и о томъ, въ какомъ состояніи оно находится во все это время,—подвергается ли оно порабощеніямъ и притѣсненіямъ со стороны враговъ или же наслаждается спокойствіемъ. Моавитяне при Еглонѣ, утвердившіеся въ городѣ Пальмѣ (Суд. 3, 13), довольно близко отъ границъ іудейскихъ; но подпадаютъ ли зависимости отъ нихъ іудеи, неизвѣстно. Въ сверженіи этого ига они, по крайней мѣрѣ, не участвуютъ (27). Рабство Іавина, царя асорскаго, простирается преимущественно на сѣверныя колѣна и, кажется, не доходитъ до Іудеи. Возможно, что оно не приглашается Варакомъ и къ участию въ сверженіи ига Іавинова. Этимъ объясняется, быть можетъ, то, что о немъ нѣтъ упоминанія ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ смыслѣ въ пѣсни Деворы, воспѣтой послѣ побѣды надъ Іавиномъ и восхваляющей или порицающей всѣ колѣна, за исключеніемъ Іуды и Симеона¹⁾. Во всякомъ

слѣдѣ въ исторіи, а между тѣмъ ни слѣдовъ завоеванія, ни самаго существованія въ это время сильнаго царства въ Месопотаміи нигдѣ не видно. Дѣйствительно, при тогдашнемъ положеніи вещей въ Месопотаміи невѣроятно, чтобы въ то время на ряду съ Вавлоніей и Ассиріей было еще самостоятельное царство въ Месопотаміи. Но въ то время было сильно царство ассирійское; можно думать потому здѣсь о государѣ, принадлежащемъ къ этому царству, а потому что онъ не называется царемъ ассирійскимъ, видѣть въ немъ не верховнаго царя ассирійскаго, а вассальнаго, въ отношеніи къ Ассиріи, царя месопотамскаго. Юсіафъ Флавій называетъ Хусарсаема царемъ ассирійскимъ. Antiqu. V, 3. 2. Köhler. Lehrbuch. II. S. 51. Bunsen. Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte. V. IV. S. 365—369. И. Троицкій. Религіозное, общественное и государственное состояніе во время Судей. С.П. 1885. Стр. 199. 200, гдѣ разбирается и другой взглядъ (Кесслера) на Хусарсаема, какъ на царя аморрейскаго.

¹⁾ По мнѣнію Эвальда истинная причина этого страннаго явленія въ томъ, что Іуда и Симеонъ уже задолго до времени Деворы рѣзко отдѣлились отъ всѣхъ другихъ колѣнъ и составили общество менѣе доступное врагамъ болѣе самостоятельное и сильное. Ewald. Geschichte II. S. 452.

случаѣ колѣна Іудино и Симеоново не участвуютъ въ дѣлѣ большинства колѣнъ израилевыхъ. Мадіанитяне и амаликитяне ходятъ съ своими стадами по всей странѣ израильской даже до Газы (Суд. 6, 3. 4). Естественно предположеніе, что это указаніе крайняго предѣла вражескихъ опустошеній обнимаетъ и колѣна Іудино и Симеоново; но въ сверженіи ига Гедеономъ колѣна эти опять не принимаютъ участія (Суд. 6, 35; 7, 24). Аммонитяне притѣсняютъ израильтянъ по ту сторону Іордана въ землѣ аморрейской, которая въ Галаадѣ, наконецъ переходятъ Іорданъ, чтобы вести войну съ Іудою и Веніаминамъ и съ домомъ Ефремовымъ,—и весьма тѣсно было сынамъ Израиля (Суд. 10, 8. 9). Колѣно Іудино упоминается здѣсь (въ первый разъ послѣ Гоооніла) въ числѣ тѣхъ, которыя терпятъ притѣсненія отъ враговъ, но и опять не видно, чтобы оно принимало какое либо участіе въ освобожденіи отъ этого ига (Суд. 11, 5; 12). Юсіафъ Флавій думаетъ, что слѣдующій за Іефеаеи судья Есеевъ изъ Виелеема происходилъ именно изъ Виелеема іудейскаго (12, 8)¹⁾; такимъ образомъ предполагаемая предшествующею исторіею замкнутость прерывалась бы здѣсь. Но большинство изслѣдователей священнаго текста видятъ здѣсь въ Виелеемѣ не городъ колѣна Іудина, который обыкновенно ближе опредѣляется прибавкою *בְּיָדָא* (Суд. 17, 7. 9; Руѣ 1, 2; 1 Цар. 17, 12) и Ephrata (Мих. 5, 2), но Виелеемъ въ колѣнѣ Завулоновомъ (Нав. 19, 15)²⁾. Во всѣхъ выше приведенныхъ случаяхъ колѣно Іудино затрогивается врагами не ближайшимъ образомъ; враги распространяютъ свое вліяніе сначала на ближайшія къ нимъ колѣна и только въ концѣ достигаютъ и Іудина; такъ поступаютъ, быть можетъ, моавитяне, такъ мадіанитяне и амаликитяне, такъ и аммонитяне. Большой гнѣтъ этихъ народовъ обрушивается на

¹⁾ Antiquit. V, 7. 13.

²⁾ Keil. Das Buch der Richter. S. 303. Ewald. Geschichte II. S. 448. Köhler. Lehrbuch. II. S. 104.

колѣна, непосредственно съ ними соприкасающіяся, среди этихъ колѣнъ сильнѣе чувствуется его давленіе, сильнѣе потому сознается потребность въ освобожденіи отъ него, и всего естественнѣе здѣсь же являются и освободители Израиля отъ вражескаго гнета; такъ было во всѣ известныя порабощенія израильскаго народа¹⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ колѣно Іудино стоитъ далѣе отъ враговъ, менѣе, конечно, страдаетъ отъ нихъ и потому менѣе чувствуетъ нужду и въ сверженіи ихъ ига.

Повидимому, роли должны перемѣниться съ тѣхъ поръ, какъ на театрѣ исторіи израильскаго народа выступаютъ филистимляне. Филистимляне ближайшіе сосѣди колѣна Іудина. Территорія ихъ должна была войти въ составъ области этого колѣна (Нав. 15, 4. 11. 46. 47). При Исусѣ Навинѣ до раздѣленія страны вся эта область остается еще не завоеванною (Нав. 13, 2. 3). По раздѣленіи страны и, быть можетъ, уже вначалѣ періода судей колѣно Іудино завоевываетъ и нѣкоторые изъ пяти главныхъ городовъ филистимскихъ—Газу, Аскалонъ и Екронъ съ ихъ предѣлами (Суд. 1, 18)²⁾. Позднѣе всѣ эти города переходятъ опять во власть филистимлянъ. Неизвѣстно, когда и какъ это случилось; но самый фактъ ихъ перехода предполагаетъ такую или иную борьбу іудеевъ съ филистимлянами. Третій судья израильскій Самегаръ спасаетъ израильтянъ отъ филистимлянъ (Суд. 3, 31); какое участіе принимали и принимали-ли іудеи, неизвѣстно; равно какъ неизвѣстно и то, въ чемъ собственно состояло притѣсненіе израильтянъ со стороны филистимлянъ и какихъ именно колѣнъ оно касалось³⁾. Послѣ Самегара о филистимлянахъ не говорится ни слова до времени Іефеая

¹⁾ Смори выше, стр. 127.

²⁾ LXX прибавляютъ еще Азотъ съ окрестностями; напротивъ, по Іосифу Флавію Іуда и Симеонъ взяли на равнинѣ и при морѣ только Аскалонъ и Азотъ; Газа же и Екронъ не были ими завоеваны. Antiqu. V, 2. 4.

³⁾ Эвальдъ считаетъ Самегара даняниномъ. Ewald. Geschichte II. S. 449.

и Самсона. Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ другъ къ другу израильтяне и филистимляне за все это время, совсѣмъ неизвѣстно. Изъ молчанія источниковъ, быть можетъ, можно заключать, что первые не терпятъ значительныхъ притѣсненій со стороны послѣднихъ. Что служить причиною этого бездѣйствія, довольно страннаго по сравненію съ послѣдующею рѣшительною и весьма враждебною въ отношеніи къ израильтянамъ дѣятельностью филистимлянъ, неизвѣстно¹⁾. Но вотъ около времени Іефеая филистимляне опять появляются на сценѣ израильской исторіи и на этотъ разъ долго не сходятъ съ нея и причиняютъ много бѣдъ и опасностей израильскому народу; иногда даже угрожаютъ совсѣмъ поглотить его и уничтожить. Филистимляне выступаютъ противъ израильтянъ одновременно съ аммонитянами (Суд. 10, 7). Эти послѣдніе прежде всего тѣснятъ заіорданскія колѣна и только потомъ переходятъ Іорданъ и вступаютъ въ борьбу съ посягавшими—Іудею, Веніаминомъ и Ефремомъ; филистимляне естественно прежде всего должны были распространить свое вліяніе на колѣна—Іудино, какъ ближайшее, затѣмъ Даново и другія. Такъ дѣйствительно и есть: филистимляне господствуютъ надъ іудеями (Суд. 15, 11) и другими колѣнами (13, 1; 14, 4). Но тогда какъ жители Галаада первые и встаютъ противъ аммонитянъ и освобождаютъ отъ нихъ всѣхъ израильтянъ (10, 17—11, —33; 12, 1—3); іудеи не только не встаютъ первыми противъ врага,—они даже не поддерживаютъ освободителя изъ другаго колѣна, даже сами выдаютъ его своимъ врагамъ. Самсонъ изъ колѣна Данова началъ освобождать Израиля и причинилъ много зла филистимлянамъ. Филистимляне не рѣшаются дѣйствовать на Самсона сами непосредственно и вступаютъ съ войскомъ въ Іудею. Іудеи вмѣсто того, чтобы поставить Самсона въ своей главѣ

¹⁾ Эвальдъ объясняетъ позднее усиленіе нападѣній со стороны филистимлянъ сдѣланнымъ приращеніемъ ихъ незадолго до времени Самсона владѣніемъ прібытія новыхъ пришльцевъ съ Крита. Geschichte II. S. 477—478.

и напасть съ нимъ на филистимлянъ, идутъ къ нему и связываютъ его, съ его согласіа, съ тѣмъ, чтобы своими собственными руками отдать врагамъ своего освободителя и тѣмъ закрѣпить узы собственного рабства. „Развѣ ты не знаешь, что филистимляне господствуютъ надъ нами? Что ты это сдѣлалъ намъ“? говорятъ іудеи Самсону, упрекая его за вредъ, причиненный филистимлянамъ и могшій ослабить узы рабства. Самсонъ отвѣчаетъ, что съ врагомъ слѣдуетъ и поступать повражески: „какъ они со мною поступили, такъ и я поступилъ съ ними“. Іудеи не внимаютъ этой простой истинѣ и связываютъ Самсона (Суд. 15, 9—13). Въ этомъ происшествіи странно какое то равнодушіе іудеевъ къ своему рабскому состоянію, какое то слѣпое подчиненіе своей судьбѣ; забота ихъ лишь о томъ, чтобы какъ либо не отягчить ея болѣе. Здѣсь и слѣда нѣтъ прежняго величія іудеевъ, какое они выказывали во дни Халева и Гофоніла. Обращаетъ на себя вниманіе и то, что Самсонъ не іудей и не симеонитъ изъ колѣна, стоявшаго въ союзъ съ Іудою, а данянинъ, слѣдовательно изъ колѣна, которое позднѣе отдѣлилось отъ Іуды; теперь какъ бы само Іудино колѣно не хочетъ дѣйствовать сообща съ Дановымъ колѣномъ, даже въ дѣлѣ своего собственного освобожденія отъ враговъ. Последнее предположеніе, быть можетъ, слишкомъ смѣло; во всякомъ случаѣ очевидна рознь между тѣмъ и другимъ колѣномъ и даже рознь внутри самихъ колѣвъ, по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ—Данова: Самсонъ дѣйствуетъ почти одиноко, во главѣ развѣ незначительной толпы, быть можетъ, подобныхъ ему смѣльчаковъ (15, 4. 5). Быть можетъ, впрочемъ, имѣютъ здѣсь мѣсто и болѣе серьезныя соображенія. Филистимляне, какъ видно изъ дальнѣйшей ихъ исторіи, стоятъ въ это время вначалѣ своего цвѣтущаго періода, и очень возможно, что іудеи видятъ ихъ возрастающую силу и, руководясь благоразуміемъ, уступаютъ ихъ требованію относительно выдачи Самсона. Быть можетъ, и зависимость іудеевъ отъ филистимлянъ не особенно тяжела, не

смотря на непосредственную близость тѣхъ и другихъ. Филистимляне, говоритъ Берто, торговый народъ, для котораго важно было спокойное обладаніе своими торговыми городами на берегу моря и свободнымъ сообщеніемъ съ южно-азіатскими водными путями и съ азіатскою внутреннею странною, но не обладаніе граничащею съ ихъ низменностью горою Іуды и Ефрема. Ближайшаго водянаго пути, обоеухъ заливовъ Аравійско-египетскаго моря, они могли достигать, не соприкасаясь съ областями, занятыми израильтянами. Но ближайшую связь на сушѣ доставляла только дорога чрезъ іорданскую низменность при Беесаи въ Дамаскъ. Ее можно было достигать изъ филистимской земли или путемъ чрезъ ущелье при Михмасѣ¹⁾ прямо поперегъ горы Ефремовой или же нѣсколько болѣе длиннымъ обходомъ на сѣверъ чрезъ филистимскую низменность, чрезъ кисонову равнину и ворота, образуемая горою Гильбоа на югъ и склономъ галилейской возвышенности на сѣверѣ, ворота, которыя вели въ іорданскую низменность при Беесаи. Филистимляне ради своей торговли должны были заботиться объ открытыхъ дорогахъ между своимъ берегомъ и Дамаскомъ. Этимъ объясняется, что именно эти дороги, насколько онѣ шли чрезъ израильскую область, были театромъ жаркихъ войнъ между израильтянами и филистимлянами, тогда какъ ближе лежащая гора Іудина не такъ была подвержена нападеніямъ филистимлянъ²⁾. Такимъ образомъ и ближайшіе сосѣди-враги, филистимляне, болѣе опасны не іудеямъ, а другимъ колѣнамъ, чрезъ области которыхъ проходили нужныя для нихъ дороги. Здѣсь же мы видимъ

¹⁾ Мы видѣли уже, что путь при Михмасѣ очень труденъ и что былъ болѣе удобный путь съ юга на сѣверъ.

²⁾ Bertheau. Zur Geschichte der Israeliten zwei Abhandlungen. 1842 г. S. 181. И выше мы говорили уже и ниже скажемъ, что обладаніе въ частности областю колѣна Вениаманова съ ущельемъ михмасскимъ и дорогою при Ель-Бире важно было и для обладанія всею странною къ западу отъ Іордана, стремленія къ чему филистимляне нельзя отрицать.

и болѣе живое и организованное сопротивленіе филистимлянамъ; отсюда передается оно и іудеямъ и такимъ образомъ увлекаетъ ихъ въ общую жизнь израильскаго народа.— Такъ чрезъ весь почти періодъ судей іудеи дальше стоятъ отъ враговъ, слабѣе чувствуютъ ихъ давленіе, менѣе сознають потребность въ освобожденіи отъ нихъ, въ помощи для этого со стороны другихъ колѣнъ и вслѣдствіе всего этого стоятъ въ очень слабой, почти ни въ какой связи съ другими колѣнами, кромѣ Симеонова. Общее бѣдствіе отъ филистимлянъ, болѣе сильное и для нихъ, сравнительно съ другими бѣдствіями, связываетъ наконецъ и іудеевъ съ другими израильтянами; но послѣ столь продолжительнаго разъединенія они вступаютъ теперь въ составъ цѣлаго народа, нѣкоторымъ образомъ какъ бы новая составная его часть, и неудивительно поэтому, если въ дальнѣйшей исторіи Іуда какъ бы противопоставляется Израилю и для обозначенія всего народа израильскаго употребляется выраженіе: Израиль и Іуда.

Обособленность колѣна Іудина и стоящаго въ связи съ нимъ колѣна Симеонова отъ другихъ колѣнъ еще яснѣе будетъ, если мы представимъ, въ какихъ живыхъ отношеніяхъ стоитъ колѣно Ефремова, бывшее во главѣ колѣнъ средней группы, къ колѣнамъ одной съ нимъ группы, а также и къ колѣнамъ другихъ группъ, по крайней мѣрѣ, въ годы несчастій и освобожденій отъ нихъ. Отношенія самой средней группы къ другимъ группамъ видны уже достаточно изъ предшествующаго. Болѣе тѣсныя отношенія существуютъ, какъ мы видѣли, между средней и сѣверной и отчасти восточной. Причины этого, какъ тоже отчасти мы уже видѣли, именно въ срединномъ положеніи группы, слабой границѣ между нею и сѣверными колѣнами, бывшей къ тому же наиболѣе выгодной позиціей для врага, общіе враги и несомнѣнно особыя свойства стоящаго во главѣ ея колѣна Ефремова. Довольствуясь сказаннымъ относительно взаимнаго отношенія самыхъ группъ, остановимъ

вниманіе на отношеніи къ другимъ колѣнамъ колѣна Ефремова, стоящаго, какъ сказали, во главѣ средней группы. Отношенія эти совершенно противоположны отношеніямъ колѣна Іудина къ другимъ, показываютъ живое участіе къ судьбѣ другихъ колѣнъ, стремленіе быть во главѣ ихъ и ревность къ славѣ того или другаго изъ нихъ. Во время завоеванія Хаваана колѣно Ефремово занимаетъ руководственное положеніе среди другихъ колѣнъ: ему принадлежитъ главный вожь Израиля Іисусъ Навинъ. Ему наравнѣ съ Іудею достаются первые и наибольшіе участки въ завоеванной странѣ. Но его участокъ преимуществуетъ предъ всѣми. Онъ занимаетъ срединное положеніе въ ряду другихъ колѣнъ, наиболѣе очищенъ отъ прежнихъ жителей. Въ его предѣлахъ поставляется единственное законное и высшее святилище народное съ его величайшею святынею—ковчегомъ завѣта, а также и съ служащими при немъ священниками съ первосвященникомъ во главѣ. Здѣсь резиденція и самаго великаго вождя народа—Іисуса Навина. Здѣсь такимъ образомъ религиозный и политическій центръ израильскаго народа, какъ цѣлаго, и это тѣмъ болѣе, что наступившее позднѣе разъединеніе между колѣнами теперь еще слабо и только начинается. Главный городъ колѣна Ефремова, Сихемъ, нѣкоторымъ образомъ главный городъ всей израильской земли. Сюда Іисусъ Навинъ, въ послѣдніе годы своей жизни, созываетъ всѣ колѣна израилены и здѣсь возобновляетъ завѣтъ народа съ Іеговою, и къ прежде составленному памятнику, съ написаннымъ на немъ закономъ Господнимъ, на горѣ Геваль вблизи Сихема (Нав. 8, 30—32; ср. Втор. 27, 2—8), присоединяетъ другой, долженствующій быть свидѣтелемъ клятвеннаго обѣщанія народа служить вѣрно Іеговѣ, своему Богу (Нав. 24, 1—27). Въ періодъ судей колѣно Ефремово вступаетъ такимъ образомъ, имѣя позади себя уже славную исторію,—старое прошлое въ Египтѣ и недавнее выдающееся положеніе во время Іисуса Навина при завоеваніи и раздѣленіи страны. Въ періодъ

судей оно старается удержать за собою первенствующее положение и припимаетъ участіе во всѣхъ выдающихся его движеніяхъ. Аодъ-веніаминянь созываетъ борцовъ за свободу на горѣ Ефремовой и съ помощію ихъ поражаетъ моавитянъ (Суд. 3, 15. 27—30). На горѣ Ефремовой (по крайней мѣрѣ вблизи колѣна Ефремова)¹⁾ живетъ пророчица Девора, здѣсь же она поддерживаетъ священный огонь независимости и здѣсь воспламеняетъ къ борьбѣ со врагомъ Варака и ближайшихъ его спутниковъ. Возбуждаемое ею одушевленіе, распространяясь отсюда, охватываетъ нѣсколько колѣнъ и они, забывъ свою рознь и соединившись, дружно нападаютъ на врага. Правда, главная часть воиновъ состоитъ изъ нефоалимлянъ и завулоянъ, быть можетъ, наиболѣе страдавшихъ отъ врага (4, 6); но въ этой борьбѣ принимаютъ участіе и ефремляне, и веніаминяне, и манасситяне и иссахаряне (5, 14. 15). Колѣна Асирова, Данова, Рувимова и Гадова не принимаютъ участія въ этой борьбѣ за освобожденіе,—послѣднія два всего вѣроятнѣе потому, что и не страдали отъ этихъ враговъ. Но замѣчательно въ этомъ случаѣ то, что, по сознанию Деворы, и эти колѣна должны бы принимать участіе въ ней, и она укоряетъ ихъ за эту холодность къ общему дѣлу (16. 17). Такимъ образомъ, хотя на дѣлѣ чувство единства и сознаніе общности интересовъ и не проявляются вполне между всеми указанными выше колѣнами, но въ глубинѣ души они таятся и слабость ихъ оплачивается лучшими людьми того времени. Почти всѣ тѣ колѣна, которыя принимали участіе въ борьбѣ съ Іавиномъ, вступаютъ въ борьбу съ мадианитянами. Возбужденіе къ возстанію противъ этого врага выходитъ въ настоящій разъ изъ колѣна Манассиина; къ нему охотно присоединяются колѣна Завулоново, Нефоалимово, Ефремово и даже Аси-

¹⁾ „Между Рамою и Веоалемъ“ (Суд. 4, 5). Разумѣть ли подъ Рамою нѣкій ер-Ram или Ramallah (Guerin. Description... de la Palestine. Samarie t. I. p. 201; t. II. p. 41), во всякомъ случаѣ Девора живетъ въ области колѣна Веніаминова. Ewald. Geschichte II. S. 529.

рово, не участвовавшее въ прежней войнѣ (6, 35; 7, 24). Не упоминается здѣсь колѣво Иссахарово, но оно безъ сомнѣнія участвовало здѣсь, потому что театръ войны былъ на его территоріи. Колѣна заіорданскія и въ этой войнѣ не принимаютъ участія,—города Сокхоеъ и Пенуель отказываются даже дать пищу воинамъ Гедеона; но Гедеонъ считаетъ ихъ постоновъ достойнымъ строгаго наказанія (8, 5—9. 14—17). Въ исторіи этой войны замѣчательны два факта. Во первыхъ, Гедеонъ манасситянинъ обращается къ колѣву Ефремову съ приглашеніемъ принять участіе въ войнѣ за освобожденіе не вначалѣ ея, а лишь въ то время, когда врагъ былъ уже побѣжденъ и нужны были силы для окончательнаго его уничтоженія (7, 24). Въ чемъ причина этого, трудно рѣшить. Быть можетъ, въ ревности братскаго колѣна къ славы Ефрема, ревности, лежавшей, быть можетъ, въ основѣ и другаго дѣйствія Гедеона, также неблагоприятнаго, именно устройства имъ особаго эфода изъ пожертвованнаго ему народомъ золота (Суд 8, 27). Ревность же лежитъ, кажется, въ основѣ и другаго факта—сильной ссоры со стороны ефремлянъ изъ за того, что Гедеонъ не приглашаетъ ихъ къ началу битвы. Ефремляне хотятъ быть первыми среди борцовъ за свободу и не могутъ снести того униженія, что славное дѣло освобожденія совершено почти безъ ихъ участія. Только мягкая и нѣсколько льстивая рѣчь Гедеона можетъ смягчить ихъ раздраженіе (8, 1—3). Впрочемъ, униженіе это неполнѣе прощено Гедеону. По смерти его, сыновья его, въ числѣ 70 душъ, удерживаютъ нѣкоторымъ образомъ значеніе своего отца въ израильскомъ народѣ; вмѣстѣ съ этимъ, естественно, и колѣно Манассиино имѣетъ за собою нѣкоторое преимущество предъ другими колѣнами. Ефремляне, высказавшіе свое недовольство самому Гедеону, тѣмъ менѣе могутъ снести униженіе при его сыновьяхъ. И безъ сомнѣнія ревность побуждаетъ жителей Сихема, главнаго города колѣва Ефремова, стать на сторону Авимелеха, побочнаго сына Гедеона отъ наложницы изъ Сихема, дать

ему средства на борьбу съ своими братьями и потомъ, по умерщвленіи ихъ за исключеніемъ одного Юеама, провозгласить его своимъ царемъ (Суд. 9). Такимъ поступкомъ жители Сихема прежде всего освобождаютъ себя отъ подчиненія кому либо изъ другаго колѣна, а затѣмъ, быть можетъ, надѣются стать во главѣ и другихъ колѣнъ. Царская власть представляется въ это время силою, болѣе удовлетворяющею потребностямъ времени и обезпечивающею внутреннее единство и спокойствіе и внѣшнюю безопасность (Суд. 8, 22, 23). Царь изъ рода Гедеона, мужа, уважаемаго всѣмъ Израилемъ, и въ то же время отъ крови Ефремовой—идеаль, который увлекаетъ сихемлянъ. Но жажда господства надъ другими колѣнами не можетъ помириться съ собственнымъ подчиненіемъ своему царю,—и царь ихъ падаетъ отъ ихъ собственной руки. Позднѣе, выдающееся положеніе ефремлянъ сознается и другими колѣнами и заявляется съ крайнею притязательностью самими ими. Аммонитяне сильно тѣснятъ израильтянъ, особенно заіорданскихъ. Иефеай, избранный жителями Галаада въ предводители ихъ войска, прежде чѣмъ начать борьбу съ аммонитянами, обращается за помощію къ ефремлянамъ; но эти почему то не подаютъ требуемой помощи (12, 2, 3), быть можетъ, просто потому, что галаадитяне избрали полководцемъ Иефеая, не спросясь ихъ¹⁾,—видя въ этомъ поступкѣ галаадитянъ оскорбленіе своихъ правъ. Раздраженіе ихъ усиливается еще болѣе, когда и безъ ихъ помощи одержана блистательная побѣда надъ врагами. Доселѣ они такъ или иначе всегда участвовали въ борьбѣ за свободу. Гедеонъ особенно выставлялъ ихъ заслуги. Самы они, вѣроятно, думали, что безъ ихъ участія невозможно никакое счастливое сраженіе съ врагомъ; теперь самымъ дѣломъ разрушалось ихъ пріятное заблужденіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ ослаблялся ихъ авторитетъ. Они не держиваютъ себя и грубо требуютъ отъ Иефеая отчета:

¹⁾ Keil. Bibl. Commentar. Das Buch der Richter. S. 302.

„для чего ты ходилъ воевать съ аммонитянами, а насъ не позвалъ съ собой? мы сождемъ домъ твой и съ тобою вмѣстѣ (12, 1)“^а. На этотъ разъ ссора оканчивается не такъ благополучно, какъ при Гедеонѣ: Иефеай, сознавая свою справедливость и раздраженный рѣзкостью словъ ефремлянъ, вступаетъ съ ними въ жестокую междоусобную войну, и война оканчивается полнымъ пораженіемъ ефремлянъ и гибелью сорока двухъ тысячъ изъ нихъ (Суд. 12). Значительная потеря лучшихъ силъ ослабляетъ колѣно Ефремово. И въ дальнѣйшей исторіи мы не видимъ съ его стороны долго такихъ рѣзкихъ, какъ прежде, заявленій своихъ притязаній на первенство среди другихъ колѣнъ. Но это не значитъ, что оно и совсѣмъ отъ нихъ отказалось. Слѣды ихъ можно видѣть и позднѣе, и имъ благопріятствуетъ сама дальнѣйшая исторія. Позднѣе мы видимъ и судью, Авдова шираеонянина, изъ колѣна Ефремова (12, 13—15).

Такъ почти во весь періодъ судей (до времени Илія) мы видимъ въ Израилѣ къ западу отъ Іордана среди общаго раздѣленія колѣнъ дѣленіе ихъ на три группы,—и въ этомъ дѣленіи болѣе общее дѣленіе на двѣ неравныя половины. Съ одной стороны колѣно Іудино вмѣстѣ съ Симеоновымъ, замкнутое отъ всѣхъ другихъ, менѣе тревожимое врагами и какъ бы равнодушное къ ихъ притѣсненіямъ. Съ другой остальные колѣна,—связь съ которыми иногда сознаютъ, хотя почти никогда не проявляютъ этого сознанія на дѣлѣ, заіорданскія колѣна,—на своихъ плечахъ вынесшія всю тяжесть періода судей. Большею частью и эти колѣна живутъ разрозненно; но бѣдствія отъ враговъ, постигавшія обыкновенно нѣсколько изъ этихъ колѣнъ, пробуждаютъ въ нихъ сознаніе своего единства; счастливья войны съ врагами укрѣпляютъ это сознаніе, которое потому иногда сильнѣе, иногда слабѣе и проявляется ими на дѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ среди всѣхъ этихъ колѣнъ Ефремово колѣно занимаетъ болѣе видное мѣсто и играетъ болѣе видную роль,

иногда будучи признаваемо въ этомъ его значеніи и другими колѣнами, а иногда и само рѣзко и грубо заявляя о немъ своими притязаніями.

Такое разъединенное или, лучше, раздвоенное положеніе западныхъ колѣвъ Израиля продолжается до подчиненія его филистимлянами. Филистимляне подчиняютъ себѣ и южный и средній Ханаанъ и тѣмъ порывають существовавшее доселѣ разъединеніе между іудеями и остальными израильтянами. При этомъ объединеніи колѣвъ колѣно Ефремова не играетъ по видимому никакой роли; но всетаки главныя движенія этого времени выходятъ изъ области этого колѣва, отъ лицъ, принадлежащихъ къ нему, если не по своему происхожденію, то по мѣсту своего жительства постоянного или первоначальнаго. Естественно предположеніе, что и первые и ближайшіе сподвижники этихъ лицъ — ефремляне, и во всякомъ случаѣ такъ или иначе вниманіе всѣхъ колѣвъ обращено и въ это время на колѣно Ефремова и позднѣе на колѣно Веніаминово, родственное и всегда дотолѣ стоявшее съ нимъ въ тѣсной связи.

Начало болѣе прочному объединенію западныхъ колѣвъ, со включеніемъ и южной группы, прежде стоявшей внѣ связи съ другими, полагаетъ, какъ мы замѣтили, филистимское иго. Одновременное съ нимъ иго аммонитское привлекаетъ къ этому единству и колѣна заіорданскія. Неизвѣстно, какъ далеко филистимляне распространили свою власть на первыхъ порахъ. Мы видѣли, что во дни Самсона имъ подчинены были іудеи, конечно, вмѣстѣ съ симеонитянами и даняне. Пока господство ихъ ограничивалось, быть можетъ, этими колѣнами, оно не встрѣчало сильнаго отпора со стороны израильтянъ. Самсонъ изъ колѣна Данова былъ одинъ или почти одинъ борцомъ за свободу; іудеи равнодушно относились къ рабству. Но вотъ филистимляне скоро распространяють свое господство и на другія колѣва. При Иліи и Самуилѣ они владѣютъ уже и колѣномъ Веніаминовымъ (1 Цар. 7, 11. 12. 14). Быть можетъ, господство ихъ въ это время простирается даже до долины изреель-

ской¹⁾, обладаніе которою для нихъ было важно. Въ такомъ случаѣ филистимляне распространяють свое господство на южный и средній Ханаанъ, слѣдовательно и на тѣ колѣва, которыя прежде такъ часто и такъ успѣшно сражались за свою свободу. Отъ этихъ колѣвъ и прежде всего, кажется, отъ колѣва Ефремова или изъ его области, выходитъ и теперь возбужденіе народа къ сверженію чужеземнаго ига и

¹⁾ Во дни Иліи филистимляне, выступивъ противъ Израиля, располагаются при Афекѣ, израильтяне же при Авен-езерѣ (1 Цар. 4, 1). Подъ Авен-езеромъ разумѣютъ обыкновенно мѣстность, получившую свое названіе позднѣе отъ памятника, поставленнаго здѣсь Самуиломъ. А такъ какъ этотъ Авен-езеръ находился гдѣ-либо недалеко отъ Массифы (1 Цар. 7, 11. 12) въ колѣвѣ Веніаминовомъ (Нав. 18, 26), то здѣсь гдѣ-либо недалеко отъ Массифы находился, полагають, и Афекъ. Кейль. Bibl. Comm. Die Bücher Samuels. S. 40. Келеръ полагаетъ его къ сѣверо-западу отъ Іерусалима. Lehrbuch II. S. 106. Раурмеръ — въ колѣвѣ Іудиномъ (Нав. 15, 53). Palästina S. 170. Но основаніе указывать мѣстоположеніе Афева недалеко отъ Массифы, кажется, не сослѣдуетъ. Авен-езеръ, въ 1 Цар. 7, 11. 12, не мѣстность, а камень, поставленный послѣ побѣды на томъ мѣстѣ, гдѣ преслѣдованіе врага было совершенно окончено; тогда какъ въ 1 Цар. 4, 1 Авен-езеръ долженъ быть какою-нибудь селеніемъ и при томъ существующимъ уже при Иліи. Поэтому, быть можетъ, небезосновательно Берто видитъ въ Афекѣ, при которомъ расположились станомъ филистимляне, Афекъ въ долинѣ изреельской, или, какъ онъ говоритъ, въ равнинѣ кисоновой (Zur Geschichte S. 283). Въ пользу этого предположенія говорить то, что филистимляне и позднѣе располагали свой станъ при Афекѣ и именно въ долинѣ изреельской (1 Цар. 29, 1; 28, 4). Такимъ образомъ Афекъ былъ бы избранною счастливою ихъ позиціею; напротивъ, израильтяне, проигравъ сраженіе на первой позиціи, хотя и знаменательной по своему имени — Авен-езеръ — камень помощи, перемѣнили ее на новую — у источника, что при Изреельѣ. Возраженіемъ противъ этого мѣстоположенія Афева не можетъ быть и то, что филистимляне въ это время (при Иліи) уже слишкомъ далеко распространили бы свое господство: война съ ними при Иліи была не вначалѣ ихъ господства. Въ пользу предположенія о распространеніи господства филистимлянъ далеко на сѣверъ, около этого времени, могутъ говорить другія извѣстія. Именно, у Іустина есть рассказъ о томъ, что Тиръ основанъ на островѣ послѣ пораженія повсѣннаго сидонянами отъ аскалонскаго царя. По расчету Моверса основаніе или расширеніе островнаго Тира должно падать на 1209-й годъ до Р. Хр., за 100 лѣтъ до Іефая. Das Phönizische Alterthum. I Th. S. 315—316. Гретцъ, напротивъ, и пораженіе сидонянъ со стороны аскалонскаго царя и основаніе Тира относитъ ко времени Самуила: ранѣе этого времени филистимляне не имѣли царя, а позднѣе, во время Давида, встрѣчается уже тирскій царь (Хирамъ). Graetz. Geschichte der Juden. Leipzig. 1874. S. 162.

здѣсь находить оно болѣе воспримчивую почву. Общее горе причиною того, что и давяне, прежде возставшіе противъ него въ лицѣ Самсона, теперь плотнѣе группируются; теперь и іудеи, прежде равнодушные къ нему, примыкаютъ къ общему движенію. Отселѣ мы видимъ ихъ среди другихъ израильтянъ, или по крайней мѣрѣ отселѣ уже нѣтъ рѣчи о дѣятельности того или другаго колѣна, или тѣхъ или другихъ,—но рѣчь вездѣ объ Израилѣ, о всемъ домѣ Израилевомъ, о всѣхъ израильтянахъ (1 Цар. 4, 1; 7, 2. 3. 5. 7. 8; 8, 4 и др.). И всетаки болѣе прочная инициатива борьбы съ филистимлянами, болѣе дѣятельное участие въ ней, принадлежитъ, кажется, колѣну Ефремову и стоящему въ тѣсной связи съ нимъ колѣну Вениаминову, слѣдовательно тѣмъ колѣнамъ, одно изъ коихъ (Ефремово) и прежде такъ часто становилось или стремилось стать во главѣ другихъ колѣнъ. Мы заключаемъ объ этомъ изъ слѣдующаго. Болѣе энергическое сопротивленіе филистимлянамъ со стороны израильтянъ начинается со времени первосвященника Илія. Появленіе первосвященника въ качествѣ судьи имѣетъ важное значеніе вообще въ исторіи израильскаго народа. Не принадлежа, такъ сказать, ни одному колѣну израильскому исключительно,—колѣно Левіино было разсѣяно по всѣмъ колѣнамъ израильскимъ,—будучи теократическимъ представителемъ всего народа вообще и ходатаемъ его предъ Богомъ, судья-первосвященникъ легче могъ объединить между собою всѣ колѣна израилевы и въ политическомъ отношеніи, объединяя ихъ прежде всего въ религиозномъ; самое появленіе его въ качествѣ судьи можетъ свидѣтельствовать нѣкоторымъ образомъ о начавшемся уже среди израильскаго народа сознаниіи необходимости болѣе тѣснаго внутренняго объединенія. Такъ мы можемъ уже предполагать въ народѣ больше единства и больше готовности къ страженію общаго врага. Но по первоначальному мѣсту своей жизни и дѣятельности Илій принадлежитъ, кажется, колѣну Вениаминову. Здѣсь и, конечно, прежде всего во главѣ ве-

ниаминянъ и, быть можетъ, ефремлянъ, онъ или самъ предпринимаетъ борьбу или возбуждаетъ другихъ къ борьбѣ съ филистимлянами и такимъ образомъ становится судьей народа. Ставши судьей, становится потомъ и первосвященникомъ¹⁾. Какъ первосвященникъ, онъ живетъ при скинии въ Силомѣ, въ колѣнѣ Ефремовомъ (1 Цар. 4, 3. 4. 12. 13). Съ этого времени его патриотическія увѣщанія, конечно, прежде всего и слышнѣе доходятъ до жителей колѣна Ефремова, и, конечно, они болѣе всѣхъ другихъ откликаются на его зовъ.

Большимъ блескомъ и славою окружаетъ Ефрема Самуилъ. Левитъ по своему происхожденію (1 Цар. 6, 22—28; 33—38), онъ по мѣсту, быть можетъ, рожденія и первыхъ лѣтъ своей дѣятельности принадлежитъ колѣну Ефремову. Еще на закатѣ дней Илія онъ дѣлается извѣстнымъ всему израильскому народу. Въ немъ является народу то, что было рѣдко въ тѣ дни,—открывается слово Воже (1 Цар. 3, 1. 21). И „весь Израиль отъ Дана до Вирсави“ узнаетъ, „что Самуилъ удостоенъ быть пророкомъ Господнимъ“ (1 Цар. 3, 20). Безъ сомнѣнія, многіе изъ среды его приходятъ къ мѣсту дѣятельности этого пророка—взглянуть на него и послушать его. Упорная война съ филистимлянами въ концѣ жизни Илія, хотя и окончившаяся несчастнымъ поражениемъ израильтянъ и даже павненіемъ ковчега завіта, хотя отчасти, плодъ вліянія его на весь народъ (1 Цар. 4, 1). По смерти Илія онъ становится во главѣ народа. Обстоя-

¹⁾ По мнѣнію большинства, Илій первый изъ рода Иеамара былъ первосвященникомъ,—доселѣ первосвященники были изъ рода Елеазара (Иос. Флав. Antiqu. V, 11. 5. Köhler. Lehrbuch. II. S. Душеполезное Чтеніе. 1872. Кн. 7. Стр. 240),—и именно благодаря своему участию въ борьбѣ съ филистимлянами. Ewald. Geschichte II. S. 578. Что до священства онъ жилъ въ колѣнѣ Вениаминовомъ, можно заключать отрицательно изъ того, что въ Силомѣ жила, по всей вѣроятности, только служащіе священники,—положительно изъ того, что Авіааръ первосвященникъ, потомокъ Илія, удаленный Соломономъ отъ должности, посылается въ Анаевъ на „свое поле“, т. е. въ городъ, гдѣ прежде жили его предки,—а Анаевъ принадлежалъ колѣну Вениаминову (3 Цар. 2, 26. 27. Нав. 21, 4. 10. 17. 18).

тельства, какъ нельзя лучше, благопріятствуютъ его дѣятельности. Сознаніе національнаго единства уже пробудилось въ народѣ; сознавали хотя и слабо и то, что причина бѣдствій въ отпаденіи отъ Іеговы (4, 3). Самуилу нужно поддержать, очистить и еще болѣе усилить это сознаніе. Въ этомъ и состоитъ главная дѣятельность Самуила, имѣющая своимъ слѣдствіемъ полное обращеніе народа къ Іеговѣ (7, 3. 4) и внутреннее объединеніе всѣхъ колѣнъ между собою, за которымъ слѣдуетъ и внѣшнее. Прежде всего объединяются, конечно, колѣна, страдающія подъ филистимскимъ рабствомъ, которое охватываетъ весь южный и средній Ханаанъ. Іуда съ Симеономъ, такъ долго стоявшія внѣ общенія съ другими колѣнами, теперь живутъ общою съ ними жизнію (1 Цар. 8, 2). Колѣна сѣверныя также принимаютъ участіе въ общей жизни народа (3, 20). Даже колѣна заіорданскія, которыя менѣе всего опасаются филистимлянъ, но которымъ грозитъ бѣда отъ аммонитянъ, теперь ищутъ помощи у западно-іорданскихъ своихъ соплеменниковъ и вмѣстѣ съ ними разсуждаютъ объ общихъ нуждахъ народа (1 Цар. 12, 12; ср. 11, 1). Но главный центръ этой общей жизни тѣ колѣна, среди которыхъ дѣйствуетъ лично Самуиль, — колѣна Веніаминаво и Ефремово. Изъ области этого послѣдняго происходитъ отецъ Самуила. Здѣсь въ Силомѣ при скнпніи самъ Самуиль проводитъ первые годы своей жизни; отсюда распространяется молва о немъ, какъ пророкѣ Божіемъ, и здѣсь уже начало его общественной дѣятельности. И послѣ смерти Ілія, во время своей общественной дѣятельности, онъ, быть можетъ, лично посѣщаетъ колѣно Ефремово¹⁾. Благодаря всему этому, ефре-

¹⁾ Городъ Галгалъ, который посѣщалъ Самуиль наряду съ Веелемъ и Массифою, Кейль отождествляетъ съ Галгаломъ, упоминаемымъ въ 4 Цар. 2, 1; 4, 38, и указываетъ его мѣстоположеніе въ колѣнѣ Ефремовомъ въ юго-западѣ отъ Силома почти въ одинаковомъ разстояніи отъ Іерусалима и Сихема на горѣ, гдѣ находится теперь большая деревня Жильжуле (Dschildschilia). Кейль. Das Buch Iosua. S. 67. Die Bücher Samuels. S. 57. 58. Но большинство касав-

ляне могутъ принимать дѣятельное участіе въ движеніяхъ того времени и не только въ первые, но и въ послѣдніе годы дѣятельности Самуила, какъ судьи. Но главнымъ центромъ дѣятельности послѣдняго, по смерти Ілія, становится колѣно Веніаминаво. Послѣ плѣненія ковчега завѣта филистимлянами и по смерти Ілія, Самуиль оставляетъ Силомъ и поселяется въ Рамѣ. Отсюда онъ предпринимаетъ свои просвѣтительныя и судоразбирательныя путешествія преимущественно по городамъ колѣна Веніаминаво, — сюда онъ возвращается изъ этихъ путешествій; здѣсь его домъ, здѣсь онъ судитъ Израиля, здѣсь онъ построилъ и жертвенникъ Господу (1 Цар. 7, 16. 17); здѣсь организована и первая пророческая школа или союзъ пророковъ (1 Цар. 19, 18—24). Такое сосредоточеніе дѣятельности Самуила преимущественно въ колѣнѣ Веніаминавомъ объясняется достаточно изъ положенія этого колѣва среди другихъ колѣнъ и внѣшнихъ обстоятельствъ того времени. Мы уже говорили выше, что ко времени Самуила филистимляне распространяютъ свое господство на южный и средній, а быть можетъ и сѣверный Ханаанъ. Для удержанія за собою власти надъ среднимъ и южнымъ Ханааномъ колѣно Веніаминаво представляетъ самую удобную позицію. Съ одной стороны по нему проходитъ указываемая нами выше раздѣлительная линия между той и другой частями страны Ханаана; съ другой та и другая именно въ области этого колѣна имѣютъ болѣе удобный путь для соединенія. Въ томъ и другомъ отношеніи колѣно Веніаминаво было весьма важно для того, кто обладалъ или хотѣлъ обладать всѣмъ Ханааномъ. „Веніаминъ стоитъ стражемъ между двумя большими колѣнами (Ефремовымъ и Іудинимъ), говоритъ Гофманъ; ему ввѣренъ важ-

щихъ этого предмета ученыхъ отождествляютъ Галгалъ, посѣщаемый Самуиломъ, съ Галгаломъ въ долинѣ іорданской вблизи Іерихона. Такъ Келеръ, Lehrbuch. II. S. 125; Раумеръ, Palästina. S. 196; Геренъ, Description... Samarie t. I. p. 121.

ный ключ: онъ стражъ важнѣйшихъ ущелій съ обѣихъ сторонъ¹⁾. Такимъ важнымъ географическимъ значеніемъ колѣна Вениаминова объясняется то, что территория этого колѣна играетъ важную роль въ исторіи борьбы за обладаніе Ханааномъ во всѣ времена²⁾. Филистимляне хорошо сознаютъ важное въ стратегическомъ отношеніи значеніе горъ и ущелій Вениаминовыхъ и въ своемъ стремленіи держать въ своей власти израильтянъ стараются главнымъ образомъ овладѣть тѣми горами и ущельями. Борьба Израиля съ филистимлянами сосредоточивается преимущественно на территории колѣна Вениаминова и въ частности около его горъ и ущелій на указанной нами линіи, — такъ при Самуилѣ (Цар. 7, 5—12), при Саулѣ (гл. 13, 14) и Давидѣ (5, 25). Въ колѣнѣ Вениаминовомъ и именно вблизи указанной нами линіи филистимляне имѣютъ свой наблюдательный постъ и во время перемирій съ Израилемъ (Цар. 10, 5; 13, 3). Но гдѣ трупъ, тамъ и орлы. Мы знаемъ уже, что колѣна, наиболѣе страдавшія отъ враговъ, давали изъ себя и освободителей отъ нихъ. Такъ и теперь. Колѣно Вениаминово становится центромъ господства филистимлянъ надъ Израилемъ. Въ немъ по преимуществу сосредоточиваются и силы послѣднихъ для отраженія первыхъ, — изъ его области и изъ него самаго происходятъ и первые освободители Израиля изъ руки филистимлянъ³⁾. Раму, городъ этого колѣна, Самуилъ избираетъ мѣстомъ своего постоянного жительства, — города этого колѣна Веилъ и Массифу посѣщаетъ онъ изъ года въ годъ и судить Израиля во всѣхъ сихъ мѣстахъ (Цар. 7, 16, 17), т. е., какъ не совсѣмъ безосновательно объясняетъ Гретцъ, разбираетъ тяжбы жителей этихъ и окрестныхъ мѣстъ, обличаетъ и убѣждаетъ ихъ

¹⁾ Hoffmann. Blicke in die früheste Geschichte des gelobten Landes. S. 128.

²⁾ См. выше, стр. 29—45.

³⁾ И колѣна Даново и Иудино, ближе соприкасавшіяся съ филистимлянами, дали изъ себя борцовъ противъ нихъ, первое — Самсона, второе — Давида.

оставить идолопоклонство и чрезъ то укрѣпляетъ ихъ для борьбы съ филистимлянами (1 Цар. 7, 3)¹⁾. И дѣятельность его не остается бесплодною. „И удалились сыны израильтевы Вааловъ и Астартъ и стали служить одному Господу“. „Весь домъ израильтевъ обратился къ Господу“ (1 Цар. 7, 4, 2). За обращеніемъ къ Іеговѣ и слѣдовательно внутреннимъ усиленіемъ и объединеніемъ Израиля слѣдуетъ и вѣдшее его усиленіе и объединеніе. Всѣ израильтяне собираются въ Массифу, позову Самуила, и всѣ поражаютъ, при помощи Божіей, филистимлянъ (1 Цар. 7, 5, 6, 10, 11). Но пораженіемъ этимъ еще не оканчивается война съ филистимлянами; она продолжается до тѣхъ поръ, пока израильтяне не возвращаютъ городовъ, отнятыхъ у нихъ филистимлянами (13, 14).

Пока Самуилъ и именно одинъ стоитъ во главѣ израильскаго народа, какъ судья²⁾, филистимляне не осмѣливаются вторгаться въ предѣлы израильскіе (1 Цар. 7, 13, 14), хотя, конечно, ихъ враждебныя чувства къ израильтянамъ и желаніе вторгаться въ ихъ предѣлы не прекращаются; они ожидаютъ лишь болѣе благоприятнаго случая для ихъ проявленія. Ждать его долго не приходится. Самуилъ старѣетъ и не въ силахъ уже стоять одинъ во главѣ народа. Для облегченія себя онъ привлекаетъ къ участию въ своей дѣятельности своихъ сыновей и ставитъ ихъ судьями въ Вирсавіи, на окраинѣ, удаленной отъ центра дѣятельности

¹⁾ Graetz. Geschichte. V. I. S. 410—412.

²⁾ Такъ, кажется, нужно понимать мѣсто: „и была рука Господня на филистимлянахъ во всѣ дни Самуила (1 Цар. 7, 13). Выраженіе *כָּל יְמֵי שְׁמוּאֵל* не тождественно съ выраженіемъ *כָּל יְמֵי יִשְׂרָאֵל* въ ст. 15. Въ послѣднемъ мѣстѣ рѣчь о томъ, что дѣлалъ Самуилъ, пока продолжались дни его жизни; въ первомъ, напротивъ, о томъ, что испытывалъ Израиль, пока существовали для него дни Самуила. А эти прекратились для Израиля, когда Самуилъ пересталъ стоять одинъ во главѣ общества. Это произошло во всякомъ случаѣ съ того времени, когда Саулъ занялъ это положеніе, и отчасти съ того, когда Самуилъ упоночиль своихъ сыновей продолжать его призваніе. Köhler. Lehrbuch. II. S. 124.

самого его и въ то же время непосредственно соприкасавшейся съ землею филистимскою¹⁾. Но новые судьи не оправдываютъ намѣреній ихъ отца и ожиданій народа (1 Цар. 8, 1—3) и такимъ образомъ не обеспечиваютъ свободы народа отъ внѣшнихъ враговъ и внутренняго его благосостоянія въ будущемъ. Между тѣмъ филистимляне скоро замѣчаютъ слабость Самуила, а чрезъ то и Израиля, и съ большою силою снова устремляются на послѣдняго. Не извѣстно, какъ это произошло, но несомнѣнно, что еще до воцаренія и на первыхъ порахъ послѣ воцаренія Саула израильтяне находятся въ зависимости отъ филистимлянъ. Эти послѣдніе имѣютъ въ землѣ израильской свои гарнизоны,—по крайней мѣрѣ одинъ извѣстень (1 Цар. 10, 5; 13, 3). Израильтяне обязаны не имѣть у себя кузнецовъ; даже съ простою желѣзною работою нужно имъ обращаться къ филистимлянамъ (13, 19—21). И, наконецъ, нѣкоторые изъ евреевъ, очевидно, изъ пограничныхъ съ филистимлянами колѣвъ должны даже вмѣстѣ съ послѣдними сражаться противъ своихъ единоплеменниковъ (14, 21). Эти два послѣдніе факта встрѣчаются собственно въ первые годы царствованія Саула, но, нужно полагать, начало ихъ относится еще ко времени Самуила. Къ порабощенію западныхъ колѣвъ со стороны филистимлянъ присоединяется еще порабощеніе, уже начавшееся или только еще угрожающее, восточныхъ со стороны аммонитянъ (1 Цар. 12, 12). Такое зависимое положеніе одной части народа и грозящая опасность другой съ одной стороны и, въ виду проявившихся уже недостатковъ сыновей Самуила, худое обезпеченіе лучшаго въ будущемъ съ другой заставляютъ естественно народъ израильскій подумать о болѣе серьезныхъ и осязательныхъ мѣрахъ къ обезпеченію своего будущаго. Руководствомъ при выборѣ и оцѣнкѣ такихъ средствъ могъ служить и дѣй-

¹⁾ По Иосифу Флавію Самуилъ поставляетъ своихъ сыновей судьями—одного въ Веилѣ, а другаго въ Вирсави. Antiquit. VI, 3. 2.

ствительно служить ему продолжительный и тяжелый опытъ періода судей. Исторія этого періода до осязательности ясно устанавливаетъ два факта: 1) порабощеніе со стороны враговъ слѣдуетъ за отпаденіемъ отъ Іеговы и разъединеніемъ колѣвъ; 2) обращеніе къ Іеговѣ и большее или меньшее, вообще впрочемъ частичное, объединеніе колѣвъ сопровождаются освобожденіемъ отъ врага. Но та же исторія научаетъ усвоить большее значеніе въ частой перемѣнѣ судебъ Израиля въ это время религіи,—вѣрности или невѣрности Іеговѣ: освобожденію отъ врага обыкновенно предшествуетъ обращеніе къ Іеговѣ, а объединеніе политическое почти всегда не обнимаетъ всѣхъ колѣвъ. Сообразно съ этимъ послѣднимъ опытомъ лучшіе люди въ Израилѣ, для обезпеченія политическаго благосостоянія своего народа, направляютъ свои усилія на распространеніе и укрѣпленіе въ народѣ истиннаго богопознанія и богопочтенія и благочестія. Такого характера дѣятельность Самуила,—такова, безъ сомнѣнія, дѣятельность и того сонма пророковъ (1 Цар. 10, 5; 19, 20), во главѣ котораго онъ стоитъ. И общее положеніе дѣлъ оправдываетъ благотворность той дѣятельности и для политики. Сила религіи—сила дѣйствительная, но внутренняя, невидимая, требуетъ отъ человѣка постояннаго бодрствованія надъ собою и отреченія отъ удовольствій и наслажденій, такъ дорогихъ для восточнаго жителя и такъ обязательно предлагаемыхъ языческими (восточными) религіями. Неудивителенъ поэтому образъ дѣйствій большинства Израиля. И это большинство сознаетъ, гдѣ главный источникъ бѣдствій и подъ гнетомъ бѣдствій обращается къ религіи за помощію. Но оно сознаетъ и то, что самъ по себѣ Израиль слабъ, не можетъ постоянно держаться на высотѣ своей религіи—и тѣмъ обезпечивать благосостояніе своего будущаго. Быть можетъ, дѣло будетъ лучше, если надъ нимъ будетъ стоять сила внѣшняя, принудительная. Нужно думать, такое соображеніе, по крайней мѣрѣ отчасти, останавливало вниманіе большинства Израиля на

другомъ фактѣ, данномъ исторіею періода судей. Да и вообще, легче сваливать съ себя вину на вѣшнія обстоятельства. Вина поработцевъ въ разъединеніи, вина разъединенія въ отсутствіи вѣшной единой политической власти; объединеніе, хотя и неполное, появленіе во главѣ народа единого вождя, центра, ведетъ обыкновенно къ освобожденію. Слѣдовательно, для обезпеченія политическаго благосостоянія и могущества необходима вѣшняя, единая, политическая власть. Такъ, конечно, заключаетъ и того желаетъ большинство Израиля, современнаго Самуилу. При тогдашнихъ обстоятельствахъ вѣшная политическая власть — олицетвореніе, воплощеніе внутренняго единства, достигнутаго народомъ, благодаря дѣятельности Самуила и вѣшнимъ бѣдственнымъ обстоятельствамъ; и такъ какъ объединеніе охватываетъ весь народъ, то вѣшная политическая власть требуется единая для всего народа.

Характеръ этой власти опредѣляется также современными обстоятельствами, прежде всего, у другихъ сосѣднихъ народовъ. Поработители евреевъ всѣ имѣютъ у себя царей, — сильны противъ нихъ потому, что ихъ силы сосредоточены въ рукахъ одного вождя. Около времени Самуила царская власть вводится и у тѣхъ народовъ, которые доселѣ ея не имѣли. Такъ около этого времени она появляется у филистимлянъ. Во время Иліа говорится только о князьяхъ филистимскихъ (1 Цар. 6, 4); во время же Саула встрѣчается царь геоскій (21, 10; 27, 2), — на ряду съ нимъ, впрочемъ, стоятъ и князья филистимскіе, и голоса ихъ царь слушаетъ. Около этого времени царская власть появляется и у тирянъ, ставшихъ теперь во главѣ финикійскихъ государствъ. Самуилъ, по представленію Исуса, сына Сирахова, ведетъ счастливыя войны за освобожденіе израильтянъ еще съ князьями тирскими (Сир. 46, 21)¹⁾. Но уже при жизни его,

¹⁾ Ἐξέτριψεν ἡγεμόνας Τυρίων. Это извѣстіе въ первой своей половинѣ не подтверждается прямо библейскою исторіею: изъ нея ничего не видно о какой

одновременно съ первыми царями еврейскими, является въ первый разъ Авиваалъ, отецъ извѣстнаго царя Хирама, въ качествѣ царя тирскаго. Кажется, замѣчаетъ по этому случаю Моверсъ, онъ первый царь тирскій, и въ то самое время, когда и израильтяне вмѣсто прежнихъ судей избираютъ себѣ царя, древнее достоинство суффетовъ замѣняется царскимъ пурпуромъ. Гегемоническія отношенія финикіянъ позволяютъ предполагать съ большею вѣроятностію, что при преобразованіи древней формы правленія въ Тирѣ имѣлись въ виду тѣже побудительныя причины, которыя заставили и Израиля перемѣнить форму правленія: именно разрозненность племенъ и поэтому слабость въ отношеніи къ государствамъ сосѣднихъ народовъ, болѣе объединенныхъ подъ царскою властію¹⁾. Такимъ образомъ во время Самуила идея царской власти носится, такъ сказать, въ воздухѣ. Подъ вліяніемъ, конечно, этого духа времени самое судейство израильское дѣлаетъ попытки выйти изъ обычной его колеи и усвоить себѣ вѣчто изъ принадлежащаго царской власти. Приобрѣтаемое личнымъ такимъ или инымъ подвигомъ и не передаваемое по наследству, оно при Самуилѣ именно какъ бы хочетъ сдѣлаться наследственнымъ (Цар. 8, 1. 2). Не будь его сыновья, ничего лично не сдѣлавшіе для того, чтобы быть судьями, не

либо войнѣ Самуила или израильтянъ при Самуилѣ съ тирянами; но оно заключаетъ въ себѣ признаки дѣйствительно историческаго сказанія и согласно съ исторіею и финикійскою и израильскою. Согласно съ первою оно говоритъ о войнѣ Самуила съ тирянами, а не вообще съ финикіянцами: именно тогда государство тирское — самое могущественное изъ другихъ финикійскихъ государствъ; говоритъ о войнѣ съ князьями тирскими: въ то время тиряне дѣйствительно управлялись еще не царями, а двумя суффетами. Согласно оно, нѣкоторымъ образомъ, и съ библейскою исторіею: не говоря прямо о войнѣ Самуила съ тирянами, послѣдняя мимоходомъ сообщаетъ о притѣсненіяхъ израильтянъ со стороны сидонянъ въ періодъ судей (Суд. 10, 12). Movers. Das Phönizische Alterthum. Th. I. S. 319. 320.

¹⁾ Ibidem. 190. 322. Моверсъ опирается на отрывки изъ Менаандра и Діа, сохраненные I. Флавіемъ, гдѣ отецъ Хирама называется Авивааломъ. Antiquit. VIII. 5. 3. Гретцъ также признаетъ отца Хирамова первымъ тирскимъ царемъ, но, основываясь на Санхоніаотѣ, называетъ его Баргофасомъ. Graetz. Geschichte der Juden. B. I. 162.

будь они корыстолюбивы и несправедливы, ходи они путями своего отца (ст. 3), кто знает?—быть может, они удержали бы свое достоинство и по смерти своего отца и даже распространили бы свою власть на весь народъ. Но они не ходили путями отца своего, Самуила, уклонились въ корысть, брали подарки и судили превратно (1 Цар. 8, 3), и тѣмъ не обеспечивали единства и благосостоянія народа въ будущемъ. Въ виду этой необезпеченности, опаснаго положенія со стороны враговъ и въ виду того, что эти враги имѣютъ и вводятъ у себя царскую власть, Израиль и самъ рѣшается ввести такую же власть и у себя, „какъ у прочихъ народовъ“ (1 Цар. 8, 5), чтобы быть имъ, „какъ прочіе народы“ (20).

Идея царской власти не была совсѣмъ чужда израильскому сознанию. Уже Аврааму дано было обѣтованіе, что изъ него произойдутъ цари (Быт. 17, 6. 16); это обѣтованіе было повторено потомъ Иакову (35, 11). Моисей, законодатель Израиля, предвидитъ возможность поставленія послѣднимъ царя у себя и даетъ правила относительно того, кто можетъ быть царемъ въ Израиль и какъ долженъ вести себя царь (Втор. 17, 14—20). Самъ онъ, безъ сомнѣнія, какъ вождь, законодатель и верховный судья, называется царемъ (Втор. 33, 5). Еще прежде времени Самуила есть попытки ввести царскую власть у Израиля. Еще Гедеону благодарные за освобожденіе отъ враговъ израильтяне предлагаютъ царское достоинство. Гедеонъ отказывается принять его, но, видно, и тогда духъ времени былъ зараженъ идеею царства. Власть Гедеона надъ народомъ переходитъ нѣкоторымъ образомъ и тогда на сыновей его, а одинъ изъ нихъ становится даже царемъ, хотя и не всего Израиля, собственно Сихема и съ нимъ союзныхъ, или ему подчиненныхъ городовъ (Суд. 8, 22, 23; 9). И если бы на мѣстѣ Авимелеха былъ человекъ лучше его, быть можетъ, царская власть утвердилась бы среди Израиля еще съ того времени. Предложеніе царской власти Гедеону и избраніе потомъ сына его царемъ имѣютъ для насъ важное значеніе. Гедеонъ родомъ изъ колѣна

Манассіина (Суд. 6, 15), наиболѣе родственнаго колѣну Ефремову. Сынъ его Авимелехъ, избранный въ цари послѣ него, былъ сынъ матери изъ колѣна Ефремова (Суд. 9, 2) и провозглашенъ царемъ въ Сихемѣ, главномъ городѣ колѣна Ефремова¹⁾. Нельзя поэтому отрицать совсѣмъ участіе ефремлянъ и въ предложеніи царской власти Гедеону, а попытка ввести царскую власть на дѣлѣ принадлежитъ прямо имъ. Такимъ образомъ идея царской власти, быть можетъ, зародилась и во всякомъ случаѣ осуществлена была, хотя и неудачно и не надолго, прежде всего въ колѣнѣ Ефремовомъ. Ближайшаго участія ефремлянъ и въ требованіи царя при Самуилѣ нельзя отрицать. Въ пользу этого говорить съ одной стороны дѣятельное участіе колѣна Ефремова въ судьбѣ всего Израиля и съ другой мѣсто происхожденія и первоначальной дѣятельности Самуила. Отъ воли Самуила зависитъ—такъ могли думать—дать того или другаго царя. Кто знаетъ и почему не предположить съ большею вѣроятностью, что онъ изберетъ царя именно изъ ефремлянъ, ближе къ нему стоявшихъ и во всякомъ случаѣ болѣе веніаминянъ и другихъ отличившихся въ исторіи Израиля? Вотъ соображенія, которыми могли руководиться ефремляне, прежде всего и, быть можетъ, съ большею настойчивостью, отличавшею ихъ и въ прежнее время, требуя именно отъ Самуила того, чтобы онъ поставилъ имъ царя. Ефремляне ошибаются въ своихъ расчетахъ, если они у нихъ были. Самуилъ поставляетъ царя израильскому народу, но не изъ колѣна Ефремова, а изъ колѣна Веніаминова, именно Саула, сына Кисова (1 Цар. 9. 10). И замѣчательно, что избраніемъ Саула не всѣ довольны. Причинъ этого недовольства едва ли можно искать въ личности самаго Саула,—ибо онъ былъ, по выраженію дѣписателя, „молодой“²⁾ и красивый; и не было никого изъ изра-

¹⁾ См. Graetz. Geschichte I. S. 400.

²⁾ צעירъ собственно=созрѣвшій, быть можетъ 40—45 лѣтъ, такъ какъ имѣлъ уже взрослого сына Ионасана (1 Цар. 13, 2). Keil. Die Bücher Samuels. S. 65. Келеръ назначаетъ ему 50 лѣтъ. Lehrbuch. II. S. 38.

ильтинъ красивѣе его; онъ отъ плечъ своихъ былъ выше всего народа“ (1 Цар. 9, 2). Онъ происходилъ и изъ знатнаго рода (9, 1). И весь народъ, въ первый разъ увидѣвши своего царя, былъ въ восхищеніи отъ него (10, 24). Причина пренебреженія къ Саулу со стороны нѣкоторыхъ заключается, кажется, именно въ томъ, что онъ происходилъ изъ одного изъ меньшихъ колѣвъ израилевыхъ и къ тому еще изъ племени, малѣйшаго между всѣми племенами своего собственнаго колѣна. Такія мысли являются по крайней мѣрѣ въ головѣ самаго Саула, когда онъ въ первый разъ выслушиваетъ отъ Самуила ясныя намеки на избраніе его въ цари израильскаго народа, и эти именно мысли заставляютъ его недовѣрчиво отнестись къ словамъ Самуила. „Не сынъ ли я Веніамина, одного изъ меньшихъ колѣвъ израилевыхъ? И племя мое не малѣйшее ли между всѣми племенами колѣна Веніамина? Къ чему же ты говоришь мнѣ это“ (9, 21). Въ этихъ словахъ Саула мы вправѣ видѣть отголосокъ общаго народнаго мнѣнія того времени относительно того, кто долженъ бы быть царемъ,—именно, что избираемый царь долженъ принадлежать къ одному изъ сильнѣйшихъ въ это время колѣвъ израилевыхъ. Конечно, ефремляне мнили себя сильнѣйшими изъ всѣхъ и надѣялись изъ себя дать перваго царя Израилю. Но ожиданія народа и ефремлянъ не сбылись; царь былъ избранъ изъ колѣна именно одного изъ меньшихъ. Народъ вообще охотно подчинился избранію пророческому, види въ немъ волю Іеговы; но нѣкоторые, по выраженію книги Царствъ, „сыны Веліала“, негодные люди, презрѣли избраннаго царя,—и именно, какъ царя, не обещающаго спасенія отъ врага (1 Цар. 10, 27). Скорое освобожденіе города Іависа отъ аммонитянъ, совершенное новымъ царемъ, показало и этимъ невѣрамъ способность Саула. Можно думать, что эти „сыны Веліала“ были прежде всего ошибшіеся въ расчетъ изъ ефремлянъ.

Хотя такимъ образомъ царь избранъ былъ и не изъ колѣна Ефремова и, быть можетъ, не вполне согласно съ его

желаніями, всетаки съ избраніемъ царя именно изъ колѣна Веніамина ефремляне могли мириться и видѣть въ немъ нѣкоторымъ образомъ даже свою побѣду. Колѣно Веніамина одно изъ самыхъ близкихъ къ Ефремову колѣву и по происхожденію, и по исторической своей жизни и по географическому своему положенію. Родоначальница того и другаго происходятъ отъ одной матери, Рахили. Въ Египтѣ Веніаминъ пользуется преимущественнымъ предъ другими своими братьями благорасположеніемъ Іосифа (Быт. 43, 29—30. 34; 45, 14. 22). Во время странствованія по пустынѣ колѣно Веніамина стоитъ подъ знаменемъ колѣна Ефремова (Числ. 2, 18—24). Въ Ханаанѣ оно получаетъ свой участокъ вблизи колѣна Ефремова и селится какъ бы подъ его крыломъ, составляя ту же группу изъ колѣвъ Ефремова, Манассіина и Веніамина, какую составляли всѣ эти колѣна и въ пустынѣ. Въ періодъ судей колѣно Веніамина большею частью дѣйствуетъ въ союзѣ съ Ефремовымъ. Веніаминянинъ Аодъ созываетъ борцовъ противъ моавитянъ на горѣ Ефремовой (Суд. 3, 27). На войну съ Сисарою, вождемъ царя Іавина, веніаминяне идутъ въ рядахъ ефремлянъ (Суд. 5, 14). Колѣно Ефремово по крайней мѣрѣ съ большею готовностью и самопожертвованіемъ рѣшается помочь возстановленію колѣна Веніамина, почти уничтоженнаго въ междоусобной войнѣ, соглашаясь на то, чтобы веніаминяне во время праздника въ Силомѣ похитили и сдѣлали своими женами дѣвицъ силомскихъ, вышедшихъ изъ города плясать въ хороводахъ (Суд. 21, 15—23). Тѣсная связь между тѣмъ и другимъ колѣномъ продолжается, какъ увидимъ далѣе, и позднѣе. Связь эта такъ тѣсна, что колѣна Ефремово, Веніамина и Манассіино въ представленіи народа объединяются между собою. „Пастырь Израиля! внемли; водящій, какъ овецъ, Іосифа, возсѣдающій на херувимахъ, яви Себя. Предъ Ефремомъ и Веніаминомъ и Манассією воздвигни силу Твою и прійди спасти насъ (Пс. 79, 2. 3), говорится въ одномъ изъ псалмовъ Асафовыхъ. Изъ этихъ словъ видно и то, что нѣкогда эти колѣна

представляли собою какъ бы весь народъ, и слѣдовательно стояли во главѣ его. Псалмопѣвецъ обращается къ Богу съ молитвою отъ лица всего народа и, называя въкоторыя колѣна, смотритъ на нихъ, какъ на представителей всего народа. Такое положеніе Ефремъ и съ нимъ соединенныя колѣна занимали прежде царствованія Давида, на что указываютъ слова псалма 77-го: „и отвергъ (Господь) шатеръ Іосифовъ, и колѣна Ефремова не избралъ. А избралъ колѣно Іудино, гору Сіонъ, которую возлюбилъ“ (ст. 67, 68). Колѣно Іудино избрано въ царственное колѣно въ лицѣ Давида (ст. 70), отверженіе Іосифова колѣна послѣдовало предъ этимъ, слѣдовательно до этого времени колѣно Ефремово такъ или иначе удерживало за собою первенство въ израильскомъ народѣ. Такимъ образомъ съ избраніемъ царя изъ колѣна Веніамина Ефремово колѣно не можетъ считать себя вполнѣ обойденнымъ.

Отвѣчая въ этомъ, хотя и неполнѣ, требованіямъ времени, избраніе въ цари Саула—веніаминянина еще болѣе и почти единственнымъ образомъ отвѣчаетъ другимъ его требованіямъ. Колѣно Веніаминово очень мало въ сравненіи съ другими колѣнами. При первомъ исчисленіи при Синаѣ въ немъ тридцать пять тысячъ четыреста человѣкъ (Числ. 2, 23); менѣе его одно колѣно Манассино (съ 32,200 человѣкъ. Ст. 21). При второмъ исчисленіи оно, по своей численности (45,600 человѣкъ. Числ. 26, 41), занимаетъ средину между колѣнами и даже сильнѣе Ефремова колѣна (32,500 человѣкъ. Ст. 37). Въ началѣ періода судей (Суд. 20, 28), въ междоусобной войнѣ со всѣми колѣнами израильтянъ, оно ослаблено до минимума,—лишь 600 человѣкъ должны возстановить его среди другихъ колѣнъ (Суд. 20, 47—21,—23). Сколь сильно численностью это колѣно во время Самуила, неизвѣстно. Но при всей своей численной слабости колѣно Веніаминово одно изъ самыхъ храбрыхъ и воинственныхъ. Въ благословеніи Іакова оно представляется хищнымъ волкомъ, который утромъ ѣстъ ловитву, а вечеромъ дѣлать

добычу (Быт. 49, 27). Веніаминяне отличаются, какъ хорошіе стрѣлки изъ лука (1 Пар. 8, 40; 12, 2; 2 Пар. 14, 8) и пращники, которые одинаково хорошо метали камни и правою и лѣвою рукою (Суд. 20, 16; 1 Пар. 19, 2). Во время судей колѣно Веніаминово одно сражается противъ всѣхъ, одерживаетъ двѣ побѣды надъ ними и потомъ погибаетъ почти совсѣмъ, лишь благодаря употребленной противъ него хитрости (засадѣ). На такое воинственное колѣно естественно долженъ обратить вниманіе взглядъ, непредубѣжденный пристрастіями, а лишь имѣющій въ виду тогдашнее положеніе Израиля. Главная потребность того времени царь, который твердою рукою могъ бы вести народъ противъ угрожавшихъ отсюду враговъ: поставь надъ нами царя, который ходилъ бы предъ нами и велъ наши войны,—говорили израильтяне Самуилу (1 Пар. 8, 20). И нельзя было сомнѣваться, что веніаминяны удовлетворить этой потребности. Ему именно и всего естественнѣе сдѣлать это. Въ періодъ судей, какъ мы видѣли, избавители народа являются преимущественно изъ среды колѣнъ, наиболѣе притѣсняемыхъ. Главныя силы филистимлянъ сосредоточены теперь именно въ колѣнѣ Веніаминово; здѣсь происходятъ первыя войны Саула съ филистимлянами (1 Цар. гл. 13, 14), и—что особенно важно—даже въ родномъ городѣ Сауловомъ стоитъ филистимскій гарнизонъ во время воцаренія Саула (1 Цар. 10, 5). По аналогіи съ судьями, избраніе царя именно изъ колѣна Веніамина самое естественное. Въ пользу этого колѣна можетъ говорить въ настоящемъ случаѣ и топографическое положеніе его въ ряду другихъ колѣнъ. Къ концу періода судей успѣло уже обнаружиться, какъ мы говорили выше, раздѣленіе израильтянъ на двѣ половины—сѣверную, къ которой примыкали и заіорданскія колѣна, съ Ефремомъ во главѣ и южную, состоявшую изъ колѣнъ Іудина и Симеонова. Колѣно Веніаминово лежало именно на границѣ этихъ половинъ. Избраніе царя для всего израильскаго народа изъ такого колѣна при тогдашнихъ обстоятельствахъ самое

естественное. Наконецъ самая малость и въ сравненіи съ другими меньшая значительность Веніамина колѣна могутъ располагать въ его пользу. При теократическомъ устройствѣ израильскаго народа, невидимый царь котораго Іегова, земной его царь долженъ быть лишь орудіемъ и исполнителемъ воли Царя-Іеговы. Сила и могущество его должны заключаться не въ его собственной силѣ и мощи, но въ силѣ и помощи Іеговы. Позволительно предполагать, что царь изъ колѣна, сравнительно съ другими, слабѣе будетъ имѣть болѣе поводовъ опираться на силу и помощь царя Іеговы. Въ избраніи царя изъ колѣна Веніамина можно видѣть проявленіе и обычнаго въ исторіи пріема. Когда есть сильные соперники относительно выполненія чего либо, обыкновенно дѣло это предоставляется третьему и сравнительно слабѣйшему. Что значать, на примѣръ, бывшія въ ходу предположенія возложить исполненіе опредѣленій берлинскаго конгресса или берлинской конференціи на Италію, недопуская сюда Россіи и Англіи? или назначеніе князя для Болгаріи не изъ царственныхъ домовъ Россіи или Англіи, а изъ принцевъ нѣмецкихъ? Такъ и въ то время сильнаго возбужденія въ странѣ, пламенныхъ желаній со стороны сильнѣйшихъ колѣнъ Ефремова и, быть можетъ, Іудина дать изъ себя царя народу—естественнѣе всего было избрать его ни изъ того, ни изъ другого, а изъ третьяго, на которомъ могли бы болѣе или менѣе помириться обѣ соперничающія стороны, и которое съ своей стороны могло бы удовлетворить возложенному на него назначенію. По всѣмъ этимъ причинамъ колѣну Веніамина выпадала честь дать израильскому народу перваго царя. Избраніе царя совершается по жребію (1 Цар. 10, 20, 21) или—что для насъ одно и то же—по волѣ Божіей (9, 17). И мы можемъ лишь благоговѣть предъ тѣмъ, какъ глубоко эта воля Божія соотвѣтствуетъ въ настоящемъ случаѣ обстоятельствамъ и требованіямъ того времени.

Но колѣно Веніамина принадлежитъ къ числу тѣхъ колѣнъ, которыя стояли въ большей или меньшей связи съ ко-

лѣномъ Ефремовымъ, или на которыя старалось распространить свое вліяніе это послѣднее колѣно. Съ избраніемъ въ цари веніаминянина первенствующее мѣсто занимаетъ группа именно этихъ колѣнъ. Такъ какъ эта группа и прежде соединялась, хотя и неполнѣ, для общаго дѣйствования, представляя въ такихъ случаяхъ израильскій народъ въ его противоположности съ другимъ какимъ либо народомъ враждебнымъ ему, то и названіе „Израиль“, „израильскій народъ“, привыкли относить къ этимъ колѣнамъ, не включая сюда Іудина и Симеонова. Съ избраніемъ царя и группа изъ этихъ послѣднихъ колѣнъ присоединяется къ остальнымъ израильтянамъ, подразумевается подъ общимъ именемъ Израиля, когда идетъ рѣчь вообще, но и не совсѣмъ сливается съ ними; войска этой группы считаются отдѣльно и противопоставляются войскамъ другой группы, какъ іудей израильтянамъ (1 Цар. 11, 8; 15, 4)¹⁾.

2.

Трудно и съ точностью даже невозможно опредѣлить, какъ широки были предѣлы царства Саулова и какъ сильна была его власть въ этихъ предѣлахъ. Близкая аналогія избранія и первыхъ дней царствованія Саула съ появленіемъ судей, открывающаяся въ томъ, что царь избирается изъ колѣна, наиболѣе подверженнаго притѣсненію со стороны враговъ, и что онъ становится царемъ на дѣлѣ, а не по идеѣ или избранію, лишь послѣ одержанія побѣды надъ врагами (1 Цар. 11 гл.), даетъ какъ бы нѣкоторое основаніе предполагать, что сѣверныя колѣна по ту сторону изреельской равнины, не страдавшія, быть можетъ, отъ тогдашнихъ враговъ—филистимлянъ и аммонитянъ, не участвовали въ избраніи царя и чрезъ то какъ бы не входили въ составъ царства Саулова. На нихъ и дѣйствительно нѣтъ прямыхъ ука-

¹⁾ Себастіанъ Шмидтъ видитъ причину отдѣльнаго исчисленія здѣсь іудеевъ въ томъ, что колѣно Іудино по Суд. I гл. было первымъ колѣномъ по достоинству и доселѣ вождемъ остальныхъ. In librum primogeni Samuelis commentarius. 1687. p. 330. Насколько колѣно Іудино было вождемъ другихъ колѣнъ въ періодѣ судей, мы уже видѣли.

заній въ исторіи Саула. И только изъ славы дѣятельности Самуила на пользу внутренняго религіознаго обновленія и объединенія израильтянъ и изъ встрѣчающихся общихъ выраженій: „всѣ старѣйшины“ (1 Цар. 8, 4), „всѣ колѣна израилены“ (10, 20), „всѣ израильтяне“ (11, 15; 12, 1), можно заключать, что въ избраніи царя принимаютъ участіе всѣ колѣна израильскія, и что Саулъ становится царемъ надъ всѣмъ Израилемъ, включая и сѣверныя колѣна. Колѣна заіорданскія участвуютъ въ избраніи Саула (1 Цар. 12, 12); но по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ страны не можетъ вначалѣ входить въ составъ Саулова царства. Одною изъ причинъ, заставившихъ Израиля просить себя царя, полагается нашествіе царя аммонитскаго на землю израильскую (1 Цар. 12, 12). Вскорѣ по воцареніи Саула (по LXX спустя около мѣсяца) царь аммонитскій уже осаждаеть Іависъ Галаадскій. Городъ этотъ лежалъ не на границѣ съ аммонитянами, а, напротивъ, ближе къ западной границѣ заіорданской страны¹⁾. Чтобы осадить его, Наасъ долженъ былъ углубиться значительно внутрь страны. Отчаянная готовность жителей Іависа подчиниться позорному условію съ одной стороны и гордая самоувѣренность царя аммонитскаго, спокойно дозволившаго осажденнымъ въ теченіи семи дней искать себя помощи, гдѣ только хотять, съ другой показываютъ, кажется, ясно, что ни та, ни другая сторона не ожидаетъ помощи по крайней мѣрѣ отъ ближайшихъ со сѣдей-заіорданскихъ жителей, — что слѣдовательно господство аммонитянъ въ это время здѣсь было прочно. Въ этомъ послѣднемъ предположеніи насъ подтверждаетъ и Іосифъ Флавій. По нему прежде, чѣмъ напасть на Іависъ Галаадскій, аммонитскій царь причинилъ много зла потустороннимъ израильтянамъ и подчинилъ себя многіе ихъ города²⁾. Послѣ

¹⁾ Мѣстоположеніе Іависа впрочемъ не опредѣлено еще. По Иерониму онъ лежалъ въ 6 рим. мил. отъ г. Пеллы по пути къ Геразѣ. Migne. Patrologiae Graecae. compl. Lat. t. 23. p. 906. Робинзонъ предполагаетъ его въ развалинахъ ed Deir въ ваді Іависъ. Keil. Das Buch der Richter. S. 352.

²⁾ Antiquit. VI, 5, 1.

этого намъ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ взглядъ Хвольсона, когда онъ, выставляя на видъ „благодать монархическаго образа правленія“, говоритъ, что аммонитскій царь обидѣлъ жителей одного только города наглымъ, позорнымъ для нихъ, требованіемъ и тѣмъ едва не навлекъ на себя полного уничтоженія со стороны предводимыхъ царемъ израильтянъ¹⁾. Саулъ разбиваетъ аммонитскаго царя при Іависѣ, освобождаетъ этотъ городъ и, конечно, другіе. Но полного спокойствія со стороны враговъ онъ не дастъ еще теперь этой странѣ; и послѣ онъ долженъ еще вести войны и съ Моавомъ, и Аммономъ, и съ Едомомъ и съ царями Собы... и слѣдовательно только позднѣе освобождаетъ заіорданскаго Израиля отъ руки его грабителей (1 Цар. 14, 47—48). Но уже и послѣ той первой побѣды надъ аммонитянами положеніе заіорданскихъ колѣнъ становится болѣе спокойнымъ и безопаснымъ. Нѣкоторые израильтяне по сю сторону Іордана, во время войны съ филистимлянами, наступившей послѣ аммонитской, опасаясь враговъ, ищутъ безопасности за Іорданомъ, въ странѣ Гадовой и Галаадской (13, 7). Колѣно Рувимово ведетъ во дни Саула счастливую войну съ агарянами, живущими къ сѣверовостоку отъ него бедуинскими племенами (1 Цар. 5, 10); колѣно это было ближайшее къ моавитянамъ: значить, и съ этой стороны оно было спокойно. Жители заіорданскихъ областей были очень благодарны Саулу за свое освобожденіе и, безъ сомнѣнія, были вѣрны его господству. Ихъ привязанность къ нему и его дому продолжается даже и послѣ его смерти. Жители Іависа съ благороднымъ самоотверженіемъ берутъ выставленные на позоръ на стѣнахъ Беесана трупы Саула и его сыновей, предають ихъ почетному погребенію въ своемъ городѣ и назначаютъ семидневный постъ (1 Цар. 31, 12. 13). Оставшійся въ живыхъ сынъ Саула, Іевосеей, находитъ безопасное убѣжище и воцаряется прежде всего на восточной сторонѣ Іордана, въ Маханаимѣ (2 Цар. 2, 8. 9). Отсюда и, безъ сомнѣнія, съ по-

¹⁾ Христіанское Чтеніе. 1870. № 8. Стр. 235.

мощію заіорданскихъ жителей царство Левосеея распространяется и на другія, западно-іорданскія, колѣна. Такъ колѣна заіорданскія входятъ въ составъ царства Саулова и отличаются даже особенною вѣрностью ему. Колѣно Іудино также входитъ въ составъ царства Саулова. Войны Іудины, хотя и нѣкоторымъ особнякомъ, принимаютъ участіе, съ самыхъ первыхъ войнъ Саула, въ войнѣ съ аммонитянами (1 Ц. 11, 8), филистимлянами (17, 13. 14), амаликитянами (15, 4) и, конечно, съ другими народами. Территорія колѣна Іудина служитъ театромъ войны его съ филистимлянами (17, 1); чрезъ нее онъ идетъ на войну съ амаликитянами и въ ней ставитъ себѣ памятникъ послѣ побѣды надъ ними, на Кармилѣ на горѣ Іудиной къ юго-востоку отъ Хеврона (1 Цар. 15, 12; Нав. 15, 55)¹⁾; чрезъ нее, конечно, ведетъ войны съ идумеянами (14, 47). Въ области колѣна Іудина Саулъ преслѣдуетъ Давида съ своимъ отборнымъ войскомъ (1 Цар. гл. 23. 24. 26). Населеніе вообще расположено къ Саулу. Люди Давидовы опасаются за себя, живя въ Іудеѣ (23, 3); жители города Кеиля, даже освобожденные Давидомъ отъ филистимлянъ, готовы предать его Саулу (12); зифеи сами доносятъ Саулу объ укрывательствѣ у нихъ Давида, побуждаютъ его идти противъ него и предлагаютъ предать его въ руки царя (19—24; гл. 26). Саулъ свободно беретъ себѣ тѣхъ изъ іудеевъ, которые ему нужны, и получаетъ при этомъ подарки (16, 19—22). Почти постоянныя войны съ филистимлянами, ближайшими врагами іудеевъ, такъ успѣшно веденыя подъ руководствомъ Саула, заставляютъ іудеевъ держаться Саула и становиться въ ряды другихъ израильтянъ подъ его начальствомъ.

Но къ концу царствованія Саула въ области колѣна Іудина появляется — да будетъ позволено выразиться — шайка челоуѣкъ въ 400—600; здѣсь собираются всѣ, недовольные чѣмъ либо въ царствѣ Саула, — „всѣ притѣсненные и всѣ должники и всѣ огорченные душею“ (1 Цар. 22, 2;

¹⁾ Keil. Die Bücher Samuels. S. 113.

23, 19). Они составляютъ тѣсную дружину подъ начальствомъ одного. Живутъ они, перекочевывая съ одного мѣста на другое, большею частью въ мѣстахъ неприступныхъ (23, 14), укрываясь отъ взоровъ правительства. Иногда они выступаютъ противъ враговъ, нападавшихъ на эту страну (23, 1—5); съ туземцами живутъ вообще мирно (25, 7), но за этотъ миръ требуютъ награды для себя, вынуждаемые къ тому скудостію средствъ для своего существованія, и готовы мстить безъ пощады кому бы то ни было за обидное отклоненіе ихъ требованій (25, 34). Шайка эта входитъ въ сношенія съ иностранными государями, съ которыми Саулъ стоитъ во враждебныхъ отношеніяхъ, — съ царемъ моавитскимъ (22, 3—4), филистимскимъ-геескимъ, въ одномъ изъ городовъ котораго (Секелагѣ) и поселяется на правахъ леннаго государства (гл. 27). О намѣреніяхъ и цѣляхъ этой шайки не имѣютъ, кажется, опредѣленнаго представленія. Во главѣ ея стоитъ Давидъ изъ Вилеясема Іудина. На родинѣ онъ извѣстенъ, какъ молодой челоуѣкъ, умѣющій играть, храбрый и воинственный, разумный въ рѣчахъ и видный собою, и Господь былъ съ нимъ (16, 18). Благодаря этимъ своимъ качествамъ, онъ сталъ извѣстенъ двору и получилъ здѣсь мѣсто. Побѣда надъ Голиаѳомъ и рядъ другихъ блестящихъ побѣдъ надъ филистимлянами пріобрѣли ему любовь народа, а также вниманіе и благорасположеніе государя. Давидъ постепенно достигъ одного изъ высшихъ мѣстъ въ государствѣ (послѣ царской фамиліи онъ сидѣлъ на третьемъ мѣстѣ въ общественныхъ собраніяхъ, 1 Цар. 20, 25) и даже сдѣлался зятемъ царя (18, 27). Но вотъ распространяется по странѣ молва, что этотъ любимецъ народа и вмѣстѣ царя задумалъ измѣну своему государю и добивается его престола. Удаленіе отъ двора, устраненіе отъ государственной дѣятельности, появленіе во главѣ бѣглецовъ, еще болѣе сношенія съ врагами отечества естественно должны были убѣждать народъ въ истинности этой молвы. Все, что есть недовольнаго въ государствѣ Саула, приходитъ къ Давиду и встрѣчаетъ у него радущій приемъ.

Сюда бѣжить и Авиаеаръ, сынъ убитаго первосвященника Ахимелеха (22, 20—23). Съ нимъ ходитъ пророкъ Гадъ, очевидно, ученикъ Самуила, бывшаго во враждѣ съ Сауломъ, но въ дружбѣ съ Давидомъ (19, 18—24). Быть можетъ, знали, хотя, нужно предполагать, самымъ неопредѣленнымъ образомъ, что Давидъ помазанъ уже на царство Самуиломъ. Съ другой стороны самъ Давидъ не предпринимаетъ ничего такого, что непосредственно вело бы къ намѣчаемой ему цѣли, и даже двукратно сохраняетъ жизнь Саула, находившуюся въ его рукахъ (въ пустынѣ Зифъ и Енгадди). Такой неопредѣленный образъ дѣйствій, то приписываемый Давиду другими, то имъ самимъ обнаруживаемый, покрываетъ его намѣренія неизвѣстностью. Отъ этого происходитъ, что одни выискиваютъ его и доносятъ объ его движеніяхъ Саулу, другіе скрываютъ, предупреждаютъ его и вообще относятся къ нему благосклонно.

Для насъ важно знать: возбужденное Давидомъ движеніе, симпатіи къ нему и антипатіи, группированіе около него людей имѣютъ ли характеръ движенія колѣннаго, стремленія колѣна Іудина стать во главѣ другихъ колѣнъ, или же все это движеніе направляется лично противъ Саула. Данныхъ для рѣшенія этого вопроса немного, но и они, кажется, даютъ нѣкоторое право заключать, что въ движеніи, вышедшемъ отъ Давида, или, точнѣе, сосредоточившемся около него, можно усматривать черты именно колѣннаго движенія, направленнаго на возвышеніе одного колѣна предъ другими. Правда, Давидъ любимъ всѣмъ израильскимъ народомъ, около него группируются всѣ недовольные безъ различія колѣнъ, есть и гадитяне и манасситяне и даже веніаминяне (замѣчательно, не говорится объ ефремлянахъ, 1 Пар. 12, 1—22). Съ другой стороны и въ самомъ колѣнѣ Іудиномъ находятся лица, несочувствующія Давиду и стояція на сторонѣ Саула (особенно зифеи). Это показываетъ повидимому, что движеніе, идущее отъ Давида, не имѣетъ характера движенія цѣлаго колѣна. Во всякомъ случаѣ лица изъ другихъ колѣнъ, присоединившіяся къ Давиду, не могутъ имѣть

въ виду возвышенія колѣна Іудина. И самъ Давидъ можетъ быть чуждъ колѣнныхъ стремленій. Но есть и черты, указывающія на такого рода движеніе. Замѣчательно прежде всего то, что отъ отверженнаго Саула вниманіе Самуила обращается къ колѣну Іудину, и здѣсь важно то, что сначала не указывается опредѣленное лицо, которое должно быть избрано; слѣдовательно имѣются пока въ виду просто колѣно Іудино и одно племя и семейство въ немъ (1 Ц. 17, 1). При признаніи заявившаго уже себя въ предшествующей исторіи Израиля раздѣленія всѣхъ колѣнъ на двѣ главные группы, это значитъ, что Самуиль отъ одной группы обращается къ другой. Саулъ, принадлежавшій колѣну изъ группы колѣнъ Іосифовыхъ, своимъ образомъ дѣйствій ясно обнаружилъ характеръ главныхъ представителей этой группы, ефремлянъ. Ефремляне, какъ мы видѣли, во весь періодъ судей стремятся быть первыми, слишкомъ подозрительно относятся къ другимъ и доводятъ свою подозрительность иногда до открытой вражды съ другими колѣнами. Саулъ—вѣрный типъ этихъ сторонъ ефремлянъ: онъ стремится быть, какъ можно, самостоятельнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, подозрителенъ къ лицамъ, чѣмъ либо отличившимся сравнительно съ нимъ и преслѣдуетъ подозрѣваемыхъ имъ всѣми, зависящими отъ него, способами и средствами, не щадя иногда при этомъ ни пола, ни возраста (1 Цар. 22, 11—20). Онъ и не первый опытъ такого правителя изъ группы Іосифовыхъ колѣнъ. Еще прежде него былъ подобный Авимелехъ, также жестоко обходившійся съ своими подданными (Суд. 9). Очевидно, что при государяхъ съ такими характерами нельзя было надѣяться на спокойное внутреннее развитіе государства. Дѣлать новые опыты царей изъ той же группы было излишне и во всякомъ случаѣ неблагоприятно,—и вотъ вниманіе Самуила обращается на другую группу колѣнъ, именно на колѣно Іудино. Колѣну этому уже давно предугазано первенствующее положеніе среди другихъ колѣнъ (Быт. 49, 8—12). Оно одно изъ сильнѣйшихъ, извѣстно было въ прежнее

время и, быть может, особенно отличилось въ последнее время своей совмѣстной съ другими колѣнами дѣятельности. И іудеи, по крайней мѣрѣ тѣ, которые имѣютъ понятіе о чести своего колѣна и потому стремятся доставить ему первенствующее среди другихъ колѣнъ положеніе, сочувствуютъ Давиду и поддерживаютъ его всѣми возможными способами. Уже простое пребываніе Давида среди колѣна Іудина не можетъ быть объясняемо лишь тѣмъ, что именно его территория представляла болѣе удобствъ для болѣе спокойнаго укрывательства. Если зифеи доносятъ Саулу объ укрывательствѣ среди нихъ Давида, то другіе предупреждаютъ послѣдняго о грозившей ему отъ Саула опасности и даютъ ему возможность скрыться (23, 25). Перечисляется очень много городовъ Іудиныхъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ Давидъ ходилъ съ своими людьми и старѣйшины которыхъ были его друзьями (30, 26—31). И въ то самое время, когда Саулъ съ троими своими сыновьями во главѣ войскъ израильскихъ сражается съ филистимлянами и въ этой борьбѣ за свободу слагаетъ свою голову наряду же съ своими сыновьями, Давидъ изъ Секелага филистимскаго разсылаетъ подарки своимъ друзьямъ, старѣйшинамъ Іудинымъ (30, 26). Нельзя ясно представить себѣ, какое участіе могли принимать въ этой войнѣ Саула съ филистимлянами іудеи и могли ли они и теперь также энергично поддерживать его, какъ они дѣлали это прежде? Кажется, не ошибемся, если предположимъ, что къ концу царствованія Саула и именно подъ вліяніемъ пребыванія въ ихъ странѣ Давида іудеи становятся равнодушнѣе къ общей судьбѣ израильскаго народа, представляемой и защищаемой Сауломъ, опять начинаютъ обособляться и свои интересы такъ или иначе сосредоточивать около личности Давида, отъ котораго ожидаютъ блага прежде всего для себя, а потомъ уже чрезъ него и себя самихъ и для другихъ колѣнъ¹⁾. Кажется, и Саулъ въ предполагаемомъ имъ воз-

¹⁾ Примѣръ нѣкоторыхъ изъ манасситянъ, присоединившихся къ Давиду во время возвращенія его изъ филистимскаго войска въ Секелагъ, можетъ пока-

мущеніи Давида видить, между прочимъ, стремленіе колѣна Іудина занять первенствующее положеніе среди другихъ колѣнъ. Вида и еще болѣе подозрѣвая всюду вокругъ себя равнодушіе къ себѣ и даже измѣну, Саулъ пытается по-дѣйствовать въ своемъ интересѣ на чувство колѣнной чести въ окружающихъ его вениаминянахъ. „Послушайте, сыны Вениаминовы: неужели всѣмъ вамъ дастъ сынъ Іессеевъ поля и виноградники и всѣхъ васъ оставитъ тысяченачальниками и сотвиками... (1 Цар. 22, 7...)? Называя своихъ слугъ вениаминянами, Саулъ очевидно хочетъ выставить имъ на видъ, что сынъ Іессеевъ изъ другаго колѣна и что первымъ нечего ожидать отъ послѣдняго: вмѣстѣ съ нимъ должны занять высшія и болѣе выгодныя мѣста его ближайшія соплеменники. Изъ этихъ словъ Саула видно также, что въ царствѣ его колѣнныя различія существуютъ еще въ полной силѣ; вмѣстѣ съ этимъ должна еще существовать и болѣе или менѣе глубокая разъединенность ихъ интересовъ. Единого, цѣльнаго государственнаго организма еще нѣтъ. Отсюда же само собою понятно и естественно, если отдѣленіе Давида отъ Саула и не совсемъ напрасно приписываемое ему стремленіе занять престолъ его, хотя по смерти его, и представляется и на самомъ дѣлѣ есть нѣкоторымъ образомъ отдѣленіе всего Іудина колѣна отъ тогдашняго общеизраильскаго государственнаго организма съ стремленіемъ затѣмъ стать во главѣ другихъ колѣнъ.

Что только предполагается относительно царствованія Саула, то открывается самымъ дѣломъ тотчасъ по смерти Саула. Еврейское царство, объединявшееся доселѣ внѣшнимъ представительствомъ Саула, распадается теперь и именно на тѣ главныя части, которыя мы замѣчали уже и прежде, именно: на колѣно Іудино, съ присоединившимся къ нему Симеоновымъ, и колѣна остальныя на этотъ разъ

зывать, что и другія колѣна не обнаруживали особенной энергіи въ послѣдней войнѣ Саула съ филистимлянами (1 Цар. 12, 19—21). Тѣмъ болѣе можно предположить это объ іудеяхъ.

съ Вениаминомъ во главѣ. Благодаря обстоятельствамъ, раздѣленіе получаетъ теперь болѣе рѣзкій и даже враждебный характеръ. Пораженіе Израиля на горахъ гелвуйскихъ филистимлянами, закончившее собою царствованіе Саула, было рѣшительное. Жители изреельской равнины и сосѣднихъ съ нею мѣстъ разбѣгаются; опустѣвшіе города ихъ занимаютъ и подчиняютъ своему господству филистимляне. Послѣдніе распространяютъ свою власть на Ханаанъ и къ югу отъ изреельской равнины до колѣна Вениаминова включительно ¹⁾.

¹⁾ Объ объемѣ филистимскаго завоеванія въ Ханаанѣ говорится прямо въ двухъ мѣстахъ: въ книгѣ Царствъ и Паралипоменонъ. Въ первомъ мѣстѣ говорится: «израильтяне **בְּעֵבֶר הַיַּרְדֵּן** вида, что люди израильскіе побѣжали, и что умеръ Саулъ и сыновья его, оставили города свои и побѣжали, а филистимляне пришли и засѣли въ нихъ (1 Цар. 31, 7). По буквальному переводу приведенныхъ еврейскихъ словъ: израильтяне, которые (жили) по ту сторону долины и за Иорданомъ, оставили города свои и бѣжали (переводъ Максимовича. Синодскій переводъ читаетъ: на сторонѣ долины и за Иорданомъ),—филистимляне заняли города по ту сторону долины изреельской и Иордана. Какая именно сторона долины—сѣверная или южная и какая сторона Иордана—восточная или западная разумѣются здѣсь, рѣшеніе этого вопроса зависать отъ рѣшенія другаго вопроса о мѣстонахожденіи писателя книги Царствъ или этого мѣста книги—на сѣверъ или югъ отъ долины и на востокъ или западъ отъ Иордана, хотя по общепринятому, но и не исключительному, пониманію выраженіе **בְּעֵבֶר הַיַּרְדֵּן** указываетъ на восточную сторону Иордана. Но именно о распространеніи филистимскаго завоеванія и на восточную сторону Иордана едва ли можетъ быть здѣсь рѣчь. Напротивъ, эта страна Иордана представляется свободною отъ филистимлянъ. Изъ Лависа, города по ту сторону Иордана, приходять muži, чтобы снять трупы Саула и сыновей его со стѣнъ Беосана (1 Цар. 31, 10—12). Въ Маханаймѣ прежде всего Авениръ воцаряетъ Иевосеелъ, удалившагося сюда съ западной стороны Иордана,—и отсюда уже распространяетъ его власть и на западную сторону Иордана (2 Цар. 2, 8. 9). И дѣйствительно въ параллельномъ мѣстѣ книги Паралипоменонъ (1. 10, 7) о распространеніи завоеванія филистимскаго на восточную сторону Иордана ничего не говорится. Не говорится о распространеніи его и по ту сторону долины, а лишь въ самой долинѣ. Здѣсь говорится именно: «когда увидѣли израильтяне, которые были въ долинѣ (**בְּעֵבֶר הַיַּרְדֵּן**), что всѣ бѣгутъ, и что Саулъ и сыновья его умерли; то оставили города свои и разбѣжались, а филистимляне пришли и поселились въ нихъ». Такое представленіе дѣла болѣе естественно, хотя и не исключаетъ распространенія филистимскаго завоеванія и на сосѣднія съ равниною области къ сѣверу и югу отъ нея. О распространеніи его въ первомъ направленіи ничего неизвѣстно; по положенію дѣла, оно

Оставшійся въ живыхъ сынъ Саула, Иевосеей, естественный наследникъ престола своего отца, не можетъ утвердить своего престола въ странѣ по сю сторону Иордана, удаляется на восточную его сторону въ Маханаймъ, и только здѣсь полководецъ его Авениръ воцаряетъ его сначала надъ Галаадомъ и потомъ мало по малу надъ Ашуромъ, Изреелемъ, Ефремомъ, Вениаминомъ и надъ всѣмъ Израилемъ, за исключеніемъ колѣна Иудина и Симеонова (2 Цар. 2, 8—10), освобождая, конечно, области по сю сторону Иордана одна за другою отъ филистимскаго господства ¹⁾. Освобожденіе

вѣроятно (Köhler. Lehrbuch. II. 241); о распространеніи же во второмъ и даже до колѣна Вениаминова включительно можно заключать изъ слѣдующаго. Имя Ионаана, жившая очевидно въ колѣнѣ Вениаминовомъ, при вѣсти о гибели Саула и Ионаана, схватываетъ сына его, Мемфивосея, и бѣжитъ съ нимъ такъ поспѣшно, что роняетъ его и искалчиваетъ (2 Цар. 4, 4). Трудно предположить, что вѣсть о пораженіи вдали заставляетъ инаею бѣжать,—очевидно, побуждаетъ ее къ этому вѣсть о приближеніи филистимлянъ къ тому мѣсту, гдѣ она жила съ семействомъ Ионаана; а оно жило всего естественнѣе въ колѣнѣ Вениаминовомъ и, вѣроятно, даже въ столицѣ Саулова царства,—Гивѣ (Graetz. Geschichte. I. 220. 439).

¹⁾ Приведенный въ текстъ порядокъ безъ сомнѣнія тотъ, въ какомъ Авениръ воцаряетъ Иевосея надъ областями, за что рѣшается ихъ топографія: сначала восточная сторона Иордана (Галаадъ), за тѣмъ Изреель (не городъ колѣна Иссахарова, Нав. 19, 18, но наряду съ именами областей всего вѣроятнѣе—изреельская долина. Ewald. Geschichte. V. III. S. 154. Graetz. Geschichte. 439), Ефреимъ, Вениаминъ и весь Израиль. Большую трудность для пониманія представляетъ еврейское слово **אֲשֶׁר־יָנִיחַ**. Какая область разумѣется подъ этимъ именемъ? LXX читаютъ *Θασίρι* или *Θασοίρι*. Но и это чтеніе не опредѣляетъ области. Судя по положенію этого имени между Галаадомъ и Изреелемъ и предполагая, что порядокъ именъ указываетъ на хронологическій порядокъ подчиненія Иевосею означаемыхъ ими областей, нужно полагать область **אֲשֶׁר־יָנִיחַ** именно тамъ, гдѣ долженъ былъ занять ее Авениръ, ида изъ Галаада къ изреельской равнинѣ. Этому положенію соответствуетъ предположеніе Vachienne. Онъ разумѣетъ здѣсь городъ Асиръ (**אֲשֶׁר־יָנִיחַ**) съ его областью (Нав. 17, 7). Городъ этотъ лежалъ къ юго-востоку отъ Изрееля, и Авениръ, ида изъ Галаада, могъ подчинить Иевосею эту страну прежде, чѣмъ отнять у филистимлянъ господство надъ Изреелемъ. Но трудно понять, почему здѣсь вмѣсто города **אֲשֶׁר־יָנִיחַ** стоитъ **אֲשֶׁר־יָנִיחַ** и вообще упоминаніе о городѣ наряду съ округами. Переводы сирийскій и Вульгата читаютъ *Gesuri*; слѣдовательно читали или предполагали въ подлинникѣ **אֲשֶׁר־יָנִיחַ**. Этого чтенія держится и Осеній, разумѣя подъ Гешуромъ самую сѣверную часть

Израиля отъ филистимскаго ига совершенно такимъ образомъ Авениромъ, полководцемъ Иевосеа, съ войсками изъ Израиля, кромѣ іудеевъ. Іудеи не принимаютъ участія въ этомъ дѣлѣ. Они избираютъ себѣ царемъ Давида и почти безучастно смотрятъ на борьбу израильтянъ съ филистимлянами.

Въ литературѣ библейской исторіи существуетъ даже предположеніе, что во время царствованія Давида въ Хев-

Ханаана отъ Ермона до озера Геннисаретскаго по обѣимъ сторонамъ Иордана. Die Bücher Samuels. 2 Aufl. 1864. S. 145. Но мѣста (Втор. 3, 14; Нав. 12, 5; 13, 13; 1 Цар. 2, 23), на которыхъ онъ основываетъ свой взглядъ, не могутъ подтверждаться; по нимъ אֲשֶׁר означаетъ округъ геширитянъ на сѣверо-востоку отъ Васана (Ewald. Geschichte. V. III. S. 154), независимый отъ израильтянъ. О подчиненіи же его Авениру не могъ думать, пока не соединилъ подъ властію своего господина всѣхъ израильскихъ колѣнъ, и онъ дѣйствительно составлялъ въ это время самостоятельное царство съ своимъ собственнымъ царемъ (2 Цар. 3, 3; 13, 37; 15, 8). О Гессурѣ къ югу или юго-западу отъ Ханаана (1 Цар. 27, 8) здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Гретцъ читаетъ אֲשֶׁר и разумѣетъ здѣсь половину колѣна Манассіина по ту сторону Иордана. Graetz, Geschichte. I. 439. Ошибочно Кёлеръ видитъ въ словахъ Гретца указаніе на посюстороннюю половину колѣна Манассіина и опровергаетъ его взглядъ съ этой ошибочной точки зрѣнія. Köhler. Lehrbuch. II. S. 248. Этотъ взглядъ хорошо соглашается съ мѣстомъ, занимаемымъ именемъ אֲשֶׁר между именами Галаада и Изрееля. Но чтеніе это имѣетъ мало сходства съ мазоретскимъ. И имя Галаадъ въ широкомъ смыслѣ обнимаетъ и область колѣна Манассіина къ востоку отъ Иордана (4 Цар. 10, 33. Втор. 34, 1. Нав. 22, 9. 13. 15. 32. Суд. 5, 17; 20, 1). Raumer. Palästina. 229. 230. Къ чтенію אֲשֶׁר гораздо ближе чтеніе אֲשֶׁר , особенно, если предположить первоначальное чтеніе безъ гласныхъ знаковъ אֲשֶׁר . Въ книгѣ Судей (1, 32) אֲשֶׁר означаетъ колѣно Асирова. Это колѣно подразумеваютъ и здѣсь (2 Цар. 2, 9) Таргумъ, Schlier, König David. 1870. S. 156, и Кёлеръ. Такое отождествленіе неполнѣ отвѣчаетъ вышеуказанной послѣдовательности именъ. Лучше бы стоялъ здѣсь имени Нефеалима, область котораго ближе къ Галааду. Но Кёлеръ думаетъ объяснить непослѣдовательность здѣсь предположеніемъ, что колѣно Асирова, быть можетъ, первое вступило въ связь съ Авениромъ, чтобы присоединиться къ царству Иевосеа, или же что Асиръ имѣлъ тогда нѣкоторую гегемонію надъ Нефеалимовымъ колѣномъ. Конечно, предположенія эти ничѣмъ не доказаны; но благодаря большому сходству между чтеніями и потому болѣе легкой возможности замѣны одного другимъ, мнѣніе Кёлера заслуживаетъ большаго вниманія сравнительно съ другими. Köhler. Lehrbuch. II. 247. 248. Keil. Biblischer Commentar. Die Bücher Samuels p. S. 215—16. Воцареніе Иевосеа надъ указанными выше колѣнами и областями по сѣ сторону Иордана едва ли простое согласіе со стороны этихъ колѣнъ и областей „считать Иевосеа своимъ царемъ, хотя

ронѣ іудеи находятся въ вассальной зависимости отъ филистимлянъ. Предположеніе это основывается повидимому на довольно твердыхъ соображеніяхъ. Замѣчаютъ во первыхъ: во все то время, когда Давидъ царствуетъ въ Хевронѣ, филистимляне оставляютъ его въ покоѣ; но едва онъ становится царемъ надъ всѣмъ Израилемъ, они тотчасъ нападаютъ на него. Причину такого неодинаковаго отношенія филистимлянъ къ Давиду до и послѣ воцаренія надъ всѣмъ Израилемъ и видятъ нѣкоторые въ вассальномъ отношеніи Давида къ нимъ, прекращенномъ со времени воцаренія его надъ всѣмъ Израилемъ. Какъ извѣстно, благодаря преслѣдованіямъ со стороны Саула, Давидъ вынужденъ былъ бѣжать въ землю филистимскую. Здѣсь получилъ онъ отъ Анхуса, царя геескаго, городъ Секелагъ, на правахъ леннаго государя. Изъ Секелага онъ предпринималъ походы противъ сосѣднихъ народовъ, объясняя Анхусу, что походы эти направлены противъ іудеевъ. Часть добычи, получаемой отъ войны, онъ удѣлялъ Анхусу (1 Цар. 27). Когда послѣдній предпринялъ войну противъ Израиля, Давидъ долженъ былъ принять въ ней участіе съ своимъ войскомъ. Но подозрѣніе противъ него со стороны филистимлянъ освободило его отъ войны съ братьями. За то онъ велъ въ это время мстительную войну съ амаликитянами, разорившими и разграбившими городъ Секелагъ,—чрезъ что, какъ вассалъ, защищалъ границы области своего верховнаго государя (гл. 28—30). Послѣ пораженія Израиля филистимлянами и смерти Саула, Давидъ вошелъ въ Хевронъ, городъ колѣна Іудина, и поселился въ немъ и окрестныхъ съ нимъ городахъ самъ и его

фактическая власть надъ ними безъ сомнѣнія принадлежала филистимлянамъ, охранявшие отряды которыхъ Авениру повидимому не удалось изгнать“ (Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 139). Строго географическій порядокъ колѣнъ и областей говорить, кажется, противъ такого предположенія. Объ охранныхъ филистимскихъ отрядахъ въ Ханаанѣ послѣ воцаренія Иевосеа ничего извѣстно. Напротивъ, Авениръ и Іоавъ съ своими отрядами ходятъ по нему свободно. Ничего не говорится и о столбовеніяхъ Давида съ этими отрядами по его воцареніи надъ всѣмъ Израилемъ.

люди съ своими семействами, послѣ чего іудеи провозгласили его своимъ царемъ (2 Цар. 2, 1—4). Вассальное же отношеніе, въ которомъ Давидъ стоялъ доселѣ къ филистимлянамъ, продолжается, говорятъ, и теперь; Давидъ по прежнему предпринимаетъ походы противъ мелкихъ народцевъ и по прежнему платитъ часть своей добычи Анхусу,—который съ своей стороны оставляетъ ему свободу дѣйствій. Но вотъ Давидъ становится царемъ надъ всѣмъ Израилемъ, прекращаетъ свое прежнее зависимое отношеніе къ филистимлянамъ и они тотчасъ же нападаютъ на него со всею своею силою (2 Цар. 5, 17—25)¹⁾. Такимъ образомъ измѣненіе отношеній къ Давиду со стороны послѣднихъ объясняется повидимому хорошо измѣненіемъ отношеній его къ нимъ,—и слѣдовательно какъ бы подтверждается предположеніе о вассальномъ отношеніи Давида къ филистимлянамъ во время царствованія его въ Хевронѣ. Такое именно отношеніе соотвѣтствуетъ повидимому и другимъ обстоятельствамъ того времени и не противорѣчитъ характеру Давида. Филистимляне достигаютъ въ это время высшей степени своего политическаго могущества. Въ прежнее время при подобныхъ обстоятельствахъ іудеи считаютъ за лучшее оставаться въ рабствѣ у филистимлянъ и выдать даже имъ Самсона, выступившаго на борьбу съ ними, нежели вступать въ эту борьбу, не рассчитывая на успѣхъ (Суд. 15, 9—13). Благоразуміе требуетъ повидимому и теперь подчиниться обстоятельствамъ, принять зависимость отъ филистимлянъ на извѣстныхъ условіяхъ, нежели быть поработенными ими безусловно. А умѣнье быстро соображать обстоятельства и дѣйствовать примѣнительно къ нимъ составляетъ неоспоримо одну изъ отличительныхъ чертъ въ характерѣ Давида. Тѣмъ не менѣе съ указаннымъ выше объясненіемъ покоя со стороны филистимлянъ во время

¹⁾ Эвальдъ. Geschichte des Volkes Israels. B. III. S. 152. 198. Гретцъ. Geschichte der Juden. B. I. S. 226. 227. 238.

царствованія Давида въ Хевронѣ и нападеніемъ ихъ по воцареніи его надъ всѣмъ Израилемъ,—объясненіемъ именно изъ предположенія вассальной зависимости въ первое время Давида отъ филистимлянъ, едвали можно согласиться. Аналогия историческая, указанная выше, не полная. Въ то время іудеи находились уже въ зависимости отъ филистимлянъ и не рѣшались только освободиться отъ нея (Суд. 15, 11). Теперь они свободны отъ нея и имѣютъ въ своей прошлой и недавней исторіи опыты счастливой борьбы именно съ филистимлянами. Трудно допустить, чтобы они согласились принять добровольно зависимость отъ филистимлянъ. Напротивъ, кажется, не совсѣмъ неосновательно замѣчаніе Гретца, что прежнее вассальное отношеніе Давида къ филистимлянамъ причина того, почему іудеи не сами пригласили къ себѣ Давида, а провозгласили его своимъ царемъ лишь послѣ того, какъ онъ съ своими людьми поселился въ городахъ іудейскихъ (2 Цар. 2, 2. 3)¹⁾. Тѣмъ менѣе вѣроятно, что это избраніе его ставило ихъ въ зависимость отъ филистимлянъ. И Давидъ съ своей стороны не имѣлъ нужды оставаться въ прежнему зависимомъ положеніи. Положеніе это было для него вынужденное и ставило его въ различныя нравственныя затрудненія; освободиться отъ него онъ желалъ, конечно, при первомъ удобномъ случаѣ. Такой случай представился ему именно теперь. Правда, филистимляне овладѣваютъ всѣмъ или почти всѣмъ Ханааномъ по сю сторону Іордана къ сѣверу отъ колѣна Іудина. Но для достиженія этого они вынуждены употребить всѣ свои силы. Дальнѣйшій ходъ событій требуетъ отъ нихъ еще большаго напряженія: они должны защищать занятую страну отъ войска Авенира, выступившаго на освобожденіе ея отъ врага. Успѣхъ освобожденія показываетъ постепенное ослабленіе ихъ силы. Такое положеніе дѣлаетъ филистимскихъ видѣлъ безъ

¹⁾ Graetz. Geschichte. B. I. S. 226.

сомнѣнія Давидъ и рѣшился воспользоваться имъ для освобожденія себя отъ вынужденной зависимости. Тоже самое положеніе дѣлъ не позволяетъ и филистимлянамъ выступить противъ Давида, и такимъ образомъ онъ, благодаря хорошо понятымъ обстоятельствамъ, становится изъ вассальнаго государя филистимскаго города Секелага свободнымъ царемъ колѣна Іудина. Изъ тогдашнихъ же обстоятельствъ объясняется и то, почему Давидъ не принимаетъ участія въ освобожденіи Израиля отъ филистимлянъ. Съ одними своими силами онъ едва ли могъ надѣяться на успѣхъ. Дѣйствовать въ союзъ съ другими израильтянами онъ также не могъ: вожди движенія на восточной сторонѣ Іордана были враждебно настроены въ отношеніи къ нему и смотрѣли на него, какъ на узурпатора (2 Цар. 2, 12 и д.)¹⁾.

Не имѣетъ большой силы и другое доказательство вассальной зависимости Давида отъ филистимлянъ, заимствуемое отъ равнодушія и даже холодности къ Давиду со стороны Израиля по смерти Саула. Давидъ помазанъ въ цари надъ Израилемъ, какъ извѣстно, еще Самуиломъ. Еще при жизни Саула весь Израиль и Іуда любятъ Давида (1 Цар. 18, 16). Тогда же смотреть на него, какъ на будущаго преемника Саула: такъ Іонафанъ говоритъ ему, что онъ будетъ царствовать надъ Израилемъ, и желаетъ быть вторымъ человекомъ по немъ въ царствѣ его (1 Цар. 23, 17); Саулъ самъ подозрѣваетъ и Давида въ намѣреніи и народъ въ сочувствіи его намѣренію—быть царемъ (22, 7. 8; 23, 17) и потомъ торжественно высказываетъ свое убѣжденіе, что онъ (Давидъ) непременно будетъ царствовать и что царство израилюво будетъ твердо въ его рукъ, и проситъ его только о томъ, чтобы онъ неистребилъ потомства его послѣ него и не уничтожилъ имени его въ домъ отца его (1 Цар. 24, 21—22); и народъ давно повидимому желалъ, чтобы Давидъ царствовалъ надъ нимъ (2 Цар. 3, 17. 18). И при всемъ

¹⁾ Köhler. Lehrbuch. II. S. 243. 244.

этомъ, по смерти Саула въ теченіи семи съ половиною лѣтъ Давидъ царствуетъ въ Хевронѣ только надъ колѣномъ Іудинымъ (2 Цар. 5, 5). Холодность къ Давиду, открывающаяся изъ этого, становится яснѣе изъ слѣдующаго. Ставши царемъ іудейскимъ, онъ пытается напомнить о себѣ и своемъ воцареніи надъ Іудею заіорданскимъ колѣнамъ. Именно, узнавши, что жители Іависа, города, освобожденнаго нѣкогда Сауломъ отъ позорнаго рабства царю аммонитскому (1 Цар. 11, 1—11), похоронили Саула, онъ отправляетъ къ нимъ посольство поблагодарить ихъ за „эту милость господину своему Саулу“, ободрить ихъ въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ, обѣщать имъ свое благоволеніе и искусно сообщить имъ о томъ, что домъ Іудинъ помазалъ его царемъ надъ собою. „Да воздастъ вамъ Господь милостію и истиною“, должны были сказать, между прочимъ, послы Давида отъ его имени жителямъ Іависа; „и я сдѣлаю вамъ благодареніе за то, что вы сдѣлали. Нынѣ да укрѣпятся руки ваши, и будьте мужественны; ибо господинъ вашъ Саулъ умеръ, а меня помазалъ домъ Іудинъ царемъ надъ собою“ (2 Цар. 2, 5—7). Пожелай жители Іависа, а также и другіе израильтяне уже теперь признать его своимъ царемъ, онъ безъ сомнѣнія согласился бы на это, какъ и согласился позднѣе, и выступилъ бы противъ филистимлянъ. Но этого согласія на этотъ разъ не послѣдовало, хотя слава о доброй памяти Давида, царя іудейскаго, о прежнемъ царѣ Саулѣ могла распространяться въ народъ и располагать его въ пользу Давида¹⁾. Холодность народа къ Давиду и какъ бы забвеніе съ его стороны о немъ были бы еще разительнѣе, еслибы было справедливо предположеніе нѣкоторыхъ, что израильтяне не признаютъ его своимъ царемъ и послѣ смерти Іевосеея въ теченіи пяти съ половиною или около того лѣтъ. Но контекстъ рѣчи въ томъ мѣстѣ (2 Цар. 2, 8—10), на которое опирается это

¹⁾ Ewald. Geschichte. B. III. S. 151. 152.

предположеніе, говорить въ пользу другаго предположенія, — именно, что пять съ половиною лѣтъ прошли со времени смерти Саула до (фактическаго) воцаренія Іевосея надъ всѣмъ Израилемъ, кромѣ Іудина колѣна¹⁾. Какъ бы то ни

¹⁾ Въ указанномъ мѣстѣ книги Царствъ говорится именно, что Іевосей царствовалъ надъ Израилемъ, за исключеніемъ дома Іудина, два года; между тѣмъ Давидъ до своего воцаренія надъ всѣмъ Израилемъ по смерти Іевосея царствуетъ надъ домомъ Іудинымъ въ Хевронѣ семь лѣтъ съ половиною (2, 11; 5, 5). Эта-то разность въ опредѣленіи лѣтъ царствованія того и другаго государя и даетъ поводъ къ различнымъ опредѣленіямъ времени воцаренія Іевосея и Давида надъ всѣмъ Израилемъ. По однимъ Іевосей, какъ и Давидъ въ Хевронѣ, царствуетъ семь съ половиною лѣтъ; два же года, о которыхъ говорится во 2 Цар. 2, 10, означаютъ два года мирнаго царствованія его до начала войны съ Давидомъ, — при чемъ вторая половина стиха 10 и стихъ 11 считаются внесенными словами, а первая половина стиха 10 и стихъ 11 существенно съ 12 стихомъ. Такъ Гуго Гроцій, Авр. Каловій, Іаковъ Уссерій, у Буддея (*Historia ecclesiastica Veteris Testamenti. Edit. tertia. T. II. 100—101*); Генгстенбергъ, *Geschichte des Reiches Gottes unter. d. A. V. P. II. N. 2, S. 114*; Душеполезное Чтеніе 1872 г. Ч. 3. Стр. 138. 144. Противъ этого пониманія говорятъ аналогичныя мѣста 2 Цар. 5, 4; 3 Цар. 14, 21; 22, 42 и др., гдѣ обыкновенно вначалѣ царствованія того или другаго государя указываются полные годы его царствованія. По другимъ Іевосей царствуетъ дѣйствительно только два года. Что же касается Давида, то онъ царствуетъ 7½ лѣтъ въ Хевронѣ сначала одновременно съ Іевосеемъ два года надъ однимъ домомъ Іудинымъ и потомъ по смерти Іевосея тоже въ Хевронѣ надъ всѣмъ Израилемъ пять лѣтъ съ половиною. Такъ Sebast. Schmidt, *ad 2 Sam. quaest. V. p. 72*. Противъ такого пониманія говорить буквальное значеніе 2 Цар. 2, II. 5, 5, по которымъ въ тѣ семь съ половиною лѣтъ, въ которые Давидъ имѣетъ свою резиденцію въ Хевронѣ, царство его ограничивается однимъ домомъ Іудинымъ. По третьимъ Іевосей царствуетъ также два первые года, а въ 5½ лѣтъ послѣ его смерти израильтяне остаются безъ царя, пока наконецъ не избираютъ Давида. Такъ Штэгелинъ, *Das Leben Davids. 1866. S. 33*; Гитцигъ, *Geschichte. I. S. 139*; Олеръ, *Theologie des Alten Testaments. II. 30*; Богородскій, *Еврейскіе цари. 148. 149*. Противъ этого пониманія говорить то, что по 2 Цар. 5, 1 избраніе въ цари Давида слѣдуетъ какъ бы непосредственно а смерть Іевосея, — это впечатлѣніе усиливается и тѣмъ еще, что уже къ концу царствованія Іевосея народъ обнаруживаетъ расположенность къ Давиду (2 Цар. 3, 1. 17. 19), что по смерти Іевосея въ домъ Саула не остается ничего, по крайней мѣрѣ по даннымъ Библии, кто могъ бы съ надеждою на успѣхъ заявить свои права на престолъ, и что безначаліе въ Израилѣ въ такое продолжительное время и при тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ невѣроятно, особенно если предположить съ Богородскимъ, что Израиль прежняго Іевосея царства находится въ это время еще въ зависимости отъ филистимлянъ. Но не

было, но Давидъ, еще при жизни Саула считавшійся его преемникомъ, становится царемъ только надъ колѣномъ слѣдуетъ забывать, что сила этихъ соображеній ослабляется нѣсколько другими. То несомнѣнно, что еще въ царствованіе Іевосея народъ израильскій обнаруживаетъ благорасположеніе къ Давиду. Но къ концу этого царствованія случились обстоятельства, которыя должны были или по крайней мѣрѣ могли значительно его ослабить. Авениръ, полководецъ и главная опора царства Іевосея, падаетъ въ Хевронѣ отъ руки полководца Давидова (2 Цар. 3; 27—39). Убийца Іевосея прибѣгаетъ также къ Давиду, неся съ собою голову убитаго, какъ бы желанный для него подарокъ (2 Цар. 4). Правда, Давидъ невиновенъ ни въ томъ, ни въ другомъ убійствѣ и своимъ поведеніемъ при погребеніи перваго и строгимъ наказаніемъ убійцы втораго ясно засвидѣтельствовалъ свою неприкосновенность къ убійствамъ. Но уже самая рѣзкость и строгость поведенія Давида показываютъ, что онъ созывалъ нужду въ нихъ, и что слѣдовательно предполагалъ тяжелое впечатлѣніе на народъ отъ тѣхъ убійствъ, впечатлѣніе для него невыгодное. И они несомнѣнно произвели такое впечатлѣніе. Говорится именно, что при вѣсти о смерти Авенира опустились руки у Іевосея „и весь Израиль смутился“ (2 Цар. 4, 1). Сраха Іевосея понятенъ: въ Авенирѣ онъ лишился своей лучшей и единственной опоры, — о измѣнническихъ замыслахъ его онъ не зналъ. Смущеніе народа въ то время, когда онъ, благодаря дѣятельности Авенира, готовъ былъ перейти на сторону Давида, предполагаетъ въ народѣ опасеніе за свою будущность, опасеніе понятное при предположеніи въ народѣ подозрѣнія къ искренности дѣйствій Давида, а слѣдовательно и нѣкоторое охлажденіе къ нему въ народѣ. Нужно думать, что народъ хотѣлъ подчиниться Давиду на условіяхъ, — теперь увидѣлъ необходимость подчиниться, или быть подчиненнымъ безъ условій, — и смутился. Но все таки обстоятельства того времени требовали со стороны народа болѣе быстро такого или иного рѣшенія относительно правительства, и невѣроятно, чтобы онъ медлилъ имъ въ теченіи пяти съ половиною лѣтъ. Поэтому болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что Давидъ воцарился надъ всѣмъ Израилемъ вскорѣ по смерти Іевосея, а пять съ половиною лѣтъ прошли между смертію Саула и воцареніемъ Іевосея надъ всѣмъ Израилемъ, кромѣ Іуды. Такъ думаютъ Эвальдъ, *Geschichte. V. III, S. 153. 154*; Гретцъ, *Geschichte. I. S. 228. 439*; Келеръ, *Lehrbuch. I. S. 246. 247*; Вейссъ, *David und seine Zeit. Münster. 1880. S. 140*. Въ пользу этого предположенія говорить все то, что говорить противъ предшествующаго предположенія, а также и связь мѣста 2 Цар. 2, 8—10. Здѣсь говорится именно, что по смерти Саула Авениръ беретъ Іевосея, сына Саулова, и приводитъ его въ Маханаймъ на восточной сторонѣ Іордана. Отсюда онъ воцаряетъ его сначала надъ Галаадомъ и потомъ мало по малу надъ одной областью за другой и надъ всѣмъ Израилемъ, кромѣ Іуды. Только послѣ разсказа объ этомъ воцареніи надъ всѣмъ Израилемъ говорится уже, что сорокъ лѣтъ было Іевосеемъ, когда онъ воцарился надъ Израилемъ, и что онъ царствовалъ 2 года. Ясно, что годы царствованія Іевосея надъ Израилемъ считаются со времени воцаренія его надъ всѣмъ Израилемъ, а при тогдашнихъ обстоятельствахъ воцареніе это едва ли могло произойти быстро.

Иудинымъ; другія колѣна не признають его, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ онъ и дѣлаеть напоминаніе о себѣ.—Чѣмъ объяснить это повидимому довольно странное отношеніе Израиля къ Давиду? Между прочимъ и главнымъ образомъ оно объясняется, говорятъ нѣкоторые, изъ связи Давида съ филистимлянами, врагами своего народа, и вассальнаго къ нимъ отношенія, въ которомъ онъ стоитъ къ нимъ во время своего царствованія въ Секелагѣ и въ которомъ остается и становясь царемъ іудейскимъ¹⁾. Но о вассальномъ отношеніи его къ филистимлянамъ во время царствованія надъ Іудею не можетъ быть рѣчи, какъ мы уже видѣли. Насколько вліяли его прежнія къ нимъ отношенія на отношенія къ нему израильтянъ? Мы уже знаемъ, что еще при жизни Саула на Давида смотрѣли какъ на преемника его на престолѣ. Пребываніе его у филистимлянъ могло огорчать Израиля, но въ то же время всѣ видѣли, что оно вынужденное. Поэтому мы видимъ, что всѣ, кому тяжело было жить подъ властью Саула, переходять къ Давиду (1 Цар. 22, 1. 2; 27, 2; 1 Пар. 12, 1—22); между ними были нѣкоторые даже изъ колѣна Веніамина и даже, быть можетъ, изъ родственниковъ Саула (1 Пар. 12, 2—7). Вѣсть объ участіи Давида въ походѣ филистимлянъ противъ Израиля могла также огорчить послѣдняго и, кажется, дѣйствительно охладила нѣсколько его отношенія къ Давиду. Правда, когда онъ возвращался въ Секелагъ, будучи удаленъ изъ войска филистимлянъ, благодаря подозрительности ихъ князей, къ нему присоединилось семь тысяченачальниковъ изъ колѣна Манассина (1 Пар. 12, 19. 20); но весьма вѣроятно, что Давидъ посылаетъ подарки изъ добычи амаликитской старѣйшинамъ Іудинымъ, друзьямъ своимъ, между прочимъ, и съ цѣлью заявить о своемъ пребываніи дома и изгладить впечатлѣніе отъ вѣсти объ участіи его въ походѣ филистимлянъ. На первыхъ порахъ впечатлѣніе это, кажется, не было из-

¹⁾ Ewald. Geschichte. B. III. S. 152. Graetz. Geschichte. B. I. S. 227.

глажено вполне; іудеи не приглашаютъ къ себѣ Давида въ цари, а помазываютъ его лишь послѣ того, какъ онъ самъ вошелъ въ Іудею и поселился въ ней съ своими людьми. Очень возможно, что тоже извѣстіе произвело тяжелое впечатлѣніе и на другихъ израильтянъ и было одною изъ причинъ, почему они не обратились къ Давиду тотчасъ же по смерти Саула. Но можно указать и другія причины этого. Представимъ себѣ тогдашнее положеніе Израиля. Страна по сю сторону Іордана къ сѣверу отъ колѣна Іудина во власти филистимлянъ; жители ея очевидно не могутъ располагать своею судьбою по своей волѣ; ихъ господинъ и царь тотъ, кто освободитъ ихъ отъ врага. Освобожденіе совершено Авениромъ, полководцемъ Іевосеея; Іевосеея они и признають своимъ царемъ. Страна къ востоку отъ Іордана свободна отъ врага. Сюда Давидъ посылаетъ посольство отъ себя и здѣсь пробуетъ почву, насколько она благопріятна для него. Но жители этой страны менѣе другихъ страдали отъ неурядицъ въ царствованіе Саула, напротивъ, болѣе другихъ получали отъ него защиту отъ враговъ и были болѣе благодарны ему и расположены къ его дому (1 Цар. 11, 1—13; 14, 47; 31, 11—13; 2 Цар. 2, 4—7). Да и они не совсѣмъ свободны. Авениръ съ сыномъ Саула, Іевосеемъ, и остатками войска приходитъ сюда въ Маханаимъ и воцаряетъ Іевосеея прежде всего надъ Галаадомъ. И при расположеніи къ Давиду трудно бы жителямъ Галаада признать его своимъ царемъ. Такимъ образомъ вполне свободно располагають собою въ самомъ началѣ лишь іудеи,—и они признають Давида своимъ царемъ, хотя, быть можетъ, и не вполне по своей свободной инициативѣ. Противъ Давида и другія обстоятельства—искреннее сознаніе однихъ, что преемникомъ Саула на престолѣ долженъ быть его сынъ, и своекорыстные расчеты другихъ, особенно веніаминянъ и изъ нихъ преимущественно Авенира¹⁾. Такъ и случилось, что

¹⁾ Ewald. Geschichte. B. III. S. 152. 153.

Давидъ, еще при жизни Саула считавшійся его преемникомъ, становится царемъ лишь колѣна Іудина. По освобожденіи по-сторонняго Израиля отъ ига филистимскаго Авениромъ и воцареніи надъ нимъ Іевосеея единое царство израильское при Саулѣ распадается формально на два царства. Одно изъ нихъ состоитъ изъ десяти колѣнъ израильскихъ и усвоитъ себѣ названіе—Израиль (2 Цар. 2, 10; 3, 10), весь Израиль (2, 9), весь народъ израильскій (3, 12), или, по господствующему въ немъ царскому дому,—домъ Сауловъ (3, 1); другое состоитъ изъ двухъ колѣнъ—Іудина и Симеонова и называется по имени преобладающаго колѣна—домомъ Іудинымъ (2, 4. 7. 10), Іудою (3, 10), или же, по имени господствующаго въ немъ дома царскаго,—домомъ Давидовымъ (3, 1. 6). Прежнее разъединеніе, слагавшееся, такъ сказать, само собою и состоявшее собственно въ безучастіи того или другаго колѣна къ судьбѣ другихъ, становится теперь намѣреннымъ и вслѣдствіе этой намѣренности получаетъ болѣе рѣзкій и опредѣленный характеръ. При этомъ первомъ намѣренномъ разграниченіи предѣловъ власти двухъ государей въ Израиль заявляетъ о себѣ до нѣкоторой степени и указываемая нами естественная граница между среднимъ и южнымъ Ханааномъ. Давидъ, царь собственно колѣна Іудина, распространяетъ до нѣкоторой степени свое вліяніе и на колѣно Веніаминово до той границы¹⁾.

О добровольномъ соединеніи обонхъ царствъ не можетъ быть теперь рѣчи. Ему воспротивятся прежде всего цари, такъ какъ одинъ изъ нихъ долженъ бы былъ отказаться отъ престола; ему воспротивятся ихъ ближайшіе приверженцы и особенно ихъ главные полководцы, одинаково ревнивые къ своему высокому положенію, такъ какъ опять одинъ изъ нихъ долженъ бы уступить другому. Да и подданные ихъ едва ли особенно желаютъ соединенія: ихъ жизнь давно уже текла своимъ особеннымъ русломъ; общая жизнь при Саулѣ

¹⁾ Смотри выше, стр. 39.

была непродолжительна и уже къ концу его царствованія начала опять распадаться. Правда, и израильяне, члены теперешняго царства Іевосеея, желали давно имѣть Давида своимъ царемъ; но это желаніе ихъ было при другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Нужно думать, они желали сами первые воцарить его у себя, чтобы потомъ быть первыми при немъ. Теперь Давидъ уже помазанъ въ цари іудеями, они первые по немъ; остальные израильяне, какъ позднѣе присоединившіеся къ нему, должны бы стоять нѣкоторымъ образомъ вдали отъ него, уступая первыя мѣста іудеямъ, а этого они, особенно ефремляне и веніаминяне изъ нихъ, не могли желать для себя,—первые, какъ всегда стремившіеся къ первенству, вторые, какъ колѣно теперь царственное. Вѣрность такого представленія дѣла подтверждается для насъ аналогичнымъ примѣромъ изъ позднѣйшей исторіи Давида. Во время возмущенія Авессалома, именно послѣ пораженія его войска и его собственной гибели, израильяне, кромѣ іудеевъ, изъявляютъ желаніе возвратить Давида на царство. Но когда потомъ іудеи, прежде не раздѣлявшіе этого желанія, предупреждаютъ ихъ въ его осуществленіи, они высказываютъ неудовольствіе и отпадаютъ опять отъ Давида (2 Цар. 19, 9—15. 40—43). Причина такой перемѣны въ отношеніяхъ израильянъ къ Давиду заключается главнымъ образомъ въ ихъ опасеніи, какъ бы іудеи за обнаруженную ими предательность при встрѣчѣ царя не получили отъ него какихъ либо особыхъ сравнительно съ ними преимуществъ. Такъ точно и теперь. Пока Давидъ одинъ или окруженъ людьми изъ всего Израиля, израильяне желаютъ имѣть его своимъ царемъ; но когда онъ уже сталъ царемъ іудейскимъ, когда слѣдовательно іудеи стали къ нему ближе другихъ израильянъ, эти послѣдніе едва ли желали особенно имѣть его царемъ, развѣ при особыхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, которыя и наступаютъ позднѣе и которыхъ теперь нѣтъ.

Но и оставаться въ прежнемъ безучастномъ одна къ другой отношеніи обѣ половины единого прежде царства — не могутъ. Сами по себѣ израильтяне и іудеи, быть можетъ, и оставались бы; но этого не могутъ допустить ихъ цари. Оба они вступаютъ на свои престолы въ надеждѣ стать царями всего Израиля, — Давидъ въ силу божественнаго избранія и пророческаго помазанія, — Іевосеей въ силу естественнаго обычая наслѣдованія сыномъ послѣ отца, хотя по отношенію къ престолонаслѣдію обычай тотъ еще не узаконенъ у Израиля человѣческимъ опредѣленіемъ и даже отвергнутъ божественнымъ правомъ. Борьба между обоими царствами неизбежна, и начало ея должно принадлежать Іевосеею: онъ вынужденъ распространять и утверждать свое господство своею силою, тогда какъ Давидъ ждетъ своего времени отъ руки и помощи божественной. И онъ, Іевосеей, или лучше Авениръ, его полководецъ, дѣйствительно начинаетъ эту борьбу. Вопаривъ Іевосею надъ заіорданскою страню, Авениръ освобождаетъ потомъ страну по сю сторону Іордана отъ филистимлянъ, подчиняетъ ее Іевосеею и затѣмъ открываетъ войну съ Давидомъ съ цѣлью подчинить скипетру Іевосею и Іудею (2 Цар. 2, 12—3, 1). Но большія преимущества въ этой междоусобной войнѣ на сторонѣ Давида. Здѣсь во главѣ войска самъ царь Давидъ, мужественный и искушенный въ бояхъ, и къ тому же помазанный Самуиломъ въ цари и слѣдовательно избранный и предназначенный самимъ Богомъ. Здѣсь около царя отрядъ въ шесть сотъ чело- вѣкъ преданнѣйшихъ царю и отборно-искусныхъ воиновъ. И всѣ подданные царя, какъ члены одно съ нимъ колѣна, тѣсно связаны съ нимъ и между собою, хотя по числу и значительно слабѣ царства Іевосею. Подданныхъ Іевосею больше, но его царство состоитъ изъ нѣсколькихъ колѣнъ и потому уже менѣ сплочено внутри. У Іевосею нѣтъ такого, какъ у Давида, отборнаго войска. И самъ онъ не отличается ни мужествомъ, ни опытностью военною, и даже не принимаетъ самъ лично активнаго участія въ дѣ-

лахъ правленія и войны, предоставляя дѣйствовать Авениру, которому обязанъ онъ и своимъ престоломъ. Къ тому же онъ и не признанъ царемъ голосомъ Божиимъ. Неудивительно поэтому, что въ открывшейся войнѣ Давидъ все болѣе и болѣе усиливается, а домъ Сауловъ болѣе и болѣе ослабѣвалъ (2 Цар. 3, 1); борьба яснѣе и яснѣе обнаруживала преимущества Давида и его царствованія и недостатки Іевосею, а съ тѣмъ вмѣстѣ шире и шире распространялась, конечно, въ народѣ молва о помазаніи Давида въ цари Самуиломъ¹⁾. Замѣчательно, что по представленію библейскому, борьба ведется не между израильтянами и іудеями, — и это несомнѣнно соответствуетъ дѣйствительности: самъ по себѣ народъ если и не чувствовалъ особен-

¹⁾ Помазаніе Давида Самуиломъ совершилось втайнѣ. Самуиль, получившій повелѣніе отъ Бога помазать новаго царя, опасается, какъ бы не узналъ объ этомъ Саулъ и не убилъ его, и долженъ предпринять особныя мѣры предосторожности (1 Цар. 16, 1. 2). Уже поэтому нельзя думать, что помазаніе совершено въ присутствіи старѣйшинъ вилеискихъ предъ жертвеннымъ обѣдомъ, на который были приглашены они и Іессей съ своими сыновьями, какъ можно бы заключать изъ ст. 5. 6. 11. Вѣроятно, оно совершено во время освященія Іессей и его сыновей, которое совершилъ лично Самуиль въ домѣ Іессей. Этому освященію долженъ былъ подвергнуться и Давидъ, который также присутствовалъ при жертвѣ (5. 11). Köhler. Lehrbuch. II. S. 181. Понятно далѣе, что при жизни Саула помазаніе Давида въ цари держалось въ тайнѣ, и мы не видимъ дѣйствительно указаній на него, кромѣ общихъ гаданій, источникомъ коихъ могли быть любовь народа къ Давиду и его удивительная судьба. Таковы, напримѣръ, предположенія Іонавана и Саула (1 Цар. 23, 17; 24, 21). Повидимому на слухъ о помазаніи Давида опирается рѣчь Авигей, когда она говоритъ: «и когда сдѣлаетъ Господь господину моему все, что говорилъ о тебѣ добраго, и поставитъ тебя вождемъ надъ Израилемъ»... (2 Цар. 25, 30). Но вся рѣчь Авигей льстивая, лесть и здѣсь могла заставить выразить такъ общую увѣренность. Не въ интересъ также Іевосею и его приверженцевъ было распространять молву о помазаніи Давида, — хотя она могла теперь распространяться свободнѣе въ израильскомъ царствѣ; за то распространеніе ея было въ прямомъ интересѣ іудеевъ. Эту молву подтверждалъ потомъ и Авениръ и на ней основалъ, въ глазахъ народа, свой планъ о передачѣ Іевосею царства Давиду.

ной близости между своими членами, то не питалъ и вражды, — отношенія колѣнъ были, какъ и въ періодъ судей, болѣе, такъ сказать, безразличныя. Борьба ведется между представителями той и другой половины народа — ихъ царями іудейскимъ и израильскимъ и ихъ ближайшими приверженцами, между домомъ Сауловымъ и домомъ Давидовымъ (2 Цар. 3, 1. 6. 8. 10), слугами Іевосея и Давида (2, 12. 13. 15). Неизвѣстно, какъ продолжительна была бы эта война, если бы не ускорили ея развязки особенныя обстоятельства. Авениръ оскорбляется выговоромъ Іевосея изъ-за наложицы Саула и вступаетъ въ переговоры съ Давидомъ съ цѣлю передать ему царство Іевосея. Изъ этихъ переговоровъ съ особенною ясностію видны тогдашнія отношенія между царствами, — видно, что израильтяне знали уже объ опредѣленіи Божиимъ относительно царствованія Давида вмѣсто дома Саулова (2 Цар. 3, 9. 18), что они уже давно желали имѣть его своимъ царемъ (17), что Іевосея царствуетъ, благодаря Авениру, оказавшему противъ Іуды милость дому Саула, отца его, братьямъ его и друзьямъ его, и не предавшему его въ руки Давида (8), что особенное сопротивление воцаренію Давида оказывали вѣніаминяне, слѣдовательно родное Саулу колѣно. Объ этомъ послѣднемъ можно заключать изъ слѣдующаго. Въ описаніи междоусобной войны вѣніаминяне выдѣляются изъ другихъ израильтянъ (2 Цар. 2, 31). Они обнаруживаютъ наибольшую сравнительно съ другими энергію въ болѣе важныя и критическія моменты борьбы (ст. 15. 25). И переговоры, въ намѣреніи передать царство Давиду, Авениръ ведетъ отдѣльно съ израильтянами другихъ колѣнъ и вѣніаминянами и потомъ передаетъ Давиду отдѣльно желанія Израиля и всего дома Вѣніаминова (2 Цар. 3, 17—19). Относительно сущности этихъ переговоровъ можно только сказать, что израильтяне переходили на сторону Давида не безусловно, а выговаривали себѣ извѣстныя права; вѣніаминяне же, какъ болѣе ревностныя въ борьбѣ съ нимъ и потому опасавшіяся въ некоторой опалѣ, быть можетъ, ста-

вили въ условія и забвеніе прошлаго. По аналогіи съ позднѣйшимъ фактомъ изъ исторіи Давида (2 Цар. 19, 13) можно думать, что однимъ изъ главныхъ условій было сохраненіе за Авениромъ званія главнокомандующаго войсками Давида ¹⁾. Но соединеніе разьединенныхъ половинокъ государства на основѣ переговоровъ Авенира не осуществилось: Авениръ палъ отъ руки Іоава до его осуществленія. Скоро затѣмъ погибъ и Іевосея. Въ домѣ Саула не оставалось никого, кто могъ бы съ достоинствомъ принять въ свои руки кормило правленія (2 Цар. 4, 4). При первомъ извѣстіи о смерти Авенира народъ израильскій смутился (2 Цар. 4, 1). Смущеніе возобновилось безъ сомнѣнія при извѣстіи о смерти Іевосея. Но поведеніе Давида въ томъ и другомъ случаѣ разсѣяло возникшія, быть можетъ, противъ него подозрѣнія. Начатыя еще Авениромъ переговоры съ нимъ послужили израильтянамъ основой для окончательнаго согласенія и признанія его царемъ надъ всѣмъ Израилемъ (2 Цар. 5, 1—3). Такъ прекратилось опять раздвоеніе среди Израиля; Израиль составляетъ снова одинъ народъ подъ управленіемъ одного царя изъ колѣна Іудина, которое доселѣ жило въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ колѣнъ, но которому давно уже предсказано было первенствующее среди другихъ колѣнъ положеніе (Быт. 49, 8—10). Это объединеніе, вышедшее отъ народа и нашедшее прочную опору въ сильномъ и благоразумномъ государѣ, тѣснѣе объединило Израиля, — но и Давидъ не могъ уничтожить совсѣмъ вѣнчательное раздвоеніе среди колѣнъ.

¹⁾ Келеръ находитъ невѣроятнымъ, чтобы Давидъ призналъ главнокомандующимъ Авенира вмѣсто Іоава на томъ основаніи, что онъ велъ въ послѣднее время несчастныя войны и что вѣрность его сомнительна, и отвергаетъ аналогію 2 Цар. 19. Но и Амессай былъ пораженъ въ борьбѣ съ Давидомъ и вѣрность его могла представляться тоже сомнительною, а неисполнительность обнаружилась вскорѣ, — и все-таки Давидъ обѣщаетъ сдѣлать его военачальникомъ.

Давидъ былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ печальнаго раздвоенія колѣнъ, былъ даже невольнымъ виновникомъ его и происшедшихъ изъ него бѣдствій израильскаго народа. Все зло этого раздвоенія онъ чувствовалъ несомнѣнно сильнѣе всѣхъ другихъ, давно стремился къ его уничтоженію и теперь, поставленный во главѣ народа, принимается за объединеніе его всѣми силами своей души. Внутреннее, изъ самаго народа вышедшее сознаніе необходимости этого объединенія служить ему ручательствомъ за успѣхъ предпріятія. Но предпринимаемыя имъ мѣры своею нерѣшительностью показываютъ еще существованіе раздвоенія, которое и проявляется однажды даже съ значительною рѣзкостью. Къ концу царствованія Давида раздвоеніе представляется какъ бы уничтоженнымъ, но только видимому.

Предшествовавшее царствованіе Саула не имѣло сильныхъ, связующихъ всѣ колѣна элементовъ. Здѣсь были лишь царь, въ началѣ сильный и воинственный, но къ концу ослабѣвшій и своими безразсудными дѣйствіями многихъ оттолкнувшій отъ себя,—и его военныя дѣйствія особенно славныя въ первые годы его царствованія. Но здѣсь не было сильнаго главнаго города, который могъ бы быть болѣе или менѣе общимъ и оказывать вліяніе на весь народъ: столицей Саула остался родной его незначительный городъ Гива, принадлежавшій колѣну Вениаминову. Какъ бы въ связи съ этимъ стоитъ то, что царствованіе Саула носитъ на себѣ характеръ болѣе преобладанія одного Вениаминова колѣна надъ другими: Саулъ пытается возбудить ревность своего колѣна въ своемъ преслѣдованіи Давида (1 Цар. 22, 7—8); вениаминыя поддерживаютъ съ особенною энергіею Авенира въ борьбѣ съ Давидомъ (2 Цар. 2, 25; 3, 19; ср. 1 Цар. 12, 29). А преобладаніе одного колѣна вызываетъ естественно соперничество со стороны другихъ. Религія также лишена была возможности оказывать свое объединительное значеніе: ковчегъ завѣта, величайшая свя-

тыня Израиля, стоялъ въ скинии собранія и оставался въ забвеніи (1 Цар. 13, 3); скинія безъ ковчега—тоже, что тѣло безъ души, хотя богослуженіе и продолжало въ ней совершаться (1 Цар. 21, 1—7). Священниковъ Саулъ оттолкнулъ отъ себя своимъ непостоянствомъ и своею нечеловѣческой жестокостью по отвращенію къ первосвященнику и священникамъ номвскимъ (1 Цар. 22, 9—21). Съ пророкомъ Самуиломъ—живымъ народнымъ и религіознымъ центромъ Израиля того времени—онъ былъ въ ссорѣ. Гражданское и военное устройство не представляетъ ничего особеннаго въ смыслѣ объединенія колѣнъ. Именно на всѣ эти стороны, важныя для объединенія народа, обращаетъ вниманіе Давидъ, поставившій своею задачею образовать изъ Израиля тѣсно и крѣпко сплоченный народъ.

Первое болѣе значительное дѣло его царствованія—завоеваніе съ войсками изъ всего Израиля Іерусалима и потомъ возведеніе его на степень главнаго города всего израильскаго государства (2 Цар. 5, 5—9; 1 Цар. 11, 4—8). Значеніе того и другаго факта для объединенія колѣнъ весьма важно. При раздѣленіи Ханаана Іисусомъ Навиномъ Іерусалимъ достался колѣну Вениаминову (Нав. 18, 28). Но доселѣ онъ оставался въ рукахъ іевусеевъ. Завоеваніе его теперь войскомъ изъ всего Израиля дѣлаетъ его нѣкоторымъ образомъ общенароднымъ или общегосударственнымъ достояніемъ. Принадлежа колѣну Вениаминову, Іерусалимъ лежалъ на границѣ его съ Іудинымъ и считался до нѣкоторой степени городомъ того и другаго колѣна. Завоеваніе его считается обязанностью ихъ обоихъ (Нав. 15, 63; Суд. 1, 21), и Іуда дѣйствительно завоевываетъ его, ввронтно нижній городъ, а Сіонъ остается въ рукахъ іевусеевъ (Суд. 1, 8)¹⁾. Въ Іерусалимѣ іудеи и вениаминыя живутъ совмѣстно съ іевусеями (Нав. 15, 63; Суд. 1, 21). Когда потомъ колѣна рас-

¹⁾ Raumer. Palästina. 335.

падаются на двѣ половины и по смерти Саула образуютъ изъ себя два царства—израильское и царство Давидово или іудейское, Іерусалимъ оказывается на границѣ этихъ двухъ царствъ, фактически принадлежа тому и другому. И по этому своему положенію онъ особенно способенъ быть столицею государства, состоящаго изъ соприкасавшихся въ немъ половинокъ. Это положеніе Іерусалима на границѣ двухъ половинокъ государства замѣняетъ отчасти и неполнѣ среднее положеніе его въ немъ въ географическомъ отношеніи; въ этомъ послѣднемъ Сихемъ занималъ бы болѣе выгодное положеніе. Но и въ географическомъ отношеніи Іерусалимъ, какъ столица, занимаетъ выгодное положеніе. Онъ расположенъ на горѣ,—по Флавію¹⁾, на четырехъ горахъ,—съ востока, юга и запада окруженаой долинами, и потому представляетъ собою сильную, почти неприступную крѣпость; особенно нужно сказать это о сіонской крѣпости, которая потому и оставалась незавоеванной со стороны Израиля до Давида. Искусство еще болѣе могло укрѣпить Іерусалимъ. Крѣпкое положеніе столицы важно особенно въ войнѣ съ внѣшними врагами. Но могущество ея важно и для внутренняго объединенія частей государства и для болѣе твердаго управленія ими. Возведеніе Іерусалима, города новаго въ израильскомъ царствѣ, на степень его столицы важно и для прочности царствованія Давида и его дома: онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ Давиду, почему и называется иногда городомъ Давидовымъ (2 Цар. 5, 7. 1 Пар. 11, 7); въ немъ и этотъ послѣдній (Давидъ) можетъ найти опору и убѣжище въ случаѣ внутреннихъ возмущеній.

Чтобы еще болѣе усилить централизирующее значеніе Іерусалима, Давидъ дѣлаетъ его центромъ не только политической, но и религіозной жизни. Въ теократическомъ госу-

¹⁾ De bello judaico. V, 4. 1. 2.

дарствѣ Израиля общественное (собственно жертвенное) богослуженіе должно совершаться въ одномъ только мѣстѣ; такое мѣсто до построенія храма Соломонова—скинія собранія (Лев. 17, 1—9; Втор. 12, 4—14). Со времени завоеванія Ханаана израильтянами при Іисусѣ Навинѣ и до плѣненія ковчега завѣта филистимлянами при первосвященникѣ Или скинія находится въ Силомѣ (Нав. 18, 1; 1 Цар. 1, 3; 4, 3. 4). Во время Саула мы видимъ ее въ Номвѣ, городѣ Веніаминовомъ (1 Цар. 21, 1—9)¹⁾. При Давидѣ и Соломовѣ мы находимъ ее въ Гаваонѣ (1 Пар. 16, 39; 21, 29; 2 Пар. 1, 3). Быть можетъ, она перенесена была сюда еще Сауломъ, послѣ того какъ онъ истребилъ священниковъ номвскихъ и опустошилъ весь городъ Номву (1 Цар. 22, 17—20)²⁾. Въ этой исторіи странствованія скинии замѣчательно то, что она оказывается всегда въ томъ колѣнѣ, которое преобладаетъ въ извѣстное время надъ другими колѣнами. При Іисусѣ Навинѣ изъ колѣна Ефремова она находится въ колѣнѣ Ефремовомъ (въ Силомѣ). Въ этомъ же колѣнѣ она остается и въ періодъ судей до плѣненія ков-

¹⁾ У пророка Исаи Номва представляется послѣднимъ предъ Іерусалимомъ мѣстомъ отдыха на пути ассиріанъ къ Іерусалиму (Ис. 10, 32).

²⁾ Поводомъ къ перенесенію скинии сюда именно могло послужить извѣстное изъ исторіи завоеванія Ханаана Іисусомъ Навиннымъ обязательство, возложенное на гаваонитянъ,—рубить дрова и черпать воду для общества и для жертвенника Господня (Нав. 9, 27). Съ теченіемъ времени это обязательство могло выйти изъ практики и забыться тѣмъ болѣе, что скинія собранія находилась въ городѣ, довольно отдаленномъ отъ Гаваона. Саулъ, ревновавшій о восстановленіи древнихъ нравъ религіи, могъ вспомнить объ этомъ обязательствѣ гаваонитянъ и, чтобы удобнѣе было его исполнять, перенесъ сюда скинію. Эвальдъ предполагаетъ, что это возобновленіе обязательства вызвало ссору между Сауломъ и гаваонитянами и жестокое истребленіе первымъ послѣднихъ (2 Цар. 21, 1). Ewald. Geschichte. V. III. S. 184. Но Гретцу, Саулъ перенесъ скинію въ Гаваонъ, потому что тамъ, послѣ истребленія имъ гаваонитянъ, поселились его родственники, которые могли наблюдать за вѣрностью первосвященника и его семьи. Graetz. Geschichte V. I. S. 190. 211.

чега завѣта филистимлянами при Иліи,—и въ этотъ періодъ ефремляне усиливаются стоять впереди другихъ колѣнъ, хотя и даютъ изъ себя одного только судью (Авдоа. Суд. 12, 15). Съ Самуиломъ и особенно съ Сауломъ выступаетъ на первый планъ колѣно Вевіаминово,—и скинія собранія является въ немъ (въ Номвѣ и Гаваонѣ), хотя и не занимаетъ вполне подобающаго ей значенія. Такимъ образомъ центръ политической жизни (если можно только говорить о такомъ центрѣ даже въ широкомъ смыслѣ и въ періодъ судей) стоялъ всегда въ исторіи Израиля болѣе или менѣе въ связи съ центромъ религіозной жизни.

Но исторія скиніи представляетъ и другой замѣчательный и доселѣ еще необъясненный фактъ. Этотъ фактъ особенно важенъ для насъ, такъ какъ при извѣстномъ его пониманіи онъ можетъ доказывать существованіе глубокаго внутренняго разъединенія и соперничества между двумя половинами еврейскаго царства даже въ то время, когда онѣ повидимому составляли одно сильное цѣлое. Извѣстно, что ковчегъ завѣта, плѣненный и потомъ опять возвращенный филистимлянами, поставленъ былъ въ Кириаѳіаримѣ, гдѣ и оставался до перенесенія его при Давидъ въ Іерусалимъ (1 Цар. 7, 1. 2; 2 Цар. 6, 2; 1 Пар. 13, 6). Самъ собою навязывается вопросъ, почему онъ не былъ поставленъ теперь же или нѣсколько позднѣе во святомъ святыхъ скиніи собранія, на мѣстѣ, указанномъ ему закономъ? Вопросъ этотъ тѣмъ настойчивѣе требуетъ своего рѣшенія, что именно въ это время—подъ влияніемъ тѣсныхъ обстоятельствъ, особенно плѣненія, хотя и кратковременнаго, ковчега завѣта, и увѣщаній со стороны Самуила израильскій народъ оставляетъ Вааловъ и Астартъ и обращается къ Іеговѣ (1 Цар. 7, 3. 4). Такъ при Самуилѣ, такъ и при Саулѣ;

¹⁾ Вааль—Іудинъ тождественъ съ Кириаѳіаримомъ. Нав. 15, 9. Кириаѳіаримъ называется еще Кириаѳъ—Вааль. (ст. 60).

самъ Саулъ, какъ извѣстно, былъ строгимъ ревнителемъ по культѣ Іеговы (1 Цар. 14, 32—45; 28, 3). Возможны и предлагаются различныя рѣшенія этого вопроса. Не разрѣшаетъ вопроса, а разсѣкаетъ его тотъ взглядъ, по которому ни ковчегъ завѣта не имѣлъ значенія, какое ему обыкновенно усвоится¹⁾, ни скинія не существовала въ томъ видѣ и съ тѣмъ значеніемъ, какіе ей усвоются²⁾. Ближе къ рѣшенію подходитъ повидимому тотъ взглядъ, по которому скинія собранія Моисеева была разрушена филистимлянами вмѣстѣ съ плѣненіемъ ковчега завѣта³⁾. Но о разрушеніи скиніи ничего не говорится и въ позднѣйшей исторіи встрѣчается, какъ мы видѣли уже, именно Моисеева скинія. Другіе, признавая предшествующее предположеніе о разрушеніи скиніи, обращаютъ вниманіе на характеръ религіозной реформы Самуила,—указываютъ на то, что онъ—пророкъ, устрояетъ жертвенникъ Іеговѣ въ своемъ городѣ, отличный отъ жертвенника при скиніи (1 Цар. 7, 17), и вообще служеніе Богу внутреннее предпочитаетъ внѣшнему служенію жертвами (1 Цар. 15, 22),—и на основаніи всего этого ставятъ его въ прямую противоположность къ священству, изъ каковой противоположности объясняютъ и забвеніе скиніи и ковчега завѣта въ то время⁴⁾. Но о такой противоположности не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ, и постройкою жертвенника и соверше-

¹⁾ Wilhelm Vatke. Die biblische Theologie. Berlin. 1835. B. I. S. 318.

²⁾ I. Wellhausen. Geschichte Israels. Berlin. 1878. B. I. S. 17—23. 40—48.

³⁾ Graetz. Geschichte. B. I. S. 146. 159.

⁴⁾ Graetz. Geschichte. B. I. S. 160. Гретцъ думаетъ, что священники, потомки Аарона, построили въ Номвѣ новую скинію и даже ковчегъ завѣта въ замѣнъ плѣннаго филистимлянами. Но „Самуилъ не заботился ни объ ааронидѣхъ въ Номвѣ, ни объ ихъ святилищѣ, ни объ ихъ коніи ковчега завѣта“. Настоящій же ковчегъ завѣта находился въ лѣсномъ мѣстѣ и, быть можетъ, на холмѣ, прежде посвященномъ Ваалу, и по тому и другому казался оспро- тѣвшимъ. S. 146.

ниемъ жертвоприношеній (1 Цар. 10, 8; 11, 15; 13, 8. 9) онъ содѣйствуетъ поддержанію служенія Іеговы и жертвами¹⁾. Самое построение жертвенника внѣ скинии, вопреки закону, объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что лишенная ковчега завѣта скинія потеряла значеніе исключительнаго мѣста жертвоприношеній. Едва ли можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ и Келерово объясненіе существованія ковчега завѣта внѣ скинии собранія. „Въ Силомъ онъ (ковчегъ завѣта) не могъ быть возвращенъ, говоритъ Келеръ, потому что этотъ городъ былъ разрушенъ и отвергнутъ, какъ мѣстожителство Іеговы; не могъ онъ быть соединенъ опять и съ скиніею собранія, потому что всякое мѣсто, на какомъ бы она ни была поставлена, было бы избрано произвольно: Іегова не избралъ еще никакого новаго мѣстожителства среди Израиля“²⁾. Конечно, по отношенію къ скинии собранія всякое мѣсто, безъ указанія Іеговы, было бы избрано произвольно; но мѣсто ковчега завѣта въ скинии было законное, а не определенное людскимъ произволомъ, — въ святое святыхъ скинии онъ и долженъ бы быть поставленъ, если только она существовала. Если же онъ не былъ поставленъ сюда, то должны быть предположены не только отсутствіе прямого указанія Іеговы, — къ чему такое указаніе для того, чтобы поставить ковчегъ на мѣсто, для него назначенное? — но и положительная причина, препятствовавшая народу сдѣлать и должное по закону. И такую причину можно, кажется, указать. Извѣстно, что жители Веесамиса приняли съ радостью возвратившійся изъ плѣна ковчегъ завѣта (1 Цар. 6, 13—15) и, нѣтъ сомнѣнія, отправили бы его въ городъ, гдѣ стояла потомъ скинія. Но жестокое поражение многихъ изъ нихъ смертію³⁾ возбудило

¹⁾ Келеръ находитъ возможнымъ предполагать, что Самуилъ совершалъ жертвоприношенія не своими руками и не безъ посредства священниковъ. Köhler. Lehrbuch. II. S. 16. 17.

²⁾ Köhler. Lehrbuch. II. S. 112.

³⁾ По еврейскому тексту буквально: „семьдесятъ мужей, пятьдесятъ тысячъ мужей“ (1 Цар. 6, 19). Это довольно странное чтеніе Эвальдъ понимаетъ такъ: „70 мужей, 50,000 мужей; слѣдовательно развиваясь постепенно отъ того числа до этого“. Эвальдъ. Geschichte II. 590. Душеполезное чтеніе

въ нихъ, а также и въ другихъ израильтянахъ ужасъ предъ нимъ. Оно свидѣтельствовало, что гнѣвъ Божій на нихъ, открывшійся въ плѣненіи ковчега, не прекратился еще доселѣ, — что и возвращеніе ковчега приноситъ также бѣдствія. Этимъ объясняется, что жители Веесамиса не пересылаютъ ковчега прямо къ мѣсту тогдашняго пребыванія скинии, а посылаютъ первоначально пословъ въ Киріаѳіаримъ съ приглашеніемъ взять его отъ нихъ (1 Цар. 6, 20. 21)¹⁾. Это предположеніе находитъ подтвержденіе себѣ и въ исторіи Давида. Страхъ предъ ковчегомъ завѣта, возбужденный внезапною смертію Озы, былъ причиною остановки уже начатаго перенесенія его въ скинію, построенную Давидомъ (2 Цар. 6, 7—11). Но при объясненіи разсматриваемаго нами страннаго факта — существованія ковчега завѣта внѣ скинии могутъ имѣть мѣсто и слѣдующія соображенія. Киріаѳіаримъ, куда перенесенъ ковчегъ завѣта изъ Веесамиса и гдѣ онъ остается долгое время, принадлежитъ колѣну Іудину, хотя и лежитъ на границѣ его съ Веніаминавымъ (Нав. 15, 60; 18, 14). Скинія собранія, доселѣ стоявшая въ Силомѣ, оказывается теперь въ Номвѣ, городѣ колѣна Веніаминава (1 Цар. 21)²⁾, близко родственнаго съ Ефремовымъ. При извѣстномъ уже намъ разъединеніи между колѣномъ Іудинымъ съ одной стороны и остальными колѣнами съ другой невольно возникаетъ вопросъ, — не стоитъ

1872 г. 7. 252. Генгстенбергъ — такъ: „70 жителей изъ пятидесяти тысячъ умерли внезапною смертію“. Генгстенбергъ. Geschichte. II. 2. S. 70. Келеръ, признавая числовую дату въ 1 Цар. 6, 19 поврежденною, читаетъ: „70 мужей“. Köhler. Lehrbuch. II. S. 111. Такъ точно думаетъ и Кейль. Bibl. Comm. Bücher Samuels. S. 52.

¹⁾ На вопросъ: почему именно жители Киріаѳіарима приглашаются взять къ себѣ ковчегъ завѣта, Келеръ отвѣчаетъ: „едва ли потому что Киріаѳіаримъ лежалъ на пути отъ Веесамиса къ Силому (такъ Кейль); ибо этотъ послѣдній былъ отвергнутъ Іеговою, какъ мѣстожителство“, и предполагаетъ, что жители Веесамиса спрашивали у сосѣднихъ городовъ, который изъ нихъ готовъ принять къ себѣ ковчегъ завѣта, и что именно Киріаѳіаримъ изъявилъ готовность на его принятіе. Келеръ. Lehrbuch. II. S. 111.

²⁾ Köhler. Lehrbuch. II. S. 202.

ли отдѣленіе ковчега завѣта отъ скинии въ связи съ этимъ раздѣвленіемъ, при чемъ колѣно Іудино не хотѣло бы выпустить изъ своихъ рукъ величайшую святыню, доставшуюся ему, какъ бы по особому изволенію Божию, а колѣно Веніаминово,—или группа съ нимъ тѣснѣе соединенныхъ колѣнъ,—не хотѣло упустить скинии собранія, доселѣ остававшейся среди нихъ. Положеніе Кириаѳарима на границѣ колѣна Іудина съ Веніаминовымъ могло благоприятствовать тому, что ковчегъ завѣта могъ оставаться здѣсь удобнѣе святынею для всего народа. Изъ этого же можетъ отчасти объясняться и то, почему онъ не былъ перенесенъ въ Хевронъ, главный городъ колѣна Іудина, именно городъ, отдаленный отъ границы Іуды съ другими колѣнами.

Мы создаемъ, что послѣднее основаніе, указываемое нами въ соперничествѣ колѣнъ, само по себѣ слишкомъ слабо для того, чтобы на немъ строить объясненіе раздѣленія между ковчегомъ завѣта и скиніею собранія¹⁾. Но изъ него объясняется значительно нерѣшительность религиозныхъ мѣръ, предпринятыхъ Давидомъ для объединенія еврейскаго царства, и эта нерѣшительность подтверждаетъ значительно въ свою очередь то основаніе. Мы уже говорили, что для болѣе тѣснаго и прочнаго объединенія своего царства Давидъ дѣлаетъ Іерусалимъ не только политическимъ, но и религиознымъ центромъ. Въ послѣднемъ отношеніи цѣль вѣрнѣе можетъ быть достигнута для израильскаго народа въ томъ случаѣ, если скинии собранія и ковчегъ завѣта будутъ соединены по прежнему въ одномъ городѣ и въ прежнему видѣ. Давидъ, конечно, хорошо сознаетъ это и всетаки этого не дѣлаетъ. Повидимому онъ дѣлаетъ даже противоположное. Онъ переноситъ ковчегъ завѣта въ Іерусалимъ и помѣщаетъ его въ новой, нарочито для него построенной, скинии (2 Цар. 6,

¹⁾ Въ Душеполезномъ Чтеніи причина пребыванія ковчега завѣта въ Кириаѳаримѣ въ скинии, которая, предполагается, была въ Силомѣ, прямо указывается въ нежеланіи колѣна Іудина отпустить отъ себя ковчегъ завѣта. 1872. кн. 7. Стр. 253.

17; 1 Пар. 16, 1), учреждаетъ при ней особый штатъ священниковъ и левитовъ (1 Пар. 16, 4—6. 37. 38) съ особымъ первосвященникомъ во главѣ. Таковымъ становится Авиаѳаръ, сынъ Ахимелеха, раздѣлявшій съ нимъ тягости скитальческой жизни¹⁾. Но въ тоже самое время и скиния въ

¹⁾ Въ Библии не говорится прямо о томъ, что Авиаѳаръ былъ первосвященникомъ при скинии іерусалимской. Объ этомъ можно заключать только изъ слѣдующаго. Между высшими сановниками Давида упоминаются постоянно два священника (первосвященника): Садокъ и Авиаѳаръ (2 Цар. 20, 25; 15, 35; 3 Цар. 1, 7. 8), или Садокъ и Ахимелехъ, сынъ Авиаѳара (2 Цар. 8, 17; 1 Пар. 24, 6), или просто Ахимелехъ (1 Пар. 24, 3. 31) или же Анимелехъ, сынъ Авиаѳара (1 Пар. 18, 16). О Садокѣ прямо извѣстно, что онъ былъ первосвященникомъ въ Гаваонѣ (1 Пар. 16, 39). Слѣдовательно другой долженъ былъ быть первосвященникомъ въ Іерусалимѣ. Эвальдъ. Geschichte. III. 182. Грециъ. Geschichte. I. 243. Weiss. David und seine Zeit. Münster. 1880. S. 188. Значительную трудность для пониманія представляетъ неодинаковое названіе другаго, на ряду съ Садокомъ, первосвященника: то Авиаѳаромъ, то Ахимелехомъ, сыномъ Авиаѳара или просто Ахимелехомъ, то Анимелехомъ, сыномъ Авиаѳара. Последнее имя, очевидно, ошибочно; въ той же книгѣ Паралипоменонъ онъ называется Ахимелехомъ (1 Пар. 24, 6, 3. 31). Но упоминаніе объ Ахимелехѣ, сынѣ Авиаѳара, тамъ, гдѣ повидимому должна быть рѣчь объ Авиаѳарѣ, сынѣ Ахимелеха, встрѣчаетъ различныя объясненія. Винеръ (Biblisches Realwörterbuch. I. 39), Эвальдъ (Geschichte III. 182) видятъ во всѣхъ такихъ мѣстахъ ошибку переписчика, поставившаго одно имя на мѣсто другаго. Кейль справедливо находитъ невѣроятнымъ, чтобы перестановка сдѣлана была въ столь многихъ мѣстахъ (2 Цар. 8, 17; 1 Пар. 24, 3. 6. 31), тѣмъ болѣе, что въ ст. 3 и 31 имя Ахимелехъ стоитъ безъ сопоставленія съ именемъ Авиаѳара. Болѣе вѣроятнымъ онъ находитъ взглядъ Берто и Ёлера. По нимъ первосвященникъ Авиаѳаръ, сынъ Ахимелеха, имѣлъ сына также Ахимелеха,—случай, когда дѣдъ и внукъ имѣютъ одинаковыя имена перѣдки (ср. 1 Пар. 6, 8—16). Этотъ (младшій) Ахимелехъ отправлялъ первосвященническія обязанности наряду съ своимъ отцомъ, который жилъ еще при Соломонѣ (3 Цар. 2, 27). Въ этомъ своемъ свойствѣ онъ упоминается наряду съ Садокомъ, быть можетъ, потому что Авиаѳаръ былъ боленъ или по другой какой причинѣ. Сына, правоспособнаго по лѣтамъ для священнослуженія, Авиаѳаръ могъ имѣть; если предположить, что при смерти отца его было ему лѣтъ 30—35, при смерти Саула лѣтъ 40 и при воцареніи Давида надъ всѣмъ Израилемъ 48 лѣтъ, то у него могъ быть 25-лѣтній сынъ (Кейль. Bibl. Commentar. Die Bücher Samuels. S. 265). Но и это предположеніе трудно принять: въ такомъ случаѣ между главными сановниками упоминался бы не самъ первосвященникъ, а его помощникъ, и въ книгѣ Паралипоменонъ только этотъ послѣдній. Другое предположеніе о болѣзни Авиаѳара, нужно прибавить, продолжительной, которая мѣшала бы ему отправлять

Гаваонъ не оставляется въ забвеніи. При ней остается прежній первосвященникъ Садокъ, изъ линіи Елеазара¹⁾; къ ней назначается особый штатъ священниковъ и левитовъ (1 Пар. 16, 39—42). Скинія въ Гаваонѣ имѣеть повидимому въ богослужебномъ отношеніи даже преимущество предъ скиніею іерусалимскою: кажется, при ней только совершается то богослуженіе, которое должно совершаться по закону Моисеу при скиніи собранія. „Садока, священника, и братьевъ его, священниковъ“, оставилъ Давидъ, говоритъ“, предъ жилищемъ Господнимъ, что на высотѣ въ Гаваонѣ, для возношенія всесожженій Господу на жертвенникѣ всесожженія постоянно, утромъ и вечеромъ, и для всего, что написано въ законѣ Господа, который Онъ за-

свою должность, ни на чемъ не основано; изъ Библии видно напротивъ, что Авиааръ принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ царствованія Давида и даже въ послѣдніе его годы (2 Пар. 15, 24, 35; 3 Цар. 1, 7; 2, 26, 27). Есть еще мнѣніе, по которому и Ахимелехъ, отецъ Авиаара, назывался еще Авиааромъ и Авиааръ назывался другимъ именемъ Ахимелехъ (Leunchneg у Винаера. Real-Wörterbuch. I. 39).

¹⁾ Къ этому времени Садокъ былъ уже первосвященникомъ, какъ можно заключать изъ глагола עָוָה—оставлять (въ прежнемъ состояніи), употребленнаго относительно оставленія его священникомъ въ Гаваонѣ. Первосвященство перешло къ нему вѣроятно такимъ образомъ. Послѣ истребленія номвскихъ священниковъ съ ихъ первосвященникомъ Ахимелехомъ изъ линіи Иеамара (1 Пар. 22, 11—20; 14, 3; 1 Пар. 24, 3) и перенесенія скиніи въ Гаваонъ первосвященнической санъ былъ перенесенъ, кажется, опять въ линію Елеазара. Въ концѣ царствованія Саула мы видимъ первосвященника (1 Пар. 28, 6), но законный преемникъ убитаго Ахимелеха, сынъ его Авиааръ, былъ въ это время съ Давидомъ (1 Пар. 22, 20—23; 30, 7); слѣдовательно тотъ первосвященникъ, къ которому обращался Саулъ за совѣтомъ (28, 6), могъ быть изъ линіи Елеазара. Быть можетъ, первосвященникомъ гаваонскимъ былъ въ это время Ахигувъ, отецъ Садока (1 Пар. 6, 8). При вступленія Давида на престолъ всего Израиля Садокъ былъ еще молодымъ и, кажется, еще не былъ первосвященникомъ; въ это время онъ съ своимъ родомъ, наряду съ другими, пришелъ въ Хевронъ, чтобы водарить Давида (1 Пар. 12, 28). Возможно, что онъ сталъ первосвященникомъ послѣ своего отца въ первые годы царствованія Давида до перенесенія ковчега заѣта въ Іерусалимъ,—въ каковой должности былъ оставленъ и послѣ перенесенія и именно въ Гаваонѣ. По Богородскому, Садокъ былъ уже первосвященникомъ во время водаренія Давида надъ сѣверными колѣнами. Еврейскіе царь. Стр. 173.

повѣдалъ Израилю“ (1 Пар. 16, 39, 40); тогда какъ относительно лицъ, поставленныхъ къ скиніи іерусалимской, говорится: „и поставилъ (Давидъ) на службу предъ ковчегомъ Господнимъ изъ левитовъ, чтобы они славословили, благодарили и превозносили Господа, Бога Израилева... съ псалтирями и цитрами, и Асафа для игры на кимвалахъ, а Ванею и Озіила, священниковъ, чтобы постоянно трубили предъ ковчегомъ заѣта Божія“ (16, 4—6). О жертвоприношеніяхъ при ней, кромѣ исключительныхъ случаевъ, на примѣръ, перенесенія въ нее ковчега заѣта (1 Пар. 16, 1; 2 Цар. 6, 17, 18; ср. 3 Цар. 3, 15), нѣтъ и рѣчи и они едва ли приносились по уставу Моисееву,—это было бы нарушеніемъ закона о единствѣ постояннаго мѣста для жертвоприношенія (Лев. 17, 4; Втор. 12, 13, 14)¹⁾. Положе-

¹⁾ Общее мнѣніе ученыхъ, касавшихся этого предмета, таково, что при іерусалимской скиніи, устроенной Давидомъ для ковчега заѣта, совершалось такое же самое богослуженіе, какое и при Моисеевой скиніи въ Гаваонѣ. Одни высказываютъ его прямо, у другихъ оно подразумѣвается какъ само собою понятное. Прямо высказываютъ его, между прочими, Буддей, Генгстенбергъ, Кейль. „Что общественное богослуженіе учреждено было и при этой Давидовой скиніи (въ Іерусалимѣ) также, какъ и при Моисеевой въ Гаваонѣ, это, говоритъ Буддей, извѣстно изъ 1 Пар. 16, 37 и сл.“. Отсюда произошло то, что было два первосвященника,—Авиааръ, который пребывалъ въ Іерусалимѣ при Давидѣ, и Садокъ, который посланъ былъ въ Гаваонъ къ Моисеевой скиніи; ст. 39 и сл. Buddei Historia ecclesiastica Veteris Testamenti. Tom. poster. Edit. tert. 1729. p. 129. Генгстенбергъ повторяетъ буквально эти слова Буддея и съ тѣми же ссылками, прибавляя отъ себя, что „святилище въ Іерусалимѣ заняло съ самаго начала первенствующее положеніе“. Geschichte des Reiches Gottes unter d. A. V. P. 2. H. 2. S. 122. „Вѣроятно при первосвященникѣ Авиаарѣ (2 Пар. 6; 1 Пар. 13 и 15, 1—16, 42) было устроено здѣсь (въ Іерусалимѣ), говоритъ Кейль, богослужебное мѣсто съ правильнымъ при немъ богослуженіемъ (2 Пар. 8, 17; 20, 25; 1 Пар. 2, 26), между тѣмъ какъ священникъ Садокъ и его братья назначены были для служенія при скиніи свдѣнія въ Гаваонѣ, такъ что съ того времени до построенія храма у Израиля было два святилища и богослужебныхъ мѣста“. Руководство къ Библ. Археологін. Ч. I. стр. 149. У насъ это мнѣніе высказываютъ преосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій, и г. Богородскій. „Богослуженіе продолжалось при обѣихъ скиніяхъ, Моисеевой и Давидовой, и поручено было двумъ священникамъ, Авиаару въ Іерусалимѣ, а Садоку въ Гаваонѣ“. Начертаніе церковно-библейской исторіи. Москва. 1840. Изд. 7. Стр. 244. По Богородскому, Давидъ оставилъ при скиніи въ Гаваонѣ

не ковчега завѣта въ скинии іерусалимской можетъ быть сравниваемо съ положеніемъ его въ военномъ лагерѣ. Въ

„первосвященника, Садова, со всѣмъ необходимымъ штатомъ священниковъ и левитовъ, которые и продолжали совершать всенародное богослуженіе въ Гаваонѣ наряду съ іерусалимскимъ. Такимъ образомъ у евреевъ явилось два первосвященника и два мѣста богослуженія въ противность предписанію съ Синая“. Еврейскіе цари. Стр. 155. Преосвященный Филаретъ и Богородскій не подтверждаютъ своихъ словъ ссылкой на какія либо мѣста Священнаго Писанія; но они имѣютъ въ виду несомнѣнно тѣже самыя мѣста, на которыя ссылаются Будей, Генгстенбергъ и др. Между тѣмъ именно эти мѣста 1 Цар. 16, 4—6. 37—42 даютъ основаніе дѣлать указываемое нами въ текстѣ различіе между богослуженіемъ при іерусалимской скинии и богослуженіемъ при скинии гаваонской. О томъ, что Авіааръ приносилъ жертвы предъ ковчегомъ завѣта, и вообще о жертвоприношеніяхъ при іерусалимской скинии, кромѣ исключительныхъ случаевъ, ничего не говорится и въ другихъ мѣстахъ книгъ Царствъ и Паралипоменонъ. Напротивъ, и помимо указанныхъ выше мѣстъ, можно съ нѣкоторою основательностью утверждать, что, говоря вообще, жертвы не были приносимы при іерусалимской скинии. Въ первой книгѣ Паралипоменонъ разсказывается о Давидѣ, что онъ, видя, что Господь услышалъ его (во время моровой язвы въ Іерусалимѣ) на гумнѣ Орны, іевусейнина, принесъ тамъ жертву. „Скиния же Господня, говорится далѣе, которую сдѣлалъ Моисей въ пустынѣ, и жертвенникъ всесоженія (находились) въ то время на высотѣ въ Гаваонѣ. И не могъ Давидъ пойти туда, чтобы взискать Бога, потому что устрашенъ былъ мечемъ Ангела Господня“ (21, 28—30). Послѣднія слова заключаютъ въ себѣ какъ бы оправданіе Давида въ томъ, что онъ принесъ теперь жертву на гумнѣ Орны, а не въ Гаваонѣ, гдѣ въ то время стояла Моисеева скиния. Изъ нихъ же позволительно заключать, что доселѣ онъ приносилъ свои жертвы въ обыкновенное время при скинии гаваонской, а не іерусалимской. Правда, и въ минуты радости и въ минуты скорби Давидъ является предъ лицомъ Господа въ домѣ Господнемъ (2 Цар. 7, 18; 12, 20; 1 Цар. 17, 16). Мы согласны съ Генгстенбергомъ въ томъ, что въ этихъ мѣстахъ и во всѣхъ псалмахъ, гдѣ только говорится о святилищѣ Господнемъ, разумѣется іерусалимская скиния. Но должны замѣтить, что въ указанныхъ мѣстахъ книгъ Царствъ и Паралипоменонъ говорится лишь о томъ, что Давидъ молился и славословилъ Господа. И по преобладающему смыслу псалмовъ, въ которыхъ говорится о святилищѣ Господнемъ, Давидъ приноситъ въ немъ словесныя жертвы хвалы и благодаренія. „Одного просилъ я у Господа, поетъ наприимѣръ онъ въ псал. 26, того только ищу, чтобы пребывать мнѣ въ домѣ Господнемъ во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посѣщать (святѣй) храмъ Его. Я принесъ бы въ Его скинии жертвы славословія; сталъ бы пѣть и воспѣвать предъ Господомъ“ (ст. 4. 6). Такимъ образомъ правильное богослуженіе при іерусалимской скинии, въ отличіе его отъ богослуженія въ Гаваонѣ, состояло, надо полагать, въ славословіи Бога посредствомъ пѣвнъ, музыки и трубныхъ звуковъ. Такой взглядъ на богослуженіе въ Іеруса-

послѣднемъ случаѣ предъ нимъ могли быть приносимы жертвы,—но законное мѣсто жертвоприношеній всетаки и въ это время скиния собранія. Такъ въ началѣ царствованія Давида рѣзко обозначаются и продолжаютъ существовать до конца его два религіозные центра: одинъ въ Іерусалимѣ съ ковчегомъ завѣта, этою величайшею святынею Израиля,— другой—въ Гаваонѣ съ древнею, священною по воспоминаніямъ, скиніею, великимъ при ней жертвенникомъ всесоженія и совершаемыми на немъ жертвоприношеніями. Этотъ послѣдній центръ такъ важенъ, что при немъ Соломонъ приносить свою торжественную жертву въ началѣ своего царствованія (3 Цар. 3, 4).

Что вынуждаетъ Давида, при его несомнѣнномъ желаніи сдѣлать Іерусалимъ единственнымъ религіознымъ центромъ, допустить и даже закрѣпить такимъ образомъ религіозное раздвоеніе? Конечно, духу израильской исторіи соотвѣтствуетъ то объясненіе,—что, вѣроятно, не было божественнаго откровенія относительно перемѣны мѣста богослуженія, а безъ такого откровенія перемѣна его казалась невозможною¹⁾. Но вѣря въ мудрое управленіе Божіе дѣлами человѣческими, мы не должвы упускать изъ вида и причинъ человѣческихъ, знаніе коихъ показываетъ съ особенною ясностью мудрость Божію. Съ точки зрѣнія этихъ

лимъ мы находимъ у Вейса (David und seine Zeit. S. 188) и Штегелина (I. I. Stähelin. Das Leben Davids. Basel. 1866. S. 42. 43). Келеръ признаетъ, что и при іерусалимской скинии приносимы были частныя жертвы; но приносилась ли при ней и предписанная закономъ общественныя жертвы,—это, по нему, остается сомнительнымъ. Lehrbuch. H. 2. Th. I. S. 317. Мы сознаемъ, что этия немногими строками мы далеко не исчерпали затронутого предмета. Мы и не задавались такою цѣлю. Намѣреніе наше обратить вниманіе читателей на то, что общепринятое мнѣніе о совершеніи одинаковаго богослуженія при скиніяхъ гаваонской и іерусалимской не имѣетъ подъ собою прочной опоры и во всякомъ случаѣ можетъ встрѣчать возраженія. Для нашей цѣли достаточно знать, что при несомнѣнномъ намѣреніи сдѣлать Іерусалимъ единственнымъ религіознымъ центромъ въ своемъ государствѣ Давидъ вынужденъ былъ допустить существованіе двухъ такихъ центровъ.

¹⁾ Weiss, ibidem.

причины возможно одно общее объяснение, которое может, правда, разнообразиться въ частностях: именно Давидъ, при всемъ своемъ желаніи сдѣлать Іерусалимъ религіознымъ центромъ, не переноситъ сюда и скинии Моисеевой изъ Гаваона и оставляетъ при ней богослуженіе и священниковъ изъ опасенія произвести чрезъ то раздоръ. Эвальдъ и Гретцъ ограничиваютъ возможность этого раздора священствомъ. Такъ, по Эвальду, Давидъ приковываетъ Садока къ своему двору тѣмъ, что назначаетъ его первосвященникомъ наряду съ Авиааромъ и, ввѣряя ему гаваонскую скинию, приказываетъ жить въ Іерусалимѣ¹⁾. По Гретцу, онъ не отмѣняетъ гаваонскаго первосвященника, чтобы не произвести раздора²⁾. Но уже по прежде сказанному можно вывести опасеніе раздора и раздѣленія и за предѣлы священства и въ неполной централизаціи культа Давидомъ видѣть новое доказательство все еще непримиреннаго раздвоенія между колѣнами израильскими или двумя ихъ группами. Нѣкоторая увѣренность въ этомъ получается изъ соображенія тогдашняго положенія дѣлъ. Ковчегъ завѣта находился доселѣ въ Кириаѳаримѣ, городѣ колѣна Іудина, на границѣ его съ Веніаминовымъ. Давидъ переноситъ его въ Іерусалимъ, городъ на той же границѣ и хотя завоеванный имъ, но принадлежащій колѣну Веніаминову. Противъ такого перенесенія едва ли могъ говорить ктонибудь и чтонибудь особенно со стороны колѣнъ сѣверной группы. Но и здѣсь замѣчательно, что это перенесеніе ковчега завѣта происходитъ послѣ предварительнаго совѣщанія Давида съ тысяченачальниками, сотниками и всѣми вождями Израиля и по полученіи на то согласія съ ихъ стороны, — „потому что это дѣло всему народу казалось справедливымъ“ (1 Пар. 13, 1—4). И при этомъ справедливомъ дѣлѣ можно указать нѣкоторый отголосокъ завистливыхъ отношеній другихъ

¹⁾ Ewald. Geschichte. B. III. S. 182.

²⁾ Graetz. Geschichte. B. I. S. 243.

колѣнъ къ колѣну Іудина, — собственно другихъ горъ къ горѣ сіонской. „Что вы завистливо смотрите, горы высокія, на гору, на которой Богъ благоволитъ обитать и будетъ Господь обитать вѣчно?“ поется въ псалмѣ 67, ст. 17, составленномъ, быть можетъ, на случай перенесенія ковчега завѣта изъ Кириаѳарима въ Іерусалимъ¹⁾. Нѣсколько иначе стоитъ дѣло по отношенію къ скинии собранія. При вступленіи Давида на престолъ всего Израиля, она находится, кажется, въ Гаваонѣ, въ колѣнѣ Веніаминовомъ, только что сошедшемъ со ступени царственнаго колѣна. Многіе изъ веніамиянъ еще и теперь не признаютъ Давида своимъ царемъ, а держатся дома Саулова (1 Пар. 12, 29) и во всю жизнь Давида питаютъ глубокое къ нему отвращеніе (2 Цар. 16, 5—8). Всѣ вообще израильтяне, кромѣ іудеевъ, признаютъ Давида своимъ царемъ по завѣту т. е. договору (2 Цар. 5, 3). И такъ какъ отъ времени Іисуса Навина и доселѣ скинія собранія находилась въ средѣ колѣнъ, составлявшихъ отдѣльную отъ Іуды группу, — кто знаетъ? — не поставили ли эти колѣна однимъ изъ пунктовъ договора, принятыхъ Давидомъ, — не выносить скинии собранія изъ ихъ области, не лишать ихъ этой старинной для нихъ привилегіи, — прежде быть можетъ и мало цѣнимою, но теперь при религіозномъ оживленіи получившей въ глазахъ народа высокое значеніе? Правда, и Іерусалимъ принадлежитъ также колѣну Веніаминову, но всетаки онъ не исключительно Веніаминовъ городъ, — и прежняя привилегія имѣть святилище въ своей средѣ теряла бы свое значеніе. Такимъ образомъ при этомъ предположеніи довольно понятнымъ становится то, почему Давидъ, при всемъ желаніи объединить народъ въ Іерусалимѣ и въ религіозномъ отношеніи, не можетъ перенести въ него общензраильскаго святилища — Моисеевой скинии:

¹⁾ Къ этому времени относятъ происхожденіе этого псалма Филаретъ московскій, Павскій и др. См. „О происхожденіи псалтири“. Свящ. П. Вишнякова. С. П. 1875. Стр. 215. Душеполезное Чтеніе. 1872. Ч. III. Стр. 151.

израильтяне десяти колѣнъ, признающіе Давида своимъ царемъ, не позволяютъ, опираясь на древность, вынести ее изъ ихъ области, и возможно, что невниманіе къ этому ихъ желанію могло бы произвести междоусобную войну или распаденіе только что соединенныхъ частей государства ¹⁾.

Эта еще непримиренная противоположность между обѣими группами колѣнъ, соперничество между ними, одна изъ причинъ, кажется, и того, почему Давидъ не можетъ построить храмъ Іеговъ въ Іерусалимѣ. Блестящія побѣды его надъ внѣшними врагами широко раздвинули предѣлы израильскаго царства, доставили уваженіе израильскому народу среди другихъ народовъ, плотнѣе объединили его самага и привязали любовью и благодарностью къ Давиду. Въ чувствѣ глубокой благодарности къ Іеговъ, въ надеждѣ на любовь и привязанность народа и съ цѣлью тѣснѣе объединить его и еще крѣпче упрочить свой домъ на престолѣ возвышеніемъ Іерусалима на степень единственнаго мѣста служенія Богу, Давидъ намѣревается построить въ Іерусалимѣ храмъ Господу. Обстоятельства повидимому вполне благоприятствуютъ этому намѣренію, такъ что одобряетъ его сначала и пророкъ Наѳанъ. Но намѣренія Божіи отно-

¹⁾ По Буддею, „намъ неизвѣстны причины“ того, почему Давидъ не поставилъ ковчега завѣта въ Моисеевой скиніи; „но нельзя сомнѣваться въ томъ, что онѣ были важнѣйшія и святѣйшія“. *Historia ecclesiastica* V. T. t. 2. p. 129. По Гевгстенбергу, Давидъ уже при построеніи іерусалимской скиніи имѣлъ мысль построить Господу постоянный храмъ „и въ пользу переходнаго состоянія не хотѣлъ нарушать интересы и привязанность, соединившіяся съ святилищемъ въ Гаваонѣ“. *Geschichte des Reiches Gottes*. P. 2. H. 2. S. 122. Богородскій причину того, почему Давидъ „не рѣшился ни перенести въ Іерусалимъ старую скинію, находившуюся въ Гаваонѣ, ни разобрать ее, какъ ненужную, и прервать тамъ общественное богослуженіе“, видитъ въ опасеніи „возстановить противъ себя жителей Гаваона и всего колѣна Веніамина (а также и другихъ сочувствующихъ имъ колѣнъ), и безъ того не расположенныхъ къ Давиду и безъ сомнѣнія дорожившихъ присутствіемъ у себя этой святыни, какъ памятникомъ своего почетнаго положенія среди колѣнъ при Саулѣ“. Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 155. 156.

сительно этого иныя и, послѣ ночнаго откровенія, пророкъ долженъ возвѣстить Давиду, что не онъ, а его сынъ построитъ домъ Іеговъ (2 Цар. 7, 1—17; 1 Пар. 17, 1—15) ¹⁾. Почему же не Давидъ? Позднѣе самъ Давидъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „было у меня на сердцѣ построить домъ покоя для ковчега завѣта Господня... Но Богъ сказалъ мнѣ: не строй дома имени Моему, потому что ты человекъ воинственный и проливалъ кровь“ (1 Пар. 28, 2). Въ другомъ мѣстѣ ту же мысль онъ выражаетъ нѣсколько полнѣе: „ты пролилъ много крови и велъ войны; ты не долженъ строить дома имени Моему, потому что пролилъ много крови на землю предъ лицомъ Моимъ“ (22, 8). Такимъ образомъ Давидъ не долженъ строить храмъ, потому что онъ, какъ человекъ воинственный, пролилъ много крови. Очевидно, въ основѣ этого взгляда лежитъ извѣстное запрещеніе закона, по которому воинъ, бывшій на войнѣ, убившій и прикоснувшійся къ убитому, объявляется нечистымъ и долженъ очиститься, прежде чѣмъ войти въ станъ (Числ. 31, 19—24). Въ этомъ именно смыслѣ повимаетъ запрещеніе Давиду строить храмъ и Іосифъ Флавій: Богъ не позволяетъ этого Давиду, какъ подвизавшемуся на многихъ браняхъ и оскверненному кровію враговъ ²⁾. Даже у язычниковъ считалось оскорбленіемъ божественнаго приличія приближаться къ богамъ съ руками, обогранными въ сраженіи

¹⁾ Такимъ образомъ не угодно Богу не построеніе храма само по себѣ, а построеніе его именно Давидомъ. Поэтому уже не можетъ быть признано вѣрнымъ объясненіе Эвальда, по которому Богу не угодно будто бы самое построеніе храма, какъ противорѣчащее первоначальной простотѣ и свободѣ богослуженія въ религіи Іеговы,—будто бы истинны эти, проповѣдуемыя Наѳаномъ и другими пророками, и задерживали построеніе храма при Давидѣ, хотя и должны были уступить необходимости времени при Соломонѣ. *Ewald. Geschichte*. V. III. S. 177—178. Вопросъ можетъ быть только тотъ, почему самъ Давидъ не можетъ или не долженъ строить храмъ Іеговъ?

²⁾ *Antiquit.* VII, 4, 4. Возраженіемъ противъ этого не можетъ быть то, что Давидъ велъ войны Іеговы, въ славу и честь Его и подъ Его покровительствомъ. И другія войны Израиль ведетъ тоже, какъ войны Іеговы, — и всетаки воинъ, бывшій на войнѣ, объявляется по закону нечистымъ.

кровию враговъ ¹⁾. Это одна причина. Другую указывает Соломонъ. Въ письмѣ къ Хираму онъ говоритъ: „ты знаешь, что Давидъ, отецъ мой, не могъ построить домъ имени Господа, Бога своего, по причинѣ войнъ съ окрестными народами, доколѣ Господь не покорилъ ихъ подъ стопы ногъ его (3 Цар. 5, 3) ²⁾. По смыслу этого мѣста построению храма Давидомъ воспрепятствовало не столько пролитіе крови само по себѣ, сколько самыя войны: войны отнимали у него время, отдыхъ и спокойствіе, необходимые для построения величественнаго дома покоя Іеговы, символа спокойнаго пребыванія Іеговы въ народѣ. Правда, мысль о построении храма является у Давида въ то время, когда Господь успокоилъ его со всѣхъ сторонъ, отъ всѣхъ враговъ его (2 Цар. 7, 1). Но подъ этими врагами нужно разумѣть внѣшнихъ враговъ и подъ успокоеніемъ—окончаніе болѣе значительныхъ войнъ съ ними ³⁾. Это окончаніе внѣшнихъ войнъ и внѣшній покой послѣ нихъ и вызвали въ Давидѣ намѣреніе отблагодарить Бога за оказанную помощь построениемъ Ему храма и вмѣстѣ давали ему повидимому самое удобное время для осуществленія его намѣренія. Но всевидящее око Божіе видѣло, что время для построения храма еще не приспѣло, что покой нужный для этого не насталъ. И дѣйствительно, вмѣстѣ съ окончаніемъ внѣшнихъ войнъ положено было сѣмя для

¹⁾ Aeneid. II. 717 у Weiss'a. David und seine Zeit. S. 197.

²⁾ По буквальному переводу еврейскаго текста: „по причинѣ войны, которою окружали его“. Максимовичъ читаетъ: по причинѣ безпрестанныхъ войнъ.

³⁾ Изъ рѣчи пророка Наана видно, что въ это время Соломонъ, должествовавшій построить храмъ, не существовалъ еще на свѣтѣ (2 Цар. 7, 12; 1 Цар. 17, 11). Соломонъ былъ второй сынъ Вирсави, которая стала женою Давида во время войны съ аммонитянами, и именно во время послѣдняго ея акта—осады ихъ столицы (2 Цар. 11). Слѣдовательно мысль о построении храма явилась у Давида вскорѣ послѣ окончанія войны съ аммонитянами. Такъ какъ это была послѣдняя большая война, то можно сказать вообще—послѣ окончанія войнъ съ внѣшними врагами и предъ рожденіемъ Соломона. Доказательства того, что Соломонъ былъ дѣйствительно вторымъ, а не четвертымъ сыномъ Вирсави, какъ могло бы казаться на основаніи 1 Цар. 3, 5, можно читать у Богородскаго. Еврейскіе цари. Стр. 320. Прим. 5.

внутреннихъ смуть и нестроений, такъ омрачившихъ собою царствованіе Давида: грѣхъ съ Вирсавіею падаетъ на одинъ годъ съ взятіемъ послѣдней сильной крѣпости во внѣшнихъ войнахъ Давида (2 Цар. гл. 11, 12, 26—29). Такимъ образомъ войны внѣшнія и внутреннія и вообще неупроченное, неспокойное состояніе государства могутъ быть второю причиною, воспрепятствовавшею Давиду построить храмъ. Рѣчь пророка Наана, которою онъ отклоняетъ Давида отъ задуманнаго имъ предпріятія, подтверждаетъ эту послѣднюю причину и указываетъ частіе новую,—именно неупроченное еще существованіе Давидова дома на престолѣ. Сущность этой рѣчи такова. На желаніе Давида построить храмъ Господь отвѣчаетъ чрезъ пророка, что Онъ доселѣ, со времени выхода евреевъ изъ Египта, не жилъ въ домѣ, а переходилъ съ мѣста на мѣсто въ скинии, и не требовалъ кедроваго дома ни отъ одного изъ колѣнъ, становившихся во главѣ Израиля. Теперь Онъ возвысилъ Давида, истребилъ всѣхъ враговъ его и прославилъ его. Послѣ этого и чрезъ это Онъ прочно укоренить народъ свой на мѣстѣ его для спокойнаго, нетревожимаго, какъ прежде, существованія, успокоить и Давида отъ враговъ и утвердить его домъ, и тогда, послѣ его смерти, сынъ его, царствованіе котораго будетъ прочно, построить Ему, Іеговъ, домъ (2 Цар. 7, 5—16; 1 Цар. 17, 4—14). Начало и конецъ этой рѣчи стоятъ одно къ другому въ отношеніи противоположности. Въ началѣ говорится, что Богъ не жилъ въ домѣ, а въ скинии, что колѣна, стоявшія во главѣ народа, мѣнялись и ни отъ одного изъ нихъ Онъ не требовалъ себѣ кедроваго дома. Въ концѣ,—что сынъ Давида построитъ Ему домъ и что царство его будетъ прочно и домъ его непоколебимъ. Въ срединѣ—объясненіе предшествующаго и послѣдующаго состоянія. Прежде Израиль былъ тревожимъ и притѣсняемъ врагами, теперь Богъ возвысилъ и прославилъ Давида, успокоилъ и народъ отъ враговъ, успокоить отъ нихъ и Давида и утвердить на престолѣ его домъ. Такимъ образомъ

причина, дающая возможность сыну Давида построить храмъ, — прочное существованіе его престола. Давиду оно только обѣщается, — и слѣдовательно и онъ, Давидъ, не можетъ еще построить храма Іеговъ, какъ и прежде него бывшія главы народа, потому что и онъ, какъ и тѣ, находится все еще въ томъ же беспокойномъ состояніи. Но главныя вѣншія войны къ этому времени были уже окончены, съ этой стороны Давидъ былъ спокоенъ; — нужно признать поэтому, что престолъ его не былъ еще проченъ и спокоенъ со стороны внутреннихъ смуть и прежде всего со стороны еще непримиренной противоположности между двумя группами колѣнъ. Эта послѣдняя не дозволила Давиду, какъ мы видѣли, соединить ковчегъ завѣта съ скиніею Моисеевою въ Іерусалимъ; она же между прочимъ служитъ препятствіемъ и къ построенію въ немъ храма, долженствовавшего заступитъ собою скинію Моисееву. Мотивы въ томъ и другомъ случаѣ одинаковы: опасеніе со стороны сѣверной группы колѣнъ лишиться одного изъ своихъ древнѣйшихъ преимуществъ — имѣть у себя религіозно-культурный центръ въ пользу южной группы. Построеніе храма при такомъ внутреннемъ настроеніи колѣнъ могло вмѣсто ожидаемаго отъ него объединенія колѣнъ усилить, напротивъ, разъединеніе. Поэтому нужно прежде тѣснѣе связать внутренно колѣна, упрочить надъ ними всѣми властью Давида, какъ единого царя равно для всѣхъ, нужно напередъ устроить домъ Давиду, чтобы потомъ уже, когда весь народъ станетъ чувствовать себя гражданами одного и того же государства безъ различія отдѣльныхъ частей въ немъ и когда прекратится соперничество между ними, можно было построить домъ Іеговъ, религіозный символъ этого единства, въ свою очередь его еще болѣе укрѣпляющій. Это-то упроченіе дома Давидова на израильскомъ престолѣ, какъ необходимое условіе для построенія храма, и обѣщаетъ Іегова Давиду, и какъ его пока еще вѣтъ, Давидъ не можетъ построить храмъ. Въ своей отвѣтной на откровеніе Божіе молитвѣ Давидъ благодаритъ

Бога за возвеличеніе его и особенно за обѣтованіе Его объ упроченіи дома его на израильскомъ престолѣ (2 Цар. 7, 18—29; 1 Пар. 17, 16—27). И обѣтованіе Божіе — утвердить домъ Давида и пламенная благодарность послѣдняго къ Богу преимущественно за это обѣтованіе — даютъ возможность предполагать, что построеніемъ храма въ Іерусалимъ и чрезъ то болѣе тѣснымъ религіознымъ въ немъ объединеніемъ народа, Давидъ имѣлъ въ виду и прочнѣе утвердить свой домъ на престолѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что непрочность дома Давидова на престолѣ въ то время послужила однимъ изъ препятствій къ построенію храма. — Такимъ образомъ свое намѣреніе объединить израильскій народъ въ единствѣ религіознаго культа Давидъ можетъ выполнить лишь на половину. Онъ усиливаетъ значеніе въ народѣ религіи Іеговы, которая и при немъ, какъ и при Саулѣ, остается единственною религіею народа, — урегулированіемъ священнаго персонала и богослуженія при скиніи въ Гаваонѣ, перенесеніемъ ковчега завѣта въ Іерусалимъ и учрежденіемъ и здѣсь богослуженія отличнаго, впрочемъ, отъ гаваонскаго; но и онъ еще не въ состояніи довести это религіозное единство до единства мѣста культа для всего государства, соотвѣтственно одной гражданской столицѣ, — богослуженіе, хотя и неодинаковое, совершается на двухъ мѣстахъ и именно въ прежнихъ двухъ группахъ колѣнъ, — и все еще свидѣтельствуетъ о неполнѣ примиренной между ними противоположности.

Къ объединенію израильскаго народа направлены, кромѣ возведенія Іерусалима на степень гражданской столицы и намѣренія сдѣлать его единственнымъ религіознымъ центромъ, и другія мѣры Давида. Какъ царь государства, состоящаго изъ 12-ти почти самостоятельныхъ частей, онъ сохраняетъ эту ихъ самостоятельность, насколько она можетъ мириться съ его централистическими намѣреніями. Такъ онъ признаетъ начальниками колѣнъ ихъ собственныхъ представителей (1 Пар. 27, 16—22), а вмѣстѣ съ тѣмъ,

конечно, признаетъ и внутреннее ихъ устройство. Но въ то же время, для большаго соответствія закону, къ старѣйшинамъ, имѣющимъ въ своихъ рукахъ судъ и вообще надзоръ, приставляются левиты (1 Цар. 23, 4; 26, 29—32) „въ качествѣ природныхъ друзей и защитниковъ Моисеева закона въ теократически управляемомъ государствѣ“¹⁾. Военная часть была организована также въ смыслѣ общегосударственномъ. Доселѣ войско набиралось изъ всего народа нарочито для каждой войны главами колѣнъ и писцами, ведшими родословные списки. Начальствованіе надъ нимъ, за исключеніемъ, быть можетъ, главнаго начальствованія, принадлежало старѣйшинамъ колѣнъ. Неудивительно, что и простые войны и ихъ начальники часто не соответствовали своему назначенію (1 Цар. 13, 8) или же и прямо не являлись на театр войны (Суд. 5, 15—17; 1 Цар. 13, 6). Саулъ полагаетъ начало постоянному, регулярному войску, набравъ изъ Израиля 3000 отборныхъ мужей (1 Цар. 13, 1). Эти три

¹⁾ Въ первомъ мѣстѣ говорится, что назначено писцовъ и судей шесть тысячъ; во второмъ, — что изъ племени Хевронова 1700 имѣли надзоръ надъ Израилемъ по сю сторону Иордана, къ западу, по всякимъ дѣламъ служенія Господня и по службѣ царской, — и 2700 надъ колѣнами по ту сторону Иордана по всемъ дѣламъ Божиимъ и дѣламъ царя. Толкователи соглашаются, что въ томъ и другомъ мѣстѣ рѣчь объ однихъ и тѣхъ же левитахъ. Но какъ согласить различіе въ числахъ на 1600 человекъ? Предполагаютъ порчу текста или неполноту перечня въ 26, 30. Lange. Theologisch-homiletisches Bibelwerk. Alt. Test. Theil. VIII. S. 170; Keil Chronik. S. 209. Несоответствіе между числомъ левитовъ съ пространствомъ территоріи по сю и по ту сторону Иордана Вейсъ объясняетъ большею опасностью со стороны языческаго образа мыслей именно на восточной сторонѣ Иордана, требовавшей большаго числа представителей закона. Онъ же предполагаетъ, что къ мѣстнымъ судамъ изъ старѣйшинъ города назначено было по два или три левита, основываясь въ этомъ своемъ предположеніи на слѣдующихъ словахъ Иосифа Флавія, впааемыхъ послѣднимъ въ уста Моисея. „Но всякомъ городѣ да будутъ начальниками семь мужей добродѣтельныхъ и ревнующихъ о правдѣ. И ко всякому правительству да присоединятся по два служителя отъ колѣна левитовъ“ (Antiqn. IV, 8. 14). Въ пятнадцатой вѣтѣ такого опредѣленія. Но оно гармонируетъ съ 1 Цар. 23, 4 и 26, 29. Вейсъ предполагаетъ, что Флавій Давидово учрежденіе перенесъ на время Моисея. Weiss. David und seine Zeit. S. 205.

тысячи составляютъ у него ядро его арміи, собираемой изъ всего народа (ст. 2); они находятся у него постоянно подъ рукою для выполненія его различныхъ предпріятій (1 Цар. 24, 3; 26, 2). Это его, такъ сказать, дружина, подобная нѣсколько дружинѣ Давидовой. Надъ всемъ войскомъ командуетъ его родственникъ Авениръ (1 Цар. 14, 50; 2 Цар. 2, 8). Давидъ еще во время своего царствованія надъ колѣномъ Иудинымъ даетъ новую организацію своему войску: все свое войско, бывшее у него, онъ дѣлитъ уже въ это время на двѣнадцать частей, каждая изъ коихъ находится подъ командою какого-либо выдающагося вождя и должна быть готова къ военной службѣ, а быть можетъ и дѣйствительно стояла подъ ружьемъ въ теченіи одного мѣсяца¹⁾. Позднѣе, когда Давидъ сталъ уже царемъ надъ всемъ Израилемъ, каждая такая часть состоитъ изъ 24,000 мужей (1 Цар. 27, 1). О внутреннемъ составѣ ихъ, — состоитъ ли каждая изъ нихъ изъ воиновъ одного колѣна, — неизвѣстно; можно предполагать на основаніи всей предшествовавшей исторіи, что войны изъ одного и того же колѣна соединяются по воз-

¹⁾ Что еще во время своего царствованія надъ Иудею и даже въ первое Давидъ раздѣлялъ свое войско на 12 частей, можно заключать изъ свидѣній относительно Асаила, брата Иоавова. Какъ извѣстно, Асаилъ былъ убитъ Авениромъ, быть можетъ, за два года до воцаренія Давида надъ всемъ Израилемъ (2 Цар. 2, 18—23); между тѣмъ онъ стоитъ въ ряду избранныхъ тридцати богатырей (гибборимовъ 2 Цар. 23, 24; 1 Цар. 11, 26); кромѣ того о немъ говорится, что онъ былъ начальникомъ одной изъ 12 частей, на которыя Давидъ раздѣлялъ свое войско, и что ему, послѣ его ранней смерти, наследовалъ въ его должности его сынъ Завадіа (1 Цар. 27, 1. 7). Если бы дѣленіе войска на 12 частей сдѣлано было тогда, когда Давидъ былъ царемъ надъ всемъ Израилемъ, то Асаилъ, какъ ранѣе умершій, не могъ бы быть начальникомъ надъ одной изъ такихъ частей. Правда, Келеръ объясняетъ 1 Цар. 27, 7 предположеніемъ: „honoris causa videtur haec classis, cui filius praesert, de patris defuncti nomine appellata“, и нѣкоторые изъ новѣйшихъ сабдуютъ ему въ этомъ; но, какъ замѣчаетъ Келеръ, перенесеніе на древность новѣйшихъ неестественныхъ военныхъ отношеній слышкомъ очевидно въ немъ для того, чтобы не быть вѣроятнымъ, — и оно прямо опровергается прибавленіемъ тамъ — „послѣ него“ (1 Цар. 27, 7). Köhler. Lehrbuch. II. S. 249.

возможности въ одну группу; но изъ неравенства численнаго состава колѣвъ можно заключать, что о полномъ проведеніи принципа колѣвной сопринадлежности едва ли можетъ быть рѣчь. Подобное можно предполагать и о начальникахъ подраздѣлений этихъ частей, — тысяченачальники, стона начальники и пр. набираются по возможности изъ главъ семействъ и поставляются надъ воинами одного съ ними колѣва. Но главное начальствованіе надъ цѣлымъ отдѣленіемъ изъ 24 тысячъ принадлежитъ лицу, заявившему о себѣ своею храбростію. Сравненіе именъ главныхъ начальниковъ отдѣленій съ именами нѣкоторыхъ богатырей (1 Пар. 27, 2—15; 2 Цар. 23, 8 и дал.; 1 Пар. 11, 11 и дал.) открываетъ сходство между тѣми и другими и даетъ основаніе предполагать, что во главѣ отдѣленій войска стоятъ именно эти богатыри¹⁾. Главное начальствованіе надъ всѣмъ войскомъ принадлежитъ Іоаву (2 Цар. 8, 16; 20, 23). Іоавъ—родственникъ Давида²⁾, — какъ и Авениръ, начальникъ войска Саула, былъ родственникомъ царя, — но онъ достигаетъ своего высокаго положенія въ войскѣ, благодаря своей личной храбрости и опытности (1 Пар. 11, 6). И наборъ войска въ

¹⁾ Ewald. Geschichte. В. III. S. 196. Köhler. Lehrbuch. II. S. 294. Наряду съ этимъ войскомъ стояла дружина Давида, состоявшая изъ особенно сильныхъ и храбрыхъ мужей, такъ называемыхъ героевъ или богатырей (гиборимовъ). Численный составъ этой дружины опредѣляютъ различно. По Богородскому она состояла изъ 37 героевъ, перечисляемыхъ поименно въ 2 Цар. 23, 8—39 (1 Пар. 11, 10—47). Еврейскіе цари. Стр. 175. 176. По другимъ же она состояла изъ 600 человекъ; а 37 героевъ были наиболѣе выдающимися изъ нихъ и стояли во главѣ остальныхъ. Ewald. Geschichte. В. III. S. 189—190. Köhler. Lehrbuch. II. S. 295. 296. На томъ основаніи, что герои эти собрались около Давида еще во время бѣгства его отъ Саула, были съ нимъ въ геескомъ царствѣ и отсюда пришли съ нимъ сначала въ Хевронъ, а потомъ въ Иерусалимъ, ихъ называли геенянами (2 Цар. 15, 18). Köhler. Ibidem. Для личной своей безопасности Давидъ образовалъ особый отрядъ тѣлохранителей, такъ называемыхъ хелееевъ и фелееевъ (Krethi et Plethi), бывшихъ подъ начальствомъ Ваней (2 Цар. 8, 18; 20, 7. 23; 15, 18). О хелееевѣхъ и фелееевѣхъ см. Богородск. Еврейскіе цари. Стр. 174. Köhler. Lehrbuch. II. S. 297. 298. Н. I. S. 85. Note 6.

²⁾ Іоавъ сводный племянникъ Давида, сынъ его сестры по матери, но отъ другого отца. 1 Пар. 2, 16; 2 Цар. 17, 25. Köhler. Lehrbuch. II. 249.

послѣдней своей инстанціи находится въ рукахъ особаго общегосударственнаго чиновника, писца, который вѣдаетъ колѣвные, родовые и семейные списки гражданъ, подлежащихъ воинской повинности, освобождая отъ нея тѣхъ, которые по закону имѣли право на то. Наряду съ нимъ общегосударственное значеніе имѣетъ и другой начальникъ „дѣписатель“, — канцлеръ, государевъ докладчикъ о разныхъ вещахъ, а также и лѣтописецъ важнѣйшихъ событій¹⁾. Іоавъ—главный начальникъ войска, Іосафатъ—дѣписатель, Садокъ и Авиаеаръ (Ахимелехъ) первосвященники, Сераи (=Суса?)—писецъ, Ваней—начальникъ царскихъ тѣлохранителей упоминаются, какъ главные сановники Давида, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общегосударственные (2 Цар. 8, 16—18; 1 Пар. 18, 15—17). Къ этимъ шести сановникамъ присоединяются еще Ира, священникъ, неизвѣстно, какія особенныя обязанности исправлявшій, и Адорамъ, завѣдывавшій сборомъ податей (быть можетъ, даней) (2 Цар. 20, 24, 26)²⁾.

Но сами по себѣ такія общія учрежденія, исходящія отъ правительства, свидѣтельствуютъ лишь о стремленіи послѣдняго создать или укрѣпить единство, но не о достигнутомъ уже полномъ единствѣ народа. Значительнѣе способствуютъ усиленію послѣдняго при Давидѣ многочисленныя и побѣдоносныя войны его съ внѣшними врагами. При всѣхъ своихъ тягостяхъ внѣшняя война имѣетъ и выгодныя для государства стороны. Она отвлекаетъ вниманіе народа отъ внутренней его жизни, въ виду внѣшняго врага

¹⁾ Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 171. 172. Hitzig. Geschichte des Volkes Israel. Th. I. S. 147.

²⁾ Наряду съ высшими сановниками при Давидѣ упоминаются и сыновья его, которые называются то священниками (2 Цар. 8, 18), то первыми при царѣ (1 Пар. 18, 17). Но ни откуда не видно, чтобы сыновья Давида занимали какія либо должности. Богородскій доказываетъ, что слово „священникъ“ (по евр. коганимъ), въ примѣненіи къ сыновьямъ Давида, было лишь почетнымъ титуломъ, обозначавшимъ ихъ высокое, исключительное положеніе. „Этотъ титулъ соответствовалъ титулу членовъ царской семьи въ нынѣшнее время: высочайшія особы, августѣйшіе, князья. Какъ послѣдніе—князья безъ княжествъ, такъ и дѣти Давида были священниками безъ алтаря“. Еврейскіе цари. Стр. 166.

видѣли, Давида къ мысли—построить въ Иерусалимѣ храмъ, единственное для всего Израиля мѣсто богослуженія.

Но случились обстоятельства—сначала одно, а за нимъ и другія, которыя обратили вниманіе народа на царя и его дворъ, при вѣдшемъ спокойствіи отъ враговъ стали предметомъ молвы и пересудовъ и незамѣтно пробудили въ народѣ прежнее соперничество колѣнъ. Объединеніе израильскаго царства при Давидѣ, по смерти Иевосеея,—результатъ вліянія тогдашнихъ тяжелыхъ обстоятельствъ и высокой личности Давида. Побѣдоносныя войны и ничѣмъ доселѣ незапятнанная жизнь и дѣятельность Давида еще болѣе возвысили въ глазахъ народа его личность и чрезъ нее плотнѣе объединили самый народъ. Но именно въ то время, когда слава и сила Давида достигаютъ высшей степени, онъ, къ величайшему бѣдствію своему и всего своего государства, падаетъ въ преступную связь съ Вирсавією, женою храбраго Урію. Одно преступленіе влечетъ за собою другое болѣе тяжкое. Желая прикрыть первое, Давидъ хитрымъ образомъ лишаетъ жизни Урію. „И было это дѣло, которое сдѣлалъ Давидъ, замѣчаетъ дѣписатель, зло въ очахъ Господа“ (2 Цар. 11). По суду Божию, возвѣщенному пророкомъ Нааномъ, за смерть Урію мечъ не отступитъ отъ дома Давидова во вѣки; за тайное преступленіе съ Вирсавією ближній обезчеститъ женъ царскихъ „предъ всѣмъ Израилемъ, и предъ солнцемъ“ (2 Цар. 12, 9—12). Это грозное предсказаніе исполняется съ ужасающею точностью. Не одинъ Наанъ знаетъ о преступленіи Давида. Молва о незаконной связи съ Вирсавією переходитъ безъ сомнѣнія за предѣлы царскаго дворца и связываетъ съ нею смерть Урію, воспроизводя въ подробностяхъ и обстоятельства съ Урією, ей предшествовавшія. Уже это развязываетъ языкъ врагамъ Давида, которые, какъ показываетъ дальнѣйшая исторія, были и теперь (2 Цар. 16, 5—8). Все, что прежде они должны были скрывать предъ общимъ очарованіемъ великою личностью и заслугами Давида, теперь на-

кипѣвши можетъ вылиться. Двойное преступленіе его даетъ поводъ и врагамъ Господа, избравшаго Давида, „какъ мужа по сердцу своему“, царемъ вмѣсто Саула, хулить Его (2 Цар. 12, 14). Дальнѣйшая семейная исторія Давида даетъ новую пищу его врагамъ. Насильственное кровосмѣшеніе Амнона и братоубійство Авессалома (гл. 13), оставленныя къ тому же безъ наказанія, болѣе и болѣе разоблачали царствованіе его отъ того ореола величія, которымъ оно было прежде окружено. Быть божесть, подъ вліяніемъ этихъ семейныхъ невзгодъ, а также, что вѣроятно, вслѣдствіе расширенія границъ государства и слѣдовательно умноженія заботъ государственнаго управленія, Давидъ не могъ уже выслушивать и рѣшать самъ или съ надлежашею быстротою тяжбы, которыя приносились къ нему на судъ; а поставленныя имъ для этого лица, быть можетъ, не всегда отличались требуемымъ безпристрастіемъ (2 Цар. 15, 2—5). Все это, а быть можетъ и нѣчто другое¹⁾, давало поводъ всѣмъ судить о Давидѣ, а врагамъ его и прямо чернить его, и производило вѣкоторое разочарованіе и глухое недовольство во всемъ народѣ, или въ большей его части. Этимъ то глухимъ недовольствомъ и пользуется Авессаломъ для своихъ честолюбивыхъ цѣлей и посредствомъ лстиваго подкупа въ свою пользу народа раздуваетъ его до открытаго возмущенія (2 Цар. 15, 1—12). Все это, какъ справедливо замѣчаетъ Эвальдъ, можетъ способствовать значительно

¹⁾ Одною изъ причинъ недовольства народа Давидомъ, благоприятствовавшее возмущенію Авессалому, Гретцъ считаетъ перепись народа, предпринятую Давидомъ и сопровождавшуюся моровою извою. Самая перепись предпринята была, по нему, по совѣту Ахитофела, уже враждебно настроеннаго противъ Давида и съ прямыхъ съ его стороны намѣреніемъ возбудить народъ,—тогда какъ Иоавъ, вѣрный Давиду, отсовѣтовалъ ее. Недовольство, вызванное переписью, послужило для Авессалома удобнымъ случаемъ открыто возстать противъ Давида. Основаніемъ для отнесенія переписи ко времени непосредственно предъ возмущеніемъ Авессалома служить для Гретца недавнее прабитіе въ Иерусалимѣ Ееея, геянина, съ отрядомъ (2 Цар. 15, 18—20). Прибытіе его стоитъ по нему въ связи съ переписью и, какъ и эта послѣдняя, въ связи съ имѣвшимся въ виду войною съ Египтомъ. Graetz. Geschichte. I. 269—273. См. объ этомъ ниже

успѣху возстанія, но всетаки недостаточно для того, чтобы дать первый къ нему толчокъ. Необходимы болѣе глубокія причины и онѣ кроются въ все еще непримѣренной, а теперь, благодаря послѣднимъ указаннымъ обстоятельствамъ, вновь и съ болѣею силою обнаружившейся противоположностидвухъ группъ колѣнъ. И замѣчательно, на этотъ разъ недовольство и возмущеніе противъ Давида выходятъ изъ его роднаго Іудина колѣна. Главные дѣятели возмущенія Авессаломова — члены колѣна Іудина: Амессай, родственникъ даже Давида (1 Пар. 2, 13—17), ставшій начальникомъ войска при Авессаломѣ (2 Цар. 17, 25), и Ахитофель изъ Гило (2 Цар. 15, 12; ср. Нав. 15, 51), первый и лучший совѣтникъ Давидовъ, совѣты котораго считались какъ бы откровеніемъ самаго Бога и переходъ котораго на сторону Авессалома беспокоить особенно Давида и въ такой же мѣрѣ, конечно, благопріятенъ для дѣла Авессаломова (1 Пар. 27, 33; 2 Цар. 16, 23; 15, 31). Исходный пунктъ и первоначальный центръ возмущенія — Хевронъ, главный городъ колѣна Іудина (2 Цар. 15, 7—12). Колѣно это какъ бы гнѣвается на Давида и держится въ сторонѣ отъ него даже тогда, когда, по смерти Авессалома, другія колѣна рѣшились опять возвратитъ его на царство (2 Цар. 19, 9—12. 43). Чѣмъ объяснить такое недовольство колѣна Іудина Давидомъ? Относительно отдѣльныхъ лицъ всегда возможны и особенныя, личныя, такъ сказать, объясненія. Возможно, что Амессай считалъ себя великимъ полководцемъ, униженнымъ предъ Іоавомъ¹⁾ и применулъ къ Авессалому въ надеждѣ стать у него главнокомандующимъ. Возможно, что Ахитофела отклоняетъ отъ Давида желаніе „играть новую и еще болѣе высокую роль“²⁾, или чувство мести за оскорбленіе Вирсавіи, своей родственницы, Давидомъ, не утоляемое самыми рѣшительными признаками особенной привязанности къ ней со стороны послѣдня-

¹⁾ Graetz. Geschichte. I. S. 274.

²⁾ Ewald. Geschichte. III. S. 242. Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 216. 217.

го⁴⁾. Но недовольство цѣлаго колѣна должно имѣть болѣе глубокія причины. Жители Хеврона, гдѣ сосредоточилось первоначально возмущеніе, могли быть недовольны тѣмъ, что чрезъ возведеніе Іерусалима на степень столицы ихъ городъ, прежде главный, потерялъ теперь всякое значеніе, или, что тоже, знатнѣйшія фамиліи этого города, калевиты, чувствовали себя униженными сравнительно съ незначительною прежде фамиліею Іессея изъ Виолеема⁵⁾. Подобныя причины недовольства могли имѣть и всѣ іудеи. Отдѣляясь отъ Саула и его потомства, они могли имѣть въ виду, съ возвышеніемъ Давида на царскій тронъ всего Ізраиля, занять среди другихъ колѣнъ первенствующее положеніе подобное тому, какое занимало при Саулѣ колѣно Веніаминово, — и жестоко ошиблись въ своемъ ожиданіи. Вся дѣятельность Давида дотолѣ — и въ религіозномъ и государственномъ отношеніи направлена была, какъ мы видѣли, именно на возможное сглаженіе колѣнныхъ преимуществъ, на уравненіе колѣнъ и объединеніе ихъ въ одномъ цѣломъ государственномъ организмѣ. Это-то приравненіе ихъ къ другимъ колѣнамъ, приравненіе, исходящее отъ лица, отъ котораго они могли ожидать противнаго, — возвышенія предъ другими, и могло возбуждать въ нихъ недовольство Давидомъ, надежду достигнуть исполненія своихъ желаній отъ Авессалома, которому они и ока-

⁴⁾ Такъ объясняетъ переходъ Ахитофела на сторону Авессалома противъ Давида Гретцъ. По нему, Вирсавія — внука Ахитофела. Во 2 Цар. 11, 3 она называется дочерью Еліама (עֲלִיָאָם בִּתּ). Въ 1 Пар. 3, 5 אֵלִיָאָם בֶּן אֲחִיטוֹפֶל (Бат шуа дочь Амміела). Одинъ изъ тридцати героевъ Давида былъ Еліамъ, сынъ Ахитофела, гилонаинъ (2 Цар. 23, 34). Дочерью этого-то Еліама и считается Гретцъ Вирсавію. Кимхи цитируетъ древнихъ толкователей, которые ненависть Ахитофела къ Давиду объясняютъ этимъ фактомъ, обезчещеніемъ его внуки. Этимъ родствомъ Вирсавіи съ Ахитофеломъ Гретцъ объясняетъ и особенную привязанность Давида къ Вирсавіи — возведеніе ея на степень первой царицы и вѣтвенное ей обѣщаніе сдѣлать ея сына преемникомъ на своемъ престолѣ: все это дѣлается для того, чтобы примиритъ съ собою Ахитофела, безъ совѣтовъ котораго онъ не могъ обойтись. Гретцъ. Geschichte I. 263. См. разборъ этого мнѣнія у Богородскаго. Еврейскіе цари. Стр. 216.

⁵⁾ Graetz. Geschichte I. 274.

зываютъ теперь особенную помощь. Что именно ревность къ другимъ колѣнамъ руководить іудеями при возмущеніи Авессалома, это открывается съ особенною ясностью изъ того, что и по смерти его, когда другія колѣна рѣшили возвратить Давида на царство, они остаются въ сторонѣ отъ этого движенія до тѣхъ поръ, пока онъ не напомнилъ имъ особеннымъ образомъ о своемъ близкомъ съ ними родствѣ, слѣдовательно, пока нѣкоторымъ образомъ не обѣщаль имъ въ некотораго предпочтенія предъ другими колѣнами и даже не доказалъ этого на дѣлѣ, предназначивъ военачальникомъ Амессая, бывшего при Авессаломѣ военачальникомъ и слѣдовательно лицо, ими въ то время любимое и у нихъ вліятельное (2 Цар. 19, 11—14). При такомъ положеніи дѣла можно бы предполагать, что другія колѣна останутся вѣрными Давиду. Но недовольные имъ могли быть и въ другихъ колѣнахъ, и особенно въ колѣнахъ Веніаминовомъ, занимавшемъ при Саулѣ первенствующее положеніе, и Ефремовомъ вѣчно недовольномъ. Колѣна эти тѣмъ охотнѣе могли примкнуть къ возмущенію противъ Давида, что съ низверженіемъ его легче могли отдѣлаться отъ его преемника, какъ менѣе вліятельнаго, и чрезъ то вѣрнѣе и скорѣе достигнуть прежняго уваженія или своей древней свободы. Какъ бы то ни было, но возстаніе распространилось по всему Израилю. Изъ многихъ городовъ изъ всѣхъ колѣнъ приходили послы въ Хевронъ, чтобы присягнуть новому царю; число приверженцевъ увеличивалось съ каждымъ днемъ (2 Цар. 15, 12).

Во всемъ этомъ дѣлѣ видна искусная рука Ахитофела. Возмущеніе готовится такъ скрытно, что въ рѣшительный его моментъ вынуждаются играть извѣстную роль двѣсти человекъ изъ Іерусалима, прямо непричастныхъ къ дѣлу (2 Цар. 15, 11), и Давидъ узнаетъ о немъ уже тогда, когда Авессаломъ открыто объявилъ себя царемъ въ Хевронѣ. Оно ведется такъ искусно, что приглашенные въ Хевронъ іерусалимляне, сами не зная въ чемъ дѣло, могли однимъ своимъ присутствіемъ, именно какъ жители столицы,

придавать въ глазахъ другихъ много вѣса возмущенію, а Давида ставили въ неизвѣстность относительно вѣрности ему своей столицы¹⁾. Наконецъ оно ведется такъ быстро, что Давидъ считаетъ необходимымъ бѣжать скорѣе изъ Іерусалима, чтобы Авессаломъ не застигъ и не захватилъ его и оставшихся ему вѣрными (ст. 14). Въ этой скрытности, искусствѣ и быстротѣ и заключался весь успѣхъ дѣла. Все это громадное возмущеніе въ сущности недоразумѣніе, соединеніе противоположныхъ тенденцій. Время и болѣе спокойное обсужденіе дѣла могли бы сами собою положить конецъ возмущенію. Это хорошо сознаетъ главный, хотя и не такъ явный, какъ Авессаломъ, виновникъ и руководитель его, и когда первый отвергъ совѣтъ послѣдняго преслѣдовать Давида немедленно же и принялъ другой, для выполненія котораго требовалось болѣе или менѣе значительное время, онъ-Ахитофелъ предвидѣлъ неминуемый несчастный исходъ возмущенія—образумленіе Израиля и удавился. Причину своей опасности хорошо сознаетъ и Давидъ и употребляетъ усилія устранить ее чрезъ своего друга Хусія (2 Цар. 17). Не сознаетъ ее Авессаломъ и за то платится гибелью своего дѣла и своею жизнію.

Возмущеніе Авессалома, какъ ни широко оно охватило Израиля, показываетъ въ тоже время и то, какъ прочно уже укоренилось царствованіе Давида, и то,—кто его друзья и кто враги. Пораженный вѣстью о возмущеніи Авесса-

¹⁾ Въ этихъ двухъ-стахъ іерусалимлянъ Эвальдъ видитъ „людей большою частью очень бѣдныхъ и зависимыхъ, которые не были даже посвящены въ заговоръ, но которые имъ и по причинѣ своей зависимости, бывъ отуманены сладкимъ паромъ жертвъ, легко могли быть убѣждены выступить открыто за своего благодѣтеля“. Ewald. Geschichte. V. III. S. 241. Но трудно представить, чтобы Авессаломъ надѣялся извлечь пользу для себя изъ присутствія бѣдныхъ іерусалимлянъ. Вѣроятнѣе видѣть съ Гретцомъ здѣсь знатныхъ мужей столицы, заманенныхъ въ Хевронъ подъ какимъ либо предлогомъ, хотя и не посвященныхъ въ заговоръ. Присутствіе такихъ людей могло дѣйствительно послужить дѣлу. Ибо когда увидѣли въ Хевронѣ, что и знатные жители столицы перешли на сторону Авессалома, то собравшіеся въ Хевронѣ считали дѣло Давида потеряннымъ. Gratz. Geschichte. I. S. 274.

лома и, быть можетъ, о томъ, что въ немъ принимаютъ участіе многіе и изъ жителей Иерусалима, Давидъ не знаетъ сначала, какъ прочна подъ нимъ почва въ столицѣ, и признаетъ лучшимъ средствомъ для своего спасенія—бѣжать изъ нея. При этомъ бѣгствѣ царя открывается, что и онъ имѣетъ еще вѣрныхъ друзей и подданныхъ, преданныхъ ему до самопожертвованія. За бѣгущимъ царемъ отправляются, кромѣ его дома и слугъ, весь отрядъ тѣлохранителей—хелеееи и фелеееи, всѣ богатыри до 600. человекъ и даже недавно поступившіе на службу филистимляне (2 Цар. 15, 16—22); первосвященники Садокъ и Авиааръ и всѣ левиты, неся съ собою ковчегъ завета Божія, также идутъ за Давидомъ, но онъ находитъ болѣе выгоднымъ для своего дѣла возвратитъ ихъ въ Иерусалимъ (15, 24—29); сопутствуетъ царю и множество другихъ жителей Иерусалима, и плакалъ о немъ и его несчастіи весь городъ (вся земля. Ст. 23). Иерусалимъ, возведенный Давидомъ на степенъ столицы израильскаго государства, остается вѣренъ ему и стойко бы, быть можетъ, сталъ за него, если бы онъ самъ добровольно не оставилъ его, щадя его отъ разрушенія (ст. 14). Но теперь же, въ черный день Давида, обнаруживается со всею своею рѣзкостью и непріязненнымъ къ нему отношеніемъ веніаминянь, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ и, быть можетъ, даже большинства, въ лицѣ Семей. Семей, какъ можно думать, человекъ вліятельный въ колѣнѣ своемъ. Позднѣе онъ приходитъ къ Давиду съ повинною во главѣ тысячи веніаминянь (2 Цар. 19, 16. 17). Указывая на то, что онъ первый изъ всего дома Иосифова вышелъ на встрѣчу ему (ст. 20), онъ съ одной стороны ставитъ себя въ связь, относительно прошлаго, со всѣмъ домомъ Иосифовымъ, очевидно, прежде всего съ колѣнами Веніаминовымъ, Ефремовымъ и Манассиинымъ, какъ болѣе близкими между собою, съ другой относительно настоящаго какъ бы выдѣляетъ себя по причинѣ своего особеннаго усердія къ Давиду. Этотъ то Семей, позднѣе такъ выступающій свое усердіе

къ Давиду, теперь злословитъ его, называя его кровосійцею дома Саулова, и бросаетъ въ него камнями (2 Цар. 16, 5—8). На основаніи только что сѣзаннаго можно заключать, что Семей выражаетъ такъ не свои только мысли и чувства,—но нѣкоторымъ образомъ мысли и чувства всего дома Иосифова. Галаадъ или область на восточной сторонѣ Иордана и теперь, какъ и прежде, не принимаетъ участія въ мятежномъ движеніи колѣвъ по сую сторону Иордана и остается вѣрною Давиду, какъ прежде, вскорѣ по смерти Саула, оставалась вѣрною дому этого послѣдняго. Здѣсь онъ находитъ необходимую для него въ то время матеріальную поддержку и поселяется въ томъ же самомъ Маханаимѣ, въ которомъ, въ виду безпорядковъ на западной сторонѣ Иордана, жилъ его царственный соперникъ, Иевосеей, сынъ Саула (2 Цар. 17, 22. 27—29; 2, 8). Здѣсь собирается около него значительное число воиновъ¹⁾, одумавшихся, быть можетъ, отъ прежняго волненія, и отсюда онъ возвращается потомъ опять на царство въ Иерусалимъ. Между тѣмъ несравненно большее число войска всетаки на сторонѣ Авессалома. Уже тотчасъ по вступленіи его въ Иерусалимъ Ахитофель находитъ возможнымъ выбрать 12,000 человекъ, очевидно, лучшихъ для преслѣдованія Давида (2 Цар. 17, 1). Хусій, вѣрный другъ Давида и притворный Авессалома, рисуетъ предъ послѣднимъ картину того, какъ соберется къ нему весь Израиль отъ Дана до Вирсавія въ множествѣ, какъ онъ съ этимъ множествомъ нападетъ на Давида, какъ роса падаетъ на землю, и если послѣдній запрется въ городѣ, то онъ стащитъ этотъ городъ веревкою въ рѣку, такъ что не останется ни одного камешка (17, 11—13). И эта картина не совсѣмъ фантастична; по крайней мѣрѣ въ сраженіи съ людьми Давидовыми изъ войска Авессаломова погибло 20,000 человекъ (18, 7). Но и тогда, какъ и теперь, сила

¹⁾ Изъ разсказа о томъ, что Давидъ ставитъ надъ своимъ войскомъ тысяченачальниковъ и сотниковъ, слѣдуетъ, что войско его состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ. 2 Цар. 18, 1. Иосифъ Флавій полагаетъ четыре тысячи человекъ. Antiqu. VII, 10. 1.

была не въ количествѣ, а въ качествѣ войска. И „рабы Давида“, сравнительно меньшіе числомъ, нанесли сильное пораженіе войску Авессалома, „народу израильскому“. Результаты пораженія Авессалома таковы, каковыхъ и слѣдовало ожидать. Вся жизнь и дѣятельность Давида посвящены были уравниенію колѣнъ въ ихъ правахъ и особенно тому, чтобы не дать другимъ колѣнамъ почувствовать какого либо предпочтенія колѣна Іудина. Это сознаютъ, конечно, хорошо другія колѣна и если всетаки нѣкоторымъ не нравится господство іудея и они примыкаютъ къ возмущенію, идущему изъ Іудеи, въ надеждѣ освободиться отъ него,—то когда это сверженіе его стало, послѣ гибели Авессалома, невозможнымъ, они спѣшатъ возвратитъ его на престоль, чтобы остаться при прежнемъ порядкѣ. Израильтяне первые рѣшаются возвратитъ Давида на царство и потому еще, что они хорошо помнили порабощеніе со стороны филистимлянъ и окончательное освобожденіе отъ нихъ Давидомъ (2 Цар. 19, 9). Колѣно Іудино недовольно доселѣшней политикою Давида, изъ за этого возстаетъ противъ него и теперь, очевидно, не имѣетъ основаній спѣшить возвратомъ къ прежнему состоянію. Когда другія колѣна рѣшаются возвратитъ Давида, оно остается въ сторонѣ, выжидая очевидно, какъ отнесется къ нему Давидъ. Этотъ дѣлаетъ ему угодное. Желаніе скорѣе положить конецъ раздѣленію и соединитъ обѣ половины государства безъ кровопролитія заставляетъ его напомнитъ чрезъ Садова и Авіаѳара старѣйшинамъ Іудинымъ о томъ,—что они къ нему ближе, чѣмъ другія колѣна,—а слѣдовательно и онъ къ нимъ. „Вы братья мои, кости мои и плоть моя—вы; зачѣмъ хотите вы быть послѣдними въ возвращеніи царя въ домъ его“ (19, 11. 12)? Онъ не ограничивается этимъ простымъ напоминаніемъ. Онъ идетъ далѣе и съ клятвою общаетъ Амессаю, іудею, бывшему начальнику войскъ Авессалома, сдѣлать его главнымъ военачальникомъ при

себѣ, вмѣсто Іоава, навсегда (13)¹⁾. Этотъ приемъ со стороны Давида оказываетъ желанное дѣйствіе на іудеевъ. Они всѣ, какъ одинъ человекъ, склоняются на сторону его и въ своей готовности возвратитъ его предупреждаютъ на дѣлѣ другія колѣна (Ст. 14. 15. 40). Но этотъ приемъ—выставленіе большей близости одного колѣна къ царю сравнительно съ другими—противорѣчитъ всей предшествующей дѣятельности Давида. Онъ напоминаетъ собою подобный приемъ со стороны Саула, когда этотъ въ виду безпокойствъ, возбужденныхъ Давидомъ-іудеемъ, напоминать вениаминянамъ о своемъ родствѣ съ ними (1 Цар. 22, 7—8). Какъ тогда приемъ этотъ не имѣлъ хорошихъ послѣдствій, такъ нельзя было ихъ ожидать и теперь. И дѣйствительно, онъ привлекаетъ іудеевъ на сторону царя, но отталкиваетъ отъ него другія колѣна. Необыкновенное и внезапное усердіе іудеевъ къ царю представляется подозрительнымъ израильтянамъ; быть можетъ, они слышали, и даже съ преувеличеніемъ, и обѣ обѣщаніяхъ тѣмъ со стороны царя. И вотъ они обращаются къ царю за рѣшеніемъ этого страннаго на ихъ взглядъ поведенія іудеевъ и вмѣстѣ съ жалобою на нихъ. „Зачѣмъ братья наши, мужи Іудины, говорятъ они царю, похитили тебя и проводили царя и домъ его и всѣхъ людей Давида съ нимъ чрезъ Іорданъ“? Въ отвѣтъ на эту жалобу мужи Іудины выставляютъ на видъ

¹⁾ Богородскій объясняетъ медлительность колѣна Іудина въ признаніи Давида снова своимъ царемъ тѣмъ, что оно „стыдилось своего поступка (возмущенія противъ Давида). Его представителямъ совѣстно было явиться на глаза Давиду съ повинной и съ предложеніемъ вѣрнопопданства, сдѣлавшагося столь сомнительнымъ, и они медлили. Давидъ повиль затрудненіе своего колѣна и... рѣшился ободрить его кроткимъ приглашеніемъ и напоминаемъ его обязанности“. Еврейскіе цари, стр. 238. И по Душеполезному Чтенію „старѣйшины Іудины, по ложному стыду и страху, медлили покориться Давиду“. 1872 г. Ч. III. Стр. 247. Но обѣщаніе Давида сдѣлать Амессая военачальникомъ вмѣсто Іоава даетъ основаніе видѣть въ словахъ Давида, которыя должны были сказаны старѣйшинамъ Іудинымъ Садовъ и Авіаѳаръ, болѣе, чѣмъ простое намѣреніе его вывести колѣно Іудино изъ затрудненія, и не изъ этого затрудненія и ложнаго стыда и страха объяснять указанную медлительность колѣна Іудина.

то, что самъ царь внушилъ имъ, именно, что царь имъ ближній. Но они сознаютъ, что этимъ отвѣтомъ они могутъ только раздражить израильтянъ и потому прибавляютъ отвѣтъ и на тайный, такъ сказать, запросъ ихъ—не вызвано ли это усердіе іудеевъ какими либо особыми обѣщаніями царя въ пользу ихъ однихъ.—„И изъ-за чего сердиться вамъ на это? Развѣ мы что нибудь съѣли у царя, или получили отъ него подарки“? Но этотъ послѣдній отвѣтъ не удовлетворяетъ израильтянъ; въ ихъ ушахъ слишкомъ сильно звучатъ первыя слова—о преимущественной близости царя къ іудеямъ, отдалявшія ихъ отъ него и неожиданныя послѣдствія царствования Давида. Вопреки этому выставленію іудеями своего родства съ Давидомъ израильтяне становятся на точку зрѣнія общегосударственную, на ту именно, которую проводилъ доселѣ Давидъ и которая мирила ихъ съ нимъ. Они говорятъ: „мы десять частей у царя, также и у Давида мы болѣе, нежели вы. Зачѣмъ же вы унизили насъ? Не намъ ли принадлежало первое слово о томъ, чтобы возвратитъ нашего царя“? прибавили они въ упрекъ недавней холодности іудеевъ къ своему ближнему (2 Цар. 19, 41—43). Неизвѣстно, какъ держалъ себя въ этомъ спорѣ колѣнъ самъ Давидъ; замѣчается только, что „слово мужей Іудиныхъ было сильнѣе, нежели слово израильтянъ“. Результатъ этого спора очень печаленъ. Слишкомъ сильное настаиваніе іудеевъ на своей близости къ царю и своихъ правахъ въ отношеніи къ нему само собою приводитъ израильтянъ къ мысли, что они слѣдовательно чужіе царю и не имѣютъ въ немъ части. Такимъ настроеніемъ мыслей израильтянъ пользуется одинъ „негодный человекъ“, по имени Савей, сынъ Вихри, вениаминянинъ. Онъ трубитъ трубою и, быть можетъ, еще не ясно представлявшіяся мысли народа формулируетъ въ-слухъ всего его въ слѣдующихъ положеніяхъ: „нѣтъ намъ части въ Давидѣ, и нѣтъ намъ доли въ сынѣ Іессеевомъ; всѣ по шатрамъ своимъ, израильтяне“ (2 Цар. 20, 1),—положеніяхъ, какъ видно, прямо вы-

текающихъ по противоположности изъ словъ мужей Іудиныхъ. Положенія эти лишь болѣе точное выраженіе мыслей всего, тутъ присутствовавшего, народа и потому производятъ свое дѣйствіе. Всѣ израильтяне отдѣляются отъ Давида и идутъ за Савеемъ; на сторонѣ Давида остаются одни іудеи отъ Іордана до Іерусалима (20, 2).

Такъ происходитъ новое раздѣленіе и на этотъ разъ болѣе опасное для единства государства, чѣмъ возмущеніе Авессалома. Въ послѣднемъ случаѣ израильтяне—всѣ возставали противъ Давида въ пользу его сына; единство государства оставалось неприкосновеннымъ и домъ Давида на престолѣ. Теперь готовится повториться то самое, что было въ началѣ царствования Давида:—іудеи группируются около Давида, остальные израильтяне вокругъ вениаминянина Савея. Единство государства порвано; во главѣ государства опять нѣкоторымъ образомъ два начальника, можно предполагать со временемъ и междоусобную войну. Все дѣло доселѣшняго царствования Давидова готово совсѣмъ разрушиться. Необходимо быстрое и рѣшительное дѣйствіе со стороны Давида. Возмущеніе происходитъ собственно среди пословъ и съ ними пришедшихъ израильтянъ. Народъ, отправившій пословъ и оставшійся дома, стоитъ на сторонѣ Давида. Нужно предупредить распространеніе возмущенія во всемъ народѣ. Давидъ сознаетъ всю опасность этого новаго возмущенія, справедливо думая, что Савей можетъ надѣлать зла больше, нежели Авессаломъ (2 Цар. 20, 6), и потому назначаетъ новому полководцу Амессаю лишь три дня для собранія войска изъ іудеевъ (2 Цар. 20, 4. 5). Амессай почему то не исполнилъ порученія въ этотъ срокъ. Тогда Давидъ не медля отправляетъ противъ Савея Авессу съ наличными войсками—людьми Іоава, хелеееями и фелеееями и богатырями. Къ этому отряду примыкаетъ и оставленный полководецъ Іоавъ и, по убіеніи Амессая, становится опять главнымъ военачальникомъ въ этой экспедиціи. Появленіе его во главѣ Давидова войска на мѣсто

Амессая могло служить для израильтянъ нѣкоторымъ опроверженіемъ словъ тѣхъ изъ нихъ, которые были при Давидѣ, о мнимыхъ преимуществахъ, будто бы давнихъ іудеямъ, и о новомъ, бывшемъ во главѣ мятежниковъ, полководцѣ; а вѣрность Іоава Давиду и его испытанная храбрость и опытность, недавно доказанныя и на нихъ самихъ, уже напередъ говорили объ успѣхѣ его предпріятія и ослабляли въ нихъ охоту присоединяться къ Савею. Кромѣ того быстрое преслѣдованіе со стороны Іоава не давало послѣднему возможности гдѣ либо сосредоточиться и лишь уже почти на сѣверной границѣ Палестины удается ему запереться въ городѣ Авель-Бее-Маахъ. Но жители этого города, по совѣту одной умной женщины, во избѣжаніе бесполезнаго кровопролитія, отрубаютъ ему голову и выдаютъ ее Іоаву (20. 6—22). Такъ подавлено и это возмущеніе и приостановлено въ началѣ готовившееся раздѣленіе народа. Но колѣнная особенность или лучше противоположность Іуды и остальнаго Израиля, какъ видно, заявляетъ себя рѣзко въ это время, и Давидъ вынужденъ, какъ нѣкогда Саулъ, опереться въ этомъ случаѣ на свое родное колѣно Іудино. Этотъ мятежъ съ характеромъ соперничества колѣнъ между собою послѣдній при жизни Давида; возмущеніе Адоніи такого характера не имѣетъ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе полного примиренія колѣнъ нельзя предполагать и для времени, по крайней мѣрѣ ближайшаго, послѣ усмирения мятежа Савея. Изъ хода народной переписи (2 Цар. 24; 1 Пар. 21), предпринятой Давидомъ, по мнѣнію большинства ученыхъ²⁾, послѣ мятежа Савея,

¹⁾ Впрочемъ Келеръ видитъ и здѣсь вліяніе „специфически іудейской партіи“. Lehrbuch. II. S. 364. 376.

²⁾ Keil. Bibl. Comm. Die Bücher Samuels, S. 363; Weiss. David und seine Zeit. S. 244; Богородскій. Еврейскіе цари, стр. 262. Ewald относитъ перепись къ позднимъ спокойнымъ годамъ господства Давида. Geschichte. V. III. S. 218. Различно объясняютъ намѣреніе Давида при этой переписи. См. у Кейла стр. 363 и Богородскаго, стр. 262—4. Болѣе вѣроятнымъ представляется то объясненіе, опирающееся на словахъ Іоава: „не всѣ ли они (евреи), господинъ

можно заключать, что мятежный духъ и тогда былъ еще очень силенъ въ Вениаминовомъ колѣнѣ. Іоавъ, неохотно подчинившійся приказанію исчислить израильтянъ, не доводитъ переписи до конца: именно не исчисляетъ левитовъ и вениаминянъ (1 Пар. 21, 6). Неисчисленіе тѣхъ и другихъ нельзя объяснять изъ того, будто Давидъ, сознавъ свою вину, взялъ назадъ свое повелѣніе прежде окончанія переписи¹⁾. По связи рѣчи (1 Пар. 21, 4—5) Іоавъ самъ окончилъ перепись и пришелъ въ Іерусалимъ. Дѣписатель объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что „царское слово противно было Іоаву“ (ст. 6). Этихъ словъ нельзя понимать такъ, будто Іоавъ прекратилъ перепись просто по своему произволу. Хотя онъ и отсовѣтовалъ прежде перепись, но, когда „царское слово превозмогло“ его, онъ, нужно думать, старался его исполнить. И если не доводитъ его исполненія до конца, то должны быть предположены достаточныя тому причины. На эти причины наводитъ мысль то, что не были исчислены именно левиты и вениаминяне. Левиты и при Моисеѣ были освобождаемы отъ общенародной переписи по своему исключительному положенію, какъ служители Божіи (Числ. 1, 47—53). Колѣно Вениаминово было настроено особенно враждебно по отношенію къ Давиду, и еще недавно Савей изъ этого колѣна поднималъ было знамя возстанія. Можно думать, что и теперь оно сильнѣе другихъ протестовало противъ задуманной царемъ переписи²⁾. Эти-

мой, царь, рабы господина моего“? 1 Пар. 21. ст. 3, по которому (объясненію) Давидъ имѣлъ въ виду „стануть покрѣпче узъ власти надъ народомъ“, къ чему перепись всегда и вездѣ служила вѣрнѣйшимъ средствомъ. Поведъ къ такому замыслу Roos указываетъ въ недавнихъ возмущеніяхъ Авессалона и Савея. Magnus Friedrich Roos. Einleitung in die biblischen Geschichten des Alten Testaments. Neue Ausg. Stuttgart. 1876. S. 587—588. Богородскій видитъ его въ непорядкахъ, разнаго рода опасныхъ попятнованіяхъ и беззаконіяхъ, появившихся въ періодъ спокойствія и благоденствія, наступившій послѣ періода бѣдствій и утомительныхъ войнъ. Еврейскіе цари. Стр. 262—3.

¹⁾ Такъ объясняетъ Кейль. Указ. соч. Стр. 366.

²⁾ Возможность сопротивленія переписи со стороны народа вообще предполагать и Іоавъ, какъ можно заключать изъ его словъ Давиду: „для чего тре-

то протесты со стороны левитовъ и колѣна Веніаминова и заставили, нужно думать, Іоава не примѣнять царскаго повелѣнія относительно переписи къ левитамъ и колѣну Веніаминову¹⁾. Но они же могутъ доказывать и то, что ревность колѣна Веніаминова къ колѣну Іудину не прекратилась и теперь. Не прекратилось и сознание нѣкоторой противоположности между Іудою и остальнымъ Израилемъ. Іоавъ представляетъ царю списокъ народной переписи, въ которомъ указаны особо общее число израильтянъ и общее число іудеевъ (2 Цар. 24, 9; 1 Пар. 21, 5). Для обозначенія всего еврейскаго народа употребляется выраженіе: Израиль и Іуда (2 Цар. 24, 1). И это выраженіе не принадлежитъ лишь позднѣйшему писателю книгъ Царствъ, но, судя по вышесказанному, имѣетъ и нѣкоторое реальное значеніе. Послѣ переписи не видно уже проявленій противоположности между Іудою и Израилемъ. Повидимому соперничество между Израилемъ и Іудою исчезаетъ совсѣмъ. Послѣдніе годы, быть можетъ, послѣднее пятилѣтіе²⁾, своего царствованія (2 Цар. 21, 15—22), Давидъ посвящаетъ заботамъ преимущественно о религіозныхъ предметахъ, предполагающимъ спокойное и объединенное существованіе его государства. На это время падаютъ его заботы объ устройствѣ культа Іеговы. Не получивъ позволенія строить храмъ, онъ, пользуясь миромъ, готовится теперь все нужное для его построенія. Онъ составляетъ чертежи храма и его принадлежностей, заготавливаетъ нужные матеріалы, готовитъ рабочихъ; организуетъ священный персоналъ, долженствующій служить въ храмѣ и охранять его, самое

бусть сего (переписи) господинъ мой? Чтобы вышло это въ вину Израилу? (1 Пар. 21, 3)? То есть, Іоавъ предполагаетъ, что народъ можетъ оказать сопротивленіе переписи, которое придется преодолевать силою и такимъ образомъ наказывать народъ, какъ виновный.

¹⁾ Такъ объясняютъ Roos, указ. соч. стр. 587; Hengstenberg, Geschichte des Reiches Gottes unter dem Alten Bunde. Per. II. Hälfte II. S. 128; Богородскій, Еврейскіе цари. Стр. 265. 266.

²⁾ Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 270.

богослуженіе, которое будетъ въ немъ совершаться и пр. (1 Пар. 22—26. 28. 29). Всѣ эти его приготовленія и предположенія должны получить свое осуществленіе при сынѣ его Соломонѣ.

Такъ нѣкоторая противоположность между Іудою и остальнымъ Израилемъ проходитъ чрезъ всю исторію Израиля со времени поселенія его въ землѣ ханаанской и до того пункта ея, на которомъ мы остановились. Не особенно замѣтная и рѣзкая среди общаго разъединенія колѣнъ въ періодъ судей она проявляется рѣзко по смерти Саула и бурно заявляетъ о себѣ во вторую половину царствованія Давида, не смотря на всѣ усилія послѣдняго прекратить ее въ первую половину своего царствованія. Повидимому она исчезаетъ въ самые послѣдніе годы его царствованія, — но исторія Соломона показываетъ, что она не исчезаетъ совсѣмъ, а только таится до времени, чтобы при удобныхъ обстоятельствахъ проявиться съ большою силою.

IV.

Царствованіе Соломона.

Соломонъ вступаетъ на престолъ Израиля, повидимому крѣпко объединеннаго между собою; возмущеніе Адовіи направляется лично противъ него. Всѣ дѣйствія Соломона опираются на предположеніе этого единства и имѣютъ въ виду еще болѣе закрѣпить его. Не боясь возбудить чрезъ то разъединеніе въ народѣ и не встрѣчая его, онъ строитъ въ Іерусалимѣ великолѣпный храмъ Іеговъ, переноситъ сюда ковчегъ завѣта изъ Давидовой скинии и скинию собранія Моисееву изъ Гаваона со всѣми ея священными вещами (3 Цар. 8, 4; 2 Пар. 5, 5) и дѣлаетъ такимъ образомъ іерусалимскій храмъ единственнымъ центромъ религіозной жизни Израиля, къ чему стремился, но чего не могъ достигнуть, какъ мы видѣли, Давидъ. И весь Израиль отъ входа въ Емаѣ до рѣки египетской (отъ самой сѣверной границы до юго-западной) съ особенною

радостью присутствует при его освященіи (3 Цар. 8, 1—3. 65) и расходится, радуясь и веселясь въ сердцѣ о всемъ добромъ, что сдѣлалъ Господь рабу своему, Давиду, и народу своему, Израилю (66). Высшія государственныя должности, явившіяся въ царствованіе Давида, остаются и при Соломонѣ, и ихъ занимаютъ частію тѣже лица, что и при Давидѣ, частію дѣти ихъ и другіе Давидовы сановники. Главнокомандующимъ войсками становится послѣ казни Іоава Ванея, начальникъ царскихъ тѣлохранителей при Давидѣ. Должность писцовъ занимаютъ два сановника, Елихорефъ и Ахія, сыновья Сусы, Давидова писца. Дѣписателемъ остается Іосафатъ. Государственными податями, вообще всякаго рода повинностями, завѣдываетъ Адонирамъ¹⁾. Первосвященники—Авиааръ и Садокъ. Азарія, сынъ Садока, священникъ, быть можетъ, придворный, исполнявшій тоже, быть можетъ, что и Ира при Давидѣ (3 Цар. 4, 2—6; ср. 2. Цар. 8, 16—18; 20, 23—26). Къ этимъ прежнимъ должностямъ Соломонъ присоединяетъ двѣ новыя: должность начальника надъ домомъ царскимъ, которую занималъ нѣкто Ахисаръ, и должность начальника надъ приставниками, которые поставлены были имъ въ 12 областяхъ царства. Последнюю должность занималъ Азарія, сынъ Наана²⁾. Землю израильскую Соломонъ раздѣляетъ на двѣнадцать областей и поставляетъ надъ каждою областью особаго начальника. Точное обозначеніе границъ этихъ областей невозможно; но изъ перечня ихъ видно, что ихъ границы не всегда совпадаютъ съ прежними границами колѣнъ (3 Цар. 4, 7—19)³⁾. Можно думать, что это уклоненіе отъ прежнихъ колѣнныхъ границъ обусловливается экономическими соображеніями. Начальники или приставники этихъ областей обязаны каждый въ теченіе

¹⁾ Одно ли и тоже лицо этотъ Адонирамъ съ Адорамомъ, завѣдывающимъ податями при Давидѣ, мнѣнія расходятся.

²⁾ Вопреки Кейлю, выдающему въ этомъ Наана брата Соломонова (2 Цар. 5, 14), Богородскій считаетъ его извѣстнымъ пророкомъ Нааномъ. Еврейскіе цари. Стр. 413.

³⁾ Keil. Biblisch. Comm. Th. 2. B. III. S. 36. Graetz Geschichte. B. I. S. 308. Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 347.

мѣсяца поочередно доставлять изъ произведеній ввѣренныхъ ихъ заботамъ областей содержаніе для царскаго двора и царской конницы. Потребности двора въ каждомъ мѣсяцѣ болѣе или менѣе одинаковы. Между тѣмъ области колѣнъ различаются и по величинѣ и по производительности почвы. Въ видахъ болѣе равномернаго распредѣленія повинности между жителями и произведено, нужно думать, новое дѣленіе страны, не всегда совпадающее съ прежнимъ. Думаютъ впрочемъ нѣкоторые¹⁾, основываясь на словахъ Іосифа Флавія²⁾, что эти приставники не „простые продовольственные чиновники“, а соединяютъ въ своихъ рукахъ военную и гражданскую власть и представляютъ такимъ образомъ раздѣленіе единой власти, утвердившейся въ Іерусалимѣ“. „Соломонъ видимо старался возвысить ихъ значеніе, потому что за двоихъ изъ нихъ даже отдалъ въ замужество своихъ дочерей. Такимъ высокимъ и вліятельнымъ положеніемъ приставниковъ Соломона князья колѣнъ очевидно отодвинулись на задній планъ“. Новое дѣленіе страны имѣло въ виду такимъ образомъ разрушеніе прежняго ея дѣленія между колѣнами³⁾. Но если браки двоихъ изъ приставниковъ могутъ говорить о высокомъ положеніи вообще приставниковъ, то забвеніе собственныхъ именъ пяти изъ нихъ и названіе ихъ лишь по именамъ ихъ отцовъ (3 Цар. 4, 8. 9. 10. 11. 13)⁴⁾ едва ли могутъ подтверждать ихъ высокое и вліятельное положеніе. Можно видѣть даже, что до нѣкоторой степени при назначеніи приставниковъ соблюдалась и колѣнная особность. Неполное совпаденіе границъ новыхъ областей съ границами колѣнъ не позволяетъ заключать, чтобы приставниками были главы колѣнъ. Но съ другой стороны нельзя утверждать съ рѣшительностію, что при назначеніи приставниковъ не обращалось совсѣмъ вниманіе на ихъ проис-

¹⁾ Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 346—348.

²⁾ Antiqu. VIII. 2. 3.

³⁾ Graetz. Geschichte. I. S. 121.

⁴⁾ Keil. Bibl. Comm. Die Bücher der Könige. S. 36. Lange. Bibelwerk, A. T. VII. S. 28.

хождение. Происхождение ихъ не указывается; но частію изъ именъ ихъ, частію по аналогіи можно заключать, что они или нѣкоторые изъ нихъ происходятъ изъ тѣхъ колѣнъ, надъ которыми поставлены приставниками. Такъ напр. съ увѣренностью можно думать, что Шимей, сынъ Елы, приставникъ въ землѣ Веніаминовой, и самъ веніаминянинъ. Имя его самаго—Шимей и имя его отца—Ела встрѣчаются и прямо между собственными именами въ колѣнѣ Веніаминовомъ и имѣютъ значительное сходство съ другими (3 Цар. 4, 18; 1 Пар. 8, особ. ст. 32; 9, 8 и др.). Извѣстно также, что Іеровоамъ-ефремлянинъ былъ смотрителемъ надъ рабочими изъ дома Іосифова (3 Цар. 11, 26. 28). Данныя эти особенно важны. Колѣна Веніаминово и Ефремово—самыя мятежныя и самыя недовольныя правительствомъ изъ іудеевъ. Если приставники надъ ними берутся изъ нихъ же, то тѣмъ болѣе можно предполагать тоже самое и о приставникахъ другихъ менѣе строптивыхъ колѣнъ. Если это предположеніе вѣрно, то слѣдуетъ, что раздѣляя страну на (новыя) области для болѣе равномернаго распредѣленія повинностей, Соломонъ щадить по возможности интересы колѣнъ и дѣйствуетъ такъ въ предположеніи довольно прочнаго объединенія ихъ между собою. Народъ безразлично привлекается къ работамъ—іудеи и израильтяе (3 Цар. 5, 13). Вообще всѣ требованія и заботы Соломона имѣютъ отношеніе ко всему Израилю. Но при всемъ равенствѣ первенство колѣна Іудина чувствуется, быть можетъ, съ того времени, когда Давидъ вынужденъ былъ опереться на него для подавленія мятежа Савея. Замѣчательно въ этомъ случаѣ повторяющееся нѣсколько разъ выраженіе: Іуда и Израиль. Въ предшествующихъ отдѣлахъ священныя книги употребляется обыкновенно выраженіе: Израиль и Іуда (1 Цар. 11, 8; 15, 4; 2 Цар. 11, 11; 24, 1. 9) и это болѣе естественно. Израилю принадлежитъ первое мѣсто по его численному перевѣсу. Въ исторіи Соломона встрѣчающееся выраженіе Іуда и Израиль (3 Цар. 4, 20. 25), уклоняясь отъ обыкновеннаго, очевидно пред-

полагаетъ и, быть можетъ, имѣетъ даже въ виду указать большее сравнительно съ прежнимъ значеніе колѣна Іудина въ это время. Нѣкоторые думаютъ, что преимущество колѣна Іудина не ограничивается простымъ преимуществомъ чести быть колѣномъ царскимъ, а имѣетъ реальное значеніе. Гретцъ указываетъ на то, что тогда какъ границы другихъ колѣнъ при раздѣленіи страны подверглись измѣненіямъ, Іудино колѣно, какъ предпочтенное и царственное, сохраняетъ свою область не уменьшенною¹⁾. Эвальдъ думаетъ, что надъ „областью царскаго колѣна Іудина поставленъ былъ иной чиновникъ того же рода“, тринадцатый въ ряду тѣхъ приставниковъ; но куда употреблялись собираемые имъ доходы, онъ не знаетъ²⁾. Богородскій предполагаетъ, что „повидимому въ колѣнѣ Іудиномъ не было приставника. Можетъ быть оно освобождено было и отъ повинностей“³⁾. Кейль напротивъ полагаетъ, что Бен-Хеседъ (3 Цар. 4, 10) былъ приставникомъ въ колѣнѣ Іудиномъ⁴⁾. Всѣ эти предположенія опираются на такомъ или иномъ объясненіи отсутствія прямаго указанія въ текстѣ на приставника въ этомъ колѣнѣ. Мы склоняемся къ тому предположенію, что приставникъ былъ и въ этомъ колѣнѣ подобно другимъ колѣнамъ. Колѣно Іудино имѣетъ лишь то преимущество предъ другими, что ему принадлежатъ царь и большее довѣріе къ нему послѣдняго. То, что при позднѣйшемъ раздѣленіи царства „колѣно это, оказавшееся столь мятежнымъ при Давидѣ, осталось вѣрнымъ сыну Соломону“, не говоритъ необходимо въ пользу предположенія, что при Соломонѣ оно было свободно отъ повинностей. Движеніе противъ Ровоама выходитъ первоначально изъ колѣна Ефремова; понятно, что колѣно Іудино потому уже не можетъ принять

¹⁾ Graetz. Geschichte. B. I. S. 308.

²⁾ Ewald. Geschichte. B. III. S. 405.

³⁾ Богородскій. Еврейскіе царя. Стр. 349.

⁴⁾ Keil. Die Bücher der Könige. S. 36. Такъ думаетъ и Келеръ. Lehrbuch. H. 2. Th. I. S. 412.

въ немъ участіе. Какъ бы то ни было впрочемъ, къ концу царствованія Соломона обнаруживаются опять недовольство и возмущеніе и въ той же половинѣ царства, въ какой и въ послѣдній разъ при Давидѣ; только теперь во главѣ движенія стоитъ не вѣиаминянинъ, а ефремлянинъ. Гдѣ искать причинъ этого новаго недовольства и возмущенія, выросшаго въ царствованіе Соломона и лишь завершившагося окончательнымъ раздѣленіемъ царства послѣ его смерти?—Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, считаемъ нужнымъ оглянуться назадъ.

Разъединеніе колѣнъ и даже раздвоеніе ихъ коренятся, какъ мы видѣли въ характерѣ страны, населяемой израильскимъ народомъ, въ характерѣ самаго этого народа и составляютъ обычную, такъ сказать, форму историческаго существованія этого народа, каковое—послѣднее въ свою очередь можетъ быть поставлено въ ряду условій, благоприятствующихъ раздѣленію царства при Ровоамѣ. Но всетаки разъединеніе и раздвоеніе колѣнъ не постоянны: иногда они ослабляются и какъ бы совсѣмъ прекращаются и начинается жизнь народа единая и цѣлостная, иногда они сильнѣе проявляются, чѣмъ въ другое время. Естественно возникаетъ вопросъ: какія условія временныя благоприятствуютъ особенно проявленію въ народѣ сепаративныхъ стремленій, данныхъ такъ сказать въ природѣ страны и народа? Указаніе такихъ условій въ предшествующей Соломону исторіи и потому въ исторіи самаго Соломона должно объяснить намъ возникновеніе выше указанныхъ стремленій въ концѣ царствованія послѣдняго и потомъ раздѣленіе царства послѣ его смерти. Изъ представленнаго выше историческаго очерка можно уже видѣть условія раздѣленія въ исторіи, предшествующей Соломону. Мы соединяемъ ихъ здѣсь, чтобы потомъ яснѣе видѣть присутствіе ихъ въ исторіи Соломона и чрезъ то объяснить раздѣленіе царства послѣ его смерти.

Судя по теоріи, разъединеніе, раздѣленіе въ народѣ и государствѣ предполагаетъ большую или меньшую незави-

симость и самостоятельность ихъ по отношенію къ другимъ народамъ и государствамъ, внѣшнее спокойствіе и обеспеченность. Въ виду внѣшняго врага всякая домашняя рознь и усобица обыкновенно стихаютъ и всѣ болѣе или менѣе объединяются для его отраженія, напротивъ въ мирное время народъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на своихъ внутреннихъ отношеніяхъ и критикѣ ихъ, если они не соотвѣтствуютъ его вкусу; въ народѣ, склонномъ къ разъединенію по самому характеру своему, отдѣльныя его части яснѣе представляютъ себѣ независимость однихъ отъ другихъ и возможность жить внѣ связи съ другими, сообразно съ желаніями и выгодами каждой порознь. Внѣшнее спокойствіе сглаживаетъ далѣе рѣзкость и враждебность въ отношеніяхъ къ другимъ народамъ, благоприятствуетъ мирнымъ сношеніямъ съ ними и открываетъ доступъ всяческимъ влияніямъ съ ихъ стороны, не исключая и религіозныхъ. Въ израильскомъ народѣ такія мирныя сношенія съ другими народами, язычниками, ведутъ большею частію къ усвоенію имъ религіозныхъ обычаевъ этихъ послѣднихъ и чрезъ то къ упадку въ немъ истинной религіи, къ ослабленію религіозной связи между отдѣльными его членами, которое ведетъ въ свою очередь къ ослабленію политической связи, къ политическому разъединенію. Само стоя въ зависимости отъ внѣшняго спокойствія, ослабленіе религіозной связи можетъ тѣмъ не менѣе стоять вмѣстѣ съ нимъ въ ряду условій, благоприятствующихъ политическому разъединенію народа. Итакъ внѣшнее благосостояніе и въ связи съ нимъ стоящій не рѣдко большій или меньшій религіозно-правственный упадокъ—два главныя условія, благоприятствующія болѣе сильному проявленію присущей израильскому народу склонности къ разъединенію и раздѣленію.

Эти общія положенія подтверждаетъ и исторія, и именно прежде всего—первое положеніе о значеніи внѣшняго покоя для проявленія разъединенія въ народѣ. Не будемъ говорить о разобщенной жизни Израиля въ Египтѣ въ мирный

периодъ пребыванія его тамъ. Не будемъ говорить и о томъ, что мысль о раздѣленіи пугаетъ израильтянъ при Иисусѣ Навинѣ во время покоя, наступившаго послѣ окончанія сильныхъ войнъ при завоеваніи Ханаана (Нав. 22, 10—34). Наглядное доказательство этого положенія представляетъ периодъ судей. Въ этотъ продолжительный периодъ и именно во времена покоя израильскія колѣна живутъ жизнью отдѣльною, почти въ связи однихъ съ другими, — и лишь поработничества со стороны враговъ вызываютъ въ нихъ болѣе или менѣе потребность объединенія и то далеко не всѣхъ колѣнъ; попытки же Ефремова колѣна разыгрывать роль первенствующаго между другими колѣна даютъ иногда поводъ къ междоусобной войнѣ (при Иефеаѣ). Въ сравнительно болѣе спокойный периодъ царствованія начатки раздѣленія выступаютъ и при Саулѣ. Невольный виновникъ его и средоточный пунктъ отдѣляющихся отъ Саула — Давидъ изъ колѣна Іудина. Приверженцы его происходятъ, правда, изъ всего Израиля и даже изъ Веніамина колѣна (1 Цар. 22, 2; 1 Пар. 11, 26—47; 12, 1—22), но главное поприще его дѣятельности область колѣна Іудина. Правда, и здѣсь находятся лица, держащія сторону Саула (зифеи); но старѣйшины многихъ городовъ этого колѣна — друзья Давида (1 Цар. 30, 26—31). Начало этого внутренняго разъединенія въ царствѣ Саула падаетъ именно на то время, когда онъ окончилъ свои главныя войны. Въ периодъ преслѣдованія Давида, когда этотъ уже отдѣлился отъ него, говорится лишь о незначительныхъ стычкахъ съ филистимлянами (1 Цар. 23, 1. 27). Начавшееся при Саулѣ въ сравнительно спокойное время раздѣленіе продолжается, усиливается и принимаетъ даже небывалую прежде рѣзкую форму и послѣ него, именно во время самага тяжелаго внѣшняго положенія. Это явленіе противорѣчитъ повидимому выставленному нами выше положенію. Но только повидимому. Необходимость объединенія всего Израиля именно въ это тяжелое время сознаетъ каждая изъ образовавшихся тогда отдѣльныхъ половинокъ прежде одного госу-

дарства и каждая стремится къ достиженію этого объединенія. Давидъ дѣлаетъ попытку привлечь къ себѣ другихъ израильтянъ на жителей города Іависа (2 Цар. 2, 5—7). Авениръ, полководецъ Іевосеея, объединяетъ израильтянъ подъ скипетромъ Іевосеея и намѣревается подчинить ему и Іуду (ст. 8—17). Позднѣе, разсорившись съ своимъ государемъ, онъ дѣлаетъ попытку объединить всего Израиля подъ скипетромъ Давида (2 Цар. 3, 7—21). Но противъ этихъ попытокъ къ объединенію стоятъ другія обстоятельства того времени. Каждая изъ образовавшихся половинокъ имѣетъ своего государя, — одинъ изъ нихъ долженъ бы разстаться съ своимъ престоломъ; полководцы того и другаго государя слишкомъ честолюбивы; были и другія неблагопріятныя объединенію колѣнъ условія, — и попытки не удаются, пока не умираютъ сначала Авениръ, а потомъ и самъ Іевосеея. Когда устранены эти главныя препятствія, Израиль объединяется подъ скипетромъ Давида. И при Давидѣ раздѣленіе проявляется въ мирный периодъ его царствованія. Во время послѣдней большой войны съ аммонитянами Давидъ совершаетъ грѣхъ, ставшій источникомъ почти всѣхъ бѣдъ его царствованія, и по окончаніи ея начинаются первыя проявленія этихъ бѣдствій и въ связи съ ними раздѣленія въ государствѣ (2 Цар. 11. 13). Такъ можно считать исторически оправдываемымъ положеніе, что до Соломона разъединеніе и раздѣленіе въ израильскомъ народѣ усиливаются въ болѣе спокойные совѣтскіе периоды его существованія.

Но усиленіе разъединенія стоитъ въ связи и съ большимъ или меньшимъ религіозно-нравственнымъ упадкомъ въ народѣ. При естественной склонности Израиля къ разъединенію преимущественная задача Моисеева законодательства заключается не въ томъ, чтобы объединить его политически, а въ томъ, чтобы образовать изъ него народъ сильный внутреннею, религіозною связію; къ этой цѣли направлены всѣ важнѣйшія положенія законодательства. Един-

ственный предмет поклонения для всего Израиля единый Богъ-Іегова; Онъ же и единый невидимый государь израильскаго царства. Одно для всего народа жилище Іеговы и мѣсто общественнаго служенія Ему, куда въ извѣстные праздники, — три раза въ годъ, долженъ собираться весь Израиль и чрезъ то возобновлять и усиливать свою религиозную связь, а также и политическое единство. Одно, по всей странѣ разсѣянное, специально на служеніе Іеговѣ посвященное и въ этомъ своемъ служеніи долженствовавшее полагать весь свой жизненный интересъ, колыно Левіино. И для болѣе легкаго и прочнаго проведенія этихъ установленій въ народъ и для болѣе сильнаго дѣйствія ихъ на него, въ смыслѣ объединенія, строгое воспрещеніе вступать въ мирныя и родственныя отношенія къ прежнимъ жителямъ Хаанаана—хананеямъ, извѣстнымъ своимъ религиознымъ и нравственнымъ развращеніемъ. Тѣсно объединенный и отличный въ религиозномъ отношеніи отъ другихъ, израильскій народъ долженъ быть замкнутъ отъ ближайшихъ сосѣдей и политически. Но Израиль не исполняетъ этого мудраго предписанія Моисеева: не истребляетъ хананеевъ, вмѣсто того вступаетъ сначала въ мирныя, а потомъ и дружественныя и родственныя къ нимъ отношенія, усваиваетъ ихъ обычаи и даже культы; вмѣсто того, чтобы группироваться около одного единственнаго центра религиознаго, онъ устраиваетъ такіе центры въ отдѣльныхъ своихъ областяхъ и городахъ, ослабляетъ и даже разрываетъ свою религиозную связь, а чрезъ то и безъ того слабую связь политическую. Частыя порабоженія со стороны окрестныхъ народовъ—ясное доказательство его политическаго разъединенія. Но въ тоже время писатель книги Судей предъ каждымъ такимъ порабоженіемъ замѣчаетъ и о религиозно-нравственномъ упадкѣ Израиля. „И стали дѣлать сыны Израилевы злое предъ очами Господа“—обычное введеніе къ разсказу о томъ или о другомъ порабоженіи (Суд. 3, 6. 7; 12; 4, 1; 6, 1; 10, 6; 13, 1); иногда къ этому прибавляется прямое упоминаніе о служеніи его

тѣмъ или другимъ чужимъ богамъ: „забыли Господа, Бога своего, и служили Вааламъ и Астартамъ“ (Суд. 3, 7), „и служили Вааламъ и Астартамъ, и богамъ арамейскимъ, и богамъ сидонскимъ, и богамъ моавитскимъ, и богамъ аммонитскимъ, и богамъ филистимскимъ, а Господа оставили и не служили Ему“ (10, 6). Эти вводныя замѣчанія не обычный литературный приемъ писателя книги Судей и не позднѣйшій только взглядъ его или его времени, не соответствующій дѣйствительному положенію дѣлъ въ періодъ судей, но именно исторически вѣрное изображеніе состоянія Израиля въ разныя времена этого періода. Въ пользу послѣдняго говорятъ слѣдующія соображенія. Еще при Моисеѣ израильскій народъ неполнѣ свободенъ отъ увлеченія языческими культурами (Исх. 32; Числ. 25; Іезек. 20, 7. 8). Іисусъ Навинъ видитъ сильную опасность для Израиля со стороны тѣхъ же культовъ и, кажется, даже и служеніе чужимъ богамъ (Нав. 24, 4—25). Въ книгѣ Судей кромѣ общаго введенія къ разсказу о порабоженіи: „и стали дѣлать злое предъ очами Господа“ находится иногда, какъ мы только что говорили, и другое, указывающее на служеніе чужимъ богамъ. Но и помимо этого упоминанія о служеніи богамъ, во введеніи къ разсказу, указанія на идолопоклонство въ Израилѣ встрѣчаются, хотя и нечасто, въ самомъ разсказѣ. Такъ Девора въ своей пѣснѣ говоритъ о „новыхъ богахъ“, которыхъ избралъ себѣ Израиль, и ставитъ военныя безпокойства его въ то время въ связь съ этимъ избраніемъ (Суд. 5, 8). Въ исторіи Гедеона упоминается о жертвенникѣ Ваала и при немъ священномъ деревѣ Астарты¹⁾. Жертвенникъ этотъ принадлежитъ отцу Гедеона, но въ то же время онъ священное мѣсто культа Ваала и для жителей роднаго Гедеону города Офры (Суд. 6, 25—31). При сынѣ Гедеона Авимелехѣ упоминается о храмѣ Вааль-Вериеа. Храмъ этотъ находится въ Сихемѣ; при немъ хранится

¹⁾ Köhler. Lehrbuch. II. S. 80. 8.

общественная казна (Суд. 9, 4). По мнѣнію нѣкоторыхъ оны имѣли значеніе для нѣсколькихъ союзныхъ съ Сихемомъ городовъ¹⁾. Во дни Иефеая, кромѣ общаго обличенія во введеніи, приводится обличеніе Израиля со стороны Иеговы въ служеніи чужимъ богамъ и замѣчается, что Израиль внимаетъ этому обличенію, отвергаетъ чужихъ боговъ и начинаетъ служить Господу (Суд. 10, 10—16). Въ концѣ періода судей оны удаляетъ отъ себя Вааловъ и Астартъ, послѣдую увѣщанію Самуила (1 Цар. 7, 3, 4). Такъ въ періодъ судей политическая слабость и разъединеніе Израиля стоятъ въ тѣсной связи съ упадкомъ у него религіи Иеговы, съ ослабленіемъ религіозной связи. При Саулѣ разъединеніе Израиля не стоитъ въ такой очевидной связи съ религіознымъ упадкомъ, но нѣкотораго религіознаго разъединенія и при немъ вполне отрицать нельзя. Замѣчательно въ этомъ отношеніи слѣдующее. Ковчегъ Иеговы, величайшая святыня Израиля, существуетъ отдѣльно отъ скинии и находится въ забвеніи (1 Пар. 13, 3). Нѣкогда средоточный пунктъ, оны теперь очевидно не объединяетъ Израиля. Не составляетъ такого центра и скиния собранія, лишенная ковчега завѣта. Народъ приноситъ свои жертвы на различныхъ мѣстахъ своей страны (1 Цар. 11, 15; 13, 9, 10; 14, 35; 16, 3—5). Подъ конецъ своего царствованія избіеніемъ первосвященника и священниковъ номвскихъ (1 Цар. 22, 9—20) Саулъ лишаетъ скинию и того объединительнаго значенія, какое она еще имѣла. Сама она переносится въ другое мѣсто (въ Гаваонъ). Преслѣдователь всякаго рода волшебниковъ въ первые годы царствованія, Саулъ въ концѣ его самъ обращается къ аендорской волшебницѣ (1 Цар. 28). Всѣ эти факты не говорятъ, впрочемъ, объ отпаденіи отъ религіи Иеговы ни самаго Саула, ни тѣмъ менѣе народа. Но съ другой стороны они говорятъ въ пользу того, что религія не могла оказывать на народъ такого объединяю-

¹⁾ Ewald. Geschichte. B. II. S. 484.

щаго вліянія, какое должна бы и могла бы имѣть при другихъ условіяхъ. Возраженіемъ здѣсь не можетъ быть ссылка на Самуила, при которомъ ковчегъ завѣта стоялъ также внѣ скинии и скиния не выступаетъ особенно, и всетаки народъ сплачивается довольно тѣсно. Помимо трудныхъ обстоятельствъ времени много значить для объединенія народа самая личность Самуила, удостоеннаго, въ мнѣніи всего Израиля отъ Дана до Вирсавіи, быть пророкомъ Господнимъ (1 Цар. 3, 20, 21). Правда, Самуиль живетъ почти во все время царствованія Саула¹⁾ и пользуется уваженіемъ со стороны народа; но Самуиль и Саулъ уже рано порвали свою общую дѣятельность. Даже при Давидѣ нельзя отрицать связи разъединенія если не съ религіознымъ, то по крайней мѣрѣ съ нѣкоторымъ нравственнымъ упадкомъ. Не видно уклоненія къ чужимъ богамъ, но уклоненіе къ чужимъ обычаямъ есть и прежде всего со стороны самаго царя. Вопреки прямому закону о царяхъ израильскихъ (Втор. 17, 17), но слѣдуя конечно этикету ивземныхъ дворовъ, а быть можетъ, и противозаконнымъ обычаямъ прежнихъ знатныхъ лицъ въ Израилѣ (Суд. 8, 30)²⁾, оны имѣютъ у себя много женъ (2 Цар. 3, 2—5. 14; 11, 27; 15, 16). До времени зло, заключающееся въ многоженствѣ, кроется въ тайнѣ. Но вотъ оны совершаетъ грѣхъ съ Вирсавією, и оно, какъ бы ободренное царственнымъ примѣромъ, выступаетъ наружу и распространяется шире и шире. Аммонъ наноситъ безчестіе сестрѣ своей, Тамари. Авессаломъ убиваетъ брата своего, Аммона, и потомъ поднимаетъ возстаніе противъ отца своего, Давида. Всѣ эти пороки и вмѣстѣ бѣдствія пророкъ Наѳанъ ставитъ въ прямую связь съ преступленіемъ Давида (2 Цар. 12, 11, 12). Нужно ду-

¹⁾ По Иосифу Флавію, Саулъ царствовалъ 18 лѣтъ при жизни Самуила и два года по смерти его; но есть вариантъ, по которому оны царствовалъ 22 года по смерти Самуила. Antiqu. VI. 14. 9.

²⁾ Тридцать сыновей Іаира (Суд. 10, 4), тридцать сыновей и тридцать дочерей Есевона (12, 9), сорокъ сыновей Авдона (ст. 14) даютъ право предполагать, что Іаиръ, Есевонъ и Авдонъ имѣли по нѣсколько женъ.

мать, что вредный примѣръ Давида не ограничился предѣлами царскаго двора, а вышелъ и за нихъ, ослабилъ нравственную крѣпость въ народѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и связь его съ царемъ. Заслуживаютъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія слова пророка Наана къ Давиду: „ты этимъ дѣломъ (преступленіемъ съ Вирсавією) подалъ поводъ врагамъ Господа хулить Его“ (2 Цар. 12, 14). Подъ врагами Господа здѣсь нельзя разумѣть личныхъ враговъ Давида, которые, какъ напр. Семей, видѣли въ немъ свсвольнаго похитителя Саулова престола, убійцу, беззаконника и кровопійцу, которому за все это Господь отмщаетъ возмущеніемъ противъ него сына его, Авессалома (2 Цар. 16, 7. 8). Враги Господа несомнѣнно тѣ, которые смотрятъ на Давида, конечно неискренно, какъ на царя, поставленнаго Богомъ на мѣсто Саула, и именно какъ на мужа по сердцу Божию (1 Цар. 13, 14), но недовольны почему либо этимъ поставленіемъ. Пока жизнь Давида была безупречна, они вынуждены были силою вещей признавать превосходство его предъ Сауломъ и мириться съ опредѣленіемъ Божиимъ. Совершеніе Давидомъ двойнаго преступленія развязываетъ имъ языки, даетъ возможность унижать Давида, этого мужа по сердцу Божию, и, такъ какъ основаніемъ его избранія въ цари служило его нравственное соотвѣтствіе волѣ Божіей, злословить тѣмъ Іегову, возведшаго его на престолъ. Глубокое и искреннее раскаяніе Давида было, конечно, небезизвѣстно народу и сглаживало первоначальное сильное и непріятное впечатлѣніе; но прежнюю любовь народа къ царю, первую связь перваго съ послѣднимъ оно всетаки ослабило и этимъ ослабленіемъ воспользовались ловкіе и лично недовольные Давидомъ люди для своихъ цѣлей. Такъ и связь политическаго разъединенія въ Израилѣ съ его большимъ или меньшимъ упадкомъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи подтверждается исторією его до Соломона. Слѣдовательно, по указанію исторіи, политическое разъединеніе въ Израилѣ до Соломона стоитъ въ связи не только

хронологической, но и причинной съ внѣшнимъ покоемъ его и большимъ или меньшимъ религіозно-нравственнымъ его упадкомъ.

Царствованіе Соломона, къ концу котораго стало заявлять о себѣ опять всегда присущее Израилю стремленіе къ разъединенію и по завершеніи котораго произошло раздѣленіе еврейскаго царства, заключаетъ въ себѣ оба вышеуказанныя условія и даже въ высшей степени.

Царствованіе Соломона, какъ бы въ соотвѣтствіе имени царя (מְלֶכֶת = богатый миромъ), прежде всего царство мира и покоя и наивысшаго въ исторіи Израила политическаго могущества. Условія къ такому его характеру заключаются и въ предшествующей исторіи Давида и въ мудрой политикѣ самого Соломона. Давидъ широко раздвинулъ предѣлы израильскаго государства, относительно крѣпко держалъ въ своей власти подчиненные народы (2 Цар. 8, 6. 14) и жестоко наказывалъ тѣхъ, которые пытались отложиться отъ него (3 Цар. 11, 15—16). Послѣдніе мирные годы его царствованія должны были еще болѣе усиливать страхъ и уваженіе по отношенію къ нему со стороны подчиненныхъ народовъ, что сознаетъ и что выражаетъ въ одномъ изъ своихъ псалмовъ и онъ самъ (2 Цар. 22, 45. 46). Недовольныя зависимостью отдѣльныя лица изъ нихъ должны были ожидать его смерти, чтобы можно было предпринять что нибудь въ пользу своего народа съ надеждою на успѣхъ (3 Цар. 11, 21). Смерть Давида дѣйствительно пробуждаетъ въ нихъ розовыя надежды. Обычное явленіе на востокѣ и между прочимъ въ тѣхъ странахъ, на которыя Израиль распространялъ теперь свое господство, что смерть царя, ихъ покорителя, служить какъ бы сигналомъ къ возстанію покоренныхъ. Причина этого заключается отчасти въ слабой зависимости ихъ отъ своего повелителя. Обыкновенно этотъ послѣдній довольствуется изъявленіемъ покорности и обѣщаніемъ дани со стороны побѣжденныхъ; иногда только или послѣ сильнаго сопротивленія или же по вторичномъ

усмиренія въ покоренную страну назначается отъ побѣдителя такой или иной его представитель и, конечно, съ большимъ или меньшимъ военнымъ отрядомъ. Такимъ образомъ со смертью царя-покорителя какъ бы сама собою прекращалась зависимость покоренныхъ. Новый царь потребуетъ, конечно, покорности и себѣ. Но будетъ ли и онъ также счастливъ на войнѣ, какъ и его предшественникъ? Неопредѣленность и желательная возможность отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ и сообщаютъ покореннымъ рѣшимость и силу сбрасывать съ себя рабское ярмо по смерти своего порабощателя. Нѣчто подобное проявляется или готово проявиться и по смерти Давида. Въ нѣкоторыхъ болѣе рѣшительныхъ личностяхъ изъ покоренныхъ странъ смерть Давида дѣйствительно пробуждаетъ смѣлость возстать на защиту своей родины. Моментъ этотъ представляется имъ тѣмъ болѣе благопріятнымъ, что за смертью Давида послѣдовала вскорѣ и смерть Иоава, его славнаго и страшнаго для враговъ военачальника (3 Цар. 2, 34; 11, 21). Быть можетъ, небезызвѣстно было имъ и о внутреннихъ беспорядкахъ при воцареніи Соломона. Въ силу всего этого на окраинахъ израильскаго царства, покоренныхъ Давидомъ, частію происходятъ, частію готовы вспыхнуть возстанія. Идумейскій царевичъ Адеръ, вынужденный бѣжать изъ своей родины при Давидѣ, теперь, услышавъ о смерти его и Иоава, возвращается въ нее (3 Цар. 11, 17—22). На сѣверѣ Разонъ, бывший подданный Адраазара, царя сувскаго, становится начальникомъ шайки, водворяется въ дамасской Сиріи и дѣлается противникомъ Израиля во всѣ дни Соломона (23—25). Въ непріязненное отношеніе становится къ Соломону и царство Емаѣ-Сува, къ сѣверу отъ ливанскихъ горъ, царь коего привѣтствовалъ нѣкогда Давида, чрезъ своего сына, съ побѣдою надъ Адраазаромъ, своимъ врагомъ, и тѣмъ какъ бы поручилъ себя его покровительству (2 Цар. 8, 9. 10). Но Соломонъ завсёвывааетъ Емаѣ (2 Пар. 8, 3). Охранная войска, поставленная по всей Идумеѣ еще Давидомъ

(2 Цар. 8, 14; Пар. 18, 13), и дружба и родство Соломона съ египетскимъ царемъ не позволяютъ Адеру поднять всеобщее возмущеніе, и Соломонъ твердо владѣетъ берегами Езавитскаго залива, въ гавани коего Еціонъ-Гаверъ онъ строитъ флотъ и ведетъ такимъ образомъ морскую торговлю (3 Цар. 9, 26). На Разона Соломонъ кажется, не обращаетъ надлежащаго вниманія, но онъ въ первое время Соломона, быть можетъ, не особенно его беспокоитъ: Соломонъ ведетъ торговлю съ заевратскими государствами и для споспѣшествованія ей строитъ въ пустынѣ между Дамаскомъ и Евфратомъ городъ Өадморъ, (2 Пар. 8, 4), знаменитую впоследствии Пальмиру¹⁾. Къ концу царствованія Соломона, когда измѣнились отношенія его къ египетскому царю и внутренняя политика, Адеръ и Разонъ усиливаютъ безъ сомнѣнія свои нападенія на израильское царство. Разонъ овладѣваетъ даже Дамаскомъ и утверждается въ немъ (3 Цар. 11, 24. 25)²⁾. Но ихъ угрожающее положеніе всетаки не таково, чтобы заставить народъ или царя соединить свои силы для его устранения. Эти безпокойства на границахъ могли ослаблять въ глазахъ народа впечатлѣніе отъ могущественнаго царствованія Соломона въ прежнее время и, при другихъ условіяхъ, пробуждать или усиливать недовольство его противъ царя. Такимъ образомъ царствованіе Соломона, не смотря на эти

¹⁾ Винеръ видитъ въ Өадморѣ, построенномъ Соломономъ, оплотъ противъ нападеній со стороны сирійцевъ и арабовъ. *Winer. Biblisches Real-Wörterbuch.* V. 2. S. 598.

²⁾ Отношеніе къ Соломону его враговъ представляютъ нѣкоторые иначе. По Гретку, *Geschichte* V. I. S. 364, Адеръ возвратился въ свою землю изъ Египта лишь по смерти Фараона, тестя Соломонова, вопреки прямому смыслу 3 Цар. 11, 21. Эвальдъ, *Geschichte* V. III. S. 293—296, Кейль, *Die Bücher der Könige* S. 131, предполагаютъ усиленіе ихъ уже въ началѣ царствованія Соломона. См. разборъ этихъ мнѣній у Богородскаго, *Еврейскіе цари.* Стр. 237—239. Кёлеръ предполагаетъ, что Разонъ овладѣлъ Дамаскомъ и сдѣлался его царемъ еще при жизни и съ согласія Давида, въ качествѣ вассала послѣдняго. По смерти же Давида онъ измѣнилъ своему новому израильскому государю, подобно тому, какъ онъ измѣнилъ прежде своему сирійскому. *Köhler. Lehrbuch.* II. S. 286.

безпокояства, всетаки по преимуществу царствованіе мирное. „И былъ у него (Соломона) миръ со всѣми окрестными странами. И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый подъ виноградникомъ своимъ и каждый подъ смоковницею своею, отъ Дана до Вирсавіи, во всѣ дни Соломона (3 Цар. 4, 24, 25).

Но миръ государства могущественнаго, стоящаго во главѣ многихъ другихъ подчиненныхъ, требуетъ большаго напряженія силъ именно со стороны господствующаго народа. Подчиненные народы никогда не несуть ига по доброй волѣ; повидимому и охотно они склоняютъ свои головы лишь предъ силою, когда видятъ, что, по пословицѣ, плетью обуха не перешибешь. Поэтому народъ-повелитель вынужденъ употреблять съ своей стороны все для того, чтобы быть или казаться въ глазахъ покоренныхъ народовъ могущественнымъ народомъ. Народная мощь проявляется въ силѣ военной и, преимущественно у восточныхъ народовъ, въ блескѣ царскаго двора. Сила военная, готовая подавить тотчасъ же всякое мятежническое возстаніе, не позволяетъ покореннымъ и мечтать о свободѣ; а виѣшній блескъ и величіе царскаго двора наполняютъ сердца побѣжденныхъ невольныхъ благоговѣніемъ предъ особою царя-повелителя и его народомъ. Не подобны ли мотивы—показать народу-сосѣду свою мощь и чрезъ то поохладить его на случай возможной съ его стороны притязательности заставляютъ и нынѣшнихъ народныхъ правителей выставять напоказъ иноземцамъ дисциплину и численность своихъ войскъ въ церемоніальныхъ смотрахъ и парадахъ? И кто скажетъ, что эти средства не достигаютъ своей цѣли даже въ настоящее время и у народовъ Европы? ¹⁾ Такимъ обра-

¹⁾ Всѣмъ извѣстны заботы Россіи и Англій о поддержаніи своего „престіжа“ въ Средней Азіи. Въ свѣжей памяти и то наиримѣрь, какою торжественностью и пышностью обставлено было свиданіе вице-короля Индіи съ афганскимъ эмиромъ въ Равуль-Пинди въ настоящемъ году.

зомъ и Соломонъ, чтобы стать на высотѣ своего положенія, долженъ былъ заботиться о развитіи и выставленіи на видъ силы своего государства въ указанныхъ выше направленіяхъ,—и онъ дѣйствительно дѣлаетъ это, хотя въ послѣднемъ отношеніи и черезчуръ.

Нужно думать, что организація войска, его составъ и порядокъ отправленія имъ дѣйствительной службы, введенные Давидомъ (1 Цар. 27), продолжали существовать и при Соломонѣ: нельзя же представлять себѣ такого могущественнаго государства безъ значительнаго и хорошо организованнаго войска ¹⁾. Но Соломонъ дѣлаетъ и важныя нововведенія въ войскѣ, начало коимъ положено было отчасти уже Давидомъ. Войско состояло у Израиля до Давида изъ одной пѣхоты. Въ войнѣ съ Адраазаромъ, царемъ сувскимъ, Давидъ захватываетъ колесницы и коней колесничныхъ, подрѣзываетъ жилы послѣднимъ, но и оставляетъ изъ нихъ для ста колесницъ (2 Цар. 8, 4). Потребность въ нихъ ощутилась несомнѣнно съ расширеніемъ границъ израильскаго государства за предѣлы Палестины на народы, боевую силу коихъ составляли по преимуществу всадники и колесницы (2 Цар. 8, 4; 10, 18). Соломонъ заводитъ у себя тысяча четырехста колесницъ съ принадлежащими къ нимъ конями ²⁾ и двѣнадцать тысячъ коней для всадниковъ (3 Цар.

¹⁾ Богородскій предполагаетъ, что „Соломонъ произвелъ радикальное преобразование въ военномъ (и гражданскомъ) устройствѣ странъ“ въ томъ смыслѣ, что „двѣнадцать Давидовыхъ военачальниковъ, командовавшихъ двѣнадцатью отдѣльными частями всенароднаго ополченія въ Иерусалимѣ и на войнѣ, были замѣнены мѣстными военачальниками, приставленными, жившими въ новѣхъ областяхъ и соединявшими въ своихъ рукахъ военную и гражданскую власть“. Но на этомъ предположеніи онъ и самъ не настаиваетъ. Указ. соч. Стр. 347. 348. Для насъ важно лишь то, въ настоящемъ случаѣ, что существовало сильное войско, готовое отразить непріятеля.

²⁾ По 3 Цар. 4, 26 у Соломона было сорокъ тысячъ стойлъ для коней колесничныхъ; а по 2 Цар. 9, 25 четыре тысячи. Вѣрною признаютъ послѣднюю цифру. Graetz. Geschichte. B. I. S. 325. Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 343. Эвальдъ считаетъ собственно 4,200 коней, полагая по два коня на колесницу и одного запаснаго. Geschichte. B. III. S. 355. Размѣщеніе колесницъ „по ко-

10, 26; 9, 19; 2 Пар. 1, 14). Къ этой боевой силѣ, которую онъ можетъ передвигать туда и сюда, по требованію нужды, онъ присоединяетъ значительное число укрѣпленій, силу государства, такъ сказать, неподвижную. Онъ укрѣпляетъ стѣнами Іерусалимъ, восполняя тѣмъ укрѣпленіе его, сдѣланное Давидомъ и ставшее теперь недостаточнымъ, и строить цѣлый рядъ крѣпостей въ своей странѣ, которыя должны охватывать ее на подобіе пояса (3 Цар. 9, 15—19. 24; 11, 27; 2 Пар. 8, 5. 6). Видъ сильной столицы и другихъ крѣпостей въ странѣ внушительно говоритъ о силѣ государства. А перечень укрѣпленныхъ Соломономъ городовъ показываетъ, что при укрѣпленіи ихъ руководила имъ не одна страсть къ грандіознымъ постройкамъ, но и дѣйствительное намѣреніе укрѣпить страну: всѣ они расположены на важныхъ пунктахъ страны и почти всѣ играютъ важную роль въ военной ея исторіи; достаточно указать на Мегиддо, лежавшій въ изреельской равнинѣ, часто бывавшей театромъ военныхъ дѣйствій въ Палестинѣ, на Гацоръ (Асоръ, Нав. 11, 1. 10) и оба Вееорона, защищавшіе доступъ внутрь страны по дорогѣ изъ Яффы съ приморской низменности. Но главное свое вниманіе Соломонъ обращаетъ на возведеніе вѣшнаго блеска преимущественно своей столицы и своего двора. Исполняя завѣтъ отца, но, быть можетъ, превосходя его предначертанія въ богатствѣ и роскоши ихъ исполненія, Соломонъ строитъ великолѣпный храмъ Іеровъ въ Іерусалимѣ. О великолѣпіи его можно судить уже по тѣмъ громаднымъ заготовленіямъ, какія были сдѣланы для его построенія Давидомъ (1 Пар. 28. 29). Къ этимъ заготовленіямъ со стороны отца Соломонъ прибавляетъ много съ своей стороны (3 Цар. 5, 6. 8—10; 2 Пар. 2, 8. 16; 3 Цар.

лесничнымъ городамъ", такъ что только часть ихъ оставалась въ Іерусалимѣ, 3 Цар. 10, 26, показываетъ ясно, что это были военныя колесницы, а не придворныя экипажи для самаго Соломона и его женъ, какъ говорится въ Душеполезн. Чтен. 1873. I. Стр. 52.

10, 11. 12; 2 Пар. 9, 11). Храмъ Соломоновъ поражалъ впрочемъ не столько величиною, сколько „своимъ изяществомъ и безпримѣрнымъ богатствомъ украшеній и всей внутренней обстановки“. Впрочемъ, „если вспомнимъ, что онъ построенъ былъ на горѣ, что вершина этой горы, искусно обдѣланная и укрѣпленная исполинскими каменными постройками, имѣла видъ тоже какъ бы здація, надъ которымъ, какъ вѣнецъ, возвышалась изящная фигура святилища съ его стройною (можетъ быть мраморною) башнею, съ величественными мѣдными колоннами предъ притворомъ и съ балюстрадами дворовъ террасообразно опоясывавшихъ его подножіе,—то должны будемъ признать, что и храмъ Соломоновъ имѣлъ могущественный, поразительный видъ“¹⁾. Послѣ храма Соломонъ построилъ для себя великолѣпный домъ каменный трехъэтажный, названный отъ множества употребленныхъ при этомъ кедровыхъ деревьевъ „домомъ дубравы ливанской“ (3 Цар. 7, 2; 10, 17)²⁾ и извѣстный слоновымъ престоломъ въ немъ, и при немъ упоминаемый особо домъ для свой жены, дочери фараона (3 Цар. 7, 8). Кромѣ всего этого онъ разбилъ роскошные сады и роци (Еккл. 2, 5; 4 Цар. 25, 4). Провелъ для города и садовъ водопроводы и пруды, остатки которыхъ сохранились еще и донинѣ въ двухъ часахъ пути отъ Іерусалима въ Етамъ³⁾. Домашняя обстановка Соломона отличалась необыкновеннымъ великолѣпіемъ и пышностью. „Дворецъ наполненъ былъ сокровищами всякаго рода, между которыми, какъ на самое замѣчательное и удивительное, дѣеписатель указываетъ на золотыя щиты. Ихъ было двѣсти большаго размѣра по шести сотъ сиклей вѣсу (около десяти фунтовъ) и

¹⁾ Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 374.

²⁾ Въ русскомъ переводѣ: „домъ изъ дерева ливанскаго“ не соответствуетъ существу дѣла, потому что домъ былъ каменный, и лишь на отдѣлку его употреблено было много кедровъ. Богородскій. Тамъ же. Стр. 390.

³⁾ Объ этой мѣстности кромѣ 1 Пар. 4, 32 и 2 Пар. 11, 6 упоминаетъ и Г. Флавій. Antiqu. VIII, 7. 3.

триста меньшаго размѣра по триста сиклей вѣсу (3 Цар. 10, 16; 2 Пар. 9, 15. 16). Всѣ сосуды для питья и ѣды во дворцѣ были изъ золота; изъ серебра, говорится, ничего не было; потому что серебро во дни Соломоновы считалось ни за что (3 Цар. 10, 21). Украшенія изъ золота перемѣшивались съ украшениями изъ драгоценной слоновой кости. Сады оживлялись и украшались присутствіемъ обезьявъ, павлиновъ и, вѣроятно, другихъ рѣдкостныхъ четвероногихъ и птицъ. Сокровища Соломона умножались, по обычаю древности, дарами подвластныхъ ему царей и разнообразились подарками царей независимыхъ, пріѣзжавшихъ къ нему въ гости. Они состояли въ сосудахъ, въ одеждахъ, въ оружіи и благовоніяхъ (ст. 25). Кони и мулы, находившіеся тоже въ числѣ подарковъ отъ царей, вѣроятно были рѣдкостные и употреблялись для выѣзда самимъ Соломономъ, при чемъ конечно были соответствующіе остальной обстановкѣ экипажи. Колесницы военныя получались изъ Египта за шесть сотъ сиклей серебра каждая (ст. 26. 29). И для торжественныхъ царскихъ выѣздовъ получались колесницы вѣроятно оттуда же за большія деньги. Пышность восточнаго царя не мыслима безъ громаднаго количества женщинъ. Уже Давидъ не устоялъ противъ силы обычая и имѣлъ болѣе семи женъ и нѣсколько наложницъ. Соломонъ же, любитель пышности, дошелъ въ этомъ отношеніи до чудовищной крайности: у него было семь сотъ женъ и триста наложницъ (3 Цар. 11, 3)¹⁾. Легко судить по этому, какъ громадно должно было быть все количество дворцовой прислуги—оруженосцевъ, колесничниковъ, хлѣбодаровъ, виночерпцевъ и проч. Всѣ они были тщательно подобраны изъ

¹⁾ Примѣры многочисленныхъ гаремовъ встрѣчаются и у другихъ восточныхъ государей. О Даріѣ Кодоманѣ разсказывается, что въ своемъ походѣ противъ Александра Великаго онъ имѣлъ 300 наложницъ (pellices). Великій Моголь, по свидѣтельству путешественниковъ 17 вѣка, имѣлъ тысячу женъ. Есть свидѣтельство, что у персидскаго царя Хозроя было 12,000 женъ. Lange. Bibelwerk. A. T. Th. VII. S. 106. Богородскій. Стр. 394.

людей, видныхъ собою, богато и изящно одѣты и размѣщены въ особо устроенныхъ для нихъ жилищахъ. Они поразили видомъ своимъ царицу Савскую (3 Цар. 10, 5). Для услажденія своего слуха и слуха своихъ гостей Соломонъ имѣлъ хоры пѣвцовъ и пѣвицъ и массу музыкантовъ, игравшихъ на разныхъ инструментахъ (Еккл. 2, 8). Многочисленный дворъ Соломоновъ потреблялъ громадное количество съѣстныхъ припасовъ, простыхъ и изысканныхъ. Каждый день требовалось 30 кóровъ лучшей пшеничной муки (73 четверти и 5 четвериковъ) и 60 кóровъ обыкновенной муки, 10 воловъ откормленныхъ, 20 обыкновенныхъ изъ стада и 100 овецъ. Къ этому присоединились въ болѣе ограниченномъ количествѣ, какъ лакомства, олени, серны, дикія козы, и откормленныя птицы“ (3 Цар. 4, 22. 23)¹⁾.—Таковы результаты стремленія Соломона относительно возвышенія могущества и блеска своего царства. И нельзя отрицать того, что это могущество государства, этотъ необыкновенный блескъ столицы и двора производили свое впечатлѣніе на сосѣдніе народы, возбуждая уваженіе къ израильскому народу, благоговѣніе къ его царю и изумленіе предъ нимъ. Цари иноземные приходятъ не только послушать мудрости Соломона, но и видѣть его дѣла и богатство (3 Цар. 10, 6. 7; 2 Пар. 9), и изумляются имъ. Счастливымъ образомъ съ этимъ внѣшнимъ блескомъ царства соединяется необыкновенная мудрость царя, или лучше эта послѣдняя служитъ преимущественнымъ основаніемъ перваго. Слухъ о необыкновенной мудрости Соломона распространяется гораздо шире, чѣмъ вѣсть объ его богатствѣ и роскоши, и привлекаетъ еще болѣе посѣтителей, свидѣтельствующихъ о своемъ уваженіи и благоговѣніи и внѣшними подарками. „И далъ Богъ Соломону мудрость и весьма великій разумъ и

¹⁾ По разсчету, представленному у Кейля, такимъ количествомъ хлѣба и мяса могли питаться 14,000 человѣкъ. Die Bücher d. Könige. S. 40. Богородскій. Евр. ч. Стр. 394.

обширный умъ, какъ песокъ на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всѣхъ сыновъ востока и всей мудрости египтявъ. Онъ былъ мудрѣе всѣхъ людей... И приходили отъ всѣхъ народовъ послушать мудрости Соломона, отъ всѣхъ царей земныхъ, которые слышали о мудрости его (3 Цар. 4, 29—31. 34). Царь Соломонъ превосходилъ всѣхъ царей земля богатствомъ и мудростію. И всѣ (цари) на землѣ искали видѣть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложилъ Богъ въ сердце его. И они подносили ему, каждый отъ себя, въ даръ: сосуды серебряныя и сосуды золотыя, и одежды и оружіе, и благовонія, коней и муловъ, каждый годъ“ (3 Цар. 10, 23—25). Царствование Соломона такимъ образомъ одно изъ самыхъ могущественныхъ и блестящихъ царствованій, и если не самое могущественное, то самое блестящее въ Израилѣ.

Но это могущество и этотъ блескъ царствования, распространяющійся далеко вокругъ, возбуждая всюду изумленіе, требуютъ, повторяемъ, большаго напряженія силъ и прежде всего со стороны самаго господствующаго народа. Могущество и блескъ царства не могутъ быть созданы усиліями одного кого либо, хотя бы и мудрѣйшаго и могущественнѣйшаго. Ему можетъ принадлежать лишь организаторская и руководственная дѣятельность, а тяжелая работа выполненія должна лежать на другихъ, и именно работа прежде всего строго регулируемая и постоянная. Въ частности большое войско отвлекаетъ большое число людей отъ семейнаго очага и обычныхъ занятій и подвергаетъ ихъ всѣмъ безпокойствамъ подвижной жизни. Многочисленныя постройки требуютъ множества рабочихъ рукъ и значительныхъ расходовъ. Расходовъ же требуетъ и пышность двора. Какъ удовлетворяетъ Соломонъ этимъ потребностямъ? Военную силу онъ беретъ изъ Израиля (3 Цар. 9, 22; 2 Пар. 8, 9). Рабочую силу онъ находитъ въ живущихъ доселѣ среди Израиля хананеяхъ. Еще Давидъ назначаетъ пришельцевъ, находившихся въ землѣ израиль-

ской, очевидно хананеевъ, въ каменотесы, „чтобы обтесывать камни для построения дома Божія“ (1 Пар. 22, 2). Соломонъ беретъ изъ нихъ для работъ 153,600 человекъ, включая сюда и начальниковъ изъ нихъ же (3 Цар. 5, 15; 2 Пар. 2, 18)¹⁾. Но онъ привлекаетъ къ работѣ и евреевъ, въ количествѣ 30,000 человекъ (3 Цар. 5, 13). Онъ посылаетъ ихъ на Ливанъ. Можно думать, что именно работа въ предѣлахъ израильскаго государства, на которую неудобно было употребить хананеевъ, причина, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, того, почему онъ прибѣгаетъ къ рабочей силѣ самихъ евреевъ. Какъ бы то ни было, Соломонъ дѣлаетъ съ своей стороны все возможное для облегченія ихъ работы и, быть можетъ, примиренія съ нею. Эти 30,000 евреевъ работаютъ не всѣ цѣлый годъ, а по очереди въ количествѣ 10,000, такъ что одинъ мѣсяць работаетъ одинъ десятокъ тысячъ, другой мѣсяць — другой десятокъ

¹⁾ Разныя числовыя данныя относительно управлявшихъ работами въ 3 Цар. 5, 16; 9, 23; 2 Пар. 2, 18 Богородскій находятъ возможнымъ примирить такимъ образомъ: во 2 Пар. 2, 18 говорится о надсмотрщикахъ низшаго порядка, изъ хананеевъ; ихъ было 3,600. Въ 3 Цар. 5, 16, говорится о другихъ надсмотрщикахъ, изъ евреевъ; они были выше первыхъ, и ихъ было 3,300. Въ 3 Цар. 9, 23 говорится о „главныхъ“ надзирателяхъ, которыхъ было 550; они были тоже евреи. Всѣхъ, управлявшихъ работами, было такимъ образомъ 7,450. „Главныхъ приставниковъ“, о которыхъ говорится во 2 Пар. 8, 10, онъ сюда не относитъ, такъ какъ „это не надзиратели за рабочими, а начальники надъ всѣмъ народомъ“. Стр. 358—9. Въ этомъ примиреніи представляется сомнительнымъ число 3,300; если эти 3,300 выше 3,600 надзирателей, то трудно представить разграниченіе круга ихъ надзора, по причинѣ незначительнаго различія въ ихъ количествѣ. Богородскій находитъ возможнымъ признать, что у Соломона работали и египтяне въ количествѣ 80,000 человекъ, какъ можно заключать объ этомъ изъ переписки между Соломономъ и египетскимъ царемъ Вафріемъ, сохраненной Евсевіемъ Кесарійскимъ въ его Praeparatio evangelica, Lib. IX cap. 31. 32. Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 357. Чтобы приблизить къ понятию громадную массу рабочихъ, употребленныхъ Соломономъ при построеніи храма, можно указать на то, что „наибольшій камень, оставленный необдѣланнымъ въ каменоломнѣ (царскихъ пещеръ вблизи дамасскихъ воротъ Іерусалима)... потребовалъ бы для своего передвиженія 50,000 рубль“. А. А. Олесницкій. Святая Земля. Кіевъ. 1875. Т. I. Стр. 14. Этотъ камень, конечно, не былъ исключеніемъ. Происходитъ онъ изъ времени Соломона или нѣтъ, для насъ безразлично.

тысяч и т. д. (ст. 14). Этимъ они отличались отъ рабочихъ изъ хананеевъ, которые не имѣли этого преимущества. Уже это преимущество еврейскихъ рабочихъ можетъ дать основаніе дѣписателю различать между работою хананеевъ, какъ работою рабскою, и работою израильтянъ, нѣкоторымъ образомъ, работою слугъ: „дѣтей хананеевъ, оставшихся послѣ нихъ на землѣ, которыхъ сыны израилевы не могли истребить, Соломонъ сдѣлалъ оброчными работниками (גָּזָרִים—עֲבָדִים) до сего дня. Сыновъ же израилевыхъ Соломонъ не дѣлалъ работниками“ (גָּזָרִים 3 Цар. 9, 21. 22)¹⁾. Писатель книгъ Паралипоменовъ, какъ бы поясняя только что приведенное мѣсто изъ книги Царствъ, указываетъ и другое различіе между работою хананеевъ и работою евреевъ; онъ говоритъ: „сыновъ израилевыхъ не дѣлалъ Соломонъ работниками по дѣламъ своимъ“ (2 Пар. 8, 9). На основаніи обоихъ, указанныхъ выше, различій, можно думать, что, по мысли священныхъ писателей, не только „сыны израилевы въ противоположность хананеямъ не мыслились лишенными по самому рожденію правъ свободаго человѣка, правъ даже на высшія и почетныя должности“²⁾, но, что Соломонъ дѣлалъ различіе между тѣми и другими и въ способѣ отправленія ими и въ самомъ характерѣ назначаемыхъ имъ работъ. Определить съ точностью, въ чемъ именно состояло это различіе, трудно. Но различіе должно быть полагаемо³⁾.—Издержки для построенія храма Соломонъ заимствуетъ преимущественно изъ громадныхъ запасовъ, сдѣланныхъ для этой цѣли еще при Давидѣ⁴⁾.

¹⁾ Keil. Die Bücher der Könige. S. 47.

²⁾ Этимъ только и указанію выше очередь ограничиваетъ различіе между рабочими изъ евреевъ и хананеевъ Богородскій. Евр. царя. Стр. 345.

³⁾ Теній предполагаетъ, что израильтяне работали не совсѣмъ безъ платы, но ничѣмъ не доказываетъ своего предположенія. Keil. Die Bücher der Könige. S. 47.

⁴⁾ Громадное количество золота (всего 108,000 талантовъ) и серебра (1,017,000 талантовъ), болѣе 5,000,000 фунтовъ золота и болѣе 800,000,000 серебряныхъ рублей, полагая сикль равнымъ половинѣ лота (1 тал.=3,000 сикл.),

Издержки для другихъ построекъ, а также и для содержанія блестящаго двора, онъ восполняетъ изъ своихъ собственныхъ доходовъ, получаемыхъ отъ податей и подарковъ отъ разныхъ царей, зависимыхъ и независимыхъ, отъ купцовъ и областныхъ начальниковъ и отъ торговли (3 Цар. 9, 26—28; 10, 22. 24. 25). Доходы эти дѣйствительно велики. Дѣписатель говоритъ, что Соломонъ получалъ ежегодно¹⁾ въ общемъ 666 талантовъ золота, и въ этотъ счетъ не входили еще пошлины отъ мелкихъ и крупныхъ торговцевъ, подарки отъ царей или шейховъ пограничныхъ областей сирійско-арабійской пустыни, которые, не будучи формально подданными, старались обезпечить для себя благорасположеніе и покровительство со стороны Соломона, и наконецъ тѣ подати натурою, которыя начальники 12-ти областей должны были доставлять для двора (3 Цар. 10, 14. 15; 2 Пар. 9, 14). Но какъ ни велики его доходы, всетаки расходы его такъ громадны, что онъ терпитъ иногда недостатокъ въ оборотномъ капиталѣ и вынужденъ обращаться къ займамъ и къ уплатѣ ихъ даже съ

представляется невѣроятнымъ и наводитъ на мысль или о порчѣ числа, особенно въ 1 Пар. 22, 14 (Köhler. Lehrbuch. II. S. 323), или о неизвѣстности для насъ вѣса и цѣны еврейскаго таланта (Филаретъ. Начертаніе церковно-библейской исторіи. Изд. 7. Стр. 268). Дорогіе камни, мѣдь, желѣзо, мраморъ по причинѣ множества неисчислимы.

¹⁾ Вопреки общему мнѣнію Келеръ старается доказать, что 666 талантовъ золота составляютъ не ежегодный доходъ Соломона, а доходъ въ одномъ единственномъ году (in einem einzigen Jahre), въ томъ именно, когда доходы Соломона достигли высшей степени. Это было, по нему, въ томъ году, когда офирскій флотъ принесъ 420 талантовъ. Остальные недостающіе 246 до 666 талантовъ составляютъ ту сумму, которую царь получилъ въ томъ году отъ переложенныхъ на деньги доходовъ съ своихъ имѣній, отъ податей съ подданныхъ, отъ своихъ другихъ торговыхъ предпріятій и отъ подати съ покоренныхъ народовъ. Сумму эту—246 талантовъ, опредѣляемую имъ въ 22,140,000 марокъ, онъ находитъ ни невозможною, ни невѣроятною. Но прочныхъ основаній для своего мнѣнія онъ не представляетъ. Главное и почти единственное основаніе то, что доходы Соломона въ разные годы могли быть различны, и писатель, кто бы онъ ни былъ, не могъ этого не знать и слѣдовательно не могъ опредѣлить ежегодный доходъ Соломона въ 666 талантовъ. Köhler. Lehrbuch. II. S. 427. Насколько сильно такое доказательство, не считаемъ нужнымъ особо говорить.

пожертвованіемъ государственнаго достоянія (3 Цар. 9, 10, 11, 14). А такъ какъ города, уступленные Хираму въ уплату долга, не понравились послѣднему и были имъ возвращены (3 Цар. 9, 12; 2 Пар. 8, 2), то Соломонъ долженъ былъ разсчитаться какъ либо иначе. Какъ именно? священныя писатели не говорятъ¹⁾. Прибѣгалъ ли Соломонъ къ прямымъ денежнымъ налогамъ на свой народъ, неизвѣстно. Но несомнѣнно, что, кромѣ вышеуказанной повинности—поставлять извѣстное число людей для работъ, народъ израильскій обязанъ былъ доставлять извѣстное количество муки и мяса для царскаго двора, и ячменя и соломы для коней и муловъ царскихъ (3 Цар. 4, 7, 22—23, 27, 28), что—все собираемо было въ извѣстной мѣсячной очереди особыми приставниками.

Трудно сказать, насколько тяжело ложатся на народъ всѣ эти повинности. Дѣйствительно ли онѣ сами собою, своею собственною тяжестью давятъ народъ и тѣмъ самымъ возбуждаютъ его къ недовольству противъ царя, или же причина этого недовольства не столько въ нихъ, въ ихъ тяжести, сколько въ чемъ либо другомъ? По взгляду священнаго дѣписателя, насколько можно заключать о немъ изъ описанія царствованія Соломона, указанныя выше повинности не могутъ быть разсматриваемы, какъ мѣры слишкомъ стѣснительныя и обременительныя для народа. Можно даже заключать, что нѣкоторыя изъ нихъ способствовали его благосостоянію. Такъ относительно войскаго и рабочей повинностей, очевидно въ похвалу Соломона, дѣписатель замѣчаетъ, что онъ, Соломонъ, не дѣлалъ сыновъ израилевыхъ работниками (наравнѣ съ хананеями), но „они были его воинами, его слугами, его вельможами, его военачальниками и вождями его колесницъ и его всадниковъ“ (3 Цар. 9, 22). Послѣ описанія другой повинности, которая

¹⁾ Богородскій думаетъ, что Соломону „пришлось расплатиться золотомъ“. Еврейскіе царя. Стр. 402. Келеръ же предполагаетъ при рѣшеніи вопроса о вознагражденіи такую полюбовную сдѣлку между Соломономъ и Хирамомъ, на которой они условились относительно общихъ торговыхъ экспедицій. Lehrbuch. II. 391.

отнимаетъ у народа для царя часть его дохода и, повидимому, можетъ служить къ обѣдненію его, дѣписатель представляетъ ее, напротивъ, нѣкоторымъ образомъ, какъ мѣру, способствовавшую развитію народнаго благосостоянія. „Иуда и Израиль, многочисленныя, какъ песокъ у моря, — говорится послѣ перечня областеначальниковъ, долженствовавшихъ доставлять пропитаніе для двора, — ѣли, пили и веселились“ (3 Цар. 4, 20). „И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый подъ виноградникомъ своимъ и подъ смоковницею своею, отъ Дана до Вирсавіи, во всѣ дни Соломона (ст. 25), говорится послѣ описанія ежедневнаго потребленія при дворѣ Соломона и непосредственно предъ указаніемъ того, что должно быть поставляемо приставниками для коней и муловъ царскихъ. Такія прямая выраженія о благосостояніи и счастья Израиля при Соломонѣ, вставленныя въ рассказъ объ одной изъ повинностей, къ которымъ думаютъ видѣть гнетъ царствованія Соломонова на народъ, едвали понятны при такомъ взглядѣ на эти повинности. Естественнѣе мысль о томъ, что по крайней мѣрѣ та повинность, въ рассказъ о которой вставлены замѣчанія о благосостояніи Израиля, такъ или иначе, болѣе или менѣе способствовала этому благосостоянію. По крайней мѣрѣ нельзя отрицать того, что самъ дѣписатель, одинъ изъ Израиля, смотритъ на эту повинность именно съ этой точки зрѣнія¹⁾. И эта точка зрѣнія можетъ имѣть фактическую основу. Начальники областей, обязанныя въ извѣстные сроки доставлять содержаніе

¹⁾ Иосифъ Флавій также усвоитъ раздѣленію израильской страны между начальниками благотѣльное въ экономическомъ отношеніи значеніе. Перечисливъ начальниковъ областей, онъ говоритъ: „въ сіе время имѣнія евреевъ и колѣна Иудина возрастали удивительнымъ образомъ, потому что народъ началъ прилагать великое стараніе о воздѣлываніи полей своихъ. Государство пребывало въ глубокомъ мирѣ, не было тревожимо ни вѣнскими войнами, ни внутренними смятеніями, и всякій наслаждался дорогою вольностію, прилагая все свое стараніе единственно о томъ, чтобы умножать и увеличивать цѣну своимъ имѣніямъ“. Впрочемъ указанную выше повинность для двора доставляли, по Флавію, другіе областеначальники надъ страню не еврейскою. Antiqu. VIII, 2. 3. 4.

для двора, естественно должны были, насколько могли, заботиться объ усиленіи производительности вѣрренныхъ имъ округовъ, предпринимать и указывать разныя мѣры для этого, заботиться о сбереженіи получаемого отъ земли и т. п. Все это само собою должно было вліять на улучшеніе экономическаго состоянія жителей. Тяжелы или не тяжелы взносы въ казну, мы не можемъ судить по тому, сколько они должны были вносить. Тягость взноса опредѣляется не количествомъ его самаго въ себѣ, а отношеніемъ его такимъ или инымъ къ производительности страны; судить же объ этой послѣдней мы не можемъ за неимѣніемъ для этого данныхъ. И если не желаемъ оставаться въ полной относительно этого неопредѣленности, то должны довѣрять вышеприведенному взгляду священнаго писателя на отношеніе повинности къ благосостоянію Израиля¹⁾.—Тридцать тысячъ рабочихъ въ годъ изъ всего Израиля и притомъ съ указаннымъ выше облегченіемъ, явно отличавшимъ ихъ отъ хананеевъ, не могутъ сами по себѣ слишкомъ давить народъ. Правда, эта цифра рабочихъ изъ евреевъ и это облегченіе ихъ работы относятся къ первому времени построения храма. Обыкновенно предполагаютъ, что съ теченіемъ времени, когда страсть Соломона къ постройкамъ разгаралась болѣе и болѣе, онъ, въ привлеченіи рабочихъ къ труду, позабылъ уже различіе между евреями и рабочими-хананеями и употреблялъ первыхъ наравнѣ съ послѣдними²⁾. Мы знаемъ одинъ случай, когда дѣйствительно рабочіе изъ дома Іосифова почивали поврежденія въ Іерусалимѣ (3 Цар. 11, 27. 28). Но и этотъ случай, нужно думать, впрочемъ не

¹⁾ Нужно замѣтить еще, что все доставляемое ко двору „проставники“ брали не у народа только, но и изъ царскихъ имѣній, которыя, если судить о нихъ по имѣніямъ Давида (1 Пар. 27, 25—31), были очень значительны и которыя находились въ ихъ же распоряженіи. Такъ думаютъ Эвальдъ, Geschichte. В. III. S. 404; Келеръ, Lehrbuch. II. S. 412.

²⁾ Вогородскій. Еврейскіе цари. Стр. 345. 426. Ewald. Geschichte. В. III. S. 406.

единственный, не выходить изъ границъ вышеуказаннаго различія въ работахъ евреевъ и хананеевъ. Держась этого различія (2 Пар. 8, 9), можно даже придти къ предположенію, что именно къ концу царствованія Соломона рабочая повинность, лежавшая собственно на евреяхъ, должна была нѣсколько ослабѣть, потому что на это время падаютъ преимущественно такія дѣла, на которыя были употребляемы хананеи, т. е. „свои дѣла“ Соломона.—О какихъ либо прямыхъ налогахъ на народъ ничего неизвѣстно, и ихъ существованіе подкрѣпляется однимъ словомъ—„вѣроятно“.

Но если такъ, если прямыхъ налоговъ на народъ не было, если другія повинности не лежали слишкомъ тяжело на народѣ и нѣкоторыя изъ нихъ способствовали даже улучшенію благосостоянія его, если между израильтянами и хананеями проводилось замѣтное различіе, если вообще царствованіе Соломона „отличалось отъ предыдущихъ бурныхъ временъ продолжительнымъ глубокимъ миромъ и поражало плодами этого мира—быстрымъ развитіемъ благосостоянія, процвѣтаніемъ торговли, искусствъ и громаднымъ скопленіемъ богатствъ въ столицѣ“, то какъ объяснить возмущеніе Іеровоама противъ Соломона, предполагающее во всякомъ случаѣ недовольство народа противъ него, и затѣмъ прямую жалобу народа на тяжкое иго, которое наложилъ на него Соломонъ (3 Цар. 11, 27. 28; 12, 4; 2 Пар. 10, 4)? Объясненіе заключается, по нашему мнѣнію, прежде всего именно во внѣшнемъ мирѣ государства, котораго (мира) не могли нарушить и проявившіяся въ концѣ царствованія Соломона безпокойства на границахъ, и въ благополучіи народа до конца его царствованія. Мы уже видѣли, какъ въ прежнее время въ болѣе спокойные совнѣ и счастливые внутри періоды исторіи Израиля проявлялось въ немъ большее раздѣленіе. Духъ этого раздѣленія не могъ, судя уже по всей прошедшей исторіи, не проявиться и даже въ болѣе сильной степени и теперь, въ самое спокойное и счастливое царствованіе. Къ тому же оно представляло и доволь-

но поводовъ къ этому именно для Израиля. Въ прежнее время спокойный совнѣ, онъ всецѣло отдавался себѣ и жилъ такъ, какъ ему хотѣлось. Къ такой именно жизни только для себя клонились безъ сомнѣнія симпатіи народа и въ это мирное время. Но теперешнее время, даже болѣе мирное, чѣмъ какое либо другое прежде, требовало отъ народа напряженія, постоянного бодрствованія и при томъ по указу власти. А подчиненіе чужой волѣ безъ особенной, настоятельной и ясно сознаваемой нужды, какъ мы видѣли уже изъ характеристики семитовъ, не въ духѣ евреевъ. Повинности тяжелы для еврейскаго народа не своею матеріальною тяжестью, а тяжело, необычно для него то, что и въ мирное время онъ долженъ жить подъ контролемъ и даже состоятъ на службѣ въ войска и особенно на работахъ. Независимый, свободный, даже повелитель другихъ народовъ, онъ между тѣмъ самъ какъ бы свой собственный рабъ или рабъ своего государя, несетъ его тяжкое иго. Свободные евреи повидимому никакъ не могли помириться съ тѣми подневольными работами, которыя имъ приходилось выполнять по волѣ царя. Въ тоже время они должны были подъ наблюдениемъ царскихъ чиновниковъ высчитывать свои достатки, чтобы извѣстную часть изъ нихъ отправить въ Иерусалимъ къ царю. Очень возможно, что и ближайшіе къ народу исполнители царской воли не всегда стояли на высотѣ своего призванія и еще болѣе возбуждали недовольство народа. Такимъ образомъ и произошло то, что сами по себѣ неособенно тяжелыя повинности Соломона ложились на народъ, или лучше народъ считалъ ихъ тяжелымъ бременемъ, и онъ возбуждалъ его недовольство.

О размѣрахъ недовольства народа противъ Соломона судить трудно. Но нельзя не замѣтить того, что возмущеніе выходитъ изъ колѣна Ефремова (3 Цар. 11, 26), издавна извѣстнаго своею притязательностію на господство надъ Израилемъ или по крайней мѣрѣ на первенство въ немъ. Величіе дома Давидова изъ колѣна Иудина не могло ему

правиться. Еще менѣе пріятно ему усиливать его господство своими, такъ сказать, руками, укрѣпляя его столицу (3 Цар. 11, 27) и строя другіе укрѣпленные города. Неудивительно, что недовольство и возмущеніе появляются прежде всего въ этомъ колѣнѣ. Но именно выступленіе этого колѣна противъ Соломона всего менѣе можетъ доказывать, будто царствованіе его стало невыносимо тяжелымъ для народа, будто онъ „озлобилъ противъ себя большую часть своихъ подданныхъ“¹⁾. Оно можетъ говорить прежде всего лишь о томъ, что ревность колѣна Ефремова не исчезла совсѣмъ, что присущее Израилю стремленіе къ разьединенію не подавлено всею предшествовавшею дѣятельностію Давида и самаго Соломона, имѣвшею уніонный характеръ, и какъ прежде заявляло о себѣ въ мирные періоды, такъ точно заявляетъ о себѣ и теперь въ это по преимуществу мирное время. Но какъ было бы ошибочно отъ прежняго возмущенія колѣна Иудина, а потомъ и всего Израиля противъ Давида заключать объ его деспотизмѣ, такъ, думаемъ, не вполне справедливо и отъ возмущенія Иеровоама противъ Соломона и даже отъ отпаденія десяти колѣнъ отъ дома Соломонова заключать къ деспотизму Соломона, какъ причинъ того и другаго. Правда, по смерти его израильтяне прямо высказываютъ жалобу на тяжкое иго и жестокую

¹⁾ По всему ходу нашего сочиненія долженъ быть признанъ слишкомъ суровымъ взглядъ Богородскаго, будто „системой суроваго подавленія всѣхъ проявленій народной жизни, враждебныхъ неограниченному царскому самодержавію въ томъ видѣ, какъ онъ (Соломонъ) его понималъ, пренебреженіемъ старинныхъ народныхъ вольностей и злоупотребленіемъ властью онъ озлобилъ противъ себя большую часть своихъ подданныхъ“. Указ. соч. Стр. 425. Преувеличиваетъ злоупотребленіе царскою властью со стороны Соломона и авторъ „Царствованія Соломона“ говоря напр. о томъ, будто Соломонъ удовлетворялъ „всѣмъ вкусамъ и прихотямъ такого множества женщинъ на счетъ суммъ народа“. Душенпол. Чт. 1873. Ч. I. Стр. 460. Ни отсюда не слѣдуетъ такое злоупотребленіе. Особенно темными красками изображено царствованіе Соломона во вторую его половину въ статьѣ преосвящ. Филарета, бывшаго ректора Киевской духовной Академіи: „Происхожденіе книги Екклесіастъ“. Труды Киевской духовной Академіи, 1874. Окт. Стр. 55—74.

работу, которая наложилъ на нихъ Соломонъ, и облегченіе ихъ ставятъ условіемъ для признанія Ровоама царемъ. Но „жалоба эта, справедливо говоритъ Беръ, выходитъ изъ устъ общества, возбужденнаго, носившагося съ мыслию объ отдѣленіи, ревниваго къ Іудѣ“; „жалоба изъ такихъ устъ и при такихъ обстоятельствахъ не можетъ имѣть значенія вѣрнаго истиннѣ, безпристрастнаго историческаго свидѣтельства, если не будетъ другихъ чисто историческихъ свидѣтельствъ“. Беръ прямо говоритъ, что такихъ свидѣтельствъ нѣтъ¹⁾. Мы послѣ всего сказаннаго не можемъ говорить такъ рѣшительно. Но думаемъ, что глубокая и сокровенная, но вмѣстѣ и главная причина возмущенія противъ Соломона (и потомъ отпаденія отъ Ровоама десяти колѣнъ) не въ деспотизмъ Соломона и въ тяжеломъ игѣ, наложенномъ имъ на народъ,—а опять таки въ присущемъ народу стремленіи къ разьединенію, пробудившемся съ новою силою, именно благодаря внѣшнему миру и внутреннему благосостоянію. Проявляется это стремленіе къ концу царствованія Соломона едва ли потому, что именно теперь оно (царствованіе) становится для народа тяжелѣе и тяжелѣе. Первые годы царствованія его были тяжелѣе; въ это время происходятъ главныя его постройки и въ это время народъ болѣе занятъ и увлеченъ, такъ сказать, дѣятельностію вмѣстѣ съ царемъ, но именно поэтому и не имѣетъ, такъ сказать, времени думать о себѣ. Послѣдніе годы менѣе заняты; благополучіе народа возрастаетъ болѣе и болѣе; онъ останавливается на себѣ и спокойный извнѣ возвращается къ прежнимъ сепаративнымъ стремленіямъ. Пищи для послѣднихъ всегда много и тѣмъ болѣе во время Соломона. Въ этомъ отношеніи царствованіе Соломона представляетъ до нѣкоторой степени сходство съ царствованіемъ Давида. И у Давида первые годы заняты, именно войною, и народъ составляетъ въ это время единое цѣлое. Но окончились войны, наступилъ миръ и—начались

¹⁾ Lange. Bibelwerk. A. T. Th. VII. S. 124.

смуты и раздѣленія, хотя и прекратившіяся къ концу его царствованія. Такъ и у Соломона первые годы заняты постройками и другими внутренними реформами, вародъ всецѣло отдается водительство царя; но съ окончаніемъ главныхъ построекъ дѣятельность его какъ бы ослабѣваетъ: идутъ поправки прежде сдѣланнаго, и въ народѣ начинается смута, перешедшая и за предѣлы царствованія Соломона. На усиленіе ея именно къ концу царствованія вліяютъ много и безпокойства на границахъ государства. Невниманіе къ нимъ со стороны царя должно само собою вызывать въ народѣ недовольство противъ его излишнихъ заботъ о роскоши своего двора. — Такъ, не отрицая вполнѣ тягости царствованія Соломона для народа израильскаго, тягости не въ чрезмѣрности обращенныхъ къ нему требованій, а именно въ самыхъ требованіяхъ, исходящихъ отъ царской власти, необычныхъ и неприятныхъ для него по свойству его характера, мы думаемъ, что одно изъ главныхъ условий возмущенія противъ Соломона (и потомъ отпаденія отъ Ровоама десяти колѣнъ) именно внѣшнее мирное положеніе Израиля и вообще счастливое внутреннее его состояніе. Внѣшній покой и внутреннее благосостояніе народа даютъ свободу дѣйствія всегда присущему ему стремленію къ разьединенію, а обязательныя повинности—работы и поставленіе содержанія для двора даютъ обильную пищу этому стремленію, особенно въ то время, когда Соломонова роскошь стала бить черезъ край, а внѣшнее значеніе государства, одушевлявшее народъ въ дѣятельности по призыву царя, благодаря усилившимся на окраинахъ врагамъ, стало умаляться.

Въ тѣсной связи съ внѣшнимъ покоемъ и внутреннимъ благосостояніемъ Израиля стоитъ, какъ мы видѣли, и религиозно-нравственный, большій или меньшій, упадокъ. Тоже самое повторяется и при Соломонѣ. И въ религиозномъ отношеніи царствованіе Соломона представляетъ условія благопріятныя для разьединенія и раздѣленія Израиля.—И

съ этой стороны, какъ со стороны политической, оно прежде всего одно изъ самыхъ свѣтлыхъ и плодотворныхъ царствований въ Израилѣ. Въ теченіе его и отчасти благодаря ему, ветхозавѣтная религія, со стороны своего культа, достигаетъ высшей степени своего ви́шняго развитія и блеска. По закону Моисееву должно быть одво мѣсто, гдѣ весь Израиль долженъ приносить свои жертвы своему Богу (Втор. 12, 4—14). Долгое время представительницею этого единства была скинія собранія. Но со времени плѣненія ковчега завѣта филистимлянами такое ея значеніе ослабѣло. Жертвы приносятся и внѣ ея (1 Цар. 7, 17; 11, 15; 16, 2—5). При Давидѣ являютя даже двѣ скиніи—старая Моисеева въ Гаваонѣ и новая Давидова въ Иерусалимѣ, и такимъ образомъ являютя два религіозные центра. Храмъ Соломоновъ становится опять единственнымъ, по крайней мѣрѣ по закону, религіознымъ центромъ народа,—и какимъ блестящимъ центромъ! Въ этомъ храмѣ вступаютъ въ отправление своихъ обязанностей вновь организованныя Давидомъ священство и левитство,—безъ храма вся ихъ организація оставалась, такъ сказать, на бумагѣ. Въ храмѣ іерусалимскомъ находятъ свое полное примѣненіе и музыка и пѣніе, введенныя въ богослуженіе Давидомъ. И дни наибольшихъ священныхъ праздниковъ отмѣчаются особенными царскими жертвоприношеніями (3 Цар. 9, 25). Самъ царь принимаетъ во всемъ этомъ живое и дѣятельное участіе,—и въ построеніи храма, и въ составленіи пѣсней для богослуженія (Пс. 71. 126) и въ жертвоприношеніяхъ. Небезучастенъ къ этому и народъ, напротивъ и онъ собирается, на примѣръ, на праздникъ освященія храма, приносить многочисленныя жертвы во время его и уходитъ съ него, благословляя царя, радуясь и веселясь въ сердцѣ о всемъ добромъ, что сдѣлалъ Господь рабу своему, Давиду, и народу своему, Израилю (3 Цар. 8, 3. 5. 62. 66). Такимъ образомъ, какъ ви́шний блестящій представитель религіознаго един-

ства, храмъ Соломоновъ уже теперь начинаетъ оказывать и свое внутренне-объединяющее значеніе (ср. 3 Цар. 12, 27).

Но Соломонъ не удерживается на той высотѣ своего религіознаго состоянія, на которой онъ стоялъ въ первую половину своего царствованія. Уже около половины послѣдняго духъ его начинаетъ колебаться и принимать направленіе, недостойное божественнаго благоволенія. Объ этомъ можно заключать изъ бывшаго ему въ то время откровенія: наряду съ обѣтованіемъ существованія престола его во вѣкъ, въ случаѣ хожденія имъ путемъ Давида, въ немъ содержится и даже болѣе угроза, въ случаѣ уклоненія его къ чужимъ богамъ (3 Цар. 9, 3—9). Съ теченіемъ времени принятое теперь направленіе усиливается болѣе и болѣе и приводитъ Соломона къ тому, что онъ не только дозволяетъ существованіе идолопоклонства въ своемъ государствѣ, но и самъ строить капища чужимъ богамъ, т. е. строить и содержать ихъ и ихъ служителей на свой счетъ и самъ принимаетъ участіе, хотя и ви́шнее, въ служеніи этимъ богамъ. Священный писатель ставитъ это уклоненіе Соломона къ чужимъ богамъ въ прямую и непосредственную связь съ увлеченіемъ его чужестранными женами: жены его склонили сердце его во время старости къ чужимъ богамъ, изъ угожденія имъ онъ строитъ капища ихъ богамъ и изъ угожденія имъ служитъ имъ (богамъ), быть можетъ, своимъ присутвіемъ при идольскихъ жертвахъ и, быть можетъ, даже на идоложертвенныхъ обѣдахъ своихъ женъ (3 Цар. 11, 1—8); но онъ во всякомъ случаѣ не уклоняется самъ къ язычеству въ смыслѣ оставленія Іеговы и предпочтенія язычества своей религіи. Дамъна его своей религіи состоятъ въ сущности въ равнодушіи къ ней и въ соблазнительной терпимости по отношенію къ языческимъ религіямъ¹⁾. Увлеченіе чужестранными женами безъ сомнѣнія

¹⁾ Объ объемѣ и характерѣ уклоненія Соломона къ чужимъ богамъ см. въ сочиненіи Богородскаго, гдѣ авторъ проводитъ указанный въ текстѣ взглядъ, опираясь главнымъ образомъ на выраженія Библии: „и сердце его (Соломона)

ближайшая причина преступной терпимости Соломона къ культуамъ чужихъ боговъ,—ближайшая, но не единственная. Наряду съ нею и даже прежде нея и именно въ качествѣ нѣкотораго подготовленія къ ней могли дѣйствовать и другія, коренившіяся въ тогдашнемъ положеніи израильскаго государства вообще и царя его въ частности.

По закону Моисея Израиль долженъ очистить вполнѣ свою страну отъ прежнихъ ея жителей и вмѣстѣ съ ними истребить въ ней и всѣ предметы языческихъ культовъ: тѣ и другіе должны быть истреблены, дабы они не отклонили Израиля отъ служенія Іеговъ (Исх. 23, 33; 34, 15. 16; Втор. 20, 16—18). Но этотъ же законъ не исключаетъ возможности существованія среди Израиля „пришельцевъ“, чужестранцевъ не изъ хананеевъ и амалекитянъ (Исх. 22, 21; 23, 9; Лев. 19, 33; 25, 47 и др.). Причина допущенія ихъ въ страну израильскую, нужно думать, въ томъ, что другіе менѣе развращены сравнительно съ хананеями и потому не могутъ причинить особеннаго соблазна Израилю. Въ видахъ предупрежденія послѣдняго допущеніе ихъ въ страну Израиля обусловлено, впрочемъ, извѣстными ограниченіями. Ниоткуда не видно, чтобы они принуждаемы были принимать вѣру въ Іегову, Бога Израилева; но они обязаны воздерживаться отъ всего того, что можетъ оскорблять Бога Израиля, если даже это относится прямо къ культу ихъ собственнаго бога. Такъ они обязаны воздерживаться отъ кроваваго служенія Молоху (Лев. 20, 2), отъ злословія Іеговы (Лев. 24, 16), оскверненія субботы (Исх. 20, 10; 23, 12), употребленія кислаго теста въ праздникъ опрѣсноковъ (Исх. 12, 19), вкушенія крови (Лев. 17, 10—16), кровосмѣшенія (Лев. 18, 26) и пребыванія въ нечистотѣ, происходящей отъ прикосновенія къ трупу (Числ. 19, 10. 20). Такъ обусловлены въ своей религіозно-нравственной

не было вполнѣ предано Господу, какъ сердце Давида, отца его“. „И невольнѣ послѣдовалъ онъ Господу, какъ Давидъ, отецъ его“ (3 Цар. 11, 4. 6) и др. Еврейскіе цари. Стр. 419—422.

жизни пришельцы въ средѣ Израиля, очевидно, въ странѣ ханаанской, имъ занятой.

Но Израиль можетъ распространять свое господство и за предѣлы Ханаана. Какъ долженъ онъ относиться къ культуамъ народовъ внѣ Ханаана, — истреблять ихъ или же оставлять существовать и при этомъ съ указанными выше или подобными ограниченіями или же безъ ограниченій? Прямаго отвѣта на эти вопросы мы не находимъ въ законѣ. Во Второзаконіи предвидится случай, что Израилю придется завоевывать города, которые „весьма далеко“ отъ него, не изъ числа городовъ ханаанскихъ. Въ этомъ случаѣ предписывается предложить сначала городу сдаться. Если онъ откажется, то взять его силою и истребить весь мужескій полъ, а женщинъ и дѣтей взять въ добычу. Если же онъ согласится сдаться, то обязать его уплатою дани и службою Израилю (Втор. 20, 10—15). Но какъ отнестись къ его культу? Въ первомъ случаѣ мальчики, если они оставались въ живыхъ¹⁾, поступаая въ рабы къ Израилю, подвергаются, нужно думать, обрѣзанію и воспитываются въ религіи Іеговы (Быт. 17, 13). Въ второмъ случаѣ законъ, нужно думать, оставляетъ жителей города при ихъ религіи. Но такъ какъ онъ — городъ становится теперь частью государства Іеговы, то, быть можетъ, жители его обязаны подчиняться вышеуказаннымъ ограниченіямъ. Такъ по закону, но не такъ на дѣлѣ. Изъ исторіи мы ничего не знаемъ о томъ, чтобы израильтине ставили какія либо ограниченія въ религіозномъ отношеніи жителямъ подвластныхъ имъ странъ внѣ Палестины; исторія представляетъ даже противное — нѣкоторое усвоеніе культовъ подвластныхъ имъ народовъ. Такъ изъ болѣе поздней исторіи извѣстно, что Амасія, царь іудейскій, поразивъ идумейнъ, беретъ ихъ боговъ съ собою, дѣлаетъ ихъ сво-

¹⁾ Говоримъ условно, потому что въ 13 ст. заповѣдуются поразить „весь мужескій полъ остриемъ меча“; а въ 14 ст. говорится о пощадѣ „женъ и дѣтей“. Нужно думать, что подъ дѣтьми разумѣются здѣсь и мальчики.

ими и кланяется имъ (2 Пар. 25, 14). О какомъ либо ограниченіи идумельнъ въ служеніи своимъ богамъ на родинѣ, понятно, не можетъ быть здѣсь рѣчи. Еще позднѣе Іоаннъ Гирканъ и Аристовулъ, наоборотъ, принуждаютъ даже къ обрѣзанію покоренныхъ ими народовъ, — первый — идумельнъ, второй — итурейнъ¹⁾; но, нужно думать, главнымъ образомъ потому, что они жили въ предѣлахъ области собственно израильской; имъ — тѣмъ и другимъ предлагается выборъ — или принять обрѣзаніе и соблюдать іудейскіе законы, или же оставить свое отечество. Въ этомъ случаѣ Гирканъ и Аристовулъ являются исполнителями Моисеева закона, который, допуская существованіе среди Израиля отдѣльных иностранцевъ, пришельцевъ, предписываетъ истребленіе языческихъ народовъ въ странѣ израильской. Израильтяне же прежнихъ временъ не были точными исполнителями закона и по отношенію къ ханаанскимъ народамъ, оставили ихъ существовать и съ ихъ идолами и тѣмъ подвергли себя соблазнительному искушенію со стороны послѣднихъ.

Отношенія Израиля къ другимъ народамъ внѣ Ханаана въ первое время его существованія въ Ханаанѣ болѣе отрицательнаго характера. Первая и главная забота его въ это время утвердиться въ немъ. За предѣлы его желанія его не выходятъ. Съ неханаанскими народами онъ входитъ въ соприкосновеніе почти исключительно по вызову со стороны этихъ послѣднихъ. Отношенія къ нимъ болѣе продолжительныя — отношенія политической отъ нихъ зависимости и подчиненности имъ. Болѣе дѣятельное положительное воздѣйствіе на нихъ со стороны Израиля ограничивается лишь сверженіемъ чужеземнаго ига и защитою противъ нихъ своей самостоятельности. О господствѣ его надъ другими, неханаанскими народами ничего неизвѣстно. Такъ во весь періодъ судей. Враждебныя отношенія этихъ народовъ предохраняютъ болѣе или менѣе Израиля отъ ихъ

¹⁾ Joseph. Flav. Antiqu. XIII. 9, 1; 11, 3.

религіознаго вліянія, и если онъ не остается свободенъ отъ него, то всетаки усиленіе тягости рабства тому или другому народу отклоняетъ его отъ служенія чужимъ богамъ и обращаетъ опять къ Іеговѣ. При Саулѣ Израиль не ограничивается уже изгнаніемъ враговъ изъ своихъ предѣловъ, онъ проникаетъ въ ихъ земли и поражаетъ ихъ на мѣстѣ, чтобы предупредить самую возможность нападенія съ ихъ стороны (1 Цар. 14, 47, 48). Но этимъ пораженіемъ и ограничиваются отношенія Израиля къ другимъ народамъ; о распространеніи и утвержденіи господства надъ ними изъ времени Саула ничего неизвѣстно. Говорится, правда, о потомкахъ Рувима, что они вели во дни Саула войну съ агарянами, что эти послѣдніе пали отъ рукъ ихъ и что они (рувимляне) стали жить въ шатрахъ ихъ по всей восточной сторонѣ Галаада (1 Пар. 5, 10). Но изъ этихъ же словъ видно, что рувимляне не подчинили агарянъ своему господству, а или истребили или изгнали ихъ и стали сами жить въ ихъ шатрахъ. Отношенія Израиля къ другимъ народамъ измѣняются при Давидѣ. Давидъ не ограничивается пораженіемъ ихъ, онъ завоевываетъ ихъ земли, налагаетъ на нихъ подать и, гдѣ нужно, обезпечиваетъ свое господство поставленіемъ гарнизоновъ, какъ напр. въ Сиріи дамасской и Идумеѣ (2 Цар. 8, 10). Такъ предѣлы израильскаго государства расширяются за предѣлы ханаанской земли, занятой или, по крайней мѣрѣ, долженствовавшей быть занятой собственно израильтянами; въ составъ его входятъ не одни израильтяне, чтители Іеговы, Бога истиннаго, но и другіе народы, чтители идоловъ, боговъ ложныхъ. Послѣдніе (народы) правда неравноправны съ первыми, зависимы отъ нихъ и ихъ данники; но безъ сомнѣнія ихъ политическая зависимость ограничивается уплатою дани, гражданское же ихъ устройство остается неизмѣннымъ. Обязывались ли они къ какимъ либо ограниченіямъ въ религіозномъ отношеніи, напримеръ тѣмъ или подобнымъ тѣмъ, какимъ подчинялись пришельцы среди Израиля, ничего неизвѣстно; нужно думать,

не обязывались. Правда, известно, что Давидъ сожегъ идоловъ филистимскихъ, но тѣхъ, которые оставлены были на полѣ сраженія (1 Цар. 14, 12). Тѣмъ не менѣе могучее проявленіе силы Бога Израилева, Іеговы, въ великихъ побѣдахъ Его народа не можетъ не оказывать вліянія на сосѣдніе, зависимые и независимые народы, въ смыслѣ такого или иного Его признанія ими и благоговѣнія къ Нему. Быть можетъ, можно указать и слѣды этого вліянія въ имени Іорама, сына царя емаэскаго, — имени, одною изъ составныхъ частей котораго служитъ имя израильскаго Бога Іегова. Царь емаэскій остается, правда, независимымъ, но побѣды Давида имѣютъ для него большое значеніе и онъ посылаетъ сына своего, Іорама, въ имени котораго содержится и имя израильскаго Бога, поздравить Давида съ побѣдою (2 Цар. 8, 9, 10¹⁾). Царица савская, услышавъ о славѣ Соломона во имя Господа, приходитъ провѣрить ее на мѣстѣ и послѣ этой провѣрки славословитъ Господа, посадившаго Соломона на престолѣ израилевомъ, по вѣчной любви своей къ Израилю сдѣлавшаго его царемъ—творитъ судъ и правду (3 Цар. 10, 1—13). Это, конечно, лишь примѣры изъ многаго. Израильскій народъ, ставшій политической главою многихъ народовъ, становится нѣкоторымъ образомъ главою или свѣточемъ для нихъ и въ религиозно-нравственномъ отношеніи. Въ этомъ послѣднемъ и главное его назначеніе; къ осуществленію его онъ такимъ образомъ значительно приближается. Но устоитъ ли онъ на высотѣ своего положенія? Опираясь на силу политическую, будетъ ли онъ распространять свѣтъ истиннаго боговѣданія среди другихъ народовъ? Исторія ничего не знаетъ о прямомъ воздѣйствіи со сто-

¹⁾ Въ 1 Цар. 18, 10 вмѣсто Іорамъ (יורם) стоитъ Гадорамъ (גדורם). Келеръ отдаетъ предпочтеніе этому чтенію предъ чтеніемъ кн. Царствъ. Lehb. II. S. 286. По нашему мнѣнію нѣтъ нужды въ такомъ предпочтеніи. Имя Гадорамъ можетъ быть первоначальнымъ; имя же Іорамъ—позднѣйшимъ, вторымъ, явившимся подъ указаннымъ вами въ текстѣ вліяніемъ. Случай перемѣны имени при подобныхъ обстоятельствахъ извѣстенъ. См. 4 Цар. 24, 17; 2 Цар. 36, 4.

роны народа и царя въ это время на другіе народы въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, она знаетъ, что свачала самъ царь (Соломонъ), а потомъ и его народъ не устояли вполне въ своей религіи. Пока сильно было впечатлѣніе отъ побѣдъ на самаго Израиля, пока онъ не остылъ еще въ своей энергіи, ими возбужденной, пока онъ признавалъ себя особенно теперь избраннымъ народомъ Божиимъ (2 Цар. 7, 23, 24), до тѣхъ поръ именно это сознаніе, живое и энергичное, защищаетъ его отъ искушеній со стороны религіи другихъ народовъ, такъ близко подошедшихъ къ нему въ лицѣ зависимыхъ отъ него языческихъ народовъ. Такое его состояніе продолжается во все время Давида. Въ первые годы Соломона оно находитъ значительную поддержку для себя въ заботахъ царя и собственныхъ, вызванныхъ послѣднимъ, усиліяхъ къ построенію храма. Но вотъ построеніе храма окончено. Религиозные интересы отступаютъ на задній планъ. Заботы Соломона направляются преимущественно на усиленіе и упроченіе государственнаго и гражданскаго благосостоянія своихъ подданныхъ. И теперь онъ становится лицомъ къ лицу съ тѣмъ положеніемъ дѣлъ, какое создано еще при Давидѣ и опасность котораго предостерегалась нѣсколько для него сильнымъ религиознымъ одушевленіемъ его самаго и народа. Подъ скипетромъ Соломона не одни израильтяне, а и другіе народы, — не чтители только Іеговы, а и другихъ боговъ. Если другіе народы и не равноправны съ израильтянами члены государства, то всетаки имѣютъ право на существованіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ получаютъ нѣкоторое право гражданства и ихъ религіи. Наряду съ религіею Іеговы, господствующею религіею, существуютъ такимъ образомъ въ израильскомъ государствѣ и религіи подчиненныя или лучше религіи подчиненныхъ народовъ. И царь этого государства обязанъ заботиться о господствующей религіи, но въ тоже время самымъ положеніемъ дѣлъ вынужденъ, по крайней мѣрѣ, терпѣть и другія въ подчиненныхъ областяхъ. Соломонъ представляетъ въ себѣ во-

площение этого положения дѣлать, но доводить это воплощеніе до крайности, запрещенной закономъ. Какъ повелитель многихъ народовъ, слѣдуя обычаямъ того времени и чтобы польстить подчиненнымъ ему народамъ и тѣмъ сильнѣе привязать ихъ къ себѣ и къ своему трону, онъ беретъ себѣ женъ изъ нихъ, и эти жены остаются и при дворѣ его такими же язычницами, какими онѣ были и на родинѣ. Подобными же политическими соображеніями онъ руководится и при бракахъ съ дочерьми народовъ независимыхъ, на примѣръ съ дочерью фараона египетскаго. Такимъ образомъ дѣйствія Соломонъ какъ бы узаконяетъ существованіе другихъ религій въ своемъ государствѣ. Можно думать, что и по отношенію къ другимъ иностранцамъ въ предѣлахъ своего государства въ самомъ Хаанаѣ онъ менѣе требователенъ въ религіозномъ отношеніи, — именно потому что онъ заботится преимущественно о томъ, чтобы открыть доступъ въ свое государство иностраннымъ художникамъ, ремесленникамъ и т. п., а также и о томъ, чтобы открыть доступъ и своимъ подданнымъ въ другія государства. Но дозволенія своимъ женамъ служить своимъ богамъ открыто, содѣйствія въ построеніи капищъ послѣдимъ и даже нѣкотораго участія въ служеніи имъ не требовали, конечно, и политическія соображенія, и Соломонъ склоняется ко всему этому не столько по такимъ соображеніямъ, сколько по преступному увлеченію своими женами и именно во время своей старости. Такъ именно объясняетъ уклоненіе Соломона къ чужимъ богамъ священный дѣписатель (3 Цар. 11, 3)¹⁾. Такое направленіе, принятое теперь Соломономъ, если и можетъ быть оправдываемо въ нѣкоторыхъ пунктахъ политическими

¹⁾ Нѣкоторое доказательство того, что именно жены и жены молодца склоняютъ Соломона къ участію въ ихъ идолопоклонствѣ, можно видѣть въ упоминаніи въ числѣ боговъ, получившихъ доступъ къ двору Соломона, боговъ египетскихъ. Дочь царя египетскаго, жена Соломона, къ этому времени становится уже стара, не можетъ уже оказывать сильнаго вліянія на него, какъ жены молодца, а потому и боги египетскіе не останавливаются на себѣ вниманіемъ

соображеніями, то во многихъ пунктахъ стоитъ въ противорѣчій съ закономъ. Такъ вопреки закону онъ увеличиваетъ до громадной цифры число женъ (700) и наложницъ (300) (Втор. 17, 17; 3 Цар. 11, 3). Многія изъ этихъ женъ происходятъ изъ народовъ, брачныя связи съ которыми прямо воспрещены закономъ (3 Цар. 11, 1. 2)¹⁾. Если законъ не требуетъ прямо преслѣдованія языческихъ культовъ среди другихъ народовъ внѣ Палестины, то онъ предписываетъ истреблять ихъ въ самой Палестинѣ, обѣтованной странѣ Израиля. И Соломонъ, царь Израиля, не только терпящій идолопоклонство въ своей странѣ, но и самъ сооружающій языческія капища и принимающій, хотя совершенно внѣшнимъ образомъ, участіе въ культѣ языческихъ боговъ, стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій закону. Простому смертному за тайное соvrащеніе другихъ къ идолопоклонству законъ грозитъ смертю, именно побіеніемъ камнями (Втор. 13, 6—10). Но какой судъ произнесетъ приговоръ надъ царемъ? „Гдѣ слово царя, тамъ власть, и кто скажетъ ему: что ты дѣлаешь?“ — говорилъ самъ Соломонъ. И потому самъ Богъ опредѣляетъ ему наказаніе, наказаніе то, что по смерти его Онъ отторгнетъ большую часть его царства отъ его дома; сыну же его дастъ одно колѣно, ради Давида, раба своего, и Іерусалима, который Онъ избралъ (3 Цар. 11, 9—11. 13).

Такъ отпаденіе большинства израильскихъ колѣнъ отъ дома Соломонова или, что тоже, раздѣленіе еврейскаго царства по смерти Соломона наказаніе Божіе за нарушеніе

Соломона. Впрочемъ можно думать, что и дочь фараона служила своимъ богамъ по своему обычаю, хотя Соломонъ и не увлекался египетскимъ идолослуженіемъ. „На южной вершинѣ горы Масляной de Saulcy нашелъ каменное сооруженіе, которое онъ считаетъ идольскимъ храмомъ, построеннымъ съ соизволенія Соломона. Онъ находитъ въ немъ поразительное сходство съ подобными же египетскими сооруженіями и думаетъ, что здѣсь чествовала своихъ боговъ жена Соломонова, дочь египетскаго царя“. Богородскій. Евр. п. 385.

¹⁾ Изъ поименованныхъ въ 3 Цар. 11, 1 народовъ брачныя связи запрещены закономъ съ хеттеями и силовянами (Исх. 34, 11. 15. 16; Вт. 7, 1. 3. 4).

Соломономъ основнаго теократическаго закона, въ силу коего въ израильской землѣ долженъ быть почитаемъ одинъ Іегова, царь Израиля, а культы другихъ боговъ и самыя эти боги должны быть въ ней истребляемы. Но это наказаніе—не непосредственное Божіе наказаніе, а посредственное, совершенное людьми и по мотивамъ чисто человѣческимъ. Спрашивается потому: какимъ образомъ преступная терпимость Соломона по отношенію къ культамъ языческихъ боговъ и даже прямое имъ покровительство вліяютъ на раздѣленіе царства? Въ какомъ отношеніи стоитъ израильскій народъ къ терпимости Соломона: въ отношеніи ли противоположности, такъ что раздѣленіе царства или отдѣленіе большинства колѣнъ отъ дома Давидова протестъ противъ этой терпимости, или же эта терпимость Соломона не огравичивается имъ однимъ, проникаетъ въ народъ, расслабляетъ главную, объединяющую народъ религіозную связь и тѣмъ облегчаетъ раздѣленіе, произведенное другими причинами?

Судя теоретически, мы не придемъ къ опредѣленному рѣшенію. Несомнѣнно, лучшіе люди въ Израилѣ не могутъ быть довольны противозаконнымъ и нетеократическимъ поведеніемъ Соломона. Но именно отъ нихъ всего меньше можно ожидать агитации противъ Соломона въ смыслѣ отдѣленія отъ него большинства Израиля. Для нихъ попреимуществу онъ сынъ великаго Давида, домъ котораго долженъ быть, по обѣтованію Божію, непоколебимъ и престолъ котораго долженъ существовать во вѣки. Имъ болѣе другихъ должно быть извѣстно и то, что если этотъ сынъ Давидовъ согрѣшитъ, то Богъ накажетъ его ударами сыновъ человѣческихъ, но милости своей не отниметъ отъ него, какъ Онъ отнялъ отъ Саула, котораго Онъ отвергъ предъ лицомъ Своимъ, и утвердитъ престолъ царства его на вѣки (2 Цар. 7, 12—16). Въ виду этого лучшіе люди въ Израилѣ и особенно пророки могутъ сильно обличать Соломона, указывать гибельныя послѣдствія принятаго имъ противозаконнаго направленія въ политикѣ и религіи, но агитировать противъ него, воз-

буждать народъ къ отпаденію отъ него не могутъ,—по крайней мѣрѣ нѣтъ данныхъ для признанія этого. Возраженіемъ противъ этого не можетъ быть указаніе на пророка Ахію, сидомлянина, будто бы возставившаго Іеровоама противъ Соломона и указавшаго ему на десять колѣнъ, которыя онъ можетъ отдѣлить отъ него и самъ стать ихъ царемъ (3 Цар. 11, 28—29)¹⁾. По представленію дѣписателя возмущеніе Іеровоама стоитъ въ связи не съ предсказаніемъ ему о царствованіи Ахіею, а съ начальствованіемъ его надъ рабочими изъ дома Іосифова (3 Цар. 11, 27, 28). Очень возможно, что въ вѣчно недовольномъ колѣнѣ Ефремовомъ начались уже волненія, и Іеровоамъ какъ либо выдвинулся въ нихъ. Ахія, и какъ боговдохновенный пророкъ и какъ просто проникательный наблюдатель настоящаго положенія дѣлъ, хорошо знакомый съ уроками исторіи своего народа, оцѣниваетъ надлежащимъ образомъ это положеніе дѣлъ, указываетъ размѣры начавшагося движенія и Іеровоама, какъ имѣющаго завершить свое теперешнее участіе въ движеніи достиженіемъ царскаго престола. Такимъ образомъ ни теоретическія, ни историческія соображенія не позволяютъ смотрѣть на возмущеніе противъ Соломона и на раздѣленіе царства его, какъ на протестъ лучшихъ людей въ Израилѣ противъ его терпимости къ языческимъ культамъ своихъ жень, покровительства имъ и даже нѣкотораго въ нихъ участія. Тѣмъ меньше можно смотрѣть на раздѣленіе царства, какъ на протестъ противъ всего только что сказаннаго со стороны худшихъ израильтянъ. Худшая и, конечно, большая половина Израиля всегда не тверда въ своей религіи. Уклоненіе Соломона можетъ служить примѣромъ для нея и желаннымъ оправданіемъ своей невѣрности религіи, а не поводомъ къ протесту противъ него²⁾. И ис-

¹⁾ Это объявленное взгляды рационалистическихъ писателей на отношеніе пророка Ахіи къ Іеровоаму.

²⁾ Конечно, очень возможно, что лица, преслѣдующія свои интересы и свои цѣли, указывали и на эту невѣрность Соломона своей религіи и даже преимущественно на нее. Но, очевидно, ревность ихъ не по славѣ Божіей.

торическія аналогіи заставляют думать, и нѣкоторыя прямыя данныя подтверждаютъ то, что преступная терпимость Соломона къ культамъ чужихъ боговъ если встрѣтила протестъ со стороны лучшихъ людей, то не осталась и безъ подражателей, и, быть можетъ, даже болѣе численныхъ, чѣмъ сколько было протестующихъ. Мы знаемъ уже, что въ мирныя періоды своей исторіи и при болѣе или менѣе близкихъ соприкосновеніяхъ съ другими народами Израиль обыкновенно болѣе или менѣе оставляетъ своего Іегову и начинаетъ служить инымъ богамъ. Періодъ Соломона періодъ мира въ исторіи Израиля по преимуществу. И соприкосновенія съ другими народами самыя широкія и дружественныя. Теперь онъ вступилъ даже въ новыя къ нимъ отношенія, — торговыя, которыя, по общему признанію, наиболѣе враждебны національной замкнутости и, напротивъ, наиболѣе благопріятствуютъ сближенію народовъ во всѣхъ отношеніяхъ. Трудно допустить, чтобы и теперь не произошло того, что обыкновенно происходило въ подобныя времена и при подобныхъ обстоятельствахъ. И дѣйствительно, царь народа подчиняется обычному вліянію такихъ обстоятельствъ и хотя не дѣлается самъ настоящимъ поклонникомъ чужихъ боговъ, но во всякомъ случаѣ его дѣятельность слишкомъ соблазнительна и, нужно думать, еще болѣе облегчаетъ возможность увлеченія чужими культами и для народа. Здѣсь нужно имѣть въ виду и то, что этотъ царь мудрѣйшій изъ всѣхъ людей, послушать мудрости котораго приходили цари и изъ всѣхъ народовъ (3 Цар. 4, 29—34). Тѣмъ труднѣе уберечься отъ соблазна народу, и безъ того легко увлекающемуся чужими богами. Нѣкоторыя данныя подтверждаютъ, что Соломонъ не былъ одинокъ въ своемъ, хотя и вѣшнемъ, служеніи чужимъ богамъ, а имѣлъ болѣе или менѣе численныхъ подражателей, которые, не имѣя Соломоновой мудрости, ушли въ своемъ подражаніи далѣе того, кому подражали, уклонились къ прямому служенію чужимъ богамъ. Указаніе на это можно находить въ рѣчи

пророка Ахиа къ Іеровоаму, въ которой онъ поясняетъ символическое предсказаніе о царствованіи его надъ десятью колѣнами израильскими. Сказавъ, что Богъ исторгаетъ царство изъ руки Соломона и даетъ ему (Іеровоаму) десять колѣнъ, пророкъ прибавляетъ: „это за то, что они оставили Меня и стали поклоняться Астартъ, божеству сидонскому, и Хамосу, богу моавитскому, и Милхому, богу аммонитскому, и не пошли путями Моиими, чтобы дѣлать угодное предъ очами Моиими и (соблюдать) уставы Мои и заповѣди Мои, подобно Давиду, отцу его (3 Цар. 11, 33). По связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ здѣсь должна бы быть рѣчь о немъ т. е. Соломонѣ¹⁾. И если дѣеписатель говоритъ только о слѣдствіяхъ для Соломона, хотя они касаются и самаго народа, а причину этихъ слѣдствій указываетъ въ образѣ поведенія всего народа по отношенію къ Богу, то дѣлаетъ это, конечно, потому что такъ было на самомъ дѣлѣ, что не одинъ Соломонъ былъ невѣренъ воплію Іеговъ, а вмѣстѣ съ нимъ и по его примѣру и многіе другіе. Содержаніе приведеннаго выше мѣста заставляетъ относить его преимущественно къ этимъ послѣднимъ. Въ немъ говорится объ оставленіи Іеговы и поклоненіи чужимъ богамъ, но ни то, ни другое не говорится прямо о Соломонѣ и по предшествующему не можетъ быть о немъ сказано. Онъ не оставляетъ Іеговы, а лишь невольнъ Ему слѣдуетъ (ст. 6. 4), и не впадаетъ чужимъ богамъ, хотя и служитъ имъ (не поклоненіемъ). Мудрость его удерживаетъ его при вѣрѣ въ Іегову и отъ поклоненія чужимъ богамъ. Другіе не имѣютъ такой мудрости и, слѣдуя соблазнительному примѣру Соломона, уходятъ далѣе, до прямого служенія чужимъ богамъ

¹⁾ Множественное число стоитъ здѣсь еще въ переводѣ халдейскомъ. Другіе древніе переводы: переводъ LXX, Вульгата и пр. имѣютъ здѣсь единственное число.

и оставленія Иеговы ¹⁾). Развращающее вліяніе релігійозной терпимости Соломона на народъ открывається и изъ дальнѣйшей исторіи, слѣдующей непосредственно за исторією Соломона. Уже въ первое царствованіе послѣ него іудеи „устроили у себя высоты, и статуи, и капища (идолы Аше-ры) на всякомъ высокомъ холмѣ и подъ всякимъ тѣнистымъ деревомъ“ (3 Пар. 14, 23). Правда, писатель книги Паралипоменонъ говоритъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ по смерти Соломона въ царствѣ іудейскомъ ходили путемъ Давида и Соломона (— послѣдняго, очевидно, когда онъ былъ еще вѣренъ Иеговѣ), и что Ровоамъ и съ нимъ весь Израиль, очевидно ему подчиненный, оставили законъ Господень, когда царство Ровоама утвердилось, и онъ сдѣлался силенъ (2 Пар. 12, 1), слѣдовательно, по снесенію со 2 Пар. 11, 17, по истеченіи трехъ лѣтъ. Но это не даетъ права думать, что принятое теперь Ровоамомъ противозаконное направленіе новое, отличное отъ Соломонова по крайней мѣрѣ по отношенію къ народу, что до этого времени народъ оставался вѣренъ Иеговѣ, какъ былъ вѣренъ ему и при Соломонѣ. Историческая аналогія даетъ возможность

¹⁾ Нѣкоторымъ подтвержденіемъ нашей мысли объ уклоненіи народа израильскаго или многихъ изъ народа къ чужимъ богамъ можетъ быть первоначальное чтеніе 3 Пар. 12, 16 и 2 Пар. 10, 16. Въ недавно открытомъ и изданномъ древнемъ масоретскомъ (критическомъ) сочиненіи Oehlai ve Oehlai мѣста эти читаются такъ: „къ богамъ твоимъ, Израиль“... и „Израиль пошелъ къ своимъ богамъ“. Это воззваніе, говоритъ Хвольсонъ, находили вѣроятно несогласнымъ съ общимъ мнѣніемъ, что израильтяне во время Соломона были чистыми поклонниками Иеговы, а потому и было измѣнено это мѣсто, при помощи перестановки одной только буквы: „къ твоимъ шатрамъ, Израиль“!... „и Израиль пошелъ къ своимъ шатрамъ“. Греческіе и сирійскіе переводчики уже больше не знали древняго первоначальнаго чтенія и переводятъ согласно нынѣшнему еврейскому тексту“. Д. А. Хвольсонъ. „Исторія ветхозавѣтнаго текста и очеркъ древнѣйшихъ его переводовъ по ихъ отношенію къ подлиннику и между собою“. Христ. Чтен. 1874. Май. Стр. 50. 52. 53.

представлять дѣло такъ. Народъ еще при Соломонѣ обращается, соблазняясь его примѣромъ, „къ своимъ излюбленнымъ высотамъ и тѣнистымъ роцамъ“. Обстоятельства послѣ его смерти заставляютъ іудеевъ, съ точки зрѣнія которыхъ отпаденіе десяти колѣнъ собственно несчастье и именно наказаніе Божіе за допущенное имъ въ своемъ царствѣ служеніе чужимъ богамъ, нѣсколько пріостановиться въ своемъ уклоненіи къ язычеству, обратиться къ Иеговѣ и такимъ образомъ ходить путемъ Давида и (лучшимъ) путемъ Соломона. Такъ проходятъ три года, въ теченіе коихъ поддерживаютъ ихъ въ этомъ направленіи и переселяющіеся изъ израильскаго царства благочестивые израильтяне и левиты. Но впечатлѣніе отъ раздѣленія ослабѣваетъ съ теченіемъ времени, раздѣленіе является уже фактомъ совершившимся и непоправимымъ, собственное царство Ровоама становится уже окрѣпшимъ,—словомъ, народъ приходитъ опять въ спокойное расположеніе духа и тѣмъ скорѣе возвращается къ принятому еще при Соломонѣ, но прерванному обстоятельствами по смерти его, языческому направленію. Замѣтимъ кстати, что слѣдованіе принятому въ царствованіе Соломона направленію въ дѣлахъ релігійозныхъ соглашается съ направленіемъ дѣятельности Ровоама и въ другихъ отношеніяхъ,—во всемъ онъ хочетъ быть продолжателемъ и подражателемъ дѣятельности своего великаго и славнаго отца. Такъ подобно своему отцу онъ укрѣпляетъ свое царство многими крѣпостями (2 Пар. 11, 5—12); подобно ему имѣетъ довольно значительный гаремъ, состоящій изъ 18 женъ и 60 наложницъ (ст. 21); подобно ему старается обставить блескомъ свои выходы въ домъ Господень и, когда царь египетскій похищаетъ золотыя щиты, сдѣланные и употреблявшіеся для этой цѣли Соломономъ, онъ замѣняетъ ихъ мѣдными и такимъ образомъ и въ этомъ не хочетъ уступить своему отцу (3 Пар. 14, 26—28; 2 Пар. 12, 9—11). Заявивъ народу въ злополучный день своего предполагавшагося утвержденія на царствѣ всего Израиля,

что онъ не отступить отъ политики своего отца (3 Цар. 12, 14; 2 Пар. 10, 14), онъ остается вѣренъ своему слову во всемъ и во всю свою жизнь.

И успѣхъ религіозной реформы, предпринятой Іеровоамомъ, вскорѣ по смерти Соломона, въ царствѣ израильскомъ, становится понятенъ лишь при предположеніи, что израильтяне, отпавшіе отъ дома Давидова и теперь составляющіе царство израильское, еще при Соломонѣ приняли направленіе болѣе или менѣе языческое, или, по крайней мѣрѣ, болѣе чувственное, ищущее удовлетворенія и находящее его въ чувственномъ изображеніи своего невидимаго и неизобразимаго Бога. Здѣсь мы должны остановиться.

Существуетъ мнѣніе, по которому реформа Іеровоама не стоитъ въ соответствіи съ признаваемымъ нами понизившимся, благодаря вліянію терпимыхъ и покровительствуемыхъ Соломономъ языческихъ культовъ, религіознымъ состояніемъ Израиля того времени; напротивъ она стоитъ въ прямой противоположности къ этимъ культурамъ и не только къ нимъ, а и къ остальной дѣятельности Соломона въ области культа,—въ особенности же къ построенному имъ храму. Въ такомъ случаѣ вліяніе религіи на раздѣленіе еврейскаго царства иное, отличное отъ того, какое мы имѣемъ указать. По этому взгляду Соломонъ всею своею дѣятельностью въ области культа, а не покровительствомъ только культурамъ чужихъ боговъ возбуждаетъ въ народѣ израильскомъ и особенно въ пророкахъ сильное недовольство противъ себя. Достаточно было построенія храма для того, „чтобы возмутить національное и религіозное чувство израильтянъ и пророковъ Іеговы; для этого не было нужды въ томъ, чтобы Соломонъ построилъ еще капища Астартѣ, Молоху и Хамосу“¹⁾. Это-то сильное недовольство всей вообще дѣятельностью Соломона въ области

¹⁾ Duhm. Die Theologie der Propheten. S. 54.

культа, эта религіозная оппозиція ему со стороны народа и являются, по этому взгляду, одною изъ причинъ отпаденія отъ дома Давидова десяти колѣнъ, или, что тоже, раздѣленія царства. Религіозная реформа Іеровоама такимъ образомъ не уклоненіе, такъ или иначе объясняемое, отъ прежняго господствующаго среди Израиля культа Іеговы, а возстановленіе именно этого культа; благодаря ей израильскій народъ „возвращается только къ своему древнему и подлинно еврейскому культу“¹⁾. Съ этимъ взглядомъ на реформу Іеровоама стоитъ или падаетъ собственно и взглядъ, будто религіозная оппозиція Соломону со стороны, по крайней мѣрѣ, тѣхъ израильтянъ, которые отпали позднѣе отъ Ровоама, была одною изъ причинъ раздѣленія царства. Но дѣйствительно ли реформа Іеровоама возстановленіе или „улучшеніе“²⁾ древней, подлинно еврейской формы культа? На чемъ опирается такой на нее взглядъ?

Сущность религіозной реформы Іеровоама состоитъ, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ. Онъ устроилъ два золотыхъ тельца, поставилъ ихъ на двухъ противоположныхъ границахъ своего государства—южной въ Веелъ и сѣверной въ Данъ и предлагаетъ ихъ своимъ подданнымъ для поклоненія, вмѣсто того, чтобы ходить имъ въ Іерусалимъ. Это въ реформѣ главное. Другія ея стороны: введеніе всеобщаго священства, съ уничтоженіемъ исключительныхъ правъ на него Левина колѣна, и перенесеніе праздника (вѣроятно кушей) съ седьмаго мѣсяца на восьмой болѣе или менѣе второстепеннаго и, быть можетъ, введены уже позднѣе (3 Цар. 12, 26—32; 2 Пар. 11, 14—15). Что эта реформа—возстановленіе древняго, господствующаго среди евреевъ религіознаго культа и именно нормальнаго, для признанія этого недостаточно указать на широкое распространеніе

¹⁾ Duhm. Ibidem. S. 46—48.

²⁾ Wilhelm Vatke. Die biblische Theologie. Berlin. 1835. B. I. S. 399.

семитическій символъ божества¹⁾. Въ такомъ случаѣ изображеніе Бога въ видѣ тельца и у евреевъ, какъ семитовъ, можетъ быть широко распространено и уже по этому самому должно бы существовать у нихъ съ самыхъ древнихъ временъ. Такъ дѣйствительно и видятъ въ немъ нѣкоторые „древнееврейскую идею“, въ культѣ тельца „древнееврейское язычество“²⁾. Но невольно возникаетъ вопросъ, почему ничего не говорится о служеніи Богу подъ такимъ символомъ у ближайшихъ потомковъ Авраама и у него самого? Объяснять такое молчаніе намървеніемъ преданія или бытописателя представить высокія лица патриархальнаго періода свободными отъ религіозно-нравственныхъ заблужденій нельзя. Въ книгѣ Бытія рассказывается же о томъ, что въ семействѣ Іакова были боги чужіе (терафимы, 31, 34; 35, 4). Но ничего не говорится въ ней о культѣ тельца. Въ первый разъ о служеніи Израиля золотому тельцу говорится въ исторіи пребыванія его при горѣ Синаѣ, вскорѣ по выходѣ изъ Египта (Исх. 32). Близость по времени этого служенія къ пребыванію Израиля въ Египтѣ, странѣ поклоненія животнымъ, сама собою наводитъ на мысль о заимствованіи этого культа именно у египтянъ³⁾. Между тѣмъ разныя соображенія заставляютъ нѣкоторыхъ изслѣдователей нынѣшняго столѣтія видѣть и здѣсь семитиче-

¹⁾ W. Baudissin. Studien zur semitischen Religionsgeschichte. Leipzig. 1876. Heft. I. S. 137.

²⁾ Herm. Schultz. Alttestamentliche Theologie. S. 101. Diestel, v. Riehm Handwörterbuch. S. 807.

³⁾ Такъ объясняютъ происхождение культа золотого тельца у Израиля Hengstenberg, Beiträge zur Einleitung ins Alte Testament. Berlin. 1836. B. II. S. 155—163; Kurtz, Geschichte des Alten Bundes. B. II. S. 306; Graetz, Geschichte B. I. S. 44. Delitzsch, v. Riehm Handwörterbuch. S. 1116. Кейль. Руководство къ Библейской Археологіи. Ч. I. Стр. 568; О. Г. Елеонскій, Исторія израильскаго народа въ Египтѣ отъ поселенія въ землѣ Гесемъ до египетскихъ казней. Спб. 1884. Въ послѣднемъ сочиненіи можно читать подробный разборъ

ское влияніе¹⁾. Указываютъ на то, что въ Египтѣ предметомъ поклоненія были собственно живыя животныя, хотя можно доказать существованіе тамъ поклоненія и изображеніямъ животныхъ²⁾. Указываютъ на то, что „въ данное время израильтяне находились во враждебномъ отношеніи съ египтянами и въ борьбѣ съ ними опирались на Іегову, который провозглашалъ Себя единственнымъ сущимъ Богомъ въ отличіе отъ ничтожныхъ, пустыхъ идоловъ земли ихъ рабства“, почему „естественнѣе всего симпатіи народа при выборѣ видимаго символа божества должны были склониться къ семитическому культу“. Но сила указываемаго здѣсь основанія видѣть въ золотомъ тельцѣ египетское влияніе, именно (основанія) враждебности къ египтянамъ ослабляется значительно дальнѣйшими словами автора: „хотя несомнѣнно въ самомъ празднованіи въ честь тельца были и черты египетскаго культа, къ которому такъ привыкъ народъ во время своего пребыванія въ Египтѣ“. Далѣе тотъ же авторъ видитъ „нѣкоторое сходство въ устройствѣ и расположеніи скинии съ расположеніемъ храмовъ египетскихъ“, склоняется объяснять уримъ и туммимъ египетской аналогіей³⁾. Такимъ образомъ, не смотря на „враждебное отношеніе“ израильтянъ къ египтянамъ, первые находятся подъ сильнымъ положительнымъ влияніемъ послѣднихъ. Почему же нужно исключать это влияніе по отношенію къ символу божества при Синаѣ, особенно когда библейскіе писатели видятъ его и здѣсь (Нав. 24, 14; Іез. 20, 5—8; 23, 3; Дѣян.

и другаго взгляда на происхожденіе служенія золотому тельцу у Израиля. Стр. 127—136.

¹⁾ Этотъ взглядъ проводится въ указанныхъ выше сочиненіяхъ Baudissin'a, Шульца и въ цитуемой ниже статьѣ „Страннива“ и др.

²⁾ Мела говоритъ объ египтянахъ: „почитаютъ изображенія животныхъ, а еще болѣе самыхъ живыхъ“. Въ указ. соч. Елеонскаго. Стр. 129.

³⁾ А. Д—нъ. Библия и научныя открытія на памятникахъ древняго Египта. Странникъ. 1884. Дек. Стр. 559, 563, 566.

7, 39). Справедливо говорить Елеонскій послѣ разбора мнѣній относительно происхожденія культа золотого тельца у израильтянъ: „чтобы въ вопросахъ чисто научныхъ, касающихся бытовыхъ сторонъ древней жизни, каковъ настоящій предметъ, отступать отъ воззрѣнія библейскихъ писателей, необходимы прочныя, несомнѣнныя данныя; а не таковы, по нашему мнѣнью, приведенныя выше основанія новѣйшаго мнѣнія о происхожденіи золотого тельца“¹⁾ изъ семитическаго вліянія. Послѣ факта служенія золотому тельцу при Синаѣ въ дальнѣйшей исторіи Израиля вплоть до религиозной реформы Іеровоама, перваго царя израильскаго, нѣтъ прямыхъ указаній, за исключеніемъ, быть можетъ, Нав. 24, 14, на существованіе у него культа тельца. Во все это время ничего неизвѣстно и о какихъ либо политическихъ сношеніяхъ Израиля съ Египтомъ. Съ прекращеніемъ этихъ послѣднихъ стоитъ такимъ образомъ въ связи, судя по аналогіи съ прежнимъ, прекращеніе и религиознаго вліянія Египта на Израиля, — что можетъ опять доказывать именно египетское происхожденіе золотого тельца при Синаѣ. Важно и то, что Іеровоамъ, введшій культъ тельца въ израильскомъ царствѣ, жилъ нѣкоторое время предъ этимъ въ Египтѣ (3 Цар. 11, 40) и стоялъ во всякомъ случаѣ въ дружественныхъ къ нему отношеніяхъ и теперѣ. Близко предположеніе видѣть египетское вліяніе и въ его религиозной реформѣ.

Указываютъ, правда, или лучше стараются указывать существованіе культа тельца у Израиля и во время между пребываніемъ его при Синаѣ и Іеровоамомъ. И если вѣрить этимъ указаніямъ, то дѣйствительно культъ этотъ былъ общераспространенъ среди него, былъ господствующимъ культомъ во все время до Іеровоама. Такъ статую тельца или статую со смѣшаннымъ видомъ тельца и человѣка устрояютъ Гедeonъ (Суд. 8, 27) и Миха (Суд. 17, 18); ста-

¹⁾ Елеонскій. Указ. соч. Стр. 136.

туя такая стоитъ въ скинни въ Номвѣ (1 Цар. 21, 9); ее носить съ собою Авиааръ, спасшійся отъ избіенія Сауломъ номвскихъ священниковъ (1 Цар. 23, 6, 9; 30, 7). Эти статуи не единственныя, а лишь болѣе цѣнныя и предполагаютъ множество другихъ, болѣе простыхъ¹⁾. Но во всѣхъ этихъ мѣстахъ, за исключеніемъ Суд. 17, 18, можетъ и вовсе не быть рѣчи о какомъ либо изображеніи божества. Во всѣхъ нихъ, за указаннымъ исключеніемъ, говорится собственно объ ефодѣ, на ефодѣ обращается вниманіе и въ культѣ Миха (Суд. 17, 18). Общее основаніе видѣть въ ефодѣ именно статую бога находятъ въ самомъ имени ефода. Ефодъ (תֵּפֹדִים) означаетъ будто бы „образъ въ окладѣ“²⁾. Это его значеніе подтверждаютъ ссылкой на Ис. 30, 22, гдѣ תֵּפֹדִים, отъ одного корня съ ефодѣ, означаетъ прежде всего металлическій окладъ идола, а потомъ будтобы и самый идолъ. Это послѣднее значеніе ни чѣмъ не подтверждается, а первое значеніе прямо исключаетъ второе, по крайней мѣрѣ для настоящаго мѣста; ибо въ немъ окладъ (золотой) прямо отличается отъ идола (תִּפְסוּת). Такимъ образомъ и основное мѣсто для пониманія подъ ефодомъ „образа въ окладѣ“ не уполномочиваетъ къ нему. Остается чистая его возможность, и наряду съ нею дѣйствительность, по которой (послѣдней) ефодъ означаетъ верхнюю наплечную одежду первосвященника съ прикрѣпленными къ ней уримомъ и тумимомъ, которую онъ надѣвалъ на себя, когда хотѣлъ вопрошать Бога. Должны быть сильныя и ясныя основанія для того, чтобы подъ однимъ и тѣмъ же словомъ — ефодъ разу-

¹⁾ Vatke. Die biblische Theologie. B. I. S. 267—272.

²⁾ Такой взглядъ высказываютъ De Wette, Archäologie, 1 Aufl. 1814. § 238; Gesenius въ Thesaurus Linguae Hebraicae подъ сл. תֵּפֹדִים (1829); Gramberg, Kritische Geschichte der Religionsideen I. (1829). S. 448; Vatke и др. Противъ этого взгляда высказываются Thénius, Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zum Alten Testament. 4 Lief. 2 Aufl. 1864. S. 100. 101. 108. Ewald, Alterthümer, 3 Aufl. S. 298; Fr. Ed. König, Die Hauptprobleme der altisraelitischen Geschichte gegenüber den Entwicklungstheoretikern. Leipzig. 1884. S. 59—63.

мѣть въ одномъ мѣстѣ „образъ въ окладѣ“, въ другомъ одежду первосвященника. Такимъ основаніемъ не можетъ быть замѣчаніе Фатке, что въ тѣхъ мѣстахъ книгъ Царствъ, гдѣ должна быть означена священническая плечная одежда, къ слову ефодъ присоединяется обыкновенно bad—льняной (עֵדֻת לְבָנִית—льняной ефодъ, 1 Цар. 2, 18; 22, 18; 2 Цар. 6, 14). Самъ же онъ сознается, что въ одномъ мѣстѣ слово—ефодъ стоитъ одно безъ этой прибавки и всетаки означаетъ одежду, которую носить силомскій священникъ, стерегущій ковчегъ завѣта¹⁾ (т. е. первосвященникъ Ахія, внукъ Илія, 1 Цар. 14, 3.). Большое вниманіе къ предмету показало бы Фатке что носителемъ ефода, названнаго просто, безъ всякой прибавки, представляется Ахія, во всякомъ случаѣ, глава силомскаго священства, что этотъ священникъ распорядитель и посредникъ при вопрошеніи Бога Сауломъ (1 Цар. 14, 36. 42) и что слово thamim, употребленное въ рассказѣ о вопрошеніи Сауломъ Бога (ст. 41), напоминаетъ туммимъ на первосвященнической одеждѣ—ефодѣ, что съ другой стороны въ приведенныхъ выше мѣстахъ носителями „льнянаго ефода“ является прислуживающій мальчикъ Самуилъ (1 Цар. 2, 18), 85 силомскихъ священниковъ (22, 18) и не священникъ Давидъ (2 Цар. 6, 14). Все это, взятое вмѣстѣ, показало бы ему, что выраженія: льняной ефодъ и просто ефодъ указываютъ не на различіе между ефодомъ, какъ священнической одеждою, и ефодомъ, какъ статуей, а на различіе между одеждою простыхъ священниковъ и одеждою первосвященника; а такимъ образомъ исчезаетъ и основаніе отъ простаго имени ефодъ заключать къ статуѣ Бога.

Не болѣе сильны и другія, частныя, основанія видѣть въ томъ или другомъ ефодѣ именно статую Бога. Такъ нѣтъ вынуждающихъ основаній видѣть такую статую въ ефодѣ, сдѣланномъ Гедеономъ (Суд. 8, 27). Масса золота, тысяча семь сотъ сиклей, весьма велика для того, чтобы всю ее

¹⁾ Vatke. Ibidem. S. 269.

употребить на приготовленіе одежды; но нужно полагать, что этотъ ефодъ былъ чрезвычайно роскошный, и къ тому же ничто не вынуждаетъ думать, что на производство его употреблено все золото, собранное Гедеономъ. Ничто не вынуждаетъ и къ тому предположенію, что онъ сдѣланъ былъ только изъ золота. Выраженіе: וְהָיָה לְעֵדֻתִי не означаетъ непременно: „и поставилъ его“; оно употребляется и для означенія разостланія Гедеономъ овечьяго руна на гумнѣ (Суд. 6, 37); по отношенію же къ ефоду оно можетъ означать: „положилъ его“. Такимъ образомъ Гедеонъ изготовляетъ первосвященническую одежду ефодъ съ принадлежащими къ ней уримомъ и туммимомъ для того, чтобы посредствомъ ея имѣть возможность узнавать волю Божию, помимо силомскаго первосвященника. Какъ онъ поступаетъ съ нею далѣе,—самъ ли онъ надѣваетъ ефодъ, когда хочетъ спросить Бога, и, быть можетъ, самъ приноситъ и жертвы на построенномъ въ Офрѣ (Суд. 6, 24) жертвенникѣ¹⁾, или же онъ устрояетъ, подобно Михъ, нѣчто въ родѣ святилища, отдѣльнаго отъ силомской скинии, и приглашаетъ къ нему священника изъ колѣна Левина, который собственно и пользуется ефодомъ²⁾, — рѣшеніе этихъ вопросовъ мы не считаемъ для себя обязательнымъ. Во всякомъ случаѣ, самъ ли онъ священнодѣйствуетъ или приглашаетъ священника-левита, онъ отклоняетъ народъ отъ законнаго святилища въ Силомѣ, облегчаетъ чрезъ это уже уклоненіе къ чужимъ богамъ, которое скоро и послѣдовало. И дѣйствительный имѣлъ основаніе сказать, что ефодъ „былъ сѣтью Гедеону и всему

¹⁾ Keil. Bibl. Comm. Das Buch der Richter. S. 269—272.

²⁾ Graetz. Geschichte. V. I. S. 124. Köhler. Lehrbuch. II. S. 89. Думепольск. Чт. 1872. Ч. II. Стр. 44. Верто предполагаетъ, безъ всякаго основанія, что вмѣстѣ съ ефодомъ Гедеонъ устроилъ и статую тельца. Oehler. Theologie d. A. T. V. II. S. 13. Шольцъ предполагаетъ присутствіе наряду съ ефодомъ (первосвященнической одеждою) какаго нибудь азыческаго предмета; быть можетъ, терафимомъ. P. Scholz. Götzendienst und Zauberwesen bei den alten Hebräern und den benachbarten Völkern. Regensburg. 1847. S. 96.

дому его" (Суд. 8, 27), а такимъ образомъ и это выраженіе и другое: „и стали всѣ израильтяне блудно ходить за нимъ“ не вынуждаютъ видѣть въ ефодѣ статую Бога.—Въ разсказѣ объ идолопоклонствѣ Михи (Суд. гл. 17. 18) говорится несомнѣнно о статуѣ Іеговы. Фатке усиливается лишь доказать, что упоминаемые въ немъ истуканъ (לִפְסֵי) и литой кумирь (לְפָסֵי) тождественны съ ефодомъ, и что ефодъ и здѣсь означаетъ „образъ въ окладѣ“, для чего онъ вынужденъ разложить разсказъ на два одно другому противорѣчащія сообщенія¹⁾. Между тѣмъ для непредубѣжденнаго читателя и здѣсь ефодъ представляется всего естественнѣе, какъ первосвященническая одежда. „Въ 17, 4. 5, кажется мнѣ, говоритъ Кенигъ, имѣется въ виду сказать слѣдующее: Миха владѣлъ не только литымъ и рѣзнымъ образомъ, но и полнымъ, снабженнымъ всеми принадлежностями, святилищемъ; вслѣдствіе этого онъ приобрѣлъ и священническую наплечную одежду и терафимы, а также и священника, который долженъ былъ носить ту наплечную одежду. Именно многократное сильное указаніе на священника, какъ главное посредствомъ чего Миха и данитяне считали обезпеченною свою связь съ Іеговою (Суд. 17, 13; 18, 4. 5. 6. 19. 24. 30), кажется, выражаетъ мысль повѣствователя, что ефодъ нужная вещь для совершенія важнѣйшей священнической функціи²⁾. Ничто не вынуждаетъ видѣть статую и въ ефодѣ въ скини номвской (1 Цар. 21, 9). Здѣсь не говорится, что ефодъ „стоитъ въ домѣ Божіемъ въ Номвѣ и за нимъ находится мечъ Голіаѳа, обернутый въ одежду“ (Фатке), а говорится: „вотъ мечъ Голіаѳа филистимлянина, ... завернутый въ одежду, позади ефода“. Смыслъ этихъ словъ вполне исчерпывается предположеніемъ, что мечъ Голіаѳа, завернутый въ одежду,

¹⁾ Vatke. Указ. соч. Стр. 268.

²⁾ Friedrich Eduard König. Die Hauptprobleme der altisraelitischen Religionsgeschichte gegenüber den Entwicklungstheoretikern Leipzig. 1884. S. 62.

висѣлъ на крючкѣ на стѣнѣ, а поверхъ его на томъ же крючкѣ висѣлъ и ефодъ. Основаніе видѣть статую въ ефодѣ, упоминаемомъ въ 1 Цар. 23, 3. 9; 30, 7, указывается лишь въ томъ, что Авіаѳаръ „приносить его въ своихъ рукахъ къ Давиду“; но это значитъ лишь то, что Авіаѳаръ не ходилъ постоянно въ ефодѣ, а надѣвалъ его лишь при отправленіи своей должности (Исх. 28, 29. 30¹⁾). А что Давидъ самъ вопрошалъ Іегову чрезъ ефодъ, это никоимъ образомъ не слѣдуетъ изъ двухъ послѣднихъ мѣстъ книги Царствъ. Такимъ образомъ ни имя—ефодъ, ни упоминаніе о немъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разнообразныхъ отношеніяхъ не даютъ основанія видѣть въ немъ статую, а не первосвященническую одежду. Не говоримъ уже о томъ, что во всѣхъ приведенныхъ выше мѣстахъ нѣтъ, да по существу дѣла и не можетъ быть, ни малѣйшаго указанія на то, что эта предполагаемая статуя имѣла видъ тельца или смѣшанный видъ человѣка и тельца. Если держаться указаннаго выше взгляда Фатке на тожество истукана и литаго кумира съ ефодомъ въ 17 и 18 гл. кн. Судей, то во все разсматриваемое нами время мы не только не находимъ широкаго распространенія и даже просто существованія культа тельца, а даже и служенія Іеговѣ подъ какимъ бы то ни было чувственнымъ образомъ.

Тѣмъ не менѣе мы должны признать среди Израиля этого времени существованіе служенія Іеговѣ подъ чувственнымъ образомъ. Это слѣдуетъ именно изъ разсказа книги Судей о культѣ, учрежденномъ Михою и ставшемъ потомъ культомъ у жителей города Дана. Присутствіе въ этомъ культѣ статуи, именно статуи Іеговы, неоспоримо

¹⁾ Странность этого послѣдняго доказательства можно показать нагляднѣе на примѣрѣ. Священникъ идетъ въ какой либо домъ для совершенія требы и несетъ въ своихъ рукахъ облаченіе; слѣдовательно облаченіе—статуа. Сжатый разборъ выше разсмотрѣнныхъ мѣстъ относительно ефода можно читать у Otto-Thenius'a въ его Kurzfassettes exegetisches Handbuch zum Alten Testam. 4 Lief. 2 Aufl. 1864. S. 100. 101. 108.

(17, 4. 13; 19, 5. 6). Какой видъ имѣла эта статуя? Фатке предполагаетъ видъ тельца. Кейль находитъ возможнымъ допустить, что „истуканъ, какъ изображеніе Іеговы, имѣлъ видъ тельца, подобно золотому тельцу, котораго Ааронъ сдѣлалъ народу при Синаѣ (Исх. 32, 4), и золотымъ тельцамъ, введеннымъ Іеровоамомъ въ израильскомъ царствѣ, одинъ изъ коихъ былъ поставленъ въ Данѣ (3 Цар. 12, 29)¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ противное этому, именно, что истуканъ не былъ изображеніемъ тельца, но безъ всякаго сомнѣнія представлялъ собою челоѣкоподобное изображеніе Іеговы²⁾. Такія противорѣчивыя сужденія одного и того же автора объ одномъ и томъ же предметѣ объясняются тѣмъ, что въ самомъ библейскомъ разсказѣ нѣтъ прямыхъ данныхъ для опредѣленія вѣшняго вида истукана. Чтобы опредѣлить его, стараются поставить этотъ истуканъ въ связь съ золотымъ тельцомъ, постав-

¹⁾ Keil. Das Buch der Richter. S. 329.

²⁾ Кейль. Руководство къ Библейской Археологіи. Ч. I. Стр. 568. Во второмъ изданіи своего Руководства Кейль ничего не говоритъ о вѣшнемъ видѣ истукана Миха. Handbuch der Biblischen Archäologie. Ausg. 2. 1875. S. 457. Шольцъ находитъ невозможнымъ рѣшить съ опредѣленностью, была ли фигура пещера челоѣческаа, или пещель имѣлъ видъ тельца, подобно образу Іеговы, сдѣланному израильянами въ пустынѣ, и образамъ Іеговы, поставленнымъ Іеровоамомъ I. Götzendienst. S. 100. Троицкій И. видитъ два истукана въ культѣ у Миха: вытесанный камень, или небольшую колонну (пещель—истуканъ), посвященную Іеговѣ, въ видѣ бетиля, и идолъ, имѣвшій форму тельца (массека—литый кумирь). О формѣ послѣдняго идола онъ заключаетъ изъ словупотребленія еврейскаго его названія—массека въ разныхъ мѣстахъ Библии. Религиозное, общественное и государственное состояніе евреевъ во время Судей. Слб. 1885. Стр. 190. Но приводимыя имъ мѣста не даютъ права къ такому заключенію. Въ Исх. 32, 4. 8; Втор. 12, 16; 4 Цар. 17, 16 слово массека стоитъ рядомъ съ словомъ тельецъ, и только въ двухъ—Втор. 9, 12 и 4 Цар. 14, 9 стоитъ одно безъ той прибавки. И эти два мѣста допускаютъ ближайшее пониманіе въ неопредѣленномъ смыслѣ. Отношеніе между истуканомъ и литымъ кумиромъ Генгстенбергъ, Кейль и Шольцъ опредѣляютъ такъ, что истуканъ считается образомъ Бога, а литый кумирь—серебряною покрывкою для этого образа или же вѣдесталомъ для него. Генгстенбергъ. Beiträge. III. S. 95. Кейль. Руководство къ Библейской Археологіи. Ч. I. Стр. 567. Scholz. Götzendienst. I. S. 99.

леннымъ въ Данѣ Іеровоамомъ I. Нѣкоторую опору для этого думаютъ находить въ Суд. 18, 30, разумѣя подъ „днемъ переселенія земли“, о которомъ говорится здѣсь, ассирійское плѣненіе. При такомъ пониманіи дѣло представляется такъ. Истуканъ существуетъ въ Данѣ до ассирійскаго плѣна, слѣдовательно и въ то время, когда Іеровоамъ вводилъ реформу. Объ Іеровоамѣ прямо говорится, что онъ поставилъ одного изъ своихъ тельцовъ въ Данѣ. Но „легче признать, что тотъ золотой (?) образъ Іеговы и мнимо Іеровоамомъ поставленный въ Данѣ золотой тельецъ тождественны, чѣмъ то, что оба святилища существовали одно на ряду съ другимъ“¹⁾. Въ приведенномъ выше мѣстѣ говорится собственно объ Іонафанѣ и его потомкахъ, что они были священниками въ колѣнѣ Дановомъ до дня переселенія земли. О самомъ истуканѣ, именно о томъ, какъ долго имѣли его у себя сыны Дановы, говорится въ ст. 31 и конечнымъ предѣломъ существованія его у нихъ поставляется перенесеніе скинии собранія (дома Божія) изъ Силома въ другое мѣсто. „И имѣли, говорится, у себя (сыны Дановы) истуканъ, сдѣланный Михою, во все то время, когда домъ Божій находился въ Силомѣ“. На основаніи этихъ обонхъ мѣстъ, а также и другихъ историческихъ данныхъ можно съ Келеромъ представить исторію культа въ Данѣ такъ. Истуканъ, сдѣланный Михою, былъ здѣсь средоточнымъ пунктомъ культа во все время существованія скинии собранія въ Силомѣ, слѣдовательно во всякомъ случаѣ до плѣненія ковчега завѣта филистимлянами, послѣ котораго скинія является въ другомъ мѣстѣ (1 Цар. 21). Вслѣдствіе реформъ Самуила, Саула и Давида истуканъ Миха былъ удаленъ и идолопоклоннической культъ въ Данѣ на время прекратился. Но потомки Іонафана оставались священниками въ святилищѣ города и послѣ того, какъ былъ удаленъ истуканъ.

¹⁾ Duhm. Die Theologie der Propheten. S. 48. Думъ забываетъ, что истуканъ Миха былъ сдѣланъ изъ серебра (Суд. 17, 4).

Они приносили, вѣроятно, жертвы отъ имени жителей Дана Іеговѣ, почитаемому теперь безъ чувственного образа. Когда позднѣе Іеровоамъ поставилъ въ Данѣ своего золотого тельца, они стали приносить жертвы ему, и только отведеніе жителей сѣверныхъ и восточныхъ областей Палестины въ ассирійскій плѣнъ положило конецъ идолопоклонническому культу въ Данѣ и священническому служенію тамъ потомковъ Іонаана¹⁾. Такимъ образомъ связью между прежнимъ культомъ въ Данѣ и введеннымъ тамъ Іеровоамомъ І можетъ служить лишь одно священство изъ потомства Іонаана²⁾. Заключать отъ этого къ тождеству истукановъ нельзя. Нельзя заключать къ этому и отъ самаго мѣста того и другаго культа. Іеровоамъ могъ, конечно, избрать Данъ мѣстомъ для своего тельца, потому что здѣсь прежде телець былъ предметомъ поклоненія, но могъ избрать его и потому, что онъ былъ центромъ вообще служенія Іеговѣ подѣ чувственнымъ образомъ, какимъ бы то ни было, и даже просто, какъ городъ на границѣ своего государства. — Такимъ образомъ во все время между служеніемъ золотому тельцу при Синаѣ и введеніемъ культа золотыхъ тельцовъ Іеровоамомъ І нѣтъ прямыхъ указаній на существованіе,

¹⁾ Köhler. Lehrbuch. II. S. 59. Hengstenberg подѣ переселеніемъ земли (אֲרָם וְלֵבָי) разумѣетъ плѣненіе ковчега завѣта филистимлянами. „Въ своей святинѣ (ковчегѣ), которая составляла какъ бы ея зерно и ея сущность, отведена была въ плѣнъ вся земля“. Beiträge. V. II. S. 154. Geschichte. II. 2. S. 18; Bleek, Einleitung. S. 348 вмѣсто אֲרָם וְלֵבָי предполагаетъ первоначальное чтеніе אֲרָם וְלֵבָי. Такое чтеніе находится въ одной древнееврейской рукописи, хранящейся въ императорской публичной библиотекѣ въ С.-Петербургѣ. И. Троицкій. Религіозное, общественное и государственное состояніе евреевъ во время Судей. Спб. 1885. Стр. 23. Другіе видятъ въ „переселеніи земли“ какое либо не упомянутое въ Библии плѣненіе жителей Дана сирійцами во время филистимскаго порабоженія (Кейль. Das Buch der Richter. S. 337) или въ послѣднее время Самуила (Scholz. Götzendienst. S. 99). Эвальдъ видитъ въ 18, 30 позднюю вставку. Geschichte. V. II. 492.

²⁾ И Фатке, предполагая, что истуканъ Миха въ Данѣ былъ, кажется, не отличенъ отъ тельца Іеровоама, опредѣленно говоритъ только о томъ, что священство было то же. Указ. соч. Стр. 270.

а тѣмъ болѣе широкое распространеніе культа тельца среди израильскаго народа. Существуетъ лишь вообще служеніе Іеговѣ подѣ чувственнымъ образомъ. Широкое распространеніе и этого культа среди израильскаго народа не слѣдуетъ необходимо изъ существованія его въ Данѣ. Всѣ попытки видѣть въ истуканѣ, чтимомъ въ Данѣ, именно тельца и указать другіе слѣды существованія культа тельца среди израильскаго народа и всѣ предположенія о широкомъ распространеніи перваго среди послѣдняго не основываются на фактическихъ данныхъ, а выходятъ лишь изъ стремленія указать почву для религіозной реформы Іеровоама, изъ желанія представить болѣе или менѣе понятными и самую мысль Іеровоама о такой именно реформѣ, и успѣхъ этой реформы въ народѣ¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго нами можно судить о томъ, насколько справедливъ взглядъ на реформу Іеровоама, именно какъ на возстановленіе древняго, господствующаго среди израильскаго народа культа, и на культъ въ храмѣ Соломоновомъ, какъ на уклоненіе отъ этого культа и именно такое уклоненіе, которое „возмущало національное и религіозное чувство израильтянъ и пророковъ Іеговы“. Чтобы доказать послѣднее, Думъ обращаетъ вниманіе на самый храмъ Соломоновъ и именно на двѣ стороны въ немъ: на необыкновенную его роскошь и финикійско-языческій будто бы обликъ. Роскошь и великолѣпіе Соломонова храма дѣйствительно необыкновенны. Но они вполне отвѣчали могуществу и величію Бога Израилева, такъ разительно про-

¹⁾ Этими желаніемъ и стремленіемъ нужно объяснять, конечно, и то, что нѣкоторые (Киепен) помѣщаютъ образъ Іеговы въ самый іерусалимскій храмъ и видятъ въ послѣднемъ довольно символовъ, напоминающихъ культъ тельца (Duhn. Указ. соч. 47). Но присутствіе чувственного образа Іеговы въ іерусалимскомъ храмѣ ничѣмъ не можетъ быть доказано: въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ долженъ стоять, находится ковчегъ завѣта. А отсутствіе такого образа составляетъ неопровержимое доказательство того, „что подлинный культъ Іеговы не знаетъ представленія о Богѣ въ какомъ либо тѣлесномъ видѣ“. König. Die Hauptprobleme. S. 64. 65.

явившимся въ царствованіе Давида и самаго Соломона. Чтобы эту сторону выставить, какъ одну изъ причинъ недовольства народа храмомъ, нужно доказать, что евреи не допускали никакого великолѣпія въ религиозныхъ предметахъ. Думъ и старается доказать это; но въ этомъ случаѣ расходится не только съ данными Библии, но и съ своими руководителями. „Древне-національный культъ представляеть, по нему, видъ величайшей простоты“. Онъ не хочетъ знать ничего о скиннѣ собранія, построенной Моисеемъ и описанной въ кн. Исходъ (гл. 25—27). Вопреки описанію книги Исходъ и ничѣмъ не подтверждая себя, онъ говоритъ, что „ковчегъ завѣта, по всему своему характеру, не допускаеть никакой пышности, даже исключаетъ ее“. Намъ же думается, что уже приготовленіе мышей и болѣзненныхъ наростовъ изъ золота филистимлянами для того, чтобы положить ихъ около ковчега завѣта, можетъ говорить о томъ, что и самъ этотъ ковчегъ былъ обложенъ изнутри и сваружи золотомъ (1 Цар. 6. 4. 5. 8. 11; Исх. 25, 11). Переустройство ковчега завѣта филистимлянами въ израильскую землю на колесницѣ, запряженной волами (1 Цар. 6. 7. 10), онъ возводитъ въ общій обычай израильтянъ перевозить ковчегъ съ мѣста на мѣсто¹⁾. О свойствахъ палатки, построенной Давидомъ на Сіонѣ, ничего неизвѣстно. Но изъ намѣренія Давида устроить храмъ, достойный имени Іеговы, можно заключать, что онъ сдѣлалъ все возможное для ея украшенія²⁾. Въ этомъ стремленіи доказать величайшую простоту древнеизраильскаго культа Думъ очевидно долженъ игнорировать, что истуканъ Михи былъ сдѣланъ изъ серебра, что ефодъ Гедеоновъ—по Фатке тоже истуканъ—долженъ быть тоже роскошный, что Іеровоамъ сдѣ-

¹⁾ Давидъ при первой попыткѣ перенесенія ковчега завѣта изъ Киріаотима въ Іерусалимъ также везетъ ковчегъ завѣта на колесницѣ; но позднѣйшее измѣненіе способа перенесенія показываеть, что онъ слѣдовалъ въ первомъ случаѣ примѣру филистимлянъ (2 Цар. 6).

²⁾ Riehm. Handwörterbuch des biblischen Alterthums. S. 1567.

лать золотыхъ тельцовъ. Последнее обстоятельство обращаетъ, впрочемъ, на себя вниманіе Дума и вызываетъ его на объясненіе. „Если статуи тельцовъ и были обложены золотыми пластинками, то произошло это не ради цѣнности этого металла, но ради его блеска, подобнаго солнечному блеску и огню“¹⁾. Объясненіе вынужденное и довольно странное въ устахъ Дума. Можно подумать, что Іеровоамъ устрояеть культъ богу солнца и такимъ образомъ повиненъ въ томъ же, въ чемъ Думъ упрекаетъ Соломона. Въ этомъ отношеніи онъ идетъ далѣе своего руководителя. Фатке считаеть статуи, поставленныя Іеровоамомъ въ Веелъ и Данъ, великолѣпнѣйшими²⁾. И по Вельгаузену, стороннику направленія Фатке и Дума, „высшіе священники, большіе государственные храмы, праздничныя собранія всего народа и чрезвычайныя жертвы“—признаки новаго времени въ исторіи культа, прежде простаго, общіе царству іудейскому и израильскому³⁾. Не говоримъ о другихъ ученыхъ, касавшихся этого предмета, не принадлежащихъ къ этому направленію. Они признають, что Іеровоамъ устроилъ капища и украшалъ ихъ по мѣрѣ силъ и возможности⁴⁾. Такимъ образомъ со стороны великолѣпія и роскоши Соломоновъ храмъ, хотя и превосходить несомнѣнно всѣ прежнія и современныя ему религиозныя постройки въ израильскомъ народѣ, но не стоитъ въ принципиальномъ, такъ сказать, противорѣчій съ его религиозными воззрѣніями; отличие его въ этомъ отношеніи отъ мнимо подлинно-еврейскихъ мѣстъ богослуженія лишь степенное, и къ тому же соответствующее обстоятельствамъ того времени, а потому и не можетъ быть выставляемо, какъ одна изъ причинъ, возмутившихъ будто бы національное и религиозное чувство народа и въ особенности пророговъ.—Фивикійско-языческій

¹⁾ Duhm. Указ. соч. Стр. 51.

²⁾ Vatke. Указ. соч. Стр. 402. 403.

³⁾ Wellhausen. Geschichte Israels. Berlin. 1878. B. I. S. 20.

⁴⁾ Ewald. Geschichte. B. III. S. 472.

обликъ Соломонова храма Дума усматриваетъ въ слѣдующемъ. „Оба мѣдные столба предъ входомъ, рѣзьба на стѣнахъ, пальмы и цвѣты, за которыми не видно было каменныхъ стѣнъ, гранатовыя яблоки на столбахъ находились, говоритъ онъ, и въ храмахъ финикійскихъ“. „Предъ глазами народа и пророковъ возставалъ здѣсь финикійскій храмъ солнца (построенный къ тому же финикійскими художниками), и тому и другимъ нравственное и религиозное сознание говорило, что съ выраженнымъ здѣсь религиознымъ воззрѣниемъ ихъ Богъ-Иегова не можетъ войти никогда въ приглашеніе“¹⁾. При этомъ забывается, что библейское повѣствованіе производитъ планъ храма въ цѣломъ и частностяхъ отъ Господа, что онъ составленъ Давидомъ (1 Пар. 28), который не могъ руководствоваться при этомъ иностранными образцами, что Соломонъ самъ строилъ храмъ въ первую половину своего царствованія, а между Соломономъ первой и Соломономъ второй половины царствованія во всякомъ случаѣ нужно дѣлать различіе, что задача финикійскихъ мастеровъ, изъ коихъ главный Хирамъ представляется преимущественно мастеромъ литейнаго дѣла (3 Пар. 7, 14), состояла слѣдовательно лишь въ механическомъ исполненіи по предложеннымъ идеямъ и планамъ. Все это и подобное должно значительно ослабить представленіе о томъ, будто Соломоновъ храмъ построенъ по финикійскимъ образцамъ. Не говоритъ за это и дѣйствительное сходство въ нѣкоторыхъ пунктахъ перваго съ послѣдними. Изъ него слѣдуетъ, справедливо говорить Богородскій, „только то, что и изъ нѣкотораго сходства законнаго еврейскаго богослуженія съ богослуженіемъ языческимъ, т. е., что и еврей, и язычникъ, какъ люди, не могли не имѣть чего-либо общаго въ формѣ обнаруженія своихъ чувствъ по отношенію къ Высочайшему Существо, что и еврей,

¹⁾ Duhm. Указ. соч. Стр. 52. 53. Vatke. Указ. соч. Стр. 323. 324. 336.

имѣя правильное представленіе о Богѣ, нуждался въ воплощеніи идеальнаго въ извѣстныхъ чувственныхъ формахъ, сообразно съ своимъ плотскимъ состояніемъ, и язычникъ, исказившій представленіе о Богѣ, но не забывшій Его, удержалъ въ общихъ чертахъ тѣ-же формы воплощенія идеальнаго въ чувственныхъ образахъ“¹⁾. Еще страннѣе представляется намъ усиліе Дума доказать, будто культъ тельца, гдѣ идея Бога воплощена въ образѣ животнаго, лучше можетъ поддерживать и воспитывать въ народѣ идею Бога духовнаго, нечувственного, нежели культъ въ Соломоновомъ храмѣ, правда роскошномъ, но именно не имѣющимъ въ себѣ никакого чувственного образа самаго Бога²⁾.— Такимъ образомъ ни со стороны своей дѣйствительной роскоши, ни со стороны мнимозыческаго облика храмъ Соломоновъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и культъ въ немъ не могутъ быть поставлены въ противорѣчіе съ религиозными воззрѣніями евреевъ и слѣдовательно не могутъ быть выставлены, какъ одна изъ причинъ недовольства народа Соломономъ и потомъ раздѣленія царства. А такъ какъ не можетъ быть доказано и существованіе до Соломона среди Израиля широко распространеннаго, и именно какъ нормальнаго культа, культа тельца, то и религиозная реформа Иеровоама I не можетъ быть признаваема возобновленіемъ или улучшеніемъ древняго подлинно-еврейскаго культа Иеговы.

Какъ именно смотрѣлъ Израиль, въ лицѣ лучшихъ своихъ людей, на эту реформу, это довольно ясно видно изъ историческихъ и пророческихъ книгъ Священнаго Писанія. Одинъ

¹⁾ Богородскій. Еврейскіе цари. Стр. 382. Oehler. Theologie des Alten Testaments. B. II. S. 45—47.

²⁾ Duhm. Указ. соч. 52. 53. Фатке напротивъ видитъ въ храмовомъ культѣ болѣе идеальное направленіе, между тѣмъ какъ культъ тельца „не возвышался надъ точкою зрѣнія натур-религіи, чаще долженъ былъ сливаться съ идолопоклонствомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова... такъ какъ идеальность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и специфическое отличіе и исключительное единство Иеговы отступали здѣсь на задній планъ“. Фатке. Указ. соч. Стр. 398. 399. 402. 403.

изъ самыхъ позднихъ писателей, собственно уже послѣ библейской, но столь авторитетный, что его писаніе принято съ древнихъ временъ въ священный кодексъ, Иисусъ, сынъ Сираховъ, такъ отзывается объ Іероваамѣ I и его религиозной реформѣ: Іероваамъ „ввелъ въ грѣхъ Израиля, и Ефрему указалъ путь грѣха. И весьма умножились грѣхи ихъ, такъ что они изгнаны были изъ земли своей“ (Сир. 47, 29, 30). О какомъ грѣхѣ говорить здѣсь сынъ Сираховъ, едва ли нужно доказывать. Такой взглядъ на культъ Іероваамовъ существовалъ и во время происхожденія книгъ Паралипоменонъ, слѣдовательно во время Ездры¹⁾. Это слѣдуетъ съ несомнѣнностью изъ отзывать этихъ книгъ объ этомъ культѣ, какъ культѣ иныхъ боговъ. Онъ (Іероваамъ) „поставилъ у себя, говорится въ одномъ мѣстѣ, жрецовъ къ высотамъ и къ козламъ²⁾ и къ тельцамъ, которыхъ онъ сдѣлалъ“ (2 Пар. 11, 15), вслѣдствіе чего благочестивые израильтяне ходили въ Іерусалимъ, дабы приносить жертвы Господу, Богу отцовъ своихъ (ст. 16). Авія, царь іудейскій, упрекаетъ израильтянъ въ томъ, что у нихъ „золотые тельцы, которыхъ Іероваамъ сдѣлалъ богами“, и тутъ же называетъ ихъ лжебогами (2 Пар. 13, 8, 9). Человѣкъ Божій убѣждаетъ Амасію, царя іудейскаго, отослать назадъ нанятыхъ имъ израильтянъ, „потому что вѣтъ Господа съ израильтянами, со всѣми сынами Ефрема“ (25, 7). Этотъ фактъ относится къ тому времени, когда культъ Ваала, введенный Ахавомъ, былъ уничтоженъ Іиуемъ и былъ возстановленъ культъ тельцовъ. Объ Ахазѣ говорится, что онъ шелъ путемъ царей израильскихъ и даже сдѣлалъ литыя статуи Вааловъ (28, 2); послѣдняя прибавка

¹⁾ Кейль считаетъ самаго Ездру писателемъ книгъ Паралипоменонъ. Keil. Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in die kanonischen und apokryphischen Schriften des Alten Testaments. Ausg. 2. S. 439.

²⁾ Въ смыслѣ иныхъ боговъ и какъ выраженіе отвращенія къ тельцамъ, сдѣланнымъ Іероваамомъ, но не какъ указаніе на особнхъ боговъ-козловъ, понимаетъ слова: „и къ козламъ“, между прочимъ, Елеонскій. Исторія Израильскаго народа въ Египтѣ. Стр. 137—138.

показываетъ, что здѣсь разумѣются не тѣ только цари израильскіе, которые вводили культъ Ваала, но и всѣ другіе, которые слѣдовательно дѣлали неугодное Богу, служа тельцамъ. Такой же взглядъ существовалъ и во время происхожденія 3 и 4 книгъ Царствъ. Это слѣдуетъ также изъ отзывать писателя о культѣ Іероваамовомъ. Такъ писатель говоритъ, что Іероваамъ вводитъ культъ тельцовъ золотыхъ для того, чтобы отклонить израильскій народъ отъ хожденія въ Іерусалимъ (3 Цар. 12, 28), и что „это повело къ грѣху“ (ст. 30). И послѣ Іероваамъ не сходилъ съ своей худой дороги, и это повело домъ Іероваамовъ къ грѣху и къ гибели и къ истребленію его съ лица земли (13, 33, 34). О послѣдующихъ царяхъ израильскихъ говорится, что они дѣлали неугодное предъ очами Господа, ходили путями и во грѣхахъ Іероваама. Такъ Наватъ, сынъ Іероваама, ходилъ путемъ отца своего и во грѣхахъ его, которыми тотъ ввелъ Израиля въ грѣхъ (15, 26). Вааса истребляетъ весь домъ Іероваама за грѣхи Іероваама, которые онъ самъ дѣлалъ и которыми ввелъ въ грѣхъ Израиля, за оскорбленіе, которымъ онъ прогнѣвалъ Господа, Бога Израилева (ст. 30); но и самъ Вааса дѣлаетъ неугодное предъ очами Господа, ходя путями и во грѣхахъ Іероваама (ст. 34; 16, 2, 7); онъ и сынъ его, Ила, раздражали Господа, Бога Израилева, своими идолами (ст. 13). И Замвріи согрѣшаетъ, ходя путемъ Іероваама, сына Наватова (ст. 19). Амвріи „во всемъ ходилъ путемъ Іероваама, сына Наватова, и во грѣхахъ его, которыми тотъ ввелъ въ грѣхъ израильтянъ, чтобы прогнѣвать Господа, Бога Израилева, идолами своими“ (ст. 26). Ахаву мало было „впадать въ грѣхи Іероваама... онъ сталъ служить Ваалу и поклоняться ему“ (ст. 31). Охозія „дѣлалъ неугодное предъ очами Господа, и ходилъ путемъ отца своего и путемъ матери своей и путемъ Іероваама... который ввелъ Израиля въ грѣхъ“ (22, 52). Іорамъ, сынъ Ахава, дѣлалъ не угодное въ очахъ Господнихъ, хотя не такъ, какъ отецъ и мать его: онъ снялъ съ мѣста статую Ваала, ко-

тору сдѣлалъ отецъ его; однако же грѣховъ Іеровоама, сына Наватова, который ввелъ въ грѣхъ Израиля, онъ держался, не отставалъ отъ нихъ (4 Цар. 3, 2. 3). Іууй истребилъ Ваала съ земли израильской (4 Цар. 10, 28) и исполнилъ волю Божию относительно дома Ахавова (ст. 30); но и онъ „не старался ходить въ законъ Господа, Бога Израилева, отъ всего сердца. Онъ не отступалъ отъ грѣховъ Іеровоама, который ввелъ Израиля въ грѣхъ“ (ст. 31); отъ нихъ не отступалъ Іууй,—отъ золотыхъ тельцовъ, которые въ Веилѣ и Данѣ (ст. 29). Іоахазъ, сынъ Іууя (13, 2), Іоась (ст. 11), Іеровоамъ II (14, 24), Захарія (15, 9), Менаимъ (ст. 18), Факиа (ст. 24) и Факей (ст. 28)—все эти государи дѣлали неугодное въ очахъ Господнихъ, не отставали отъ грѣховъ Іеровоама, сына Наватова, который ввелъ въ грѣхъ Израиля. Ничего не говорится въ этомъ отношеніи о Селлумѣ (3 Цар. 15, 10. 13—15); но, быть можетъ, по причинѣ краткости его царствованія,—онъ царствовалъ всего одинъ мѣсяць. Осія, послѣдній царь израильскій, также дѣлалъ неугодное въ очахъ Господнихъ,—„но не такъ, какъ цари израильскіе, которые были прежде него“ (17, 2). Что значать послѣднія слова, неизвѣстно. Все приведенныя нами сужденія писателя 3 и 4 книгъ Царствъ о введенномъ Іеровоамомъ культѣ показываютъ прежде всего, что таково было мнѣніе о немъ самаго писателя, а также и его современниковъ; за послѣднее говорить и выше указанный подобный взглядъ на тотъ же предметъ книги Паралипоменонъ, не далекой по времени происхожденія отъ книгъ Царствъ¹⁾. Въ это время (плѣна и послѣ плѣна) особенно ревностнаго устраненія изъ культа Іеговы всего чуждаго, языческаго, служеніе тельцамъ, хотя бы оно относилось и къ Іеговѣ, естественно должно было казаться въ глазахъ іудеевъ отступленіемъ отъ Іего-

¹⁾ Кейль относитъ происхожденіе 3 и 4 кн. Царствъ къ второй половинѣ вавилонскаго плѣна. Lehrbuch. S. 187.

вы, грѣхомъ противъ Него и даже чистымъ идолопоклонствомъ.

Но есть данныя утверждать, что такой или подобный взглядъ на культъ тельцовъ въ израильскомъ царствѣ существовалъ и до плѣна вавилонскаго и даже въ самомъ израильскомъ царствѣ, что слѣдовательно священные писатели приведенныхъ выше книгъ выражаютъ не свой только и своихъ современниковъ взглядъ на культъ тельцовъ¹⁾, но древній, прежде нихъ существовавшій. Отраженіе этого взгляда можно, кажется, видѣть у пророка Іезекіиля въ символическомъ имени Самаріи—Огола—шатеръ ея, указывающемъ на самовольно введенный культъ въ израильскомъ царствѣ, тогда какъ Іерусалимъ называется тутъ же Оголива—шатеръ Мой въ ней (Іез. 23, 4)²⁾. Слѣды этого взгляда можно видѣть у Іереміи въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ угрожаетъ Моаву. „И постыженъ будетъ Моавъ ради Хамоса, какъ домъ Израилевъ былъ постыженъ ради Веила, надежды своей“ (48, 13). Веилъ былъ надеждою для израильтянъ въ томъ смыслѣ, что введенное здѣсь Іеровоамомъ служеніе тельцамъ должно было упрочить политическое существованіе израильскаго царства (3 Цар. 12, 26—29). Съ особенною ясностью взглядъ этотъ выступаетъ въ рѣчахъ пророка Осія. Почти современникъ, а можетъ быть и дѣйствительный современникъ, паденія израильскаго царства, Осія указываетъ причины этого паденія и между ними, какъ главныя, уже въ самомъ началѣ царства лежавшія, отпаденіе израильтянъ отъ дома Давидова и соединенное съ нимъ служеніе тельцамъ. Въ первомъ отношеніи пророкъ говоритъ отъ лица Іеговы: „поставляли царей сами, безъ Меня; ставили князей, но безъ Моего вѣдома“ (8, 4); или если Іегова и содѣйствовалъ этому, то Онъ далъ его (царя) имъ во гнѣвъ, чтобы потомъ опять въ не-

¹⁾ Большая часть рационалистическихъ писателей только это одно значеніе и усваиваютъ приведеннымъ выше сужденіямъ священныхъ писателей.

²⁾ Въ русскомъ переводѣ при Трудахъ Кіевской духовной Академіи въ примѣчаніи къ 23, 4 указывается иное значеніе этихъ символическихъ именъ.

годованіи отягъ его (13, 9—11). Поэтому „исчезнетъ въ Самаріи царь ея, какъ пѣна на поверхности воды“ (10, 7); „и соберутся сыны Іудины и сыны Израилевы вмѣстѣ, и поставятъ себѣ одну главу, и выйдутъ изъ земли (переселенія); ибо великъ день Израиля“ (1, 11)! Такъ по взгляду пророка отпаденіе израильтянъ отъ дома Давидова не было дѣломъ строго законнымъ, какъ думаютъ объ этомъ нѣкоторые теперь. Въ тѣсной связи съ отпаденіемъ отъ дома Давидова стоитъ служеніе тельцамъ. Израиль ставитъ себѣ царя безъ вѣдома Бога и изъ серебра и золота своего дѣлаетъ себѣ идоловъ-тельцовъ (8, 4. 5). Онъ думаетъ чрезъ это упрочить свое политическое существованіе, но напрасно: „и самъ онъ (телець) отвесенъ будетъ въ Ассирію, въ даръ царю Іареву“ (10, 9), и исчезнетъ въ Самаріи царь, какъ пѣна на поверхности воды (ст. 7), и такимъ образомъ „постыженъ будетъ Ефремъ, и посрамится Израиль отъ замысла своего“ (ст. 6). Вотъ истинное пониманіе значенія культа тельцовъ для существованія израильскаго царства; и какъ оно хорошо совпадаетъ съ извѣстными соображеніями Героовама при первоначальномъ введеніи этого культа (3 Цар. 26—29)! Самый культъ тельцовъ Осія представляетъ грѣхомъ Израиля, возбуждающимъ гнѣвъ Іеговы и почти не отличается отъ чисто языческаго идолопоклонства, хотя и не смѣшиваетъ съ нимъ. Ефремъ „былъ высокъ въ Израиль; но сдѣлался виновнымъ чрезъ Ваала и погибъ. И нынѣ прибавили они ко грѣху, сдѣлали для себя литыхъ истукановъ изъ серебра своего, по понятію своему,—полная работа художниковъ, и говорятъ они приносящимъ жертву людямъ: цѣлуйте тельцовъ“ (13, 1. 2). „Оставилъ тебя телець твой, Самарія! воспылалъ гнѣвъ Мой на нихъ; доколѣ не могутъ они очиститься? Ибо и онъ дѣло Израиля: художникъ сдѣлалъ его, и потому онъ не богъ; въ куски обратится телець самарійскій“ (8, 5. 6; 10, 5)! Осія вездѣ называетъ вееильскій культъ культомъ тельцовъ, самый Вееиль переименовываетъ въ Беаавенъ, изъ дома Божія дѣ-

лаетъ его домомъ ничтожнаго, т. е. домомъ идольскимъ (4, 15). Но сопоставляя тельца съ Вааломъ и другими идолами, называя его не богомъ, онъ всетаки отличаетъ его отъ Ваала (13, 1. 2), считаетъ нужнымъ выяснять, что „и онъ дѣло Израиля, дѣло художника и потому не богъ“ (8, 6). Это показываетъ, что народъ соединялъ съ нимъ представленіе объ Іеговѣ (4, 15). Но это представленіе такъ неясно, что Іегову смѣшивали съ Вааломъ. На это смѣшеніе указываетъ то, что Іегова угрожаетъ гнѣвомъ одинаково и субботу, и новолунію, и остальнымъ праздникамъ и наряду съ ними виноградной лозѣ и смоковницѣ, которыя Израиль думалъ получать отъ своихъ любовниковъ (2, 11. 12). Жертвы, жертвенники (столбы), ефодъ и терафимы называются одинаково, какъ вещи, которыя Іегова хочетъ удалить (3, 4). Всего яснѣе этотъ сдвѣжетизмъ выступаетъ въ названіи Іеговы: Ваали (господинъ мой), чрезъ что Его смѣшивали съ Вааломъ. Пророкъ предсказываетъ, что въ лучшемъ будущемъ Іегову не будутъ такъ называть и имена Вааловъ будутъ забыты (2, 16. 17). Но это еще въ будущемъ. При такомъ смѣшеніи Іеговы съ Вааломъ, опиравшемся главнымъ образомъ на воплощеніи идеи Бога въ тельцахъ, неудивительно встрѣчать такіа рѣзкія, какъ вышеуказанныя, сужденія о культѣ тельцовъ. Вполнѣ естественно, что такіа сужденія основывались главнымъ образомъ на этомъ смѣшеніи: но самое это смѣшеніе есть ничто иное, какъ естественное и только полное развитіе того, что дано было уже съ самаго начала въ культѣ тельцовъ; культъ этотъ не только не выдѣлялъ Іеговы изъ ряда языческихъ боговъ, а напротивъ сближалъ Его, устраняя самое характеристическое въ истинномъ культѣ Іеговы, почитаніе Его безъ чувственнаго образа. Воплощаемый въ тельцѣ Іегова переставалъ быть Іеговою, хотя, по первоначальному намѣренію, телець и долженъ бы быть лишь Его символомъ. Такой же, какъ у Осія, взглядъ на культъ тельцовъ, какъ на грѣхъ противъ Іеговы, проглядываетъ и

у пророка Амоса, младшаго современника Осии. По нему ходить въ Веилъ тоже, что грѣшить (4, 4). Убѣждая израильтянъ обратиться къ Іеговѣ, онъ убѣждаетъ ихъ не ходить въ Веилъ (5, 4. 5). Онъ и прямо говоритъ о „грѣхѣ самарійскомъ“: дальнѣйшая форма клятвы: „живъ богъ твой, Данъ“ показываетъ, что клясться грѣхомъ самарійскимъ значитъ клясться тельцами, бывшими въ Данѣ и Веилѣ (8, 14). Правда, пророкъ Амосъ былъ іудей, и если бы его воззрѣнія стояли одиноко, можно бы предположить, что онъ, какъ іудей, смотритъ на дѣло своими іудейскими глазами; но воззрѣнія его, какъ видимъ, вполне согласны съ воззрѣніями израильскаго пророка Осии и слѣдовательно отражаютъ дѣйствительный взглядъ лучшихъ людей того времени въ самомъ израильскомъ царствѣ.

Уже все это говорить нѣкоторымъ образомъ за возможность существованія подобныхъ взглядовъ на культъ тельцовъ и въ началѣ существованія израильскаго царства. Въ концѣ существованія царства лишь нагляднѣе выражается то, что въ зародышѣ лежало въ этомъ культѣ уже въ началѣ. Простой народъ могъ не видѣть этихъ послѣдствій и былъ даже доволенъ тѣмъ, что его Богъ, Іегова, такимъ образомъ становится ближе къ нему и доступнѣе. Но болѣе дальновидные и пророки не могли не видѣть, что такимъ культомъ широко открываются ворота въ израильское царство натур-религии, чистому язычеству, что самый культъ тельцовъ уже есть идолопоклонство. Такъ становятся достовѣрными рассказы дѣписателей объ отношеніи нѣкоторыхъ пророковъ и другихъ лицъ къ реформѣ Іеровоама при самомъ ея введеніи. Въ то время, какъ Іеровоамъ стоитъ у жертвенника, чтобы совершить куреніе, быть можетъ, въ первый новый праздникъ (3 Цар. 12, 32. 33), человекъ Божій изъ Іудеи произноситъ угрозу жертвеннику, священникамъ, очевидно, вновь поставленнымъ Іеровоамомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всему новому культу (гл. 13) и подтвер-

ждаетъ ее знаменіемъ¹⁾. При недавнемъ разрывѣ между іудейскимъ и израильскимъ царствами слово пророка изъ Іудеи можетъ и не быть само по себѣ вѣрною характеристикой религиозной реформы Іеровоама; съ точки зрѣнія іудея она дѣйствительно уклоненіе, потому что въ іудейскомъ царствѣ практиковался другой культъ. Но оно стоитъ въ согласіи съ строгимъ приговоромъ той же реформы со стороны пророка Ахія и отъ него получаетъ и свою достовѣрность. Ахія происходитъ изъ Силома, слѣдовательно изъ израильскаго царства. Онъ первый предсказалъ Іеровоаму царствованіе надъ десятью колѣнами израильскими и прочность его подъ условіемъ точнаго соблюденія заповѣдей Іеговы (Цар. 11, 29—39). Теперь онъ совершенно отстраняется отъ Іеровоама и угрожаетъ гибелью его дому и выселеніемъ изъ своей земли его подданныхъ и именно за то, что онъ поступалъ хуже всѣхъ, которые были прежде него, и сдѣлалъ себѣ иныхъ боговъ и истукановъ, чтобы раздражать Іегову; Его же отбросилъ назадъ... и чрезъ то и самъ согрѣшилъ и ввелъ Израили въ грѣхъ (3 Цар. 14, 1—16). Такъ и по взгляду Ахія, пророка израильскаго, Іеровоамъ ввелъ новый противозаконный культъ. Понятно само собою, онъ не былъ одинокъ въ своихъ воззрѣніяхъ. И другой дѣписатель рассказываетъ, что левиты и священники оставили царство израильское и перешли въ Іерусалимъ и въ царство іудейское²⁾, а за ними и изъ всѣхъ колѣнъ изра-

¹⁾ Возможности появленія пророка изъ Іудеи не отвергаетъ и Эвальдъ и лишь оспариваетъ подлинность рассказа въ его настоящемъ видѣ. *Geschichte*. В. III. S. 476—480.

²⁾ Выселеніе левитовъ и священниковъ изъ израильскаго царства мотивируется тѣмъ, что „оставилъ ихъ Іеровоамъ и сыновья его отъ священства Господня (ст. 14). Обыкновенно понимаютъ это такъ, что Іеровоамъ оставилъ ихъ отъ священства при тельцахъ (Генгстенбергъ, *Geschichte*. II. 2. S. 158) и чрезъ то лишилъ ихъ средствъ существованія. Но очень возможно, что это оставленіе вызвано нежеланіемъ ихъ служить тельцамъ (Ewald. *Geschichte*. В. III. 474). Келеръ, обращая вниманіе на выраженіе „отъ священства Господня“, ст. 14, и противоположное ему: „къ высотамъ, и къ козламъ и къ тельцамъ“,

левыхъ расположившіе сердце свое, чтобы взискать Господа, Бога Израилева, приходили въ Иерусалимъ, чтобы приносить жертвы Господу, Богу отцовъ своихъ (2 Пар. 11, 13—16). Такъ и въ концѣ и въ началѣ существованія израильскаго царства и вообще во весь періодъ еврейской исторіи послѣ раздѣленія царства мы встрѣчаемъ сужденія и факты, свидѣтельствующіе о томъ, что религиозная реформа Іеровоама представляетъ сильное уклоненіе отъ практиковавшагося тогда истиннаго культа Іеговы, уклоненіе, навлекшее гибель прежде всего на домъ ея перваго виновника, а потомъ и на все израильское царство.

При такомъ положеніи дѣла можетъ представляться на первый взглядъ страннымъ то, что Ілія и Елисей не проговариваются ни полусловомъ о культѣ тельцовъ ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Оба они сильные ревнители по истинной религіи Іеговы въ израильскомъ царствѣ. Если культъ тельцовъ составляетъ уклоненіе отъ законнаго культа Іеговы, то естественно, повидимому, ожидать съ ихъ стороны сильнаго его обличенія, особенно со стороны Іліи. Между тѣмъ они, говоримъ, молчатъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣятели ничего не говорятъ объ ихъ дѣятельности въ этомъ отношеніи. Молчаніе, говорятъ, знакъ согласія. И вотъ, выходя изъ этого, предполагаютъ и даже признаютъ нѣкоторые, что Ілія и Елисей не находили культа тельцовъ незаконнымъ, что слѣдовательно онъ настоящій еврейскій культъ, что рѣчи пророковъ, обличавшихъ этотъ культъ, какъ незаконное нововведеніе, еще при жизни Іеровоама, неподлинны, какъ неподлинны и самый рассказъ о такомъ нововведеніи, что Амось и Осія выражаютъ взглядъ лишь свой и своего времени и т. п. Въ дѣйствіяхъ Іліи думаютъ

ст. 15, понимаетъ отставку колѣна Левина Іеровоамомъ не въ томъ смыслѣ, что онъ исключилъ принадлежащихъ къ этому колѣну изъ священства при устроенныхъ имъ святилищахъ, а въ томъ смыслѣ, что онъ не дозволялъ совершать священное служеніе Іеговъ въ Иерусалимѣ тѣмъ изъ нихъ, которые хотѣли этого. Lehrbuch. S. II. 60.

найти даже неодобреніе іерусалимскаго культа въ храмѣ, а въ поступкахъ Елисея нѣкоторое одобреніе культа тельцовъ¹⁾. Но странное на первый взглядъ отношеніе Іліи и Елисея къ культу тельцовъ становится до нѣкоторой степени естественнымъ при ближайшемъ ознакомленіи съ обстоятельствами, при которыхъ они жили и дѣйствовали. Время Іліи и Елисея было временемъ усиленнѣйшей попытки культа Ваала и вообще финикійскаго культа вытѣснить совершенно изъ израильскаго царства культъ Іеговы и самому заступитъ его господствующее положеніе. Главная поборница этого культа, Іезавель, не ограничивается простымъ ему покровительствомъ, но и разрушаетъ жертвенники Іеговы и умерщвляетъ пророковъ (3 Пар. 18, 4. 13; 19, 10. 14). Очень вѣроятно, что разрушаемы были прежде всего жертвенники, на которыхъ истинные чтители Іеговы приносили свои жертвы. Но возможно, что и культъ тельцовъ былъ приостановленъ. При такихъ обстоятельствахъ задача пророковъ Іеговы и прежде всего Іліи состояла въ томъ, чтобы отстоять попираемые права культа Іеговы, не допустить въ страну культа Ваала. Когда дѣло идетъ о томъ, Іегова или Вааль Богъ Израила, тогда по меньшей мѣрѣ не своевременно говорить о томъ, что Израиль долженъ служить Іеговѣ такъ, а не иначе. Когда преслѣдуютъ вообще поклонниковъ Іеговы, прежде всего истинныхъ, а потомъ и мнящихъ себя быть таковыми, нужно дѣйствовать противъ общихъ враговъ. Во всякомъ случаѣ при такихъ обстоятельствахъ полемика противъ культа тельцовъ не можетъ быть „выдающимся и постояннымъ элементомъ“ пророческой дѣятельности Іліи и Елисея. Не удивительно, если и писатель книгъ Царствъ ничего о ней не говоритъ, хотя, быть можетъ, иногда, въ болѣе спокойное время, они и высказывались противъ культа тельцовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи важно то, что

¹⁾ Vatke. Указ. соч. Стр. 401. Думъ. Указ. соч. Стр. 51. 57.

въ дѣятельности Иліи вѣтъ ничего такого, что показывало бы хотя какъ либо его согласіе съ культомъ тельцовъ. Нигдѣ не говорится, чтобы онъ приносилъ жертвы тельцамъ. На Кармилѣ онъ устрояетъ жертвенникъ изъ двѣнадцати камней по числу колѣнъ израильскихъ и на немъ приноситъ жертву Іеговѣ, не представляемому ни въ какомъ чувственномъ образѣ. Какъ первымъ онъ какъ бы не признаетъ происшедшаго и теперь существующаго дѣленія Израиля на два самостоятельныя царства, такъ вторымъ онъ отвергаетъ культъ тельцовъ. Не можетъ служить хотя бы косвеннымъ одобреніемъ этого культа со стороны Иліи указываемое Думомъ тоже косвенное неодобреніе будто бы имъ іерусалимскаго культа. Это послѣднее Думъ видитъ въ томъ, что Илія, преслѣдуемый въ израильскомъ царствѣ, не ищетъ убѣжища въ Іудеѣ и религіознаго подкрѣпленія въ іерусалимскомъ храмѣ, а находитъ послѣднее при Хоривѣ. Здѣсь забывается, что Илія идетъ къ Хориву, чтобы „спасти свою жизнь“, и идетъ всетаки чрезъ Іудею (3 Цар. 19, 3). И если прежде Ахавъ искалъ Илію во всѣхъ царствахъ и у всѣхъ народовъ и только тогда вѣрилъ словамъ, что его не находили, когда ему клялись въ этомъ (18, 10); то, понятнo само собою, Илія долженъ идти дальше отъ царства Ахавова теперь, когда Іезавель поклялась умертвить его (19, 2).—Въ иномъ нѣсколько положеніи находится Елисей. Культъ Ваала ослабѣваетъ уже при самомъ Ахавѣ послѣ кармилскаго жертвоприношенія, — ученики пророческіе дѣйствуютъ свободнѣе, — и при Іорамѣ (4 Цар. 3, 2). Іууй истребляетъ его съ лица израильской земли (4 Цар. 10, 16—28). Но и Іууй удерживаетъ въ своемъ царствѣ культъ тельцовъ (ст. 29—31). Ему слѣдуютъ его преемники—Іоахазъ (13, 2) и Іоасъ (ст. 11). Повидимому теперь именно, при ослабленіи культа Ваала, можно бы ожидать со стороны пророка обличеній ихъ за культъ тельцовъ. На самомъ же дѣлѣ о такихъ обличеніяхъ ничего неизвѣстно. Вмѣсто этого извѣстно, что Іууй помазывается на царство Елисе-

емъ, хотя и не непосредственно (9, 1—10), что Іоасъ стоитъ въ добрыхъ отношеніяхъ къ Елисею (4 Цар. 13, 14). Не слѣдуетъ ли, что Елисей раздѣляетъ и мнѣнія царей относительно культа тельцовъ? Намъ кажется, не слѣдуетъ съ необходимостью. Іууй помазывается пророкомъ на царство, какъ лицо наиболѣе другихъ способное исполнять волю Божію относительно дома Ахавова (9, 25. 26. 36) и какъ рѣшительный противникъ культа Ваала (ст. 22). И онъ истребляетъ домъ Ахава и культъ Ваала и получаетъ за это обѣтованіе о господствѣ его дома надъ Израилемъ до четвертаго рода (10, 30). Если онъ, утвердившись на престолѣ, остается поклонникомъ тельцовъ, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что и въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ въ согласіи съ пророкомъ. Какъ смотрѣлъ Елисей на это его служеніе тельцамъ, неизвѣстно. О благопріятномъ взглядѣ нельзя заключать и изъ отношеній Іоаса къ Елисею. Изъ нихъ видно только благоговѣйное уваженіе царя къ пророку и предсказаніе послѣднимъ о побѣдахъ перваго надъ врагами своего отечества (4 Цар. 13, 14—19). Возможно впрочемъ, что и Елисей оказываетъ благорасположеніе къ дому Іууя за истребленіе имъ культа Ваала. Такъ и молчаніе Писанія объ обличительной дѣятельности Иліи и Елисея по отношенію къ культу тельцовъ, опирающееся несомнѣнно на дѣйствительной ея слабости, не уполномочиваетъ заключать о томъ, будто Илія и Елисей не находили этого культа незаконнымъ. А съ тѣмъ вмѣстѣ остается въ силѣ и то наше положеніе, что культъ тельцовъ, введенный Іеровоамомъ I въ израильскомъ царствѣ, съ перваго появленія въ немъ и до позднихъ временъ израильской и іудейской исторіи былъ, въ глазахъ лучшихъ людей, уклоненіемъ отъ истиннаго культа Іеговы, грѣхомъ, влекшимъ за собою гибель и его виновника и всего израильскаго царства.

Общій итогъ всего доселѣ сказаннаго нами относительно реформы Іеровоама слѣдующій. Реформа эта

не есть возстановленіе будтобы древняго нормальнаго культа, господствовавшаго среди евреевъ до Соломона и, быть можетъ, не прекращавшагося вполне до Иероваама, по крайней мѣрѣ нѣтъ данныхъ для признанія не только широкаго распространенія, а, быть можетъ, даже и просто существованія культа тельца во все время отъ служенія золотому тельцу при Синаѣ до Иероваама. Введенный Иероваомомъ, онъ съ перваго раза осуждается, какъ уклоненіе отъ законнаго культа Иеговы, достойное наказанія.

Но если такъ, то спрашивается: какимъ образомъ Иероваамъ могъ предпринять такую реформу и именно съ цѣлю утвердить себя на престолѣ? Вопросъ этотъ не разрешимъ при предположеніи, что преступная терпимость Соломона по отношенію къ языческимъ культамъ своихъ женъ возбуждаетъ въ народѣ сильное недовольство, и что это недовольство становится одною изъ причинъ отдѣленія отъ дома Соломонова десяти колѣнъ израильскихъ. Въ такомъ случаѣ и народъ ожидалъ бы отъ Иероваама особеннаго усердія къ своей религіи въ ея неприкосновенной чистотѣ, въ каковой въ большей или меньшей степени, — что бы ни говорили, — она являлась теперь въ храмѣ Соломоновомъ, и самъ Иероваамъ чувствовалъ бы потребность заявить объ этомъ своемъ усердіи и именно съ цѣлю упроченія своего царскаго престола. Но непонятныя при этомъ предположеніи и реформа Иероваама и отношеніе къ ней народа израильскаго понятны при другомъ, уже высказанномъ нами выше, предположеніи. Мы говорили и доказывали, что Соломонъ своею преступною терпимостью по отношенію къ языческимъ культамъ своихъ женъ вызвалъ не столько недовольство, — хотя были и недовольные истинные и мнимые, — сколько подражаніе большее или меньшее, что къ концу его царствованія, подъ вліяніемъ мира и сношеній съ иностранцами, а еще болѣе, быть можетъ, увлекаясь соблазнительнымъ примѣромъ царя, многіе изъ народа стали отпадать отъ законнаго культа Иеговы и даже служить язы-

ческимъ богамъ. При этомъ предположеніи религіозная реформа Иероваама вполне отвѣчаетъ религіознымъ вкусамъ израильтянъ того времени, да и вообще вкусамъ большинства израильтянъ во все время. Хотя нельзя доказать существованія у Израиля служенія Иеговъ подъ образомъ тельца и широко распространеннаго служенія Ему подъ какимъ либо другимъ чувственнымъ образомъ, тѣмъ не менѣе частыя уклоненія его отъ законнаго культа Иеговы и частое служеніе его чужимъ богамъ всемъ извѣстны. Одна изъ главныхъ причинъ этихъ частыхъ уклоненій его заключается несомнѣнно въ высотѣ представленій его религіи о Богѣ, въ ея идеѣ Бога невидимаго, не имѣющаго никакого видимаго образа и подобія и потому исключающаго всякое внѣшнее, внѣшнимъ чувствамъ подлежащее изображеніе Его. Чтобы представлять и чувствовать себя вблизи этого невидимаго Бога, для этого нужна особенная бодрственность духа, особенное напряженіе воли. Этимъ объясняется то, что въ болѣе серьезные періоды своей исторіи Израиль стоитъ болѣе или менѣе на высотѣ своей религіи; но наступаютъ состоянія, не требующія особеннаго духовнаго напряженія, и Израиль спадаетъ съ этой высоты, не чувствуетъ вблизи себя невидимаго Бога и ищетъ Его въ какомъ либо чувственномъ предметѣ, или же прямо обращается къ чужимъ богамъ. Характерны въ этомъ отношеніи слова Израиля при Синаѣ, обращенныя къ Аарону: „встань и сдѣлай намъ Бога, который бы шелъ передъ нами“ (Исх. 32, 1). Чудесныя происшествія при исходѣ изъ Египта, во время странствованія до Синая и при самомъ Синаѣ поднимаютъ его на такую духовную высоту, на которой онъ является способнымъ принять и обязатся исполнять заповѣдь о служеніи Богу безъ всякаго чувственнаго Его образа (Исх. 20, 4. 5). Но вотъ громы и молніи на Синаѣ стихаютъ, Моисея нѣтъ въ его средѣ, этого видимаго для него представителя невидимаго Бога, и онъ чувствуетъ себя какъ бы безъ Бога и обращается къ Аарону съ просьбою

сдѣлать ему бога. Этою потребностью имѣть Бога, такъ сказать, предъ своими глазами объясняются и другіе, подобныя синайскому, факты изъ исторіи Израиля — идолопоклонническое служеніе Іеговѣ въ домѣ Михи и потомъ въ городѣ Данѣ, высоты, устрояемыя въ честь Іеговы, но запрещенныя закономъ и пр. Изъ этой потребности нужно объяснять, между прочимъ, и существованіе самой скинии съ ковчегомъ завѣта въ ней и потомъ храма. Та и другой осязательно доказывали народу существованіе среди него Іеговы (Исх. 25, 8; 29, 42. 43. 45. 46; 3 Цар. 8, 13; 2 Пар. 6, 2). Этою потребностью объясняются и частыя уклоненія Израиля къ языческимъ культамъ. Прелесть этихъ послѣднихъ для Израиля заключалась, не говоря о другихъ соблазнительныхъ для чувственности сторонахъ, въ осязательно-непосредственной близости ихъ боговъ къ человѣку; послѣдователи языческихъ религій безъ особеннаго духовнаго напряженія могутъ чувствовать себя вблизи своего бога и говорить себѣ и другимъ: вотъ, мой богъ. Эта потребность осязательнымъ образомъ представлять себѣ Бога, не удовлетворяемая и существованіемъ Соломонова храма, не чужда, какъ видимъ, и израильтянамъ времени Соломона. На удовлетвореніи ей Іеровоамъ и строитъ планъ своей реформы. Желая отклонить своихъ подданныхъ отъ хожденія въ Іерусалимъ на поклоненіе Іеговѣ, онъ учреждаетъ свой культъ и, чтобы привлечь къ нему ихъ, онъ предлагаетъ имъ его въ той формѣ, которая всего болѣе отвѣчала ихъ, конечно, низкимъ вкусамъ. Но Іеровоамъ хорошо знаетъ изъ исторіи своего народа, что если иногда и даже часто онъ — народъ вводитъ у себя культы чужихъ боговъ, то все-таки такіе культы не имѣютъ прочнаго у него существованія. При несчастіяхъ, постигающихъ его, онъ обыкновенно оставляетъ ихъ и обращается къ Іеговѣ, своему Богу. Поэтому Іеровоамъ не предлагаетъ, да и не можетъ предложить прямо народу культъ чужихъ боговъ. Онъ предлагаетъ ему культъ того же Іеговы, его истиннаго Бога, которому онъ приноситъ

жертвы въ Іерусалимѣ; только этого Іегову онъ воплощаетъ въ образы тельцовъ и слѣдовательно предлагаетъ въ чувственной формѣ, осязательнѣе представляющей присутствіе Бога среди своего народа и, нужно думать, болѣе отвѣчающей религіозной потребности большинства народа. Такимъ образомъ Іеровоамъ и удерживаетъ культъ Іеговы, такъ что его нельзя назвать полнымъ вѣроотступникомъ, и удовлетворяетъ потребности большинства имѣть Іегову, такъ сказать, предъ своими глазами¹⁾. Чтобы еще болѣе расположить своихъ подданныхъ къ вводимому имъ культу, онъ прямо ставитъ его въ связь съ культомъ золотого тельца при Синаѣ (3 Цар. 12, 28). Конечно, такимъ сопоставленіемъ Іеровоамъ могъ вызвать въ памяти израильтянъ воспоминаніе о наказаніи Божіемъ, постигшемъ израильтянъ того времени за служеніе золотому тельцу. Но всякому хорошо извѣстно, что когда кому нибудь предлагается что либо для него желательное, то онъ обращаетъ свое вниманіе только на пріятныя для него стороны въ предлагаемомъ и самъ закрываетъ по возможности глаза свои отъ дурныхъ сторонъ. Нельзя отрицать и того, что Іеровоамъ съ своими совѣтниками сумѣлъ устранить возраженія противъ своей

¹⁾ Мы освобождаемъ себя отъ рѣшенія вопроса о томъ, почему Іеровоамъ вводитъ культъ именно тельцовъ или Іеговы подъ символомъ тельца. Ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями. Предъ своею реформою Іеровоамъ проводитъ нѣсколько времени въ Египтѣ, гдѣ онъ могъ познакомиться съ почитаніемъ быковъ и именно двухъ. Рекомендуя народу своихъ тельцовъ, онъ ставитъ ихъ въ связь съ золотымъ тельцомъ при Синаѣ, показывая тѣмъ, что вводимый имъ культъ тельцовъ не нововведеніе: во всякомъ случаѣ такъ слѣдуетъ понимать его слова: „вотъ боги твои, Израиль, которые вывели тебя изъ земли египетской“. Можетъ имѣть здѣсь значеніе и то, на что указываетъ Graf Baudissin. Именно онъ говоритъ: „какъ великіе и сильныя земли представляются часто подъ образомъ быковъ, и въ особенности рогъ быка служить образомъ для силы, такъ послѣдній образъ не пренебрегается и для представленія о божественной силѣ и исходящемъ отъ нея спасеніи“. Недоказывая существованія у израильскаго народа культа тельца до Іеровоама, какъ хочетъ Baudissin, представленіе о быкѣ, какъ образѣ силы, могло быть принято во вниманіе Іеровоамомъ при предложеніи народу культа тельцовъ.

реформы¹⁾, а также и того, что не мало было и таких, кроме священниковъ и левитовъ, которые отказались прямо принять его реформу (2 Пар. 11, 13—16). Тѣмъ не менѣе, говоря вообще, реформа Иеровоама имѣла полный успѣхъ въ израильскомъ царствѣ, и этотъ успѣхъ, повторимъ, понятенъ только при предположеніи, что уже къ концу царствованія Соломона израильтяне болѣе или менѣе вслѣдъ за Соломономъ уклонились отъ религіи Іеговы.

Здѣсь можетъ быть выставлено такое возраженіе. Если израильтяне еще при жизни Соломона начали уклоняться отъ религіи Іеговы и, быть можетъ, даже служить чужимъ богамъ, то они, конечно, перестали ходить въ Іерусалимъ на поклоненіе Іеговъ, и опасеніе Иеровоама въ такомъ случаѣ излишне, излишня и реформа, предпринятая имъ на основѣ этого опасенія. А если это опасеніе имѣетъ основанія, если, слѣдовательно, народъ ходитъ въ Іерусалимъ, то, значить, невѣрно все, выше говоренное объ уклоненіи его отъ Іеговы во время Соломона. Отвѣтъ на эту дилемму данъ отчасти уже въ предшествующемъ. Уклоненіе народа отъ Іеговы всегда временное, слѣдствіе его нравственнаго разслабленія большею частію при спокойномъ существованіи. Съ наступленіемъ общественныхъ бѣдствій народъ обыкновенно оставляетъ идоловъ и обращается къ Іеговъ. Это долженъ знать Иеровоамъ и предвидѣть, что съ перемѣною обстоятельствъ народъ оставитъ своихъ идоловъ, если только онъ ихъ имѣетъ, и обратится къ Іеговъ, и тогда ему и его дому можетъ грозить опасность. И наряду съ отступниками всегда могутъ быть и чтители Іеговы и хожденіе ихъ въ Іерусалимъ не можетъ не возбуждать опасенія, если даже такихъ посѣтителей Іерусалима и не особенно много. Наконецъ и тѣхъ, которые служатъ чужимъ богамъ, нельзя представлять такими, которые порвали всякія связи съ ре-

¹⁾ Hengstenberg. Beiträge. B. II. S. 175—180. Ewald. Geschichte. B. III. 473.

лигіею Іеговы. Такихъ рѣшительныхъ отщепенцевъ всегда бываетъ мало. Обыкновенно большинство людей колеблется туда и сюда, — „храмаетъ на оба колѣна“, какъ говоритъ пророкъ Ілія. Потому очень возможно, что число израильтянъ, ходившихъ въ Іерусалимъ на праздники, было значительно, хотя многіе изъ нихъ и не были строгими поклонниками Іеговы. И Иеровоаму было чего опасаться за себя и свой домъ.

Такимъ образомъ можно признать доказаннымъ, что противозаконная терпимость Соломона къ культамъ боговъ своихъ женъ возбуждаетъ не столько протестъ со стороны израильскаго народа, говоримъ вообще, сколько подражаніе: народъ, слѣдуя руководству своего царя въ другихъ отношеніяхъ, идетъ за нимъ и въ нарушеніи законовъ Іеговы и уклоняется отъ законнаго Его почитанія. Но если такъ, — то спрашивается, какимъ же образомъ это нарушеніе закона Соломономъ вліяетъ на отпаденіе отъ его дома большей части израильскаго народа? Вопросъ этотъ тѣмъ естественнѣе и тѣмъ настоятельнѣе требуетъ рѣшенія, что его терпимость къ языческимъ культамъ или, какъ говоритъ дѣписатель, „служеніе“ чужимъ богамъ Господь или пророкъ отъ лица Господа ставитъ главнымъ основаніемъ для отпаденія отъ него большей части Израіля (3 Цар. 11, 1—11). Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны повторить отчасти то, что сказано нами выше. Въ народѣ израильскомъ, по самой природѣ своей склонномъ къ разъединенію, религія составляетъ единственную болѣе или менѣе прочную связь отдѣльныхъ его частей. Въ періоды сравнительно лучшаго религіозно-нравственнаго состоянія своего народъ яснѣе сознаетъ свое единство и составляетъ болѣе или менѣе одно цѣлое, одинъ народъ Іеговы. Съ упадкомъ его въ религіозномъ отношеніи стоитъ въ связи большее или меньшее и его политическое разъединеніе. Соломонъ самымъ тяжкимъ образомъ нарушаетъ законъ Іеговы и оскорбляетъ свою религію: вмѣсто того, чтобы заботиться о распространеніи ея среди под-

чиненныхъ ему народовъ, онъ допускаетъ и въ некоторымъ образомъ самъ вводитъ въ своемъ государствѣ языческіе культы этихъ и другихъ народовъ и въ некоторымъ образомъ даже служить ихъ богамъ. Примѣръ царя заразителенъ для народа, и Израиль, всегда склонный къ языческимъ культамъ, уклоняется болѣе или менѣе и теперь, устремляется, — если позволено будетъ выразиться такъ, — отъ центра къ периферіямъ. Религіозная связь, объединявшая его въ себѣ самомъ и съ своимъ царемъ при Давидѣ, въ первые и послѣдніе его годы, при самомъ Соломонѣ, въ первую половину его царствованія, и сдѣлавшая его сильнымъ и славнымъ народомъ среди всѣхъ народовъ земли, ослабѣваетъ, — и это ослабленіе сопровождается обычными въ исторіи Израиля послѣдствіями — пробужденіемъ и усиленіемъ въ народѣ сепаративныхъ стремленій. Зная прежнюю исторію Израиля можно напередъ предсказать, какъ именно проявятся эти стремленія. Напередъ можно сказать, что царство Соломона раздѣлится на двѣ половины и именно такъ, что одну изъ нихъ составитъ колѣно Іудино съ областями другихъ колѣнъ, смежными съ нимъ, а другую и большую всѣ остальные колѣна, — даже то, что во главѣ отдѣляющихся станетъ колѣно Ефремово. Такъ происходило вообще и не одинъ разъ въ прежнее время въ исторіи Израиля. Все здѣсь такъ обычно и естественно, что пророку Ахія или другому не нужно даже особеннаго божественнаго откровенія, чтобы предсказать, что за нарушеніемъ закона Соломономъ и допущеніемъ имъ языческихъ культовъ въ страну израильскую и за отпаденіемъ народа отъ Іеговы, по примѣру царя, послѣдуетъ и политическое раздѣленіе въ народѣ и именно указаннымъ выше образомъ. Собственно божественному откровенію можно приписать то, что теперь имѣющее слѣдовать раздѣленіе царства наступитъ по смерти Соломона, что оно будетъ окончательное, и что царемъ надъ отдѣлившимися колѣнами, имѣющими составить особое царство, будетъ именно Іеровоамъ. Въ этомъ божественномъ отк-

веніи и милость Божія къ Соломону и наказаніе его за нарушеніе съ его стороны завіта и уставовъ Божіихъ (3 Цар. 11, 9—13; 29—39).

Все сказанное нами о царствованіи Соломона можно выразить въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ. Соломонъ вступаетъ на престолъ еврейскаго царства, повидимому, прочно объединеннаго въ своихъ природныхъ частяхъ, и самъ поступаетъ, выходя изъ предположенія такого единства и съ цѣлю еще болѣе прочнаго его закрѣпленія. Но царствованіе его по преимуществу мирное сопровождается обычными въ мирные періоды израильской исторіи явленіями: религіозно-нравственнымъ упадкомъ въ народѣ и внутреннимъ разъединеніемъ послѣдняго. Соломонъ съ своей стороны содѣйствуетъ тому и другому, — первому — допущеніемъ въ свое царство служенія чужимъ богамъ и даже собственнымъ, хотя и внѣшнимъ, участіемъ въ немъ, второму — наложеніемъ на народъ незначительныхъ повинностей, съ которыми послѣдній можетъ мириться лишь въ години несчастій, но нужду въ которыхъ онъ всего менѣе сознаетъ въ счастливые періоды своей исторіи. Тѣмъ не менѣе возмущеніе, поднятое Іеровоамомъ, не имѣетъ, какъ увидимъ, успѣха при жизни Соломона.

V.

Раздѣленіе еврейскаго царства на царства іудейское и израильское.

Раздѣленіе царства при Ровоамѣ составляетъ заключительный актъ дѣленія, начавшагося уже при Соломонѣ; а такъ какъ это въ свою очередь — проявленіе раздѣленія, скрытно проходящаго чрезъ всю исторію Израиля и болѣе сильно проявляющагося въ извѣстные ея періоды, то раздѣленіе царства при Ровоамѣ — заключительный актъ вообще дѣленія израильскаго народа и царства: разъединившіяся прежде части того и другаго составляютъ отсель два самостоя-

ятельные царства. Именно, потому что раздѣленіе при Ровоамѣ завершительный актъ, лишь внѣшній, видимый разрывъ уже прежде внутренне разъединенныхъ частей, исторія его можетъ и не представлять достаточныхъ причинъ къ раздѣленію, и она ихъ дѣйствительно не представляетъ. Во всякомъ случаѣ надменные слова Ровоама не могутъ быть такой причиной. Нуженъ былъ лишь поводъ, предлогъ, и только такой поводъ, такой предлогъ и составляютъ слова Ровоама. Поэтому едва ли можно даже говорить о томъ, что было бы, если бы Ровоамъ уступилъ народному требованію, и какъ совершенно иначе могла бы развиваться дальнѣйшая исторія Израиля ¹⁾). Намъ думается наоборотъ. Отдѣленіе отъ дома Давидова было предрѣшено, если не со стороны всѣхъ десяти колѣнъ, то во всякомъ случаѣ со стороны ефремлянъ и колѣнъ, наиболѣе имъ сочувствовавшихъ. Найдень былъ бы и поводъ не этотъ, такъ другой. И царство всетаки раздѣлилось бы ²⁾). И мѣсто собранія представителей десяти колѣнъ и Иеровоамъ во главѣ его свидѣлствуютъ о преднамѣренности раздѣленія. Слова, произнесенныя народомъ въ отвѣтъ Ровоаму, свидѣлствуютъ о давно уже укоренившейся разобщенности интересовъ этихъ колѣнъ и колѣна Иудина, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи тѣхъ колѣнъ; а легкость и какъ бы естественность раздѣленія, слѣдующаго какъ бы само собою, показываютъ, что оно уже давно подготовлено и какъ бы даже обычно для народа.

Мы уже видѣли, что возмущеніе прежде всего въ колѣнахъ Иосифовыхъ началось уже при Соломонѣ. Уже въ это время выдвигается во главѣ его и Иеровоамъ. Уже въ это время пророческій голосъ указываетъ размѣры, какіе начавшееся движеніе приметъ въ будущемъ, и то мѣсто,

¹⁾ Eisenlohr. Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. Leipz. 1856. Th. II. S. 126.

²⁾ Такъ думаетъ и Hengstenberg. Geschichte des Reiches Gottes. II. 2. S. 150.

какое займетъ въ немъ Иеровоамъ. Все это пророческій голосъ, съ свойственною ему ясностью и авторитетностью, предсказываетъ прежде всего самому Иеровоаму. Пророкъ ясно говорить ему, что царство Соломоново распадется на двѣ неравныя половины по смерти Соломона и что Иегова избираетъ его владычествовать надъ десятию колѣнами, которыя Онъ (Иегова) возьметъ изъ руки сына Соломонова (3 Цар. 11, 30—39.) Предшествующій опытъ воцаренія Саула, Давида и Соломона показывалъ, что пророческое слово не остается безъ исполненія, не смотря на всѣ видимо ему не благоприятствующія обстоятельства. Особенно примѣръ Давида показывалъ, какъ долженъ бы вести себя Иеровоамъ, всецѣло отдаваясь промышленности о немъ Божію и спокойно ожидая указанной ему высокой роли въ назначенное время. Но Иеровоамъ не Давидъ. Предсказаніе пророка не только не удерживаетъ его до времени, а напротивъ служитъ для него точкою опоры въ его мятежническомъ возстаніи. При жизни Соломона возстаніе это не имѣетъ еще успѣха. При всемъ недовольствѣ, какое могло производить въ народѣ поведеніе Соломона въ послѣдніе годы его царствованія, личность его не переставала еще, конечно, оказывать на народъ и чарующее вліяніе. Онъ сынъ великаго отца. Онъ и самъ все еще могущественный и мудрѣйшій изъ царей земныхъ, видѣть и послушать мудрости котораго приходили и теперь, конечно, не переставали приходять изъ всѣхъ странъ. Безпокойства на границахъ государства и измѣна теократическому закону должны были ослаблять это обаяніе, но не могли прекратить совершенно, какъ не прекратились и плоды его мирнаго царствованія для народа—возвышеніе его благосостоянія. Можно думать, что воспоминаніе и представленіе о все еще великой, и въ своемъ паденіи, личности Соломона сдерживали большинство народа въ его недовольствѣ игомъ, наложеннымъ на него Соломономъ, и многіе, вида его старость, сожалѣли о немъ, не хотѣли причинить ему скорби

и оставляли его спокойно доживать свои дни. И самъ онъ былъ еще настолько силенъ, что могъ подавить прямое возстаніе. Иеровоамъ, поднявшій руку противъ царя, вынужденъ былъ бѣжать въ Египетъ, чтобы тамъ спасти свою жизнь. Лишенное главы возмущеніе не могло высоко подниматься, но, нужно полагать, распространялось въ ширь, такъ какъ причины, его произведшія, не прекращались. Со смертью Соломона удаляется со сцены лицо, возбуждавшее въ народѣ недовольство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такое лицо, которое объединяло его своимъ величіемъ и мирило его съ тягостью своего царствованія. Сдерживаемое личностью и виѣшнею силою Соломона разъединеніе, начавшееся при немъ, проявляется теперь съ большею силою. Быть можетъ, впрочемъ, большинство колѣнъ желало достигнуть дѣйствительно лишь облегченія отъ тягостей Соломонова царствованія, но ставшіе во главѣ ихъ ефремляне повели дѣло съ прямою цѣлію отдѣлать другія колѣна отъ колѣна Іудина или отъ царскаго дома его, чтобы самимъ стать въ ихъ главѣ, прикрываясь впрочемъ въ этомъ стремленіи заботою объ общегосударственныхъ интересахъ.

„И почилъ Соломонъ съ отцами своими... и воцарился вмѣсто него сынъ его, Ровоамъ“ (3 Цар. 11, 43). По связи съ дальнѣйшимъ это значитъ, что Ровоамъ воцарился фактически въ Іерусалимѣ, надъ колѣномъ Іудинымъ (и Симеоновымъ) и смежными областями колѣна Веніамина. По идеѣ это означало воцареніе его и надъ всѣмъ Израилемъ. Царское правленіе въ израильскомъ народѣ не было въ собственномъ смыслѣ избирательнымъ. Старѣйшинамъ народа принадлежало лишь право утверждать избраннаго Богомъ царя или наследующаго престолъ послѣ отца¹⁾. Это свое право они примѣняли къ дѣлу въ утвержденіи Саула (1 Цар. 10, 24. 25; 11, 14. 15), Давида (2 Цар. 5, 1—3) и даже Соломона (1 Цар. 29, 22). Это право примѣняютъ они

¹⁾ Кейль. Руководство въ Библ. Археологіи. Ч. II. Стр. 294—298.

и теперь къ Ровоаму. Въ прежнее время, когда старѣйшины колѣнъ израильскихъ имѣли дѣйствительное намѣреніе поставить Давида царемъ надъ собою, они приходятъ въ Хевронъ, тогдашнюю столицу Давидова царства (2 Цар. 5, 1). Тѣмъ болѣе теперь, если имѣлось въ виду воцарить Ровоама, старѣйшины колѣнъ должны были придти въ Іерусалимъ, бывшій столицею всего государства въ продолженіе двухъ царствованій. Между тѣмъ всѣ израильтине т. е. старѣйшины разныхъ степеней колѣнъ кромѣ Іудина (и Симеонова) (3 Цар. 12, 12. 18. 20) собираются въ Сихемѣ. Собраніе ихъ не въ Іерусалимѣ можно объяснить тѣмъ, что они и при добромъ намѣреніи хотѣли утвердить Ровоама на царствѣ не безусловно, а на извѣстныхъ условіяхъ. Предлагать эти условія и настаивать на признаніи ихъ они могутъ, понятно само собою, свободнѣе виѣ столицы, гдѣ они находились бы во власти царя. Но не должно быть оставлено безъ вниманія и то, что они собираются именно въ Сихемѣ. Сихемъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Палестины, освященъ воспоминаніями изъ патріархальнаго времени (Быт. 12, 6; 33, 18; 34, 2; 37, 12). Исусъ Навинъ созываетъ сюда всѣ колѣна израилены, чтобы обязать весь народъ служить Іеговѣ (Нав. 24). Въ періодъ судей здѣсь былъ сдѣланъ первый опытъ царскаго правленія (Суд. 9). Городъ этотъ принадлежалъ колѣну Ефремову и занималъ въ немъ такое же выдающееся положеніе, какое Хевронъ въ колѣнѣ Іудиномъ. Собраніе старѣйшинъ въ городѣ колѣна Ефремова ясно говоритъ о томъ, что выдающаяся роль въ дѣлѣ предполагаемаго воцаренія Ровоама принадлежитъ этому колѣну. На это же указываетъ и появленіе во главѣ собранія Іеровоама, ефремлянина. Происходитъ ли это послѣднее такъ, что за Іеровоамомъ посылаютъ въ Египетъ, разумѣется, прежде всего ефремляне, чтобы поставить его во главѣ дѣла, какъ думаютъ нѣкоторые¹⁾ на

¹⁾ Keil. Die Bücher der Könige. S. 144. Филаретъ. Начертаніе церковно-библейской исторіи. Изд. 7. Стр. 276.

основаніи еврейскаго текста 3 Цар. 12, 2. 3¹⁾, или же онъ, услышавъ о смерти Соломона, самъ возвращается въ колѣно Ефремово въ свой родной городъ, и отсюда приглашаютъ его старѣйшины израильскіе въ Сихемъ на собраніе, какъ думаютъ другіе на основаніи 2 Пар. 10, 2²⁾, появленіе его во главѣ собранія характерно для намѣреній этого собранія. Стремленія колѣна Ефремова къ первенству среди другихъ колѣнъ извѣстны изъ предшествующей исторіи. Извѣстна и дѣятельность Иеровоама въ послѣдніе годы царствованія Соломона, заставившая его убѣжать въ Египетъ. Если прежде, до смерти Соломона, пророчество Ахія не могло сдерживать его, то тѣмъ болѣе оно должно было побуждать его содѣйствовать его исполненію теперь. Но очень возможно, что, рассчитывая вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ самъ держится сначала какъ бы въ сторонѣ отъ дѣла, дѣйствуя чрезъ друзей, и приходитъ въ собраніе только по приглашенію съ его стороны, а ставши во главѣ его, заботится, повидимому, объ интересахъ только народа. Такъ по ходу дѣла можно принимать лишь съ ограниченіемъ слова Эвальда, что „государственные чины“ имѣли „лучшее намѣреніе утвердить его (Иеровоама) царемъ, если бы онъ исполнилъ ихъ желанія“³⁾. По крайней мѣрѣ ефремляне, главные дѣятели и руководители въ собраніи представителей народа, не могли имѣть такое намѣреніе, напротивъ съ самаго начала имѣли въ виду отдѣлиться отъ Иеровоама. Во всякомъ случаѣ собраніе въ Сихемъ съ Иерово-

¹⁾ Въ переводѣ съ еврейскаго мѣсто это читается такъ: „И было, когда услышалъ Иеровоамъ, сынъ Назата,—онъ былъ еще въ Египтѣ, куда убѣжалъ отъ царя Соломона и жилъ Иеровоамъ въ Египтѣ; но къ нему послали и призвали его,—то пришелъ Иеровоамъ и все собраніе израильтянъ“. Въ 2 Пар. 10, 2 вмѣсто словъ: „и жилъ Иеровоамъ въ Египтѣ“ стоитъ: „и возвратился Иеровоамъ изъ Египта“. Въ переводѣ LXX въ первомъ мѣстѣ вмѣсто словъ: „и жилъ Иеровоамъ въ Египтѣ“ стоитъ: „и возвратился Иеровоамъ изъ Египта“. Во второмъ мѣстѣ предъ словами: „и возвратился“... вставлено еще: „и жилъ Иеровоамъ въ Египтѣ“.

²⁾ Bähr. Lange. Bibelwerk. A. T. VII. S. 124. Köhler. Lehrbuch. II. 2. S. 452.

³⁾ Ewald. Geschichte. B. III. S. 427.

амамъ во главѣ было „значительнымъ намекомъ, если бы Иеровоамъ понялъ его надлежащимъ образомъ“. Вмѣсто того, чтобы принимать представителей народа въ своей столицѣ, онъ долженъ теперь самъ искать ихъ и именно въ городѣ колѣна, враждебныя чувства котораго къ его отцу ему должны быть хорошо извѣстны. „И пошелъ, говорится, Иеровоамъ въ Сихемъ; ибо въ Сихемъ пришли все израильтяне, чтобы воцарить его“ (3 Цар. 12, 1). Невольно чувствуется, какъ должно измѣниться здѣсь положеніе царя и представителей народа: съ одной стороны послѣдніе, обремененные своими единомышленниками, съ другой царь, правда, тоже со свитою, но все же не такъ значительно—въ сравненіи съ народомъ и въ городѣ, на благорасположенность котораго къ себѣ онъ не могъ рассчитывать. Здѣсь Иеровоамъ во главѣ и отъ лица собранія представителей народныхъ заявляетъ Иеровоаму, что царствованіе отца его было слишкомъ тяжело для народа, но что если онъ, Иеровоамъ, облегчитъ жестокую работу отца его и тяжкое иго, которое онъ наложилъ на него, то онъ—народъ будетъ служить ему (ст. 4). Нужно думать, что своимъ жесткимъ словамъ Иеровоамъ постарался придать характеръ не просьбы, а именно непремѣнной воли народа. Предполагалъ ли Иеровоамъ встрѣтить условія со стороны народа или нѣтъ, во всякомъ случаѣ рѣзкій тонъ оратора, равно какъ и самое появленіе во главѣ собранія Иеровоама, извѣстнаго мятежника противъ отца его, могли произвести на него непріятное впечатлѣніе и предрасположить къ столь же рѣзкому отвѣту. Тѣмъ не менѣе онъ назначаетъ три дня для обсужденія предложенія народа. Уже такая продолжительная при тогдашнихъ грозныхъ обстоятельствахъ отсрочка должна быть признана за большую ошибку со стороны Иеровоама. Удерживать въ сборѣ народъ¹⁾, настраиваемый въ извѣстномъ направленіи,

¹⁾ Судя по тому, что для утвержденія Давида на царствѣ приходитъ въ Хевронъ нѣсколько тысячъ челоуѣвъ (1 Пар. 12, 23—38), нужно полагать, что и теперь для утвержденія Иеровоама на царствѣ собрались не одни представители народа—разнаго рода старѣйшины.

значить давать возможность сильнѣе утвердить его въ этомъ направленіи. Ровоамъ дѣлаетъ еще болѣе. Благоразуміе требовало во всякомъ случаѣ уступить народу на этотъ разъ. Жалоба народа имѣетъ несомнѣнно долю справедливости; она предлагается старѣйшинами народа, голоса коихъ въ прежнее время слушали (2 Цар. 6). Правда, онъ могъ знать о враждебномъ ему настроеніи ефремлянъ и видѣть въ устахъ Іеровоама выраженіе этого настроенія; но онъ долженъ былъ знать, что именно ефремлянъ всего менѣе можно примирить съ собою жесткими словами, тѣмъ менѣе теперь, когда онъ не могъ подкрѣпить своего жесткаго слова силою. Все это хорошо сознавали старые совѣтники Соломоновы и совѣтовали Ровоаму уступить желанію народа и даже послужить ему на этотъ разъ. Мудрый смыслъ совѣта ихъ понятенъ. „Народъ теперь въ сборѣ, какъ бы такъ говорили совѣтники, и въ напряженномъ ожиданіи; невольные царемъ настраиваютъ его враждебно противъ него. Одно жесткое слово можетъ оказаться искрою, брошенною въ порохъ. Поэтому будь ласковъ съ нимъ, уступи и даже послужи ему теперь. Онъ будетъ въ восхищеніи отъ твоей ласковости, пріятливости и уступчивости, разойдется и и разнесетъ славу о нихъ по своимъ мѣстамъ. А потомъ ты можешь дѣлать съ нимъ, что тебѣ угодно, и онъ будетъ тебѣ служить“. Этотъ совѣтъ, быть можетъ, и не предотвратилъ бы совсѣмъ раздѣленія, но во всякомъ случаѣ затруднилъ бы его. Ровоаму, уже предрасположенному рѣчью Іеровоама къ жесткому отвѣту, совѣтъ этотъ не понравился. Быть можетъ, онъ находилъ его и неосновательнымъ. Онъ видѣлъ предъ собою своего отца, который для удержанія власти за собою не нуждался въ уступкахъ народу. Къ сожалѣнію, онъ не обратилъ вниманія на то, что отецъ его обладалъ и авторитетомъ, котораго не имѣлъ онъ самъ и который, между тѣмъ, былъ главнымъ въ дѣлѣ подчиненія народа его отцу. Какъ бы то ни было, онъ обращается за совѣтомъ къ другимъ совѣтникамъ, „къ моло-

дымъ людямъ“, выросшимъ вмѣстѣ съ нимъ и составлявшимъ его ближайшую свиту. Опытность этихъ также не широка, какъ и самого Ровоама; но они хорошо знаютъ вкусы послѣдняго, извѣстно имъ и то, что совѣтъ старыхъ совѣтниковъ уступить народу не понравился ему и потому, нужно думать, они старались сообразовать свой совѣтъ съ его вкусами. Условіе, предлагаемое царю народомъ, кажется имъ возмущеніемъ противъ него, и они, не соображая обстоятельствъ и дѣйствительнаго положенія царя въ еврейскомъ народѣ, который (царь) во всякомъ случаѣ не долженъ надмеваться надъ своими братьями, совѣтуютъ Ровоаму уничтожить его въ самомъ началѣ и именно угрозою. Этотъ совѣтъ молодыхъ людей нравится царю и, когда чрезъ три дня Іеровоамъ и народъ приходятъ за отвѣтомъ, онъ отвѣчаетъ имъ, если не буквально, то по смыслу слѣдующее: „отецъ мой наложилъ на васъ тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отецъ мой наказывалъ васъ бичами, а я буду наказывать васъ скорпіонами“ (ст. 14). Дѣписатель замѣчаетъ при этомъ, что царь отвѣчалъ народу „сурово“, надо полагать, съ жесткимъ содержаніемъ словъ старался согласовать и грубый тонъ голоса и грозную осанку. И совѣтъ молодыхъ людей и принятіе его Ровоамомъ и все поведеніе послѣдняго представляются дѣписателю такъ неразумными, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, что для объясненія всего этого онъ прибѣгаетъ къ предположенію особеннаго божественнаго опредѣленія относительно этого: „И не послушалъ царь народа; ибо такъ суждено было Господомъ, чтобы исполнилось слово Его, которое изрекъ Господь чрезъ Ахію, силомянина, Іеровоаму, сыну Наватову“. Только этого отвѣта и желали и ожидали безъ сомнѣнія тѣ изъ старѣйшинъ, которые съ самаго начала думали о прямомъ отдѣленіи отъ дома Давидова. При другомъ отвѣтѣ они могли бы оказаться въ затрудненіи, чѣмъ бы можно было мотивировать это отдѣленіе. Отвѣтъ Ровоама давалъ имъ именно это мотиви-

рованіе; онъ раздражалъ и весь народъ и безъ того уже подготовленный къ раздраженію. Извѣстный отвѣтъ народа на отвѣтъ Ровоама становится понятенъ и въ устахъ всего народа, а не однихъ только ефремлянъ. На пренебрежительный и высокомерный отвѣтъ Ровоама народъ, въ лицѣ своихъ представителей, отвѣчаетъ съ своей стороны отрицаніемъ всякаго общенія между нимъ и Ровоамомъ и полнымъ отказомъ ему въ повиновеніи. Отвѣтъ этотъ въ высшей степени замѣчательнъ. Въ немъ нѣтъ ни слова о тяжкомъ игѣ и жестокой работѣ, которыя наложилъ на него Соломонъ и на которыя онъ только что жаловался; онъ почти буквально сходенъ съ воззваніемъ Савея, сопровождавшимъ отдѣленіе тѣхъ же колѣнъ, что и теперь, отъ Давида, и слѣдовательно идетъ изъ того времени, когда о тяжкомъ игѣ не было и рѣчи, когда напротивъ израильскій народъ десяти колѣнъ только что самъ признавалъ заслуги Давида для него, и споръ шелъ о томъ, кто имѣетъ больше правъ на царя—колѣно ли Іудино или другія колѣна (2 Цар. 19, 9. 41—43; 20, 1). Это даетъ право заключать, что главная вина отпаденія десяти колѣнъ отъ дома Давидова и теперь не столько тягость Соломонова царствованія, сколько соперничество колѣнъ, ревность къ колѣну Іудино вообще и къ дому Давидову въ частности, ревность, которой не могли уничтожить совсѣмъ Давидъ и Соломонъ и которая выступаетъ теперь со всею своею силою. Яснѣе открывается это изъ сравненія словъ, которыми израильяне сопровождаютъ теперешнее свое отпаденіе отъ дома Давидова (3 Цар. 12, 16), съ тѣми словами, которыя израильяне же говорятъ при воцареніи Давида надъ всѣмъ Израилемъ (2 Цар. 5, 1. 2). Между тѣми и другими есть соотвѣтствіе, и первыя вполне отрицаютъ послѣднія. Желая воцарить надъ собою Давида, старѣйшины десяти колѣнъ указываютъ на свое общее происхожденіе, на родство съ нимъ по крови: „вотъ мы—кости твои и плоть твоя“. Теперь старѣйшины тѣхъ же колѣнъ отрицаютъ это свое родство: „какая намъ

часть въ Давидѣ? Нѣтъ намъ доли въ сынѣ Іессеевомъ“, т. е., какъ объясняетъ эти слова Беръ: „какое намъ дѣло до Давида и его фамиліи, когда идетъ рѣчь о томъ, кто долженъ быть царемъ надъ нами? У насъ нѣтъ ничего общаго съ нимъ, мы не принадлежимъ ему, какъ Іуда, по происхожденію“¹⁾. Въ прежнее время израильяне напомнили Давиду, что онъ еще при жизни Саула стоялъ во главѣ ихъ, „выводилъ и вводилъ Израиля“. Теперь старѣйшины приглашаютъ народъ разойтись по домамъ, какъ бы не нуждаясь въ предводительствѣ со стороны его—Давидова дома: „по шатрамъ своимъ, Израиля!“ Въ прежнее время старѣйшины указывали Давиду, что самъ Господь сказалъ ему: „ты будешь пасти народъ Мой, Израиля, и ты будешь вождемъ Израиля“. Теперь старѣйшины указываютъ ему же, т. е. его потомству, заботиться лишь о своемъ домѣ, т. е. о своемъ родномъ колѣнѣ: „теперь знай свой домъ, Давидъ!“—и тѣмъ отрицаютъ его право пасти всего Израиля. Такимъ образомъ теперешніе израильяне, отдѣляясь отъ Ровоама, какъ бы исправляютъ ошибку, допущенную ихъ предками въ возведеніи Давида на царство всего Израиля. Судя по предшествующей Давиду исторіи, ошибка эта, по сознанію израильянъ, можетъ заключаться въ томъ, что въ лицѣ Давида поставлено во главѣ колѣнъ колѣно Іудино, жившее до него въ періодъ судей отдѣльно отъ другихъ колѣнъ. Вся рѣчь израильянъ обращается къ Давиду именно потому, что онъ былъ виновникомъ перенесенія царскаго трона въ колѣно Іудино. Свое полное отрицаніе господства дома Давидова надъ собою на словахъ израильяне подтверждаютъ и дѣломъ, расходясь по домамъ, не признавъ Ровоама царемъ надъ собою. Господству послѣдняго подчиняются лишь тѣ изъ израильянъ десяти колѣнъ, которые живутъ въ Іудиномъ колѣнѣ или при Ровоамѣ переселяются сюда (3 Ц. 12, 17). Теперь Ровоамъ понялъ неразумность своего отвѣта и старался было

¹⁾ Lange. Bibelwerk. A. T. VII. S. 126.

исправить свою ошибку; но было уже поздно: посланный имъ для переговоровъ савонникъ Адонирамъ, уже потому что онъ былъ начальникомъ надъ работами, еще болѣе, кажется, раздражаетъ народъ и самъ падаетъ подъ градомъ камней¹⁾. Опасность грозитъ самому Ровоаму, и онъ съ поспѣшностью возвращается въ Иерусалимъ. Такъ произошло отдѣленіе десяти колѣнъ израильскихъ отъ дома Давида (Ст. 18—19).

Израильтяне остались теперь безъ царя; но оставаться такъ нельзя было. Съ одной стороны выгода царскаго правленія, при всей невыгодѣ, была осязательно доказана возвышеніемъ могущества и благосостоянія народа при царяхъ; съ другой можно было опасаться, что Ровоамъ подчинитъ ихъ себѣ силою, если они не объединятъ своихъ силъ подъ управленіемъ царя. Когда зашла такимъ образомъ рѣчь о царѣ, ефремяне, дѣйствовавшіе доселѣ повидимому ради общаго блага, теперь должны были позаботиться и о себѣ. Прямымъ кандидатомъ на новый престолъ являлся изъ ихъ среды Иеровоамъ. Онъ еще при жизни Соломона возсталъ на защиту правъ свободнаго народа; еще тогда получилъ отъ пророка Ахія

¹⁾ Цѣль, съ которою Ровоамъ послалъ Адонирама къ возмущенному народу, не указывается. Указанная нами въ текстѣ раздѣляется большинствомъ ученыхъ. Такъ думаютъ Флавій, Antiqu. VIII. 8. 3. Hengstenberg. Geschichte. II. 2. S. 153. Fwald. Geschichte. V. III. S. 429. По „Начертанію церковно-библейской исторіи“ Адонирамъ посланъ къ возмущавшимся для приведенія ихъ къ послушанію. При этомъ подразумевается и нѣкоторыя (напр. Генгстенбергомъ) прямо высказывается, что выборъ савонника сдѣланъ неудачно. Келеръ указываетъ иную цѣль посольства Адонирама, начальника надъ работами. Отреченіе народа отъ Ровоама не склонило, по нему, послѣдняго къ услужливости. „Напротивъ онъ старался застрашать народъ, сдѣлавъ видъ, что онъ хочетъ привести въ исполненіе свои угрозы. Какъ бы не нуждаясь въ признаніи своего господства со стороны народа, онъ послалъ своего главнаго начальника надъ оброчными работами, Адонирама, къ находившимся еще въ Сихемѣ, чтобы назначить и распределить подлежащія отбѣткію работы. Народъ увидѣвъ въ этомъ поступкѣ насмѣлку, прибавленную къ отклоненію его требованій, и до того ожесточился, что побилъ Адонирама камнями“. Köhler. Lehrbuch. II. 1. S. 454.

предсказаніе о томъ, что онъ будетъ царемъ надъ десятью колѣнами, которыя отпадутъ отъ дома Соломонова; онъ ратовалъ за права народа во главѣ народныхъ представителей въ ихъ переговорахъ съ Ровоамомъ и, конечно, много содѣйствовалъ тому, что они окончились такимъ результатомъ. Его и воцаряютъ теперь надъ собою все израильтяне, отпавшіе отъ Давидова дома. Воцареніе это происходитъ спустя нѣкоторое время послѣ отпаденія отъ дома Давида въ новомъ собраніи представителей израильскаго народа (3 Цар. 12, 20). Такъ, издавна стремившееся къ первенству въ ряду другихъ колѣнъ и дѣлавшее нѣкогда опыты введенія у себя царской власти, колѣно Ефремово становится наконецъ царственнымъ колѣномъ среди другихъ колѣнъ. Около него группируются тѣ самыя колѣна, которыя группировались и прежде около него, а потомъ около колѣна Веніаминава, и составляли, какъ мы уже знаемъ, въ теченіе нѣкотораго времени самостоятельное царство.

Но если въ исторіи раздѣленія царства хорошо высказываются свойства колѣна Ефремова, всегда стремившагося быть первымъ въ ряду другихъ колѣнъ, то въ ней же проявляются достаточно свойства и другаго, сильнаго въ ряду другихъ колѣнъ, колѣна Иудина. Въ періодъ судей колѣно это не заявляетъ стремленій господствовать и даже просто первенствовать среди другихъ колѣнъ,—оно живетъ своею отдѣльною жизнью. При Самуилѣ и Саулѣ оно принимаетъ участіе въ общей жизни. Но къ концу царствованія послѣдняго оно начинаетъ опять отдѣляться. По смерти Саула, имѣя въ своей главѣ Давида, оно довольствуется отдѣльнымъ, самостоятельнымъ существованіемъ. Позднѣе, правда, и это колѣно, вознесенное въ лицѣ Давида на высоту, недовольно приравненіемъ его къ другимъ колѣнамъ и заявляетъ объ этомъ недовольствѣ известнымъ бунтомъ Авессалома. Но, удивительно, заручившись благорасположеніемъ Давида, по усмирении мятежа Авессалома, оно оказывается неготовымъ подавить немедленно

мятежъ Савея и подчинить своему государю другія колѣна. Теперь Ровоамъ созываетъ изъ колѣнъ Іудина и Веніамина 180,000 человекъ, въ намѣреніи силою подчинить своему господству отпавшія колѣна. Противъ этого намѣренія царя выступаетъ пророкъ Самей и отъ имени Іеговы возбуждаетъ начинать войну съ братьями, потому что отдѣленіе ихъ произошло по волѣ Божіей. Іудеи охотно слушаются словъ пророка и расходятся по домамъ (ст. 21—24). Этого удивительнаго послушанія пророческому слову въ настоящемъ случаѣ нельзя не ставить въ связь съ преженюю обособленностью Іудина колѣна.

Теперь возникающія царства не составляютъ въ исторіи израильскаго народа совершенно новаго явленія. На двѣ половины, хотя и не вполне тѣ, народъ дѣлится и прежде, и уже въ то время половины эти носятъ особыя названія, и именно названіе—Израиль носятъ всѣ колѣна, кромѣ Іудина, а имя—Іуда носитъ это колѣно. Названія эти являются при Саулѣ, когда послѣ продолжительнаго обособленнаго существованія въ періодъ судей колѣно Іудино вступаетъ въ общую жизнь израильскаго народа (1 Цар. 11, 8; 15, 4). Они остаются съ тѣмъ же объемомъ по смерти Саула, при чемъ имя Израиль означаетъ царство Іевосеея (2 Цар. 2, 8—10), а Іуда—царство Давидово (3, 10; 2, 11). Они остаются съ тѣмъ же объемомъ и при Давидѣ и Соломонѣ, хотя израильскій народъ составляетъ въ это время одно сильное царство (2 Цар. 24, 1; 3 Цар. 4, 20). Эти историческія уже имена удерживаютъ за собою и теперь возникающія самостоятельныя царства, и именно такъ, что царство изъ десяти колѣнъ удерживаетъ названіе израильскаго царства, а царство изъ колѣнъ Іудина (-Симеонова) и Веніамина (не всего) удерживаетъ также прежнее названіе—Іуда или царство іудейское.

Теперь получаетъ свое полное значеніе и указанная нами естественная граница между среднимъ и южнымъ Ханааномъ. Въ періодъ судей она не имѣетъ замѣтнаго значе-

нія для раздѣленія израильскаго народа. Колѣна живутъ, руководясь въ своихъ отношеніяхъ симпатіями; колѣно Веніаминово, по области котораго она проходитъ, тяготеетъ къ колѣну Ефремову. Она не имѣетъ такого значенія и при Саулѣ. Но ее значеніе проявляется по смерти Саула, когда израильскій народъ распался на два царства—Іевосеево и Давидово. Хотя Давидъ и былъ царемъ только надъ колѣномъ Іудинымъ и имѣлъ своею столицею Хевронъ въ центрѣ этого колѣна, но вліяніе его простиралось до нѣкоторой степени и на колѣно Веніаминово до указанной нами линіи. Выступаетъ ее значеніе и во время бунта Савея. Теперь, при раздѣленіи царства при Ровоамѣ, она получаетъ все свое значеніе. Сѣверная граница іудейскаго царства можетъ передвигаться въ разные времена нѣсколько то въ ту, то въ другую сторону, къ сѣверу или югу отъ нея, но вообще сѣверною его границею признается именно указанная нами линія, какъ видно это изъ выраженія: „отъ Гевы до Вирсавіи“ (4 Цар. 23, 8), ставшаго обычнымъ для обозначенія сѣверной и южной границъ царства. Признаніемъ этой естественной границы объясняется одинъ фактъ изъ исторіи раздѣленія царства, довольно странный на первый взглядъ. Еще Соломону Господь грозитъ тѣмъ, что Онъ отторгнетъ отъ него царство и только одно колѣно дастъ сыну его (3 Цар. 11, 13); тоже самое пророкъ Ахія говоритъ Іеровоаму (ст. 32, 36)¹⁾. Въ исторіи раздѣленія царства говорится, что за домомъ Давидовымъ не осталось никого, кромѣ колѣна Іудина (12, 20)²⁾. Между тѣмъ Ровоамъ, прибывъ въ Іерусалимъ, собираетъ войско изъ колѣнъ Іудина и Веніамина, и пророкъ Самей обращается къ обоимъ этимъ колѣнамъ (ст. 21, 23), и вообще царство іудейское состоитъ изъ этихъ двухъ колѣнъ (2 Пар. 11, 12). Обращаетъ на себя вниманіе здѣсь то, что дому Давидову

¹⁾ LXX читаютъ „два колѣна“.

²⁾ По LXX „и Веніамина“.

Раздѣленіе еврейскаго царства.

общается одно колено, а за нимъ остаются два. Объяснение этого заключается, по нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ. По убѣжденію и расположенію за Давидовымъ домомъ остается одно колено Іудино. Колено Вениаминово и своимъ происхожденіемъ и своей предшествующей исторіей связано съ Ефремовымъ коленомъ: въ періодъ судей оно стоитъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ нему; по смерти Саула оно стоитъ во главѣ всѣхъ коленъ, кромѣ Іудина. Со времени возведенія Іерусалима на степень общезраильской столицы оно начинаетъ мало по малу втягиваться въ общую жизнь съ Іудинымъ коленомъ, но и сильно противится этому почти во все время царствованія Давида. Такимъ образомъ симпатіи этого колена на сторонѣ Ефрема и, если бы можно было руководиться только ими и теперь, оно, быть можетъ, применило бы къ нему и теперь. Но теперь отдѣляла его отъ него именно указанная нами линія, а между тѣмъ столицей іудейскаго царства былъ его пограничный городъ, и оно волею—неволею, по крайней мѣрѣ въ той, большей, своей части, которая лежала къ югу отъ той линіи, примыкаетъ къ іудейскому царству, тогда какъ часть его къ северу отъ нея входитъ въ составъ израильскаго царства¹⁾. Это до нѣкоторой степени вынужденное и неполное включеніе Вениаминова колена въ составъ іудейскаго царства и можетъ быть причиною того, почему о немъ не говорится прежде раздѣленія царства, что оно останется за домомъ Давидовымъ, и почему въ самой исторіи раздѣленія говорится, что только колено Іудино (все) осталось за этимъ домомъ.

Теперь происшедшее раздѣленіе царства, закрѣпленное вскорѣ религіозною реформою, окончательное: образовавшіяся два царства не соединяются уже въ одно цѣлое до паденія того и другаго изъ нихъ. Лучшие люди того и другаго изъ нихъ оплакиваютъ это раздѣленіе и надѣются

¹⁾ Цора и Аіалонъ, города Данова колена (Нав. 19, 41, 42); лежавшіе къ югу отъ этой линіи, принадлежали также къ царству іудейскому. 2 Пар. 11, 10; 28, 18.

на прекращеніе его въ будущемъ (Ос. 2, 21; 3, 5; Ам. 9, 11). Известны случаи болѣе или менѣе значительныхъ переселеній изъ израильскаго царства въ іудейское, напр. при Ровоамѣ (2 Пар. 11, 13, 16) и Асѣ (15, 9). Цари того и другаго царства воюютъ между собою, при чемъ относительно первыхъ царей можно думать, что они имѣютъ въ виду подчинить себѣ каждый царство другаго и, быть можетъ, даже слить его съ своимъ. Такъ можно думать по крайней мѣрѣ объ Авіи, царѣ іудейскомъ (2 Пар. 13, 3—12). Но дѣйствительные успѣхи царей на войнѣ не идутъ далѣе подчиненія тѣхъ или другихъ областей того или другаго царства (2 Пар. 13, 19; 3 Цар. 15, 17). Относительно позднѣйшихъ царей, по крайней мѣрѣ, израильскихъ трудно даже сказать, имѣли ли они въ виду соединить іудейское царство съ своимъ израильскимъ. Іоасъ, царь израильскій, беретъ въ плѣнъ Амасію, царя іудейскаго, завоевывающаго Іерусалимъ, — остается, повидимому, лишь присоединить іудейское царство къ израильскому; вмѣсто этого онъ разрушаетъ часть стѣны іерусалимской, беретъ добычу и заложниковъ и оставляетъ Амасію царствовать (4 Цар. 14, 8—14, 19; 2 Пар. 25, 17—24). Факей предпринимаетъ походъ противъ іудейскаго царства не съ тѣмъ, чтобы соединить его съ своимъ царствомъ, а чтобы низвергнуть съ іудейскаго престола домъ Давидовъ и возвести на него нѣкоего сына Тавейлова (4 Цар. 16, 5; Ис. 7, 6), быть можетъ одного изъ потомковъ царскаго дома въ Сиріи, происходившаго отъ Тавримона (3 Цар. 15, 18). Послѣ разрушенія израильскаго царства нѣкоторые іудейскіе цари стараются объединить оставшихся въ Палестинѣ израильтянъ съ іудеями въ религіозномъ отношеніи; но ихъ приглашенія принять участіе въ религіозныхъ празднествахъ въ Іерусалимѣ не у всѣхъ израильтянъ встрѣчаютъ радужный пріемъ (2 Пар. 30, 10, 11; 34, 9, 33). Въ плѣну вавилонскомъ іудеи встрѣчаются съ израильтянами и нѣкоторые изъ послѣднихъ возвращаются вмѣстѣ съ первыми въ Палестину и состав-

ляютъ такимъ образомъ, во исполненіе пророчествъ, одинъ народъ іудейскій (1 Езд. 2, 27—29). Но и прежнія раздѣленіе и вражда между іудеями и израильтянами проявляются и существуютъ и теперь въ раздѣленіи и враждѣ между іудеями и самарянами.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Страница.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
3	9 снизу	храмѣ	храмѣ;
15	13 сверху	гористая	горныя
18	9 —	Ущельямъ	ущельямъ
19	14 —	спадающей	спадающей
—	2 снизу	Гористая	Горная
22	8 сверху	гористую	горную
—	17 —	гористая	горная
—	22—23 сверху	гористой	горной
23	9 снизу	гористою	горною
25	5 снизу, въ примѣч.	городами	городами.
26	1. 4 сверху	гористой	горной
27	6 снизу, въ примѣч.	Description	Description
28	7 снизу, въ примѣч.	представляетъ	представляетъ
31	6 сверху	длиною	долиною
—	9 снизу, въ примѣч.	Geschichte	Geschichte
—	4 снизу, въ примѣч.	западу	западу
34	7 сверху	посты	отряды
36	5 —	отряды,	отряды
44	10 снизу	Рамы,	Рамы
49	1 сверху	Аштероо Карнаимъ	Аштероо-Карнаимъ
57	9 —	Иордана	Иордана,
59	2 снизу, въ примѣч.	das.	das
61	9 снизу, въ примѣч.	Бруга	Бруга
63	8 —	имѣеть	имѣють
93	11 сверху	25)	25),
—	3 снизу	9,)	9),
99	5 —	Итакъ	И такъ
100	10 снизу, въ примѣч.	Христа“	Христа“,
102	4 сверху	и 1	и въ 1
—	6 —	13.	13
132	16 —	египеткой	египетской
147	13 снизу, въ примѣч.	взглядъ	взглядъ,